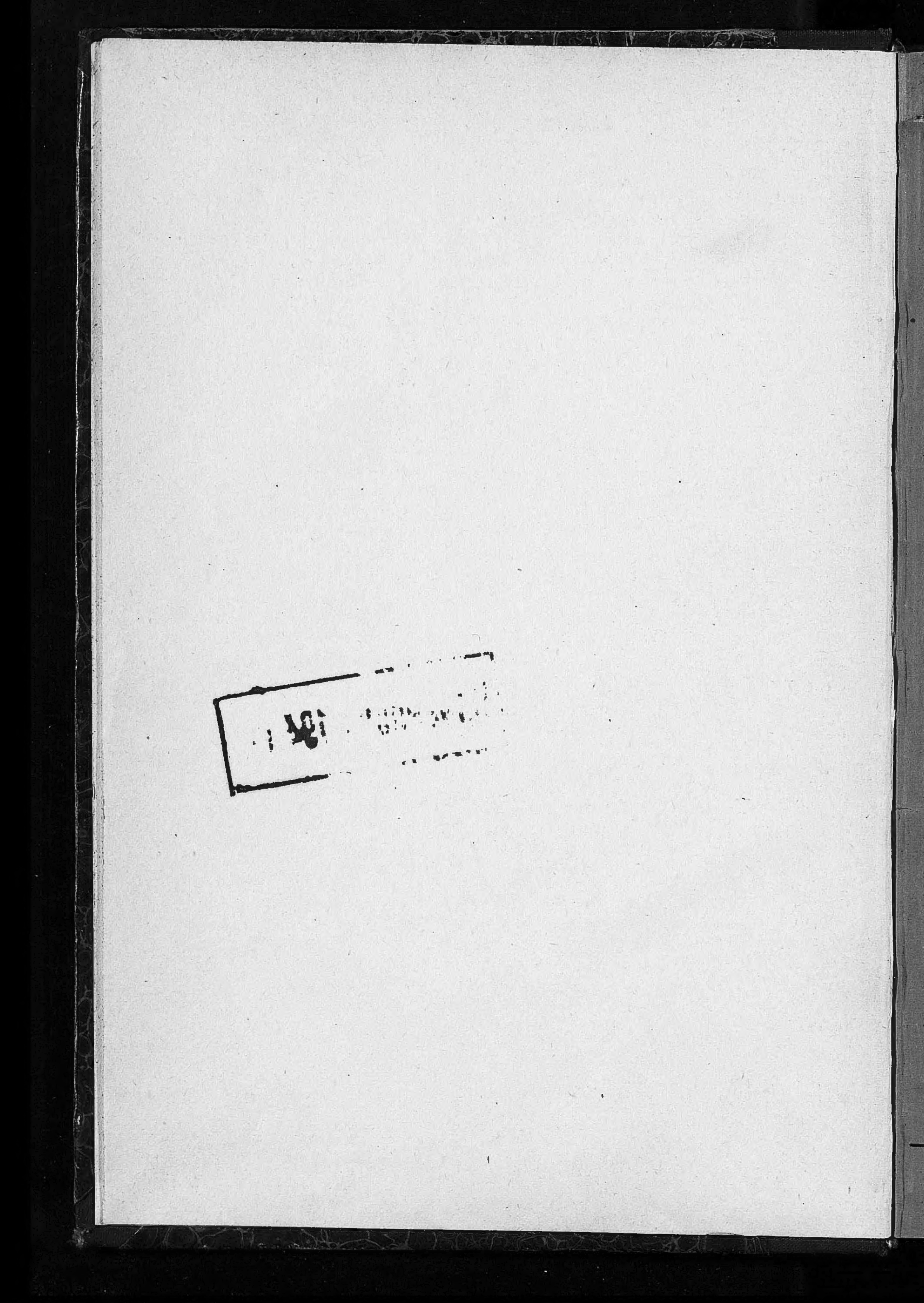

ЖУРНАЛЪ
ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1898

КНИГА СЕДЬМАЯ

СЕНТЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1898

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взымается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера выслать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р.—при переходѣ же городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 50 к. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса, высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею последнею и редакція удовлетворитъ только по полученія отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіи листовъ кассаціонныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1898

КНИГА СЕДЬМАЯ

СЕНТЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1898

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

Замѣтки и извѣстія.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

съ 26-го мая по 24-е іюля 1898 г.

статьи 813—1101.

Высочайшія повелѣнія и распоряженія правительства.

26 мая № 59.

813. *Объ отчужденіи земель подъ устройство желѣзно-дорожной линіи отъ села Инжавина, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, до станціи Краснослободскъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги.*

814. *Объ отчужденіи земель подъ устройство Московско-Савеловской вѣтви, Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги.*

815. *Объ утвержденіи временныхъ правилъ относительно правъ и обязанностей Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.*

По выслушаніи внесенной по Высочайшему повелѣнію, въ Комитетъ Министровъ всеподданнѣйшей записки Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ отъ 17 марта за № 51 о дополнительныхъ временныхъ правилахъ къ закону 3 марта 1897 г. относительно правъ и обязанностей Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, Комитетъ Министровъ полагалъ: предоставить Главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ нижеслѣдующія временныя полномочія:

1) издавать по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Главноначальствующаго

инструкціи мѣстнымъ по крестьянскимъ и по поселянскимъ дѣламъ учрежденіямъ;

2) назначать пенсіи по закону чиновникамъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и ихъ семействамъ, а равно единовременныя пособія послѣднимъ, на основаніи положенія объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ;

3) увольнять всѣхъ чиновниковъ, назначаемыхъ на должность въ Кавказскомъ краѣ властью Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ отпускъ внутри Имперіи и за границу съ содержаніемъ до двухъ мѣсяцевъ и безъ содержанія до четырехъ мѣсяцевъ;

4) разрѣшать пререканія между губернскими правленіями разныхъ губерній Кавказскаго края о подвѣдомственности, а равно представленія Губернаторовъ объ уничтоженіи архивныхъ дѣлъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 601 и 602 Общ. Учр. Губ. (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г.), и установлять въ городскихъ поселеніяхъ Кавказскаго края обязательныя для хозяевъ домовъ объявленія полиціи о прибывшихъ въ домъ и выбывшихъ изъ него;

5) утверждать единогласныя постановленія дворянскихъ собраній Тифлисской и Кутаисской губерній о денежныхъ складкахъ, съ доведеніемъ о таковыхъ постановленіяхъ до свѣдѣнія Комитета Министровъ однажды по прошествіи года черезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а равно утверждать постановленія объ измѣненіи сроковъ дворянскихъ выборовъ;

6) по отношенію къ городскому самоуправленію въ городахъ и городскихъ поселеніяхъ Кавказскаго края всѣ тѣ права, которыя на основаніи городоваго положенія (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г.), предоставлены Министру Внутреннихъ Дѣлъ и осуществляются имъ безъ соглашенія съ другими Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями и безъ внесенія дѣлъ на уваженіе высшихъ государственныхъ установленій, съ тѣмъ, чтобы дѣла, нынѣ разсматриваемыя предварительно въ Совѣтѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, разсматривались въ Совѣтѣ Главноначальствующаго;

7) налагать на частныя повременныя изданія, выходящія въ Кавказскомъ краѣ на русскомъ языкѣ, взысканія, указанныя въ ст. 154 Уст. Цензурн., по предварительномъ обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ Главноначальствующаго; разрѣшать измѣненіе подписной платы всѣхъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Кавказскомъ краѣ и закрывать всякаго рода публичныя библіотеки и читальни, и

8) опредѣлять пункты, въ которыхъ должны имѣть постоян-

ное пребываніе сельскіе врачи и состоять пріемные покои съ аптеками; утверждать инструкціи, опредѣляющія подробности устройства сельсковрачебной части въ Кавказскомъ краѣ, а также порядокъ исполненія всѣми служащими по оной лицами возложенныхъ на нихъ обязанностей, и установлять по уѣздамъ губерній Кавказскаго края число младшихъ медицинскихъ фельдшеровъ.

Государь Императоръ, въ 28 день апрѣля 1898 года, на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ.

816. *О разрѣшеніи „Обществу Дебальцевскаго механическаго завода" выпустить облигаціи и объ измѣненіи устава сего Общества.*

817. *Объ утвержденіи временнаго штата училища Св. Елены въ С.-Петербургѣ.*

818. *Объ утвержденіи устава Одесскаго коммерческаго училища.*

819. *Объ исключеніи § 15 изъ устава Русскаго Общества химическихъ продуктовъ.*

820. *Объ измѣненіи устава Бессарабско-Таврическаго Земельнаго Банка.*

821. *Объ увеличеніи основнаго капитала Русско-Бельгійскаго Общества для производства стекла, бывшая фирма Ѳ. А. Беклемишева.*

822. *Объ измѣненіи устава Одесскаго Городскаго Кредитнаго Общества.*

823. *Объ утвержденіи устава и штата Зачернянской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда Витебской губерніи и уѣзда, въ имѣніи „Зачерньѣ" Алексѣя Андреевича Кусакова.*

824. *Объ учрежденіи въ с. Новой-Гольчихѣ, Тезинской волости, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

825. *Объ обращеніи въ станціи нѣкоторыхъ остановочныхъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ.*

826. *Объ измѣненіи параграфа 10 правилъ о нагрузкѣ и выгрузкѣ перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ.*

29 мая № 60.

827. *О пособіи казнѣ отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Закавказья на содержаніе полиціи.*

828. *Объ измѣненіи формъ паспортныхъ документовъ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Помѣщенныя въ приложеніяхъ къ статьямъ 33 и 41 поло-

женія о видахъ на жительство формы паспортныхъ книжекъ замѣнить, по принадлежности, формами, при семъ прилагаемыми.

II. Статьи 59 и 61 положенія о видахъ на жительство изложить слѣдующимъ образомъ:

Статья 59. Паспорты выдаются на срокъ не болѣе одного года по формѣ, при семъ приложенной.

Статья 61. Паспорты, срокъ коихъ истекъ, отсрочиваются полиціею, по желанію владѣльцевъ, въ мѣстахъ временнаго ихъ пребыванія, на три мѣсяца.

III. Установленіе текста извлеченія изъ узаконеній, подлежащихъ помѣщенію въ паспортныя книжки, предоставить Министру Финансовъ.

IV. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

1) Сельскимъ обывателямъ Закавказья и Закаспійской области, взамѣнъ трехмѣсячныхъ билетовъ и плакатныхъ паспортовъ, выдаются паспорты на срокъ не болѣе одного года, не болѣе двухъ лѣтъ и не болѣе трехъ лѣтъ.

2) Бланки сихъ паспортовъ (ст. 1) изготовляются по общей, приложенной къ статьѣ 59 положенія о видахъ на жительство, формѣ (отд. II наст. узак.), съ замѣною лишь для двухъ и трехгодовыхъ паспортовъ словъ „не болѣе одного года" словами: „не болѣе двухъ лѣтъ" и „не болѣе трехъ лѣтъ", по принадлежности.

3) Относительно отсрочекъ сихъ паспортовъ (ст. 1) соблюдаются правила статьи 61 положенія о видахъ на жительство (отд. II наст. узак.).

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 20 апрѣля 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

829. *О предоставленіи льготъ въ платежѣ государственнаго квартирнаго налога офицерамъ пограничной стражи и нижнимъ чинамъ кондукторскихъ званій морскаго вѣдомства.*

830. *Объ обращеніи штрафныхъ денегъ, взыскиваемыхъ съ вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей и рабочихъ, въ спеціальныя средства Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Взыскиваемыя съ вольнонаемныхъ служащихъ по казенной про-

дажѣ питей въ казенныхъ заводахъ и складахъ, а также съ рабочихъ въ сихъ заводахъ и складахъ, штрафныя за упущенія по службѣ деньги, за исключеніемъ суммъ, подлежащихъ обращенію въ казну въ возмѣщеніе причиненныхъ ей упомянутыми упущеніями убытковъ, обращаются въ особый капиталъ, причисляемый къ спеціальнымъ средствамъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Денежныя выдачи изъ сего капитала на удовлетвореніе нуждъ названныхъ служащихъ и рабочихъ производятся на основаніи правилъ, издаваемыхъ Министромъ Финансовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 27 апрѣля 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

831. *Объ измѣненіи и дополненіи устава эмеритальной кассы вѣдомства Министерства Юстиціи.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Нижеуказанныя статьи устава эмеритальной кассы вѣдомства Министерства Юстиціи, равно какъ отдѣльные пункты сихъ статей, изложить слѣдующимъ образомъ:

Ст. 5. Участниками эмеритальной кассы вѣдомства Министерства Юстиціи считаются:

5) Штатные чины центральнаго управленія Министерства Юстиціи и Московскаго архива сего Министерства, а также тѣ изъ должностныхъ лицъ, въ штатахъ сихъ учрежденій не поименованныхъ, которыя, получая содержаніе по смѣтѣ Министерства Юстиціи, входятъ въ составъ означенныхъ установленій, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, или привлечены къ занятіямъ въ образованныхъ при Министерствѣ коммисіяхъ.

Ст. 7. Лица, состоящія на службѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи въ должностяхъ, не упомянутыхъ въ статьяхъ 5 и 6, къ участникамъ кассы не принадлежатъ и взносовъ въ эмеритальный капиталъ не уплачиваютъ, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ:

2) Лица, отчисленные за штатъ по случаю упраздненія одной изъ должностей, указанныхъ въ ст. 5, обязаны, при новомъ назначеніи на одну изъ такихъ же должностей или зачисленіи кандидатомъ на должности по судебному вѣдомству, уплатить по прежней должности установленный статьею 9 вычетъ въ эмеритальный капиталъ, за все время состоянія за штатомъ.

Уплата причитающейся на семъ основаніи (п. п. 1 и 2) суммы

можетъ быть, по опредѣленію комитета эмеритальной кассы, разсрочена на время не свыше пяти лѣтъ, безъ процентовъ.

Ст. 11. Свободныя наличныя деньги, поступившія въ эмеритальную кассу, обращаются на пріобрѣтеніе государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ, закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ, а также облигацій С.-Петербургскаго и Московскаго городскихъ кредитныхъ обществъ и займовъ г. С.-Петербурга и Москвы.

Ст. 15. Правильно поступившія въ кассу деньги и имущества не возвращаются; поступившія же неправильно возвращаются въ теченіе двухлѣтняго срока, но безъ процентовъ.

Ст. 17. Правомъ на полученіе пенсіи или пособія изъ эмеритальной кассы вѣдомства Министерства Юстиціи, на точномъ основаніи постановленій сего устава, пользуются или сами участники кассы, или ихъ семейства. Но никому, на основаніи сего устава, не можетъ быть назначено двухъ эмеритальныхъ пенсій либо пособій, а производится всегда одна, высшая по размѣру, пенсія или одно, также высшее по размѣру, пособіе.

Ст. 18. Подъ словомъ „семейство“ разумѣются: 1) жена участника, съ которою онъ вступилъ въ бракъ до выхода изъ числа членовъ кассы, и дѣти, прижитыя отъ этого брака; 2) дѣти узаконенныя въ послѣдствіе брака участника или сопричтенныя къ его законнымъ дѣтямъ по особымъ Высочайшимъ указамъ (зак. гражд., ст. 144), если бракъ заключенъ или указъ послѣдовалъ до выхода участника изъ состава кассы; 3) дѣти, усыновленныя участникомъ до выхода его изъ кассы, и 4) отецъ или вдовая мать участника въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 34.

Примѣчаніе. Члены семействъ участниковъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, постригшихся въ монашество и безвѣстно-отсутствующихъ, пользуются правомъ на эмеритальную пенсію наравнѣ съ членами семействъ умершихъ.

Ст. 20. Въ выслугу на эмеритальную пенсію зачисляется:

5) Время службы въ званіи канцелярскаго чиновника или служителя въ судебныхъ установленіяхъ.

Ст. 23. Эмеритальныя пенсіи раздѣляются: 1) на *степени* сообразно размѣру содержанія участника; 2) на *классы* по продолжительности его выслуги, и 3) на *разряды* по числу лѣтъ участія въ кассѣ.

Ст. 25. Степень эмеритальной пенсіи опредѣляется по размѣру

содержанія, изъ коего производился вычетъ съ участника въ послѣдніе три года участія его въ кассѣ, или по наименьшему размѣру сего содержанія, если оно въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ измѣнялось. Но, во всякомъ случаѣ, эмеритальная пенсія не можетъ быть менѣе той, на которую участникъ имѣлъ бы право, оставивъ службу ранѣе.

Ст. 28. Семейства умершихъ пансіонера, или участника кассы, или же лица, вышедшаго изъ состава кассы съ правомъ на пенсію (ст. 26 и 27), пользуются пенсіею того же класса, какъ и самъ умершій. Но если участвовавшій въ кассѣ не менѣе десяти лѣтъ умеръ въ бытность участникомъ кассы или же не позже какъ черезъ три мѣсяца послѣ увольненія отъ службы по разстроенному здоровью, то, хотя бы онъ пользовался правомъ на пенсію втораго класса или вовсе не пріобрѣлъ права на пенсію, семейство его пользуется пенсіею перваго класса по особому росписанію.

Примѣчаніе. Правило, изложенное во второй части сей (28) статьи, установлено временно до 1 января 1903 года; но пенсіи, назначенныя на семъ основаніи, производятся и послѣ этого срока до прекращенія ихъ по общимъ правиламъ устава.

Ст. 31. Участникъ, пріобрѣвшій право на пенсію, можетъ пользоваться ею: 1) во время нахожденія въ отставкѣ, и 2) во время состоянія на службѣ безъ содержанія.

Ст. 34. Когда послѣ участника кассы не останется ни вдовы, ни дѣтей или прекратится производство пенсіи, коею вдова или дѣти пользовались, право на полученіе эмеритальной пенсіи переходитъ къ отцу его, если онъ страдаетъ одною изъ болѣзней, поименованныхъ въ статьѣ 27, или имѣетъ восемьдесять лѣтъ отъ роду, а при ненахожденіи отца въ живыхъ—ко вдовой матери участника. При опредѣленіи размѣра пенсіи родителямъ участника, соблюдаются слѣдующія правила: 1) отцу назначается половина оклада, если онъ не пользуется пенсіею, на основаніи общихъ законовъ, особыхъ уставовъ или Высочайшихъ повелѣній; 2) отцу, пользующемуся пенсіею изъ какихъ бы то ни было источниковъ, эмеритальная пенсія назначается съ такимъ разсчетомъ, чтобы сумма всѣхъ окладовъ не превышала указаннаго въ пунктѣ 1 размѣра, и 3) матери назначается половина оклада.

Ст. 37. Дѣти участника кассы при жизни ихъ матери, хотя бы она и утратила, за выходомъ въ замужество, право на пенсію, получаютъ пенсію на слѣдующемъ основаніи: одна сирота—одну

шестую, двѣ сироты—двѣ шестыхъ, три и болѣе—три шестыхъ оклада пенсіи, которыя и распредѣляются между ними поровну.

Ст. 40 Пенсіи вдовамъ и дѣтямъ участниковъ эмеритальной кассы производятся: 1) вдовамъ—до замужества; 2) сыновьямъ—до достиженія двадцати одного года или до поступленія на государственную службу, соединенную съ полученіемъ содержанія, если это состоится ранѣе упомянутаго возраста; 3) дочерямъ—до двадцатиоднолѣтняго возраста или до выхода въ замужество, если оно состоится ранѣе достиженія ими гражданскаго совершеннолѣтія, и 4) дѣтямъ тяжко увѣчнымъ, страдающимъ полнымъ параличемъ, потерею зрѣнія или разсудка или же одержимымъ глухонѣмотою, лишающими ихъ всякой возможности существовать собственнымъ трудомъ,—пожизненно или на два года (44 п. 6 и ст. 83). Правомъ этимъ пользуются упомянутыя выше тяжко больныя дѣти участниковъ кассы, хотя бы они во время открытія правъ ихъ на пенсію вышли уже изъ пенсіоннаго возраста или подверглись поименованнымъ болѣзнямъ или увѣчьямъ уже послѣ открытія правъ ихъ на пенсію, но ранѣе достиженія двадцатиоднолѣтняго возраста.

Ст. 41. Дѣти участниковъ кассы, состоящія въ учебныхъ заведеніяхъ на полномъ содержаніи казны, сословій, обществъ, учрежденій или постороннихъ воспитанникамъ лицъ, не лишаются права на эмеритальную пенсію. Причитающаяся такимъ дѣтямъ пенсія назначается на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ статей 42 и 43, но выдается по выходѣ воспитанниковъ изъ учебнаго заведенія съ процентами, исчисляемыми на томъ же основаніи, какъ по вкладамъ въ сберегательныя кассы государственнаго банка.

Ст. 44. Производство эмеритальной пенсіи самому участнику кассы или членамъ его семейства прекращается: 1) смертью пенсіонера или пенсіонерки; 2) постриженіемъ въ монашество; 3) лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; 4) безвѣстнымъ отсутствіемъ; 5) излеченіемъ отъ отъ болѣзни, по случаю которой назначена пенсія, и 6) непредставленіемъ въ установленный срокъ акта освидѣтельствованія болѣзненнаго состоянія, согласно требованію статьи 83.

Ст. 45. Независимо отъ случаевъ, поименованныхъ въ статьѣ 44, производство пенсіи прекращается: 1) для участника кассы, его отца и сыновей—поступленіемъ на государственную службу, соединенную съ полученіемъ содержанія; 2) для вдовъ и дочерей—выходомъ въ замужество, 3) для сыновей и дочерей, кромѣ тѣхъ

которые получають пенсію на основаніи пункта 4 статьи 40,— достиженіемъ двадцатиоднолѣтняго возраста.

Ст. 48. Эмеритальныя пенсіи, производство коихъ прекращено на основаніи пунктовъ 3, 4 и 6 статьи 44 и пункта 1 статьи 45, могутъ быть возобновлены: 1) когда пенсіонеръ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, будетъ по новому судебному приговору признанъ невиновнымъ, или приговоренъ къ наказанію, не соединенному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или когда ему будутъ возвращены права состоянія по Монаршему милосердію; 2) когда признанчый безвѣстно-отсутствующимъ явится изъ безвѣстнаго отсутствія; 3) когда будетъ представленъ требуемый статьею 83 актъ освидѣтельствованія болѣзненнаго состоянія пенсіонера, и 4) когда пенсіонеръ, поступившій на государственную службу, соединенную съ производствомъ содержанія, выйдетъ вновь въ отставку или же перейдетъ на должность по означенной службѣ безъ содержанія.

Ст. 52. Правомъ на единовременное пособіе пользуются: 1) участники, оставляющіе службу ранѣе десяти лѣтъ участія въ кассѣ по болѣзни или увѣчью, поименованнымъ въ статьѣ 27; 2) семейства участниковъ, пріобрѣвшихъ на указанномъ въ пунктѣ 1 основаніи право на пособіе, но не успѣвшихъ имъ воспользоваться при жизни, и 3) семейства умершихъ въ бытность участниками кассы, не имѣющія права на эмеритальную пенсію.

Примѣчаніе. Правило, изложенное въ пунктѣ 3 сей (52) статьи установлено временно до 1 января 1903 года.

Ст. 53. Единовременныя пособія назначаются участникамъ кассы, уплачивавшимъ взносы не менѣе пяти лѣтъ, въ размѣрѣ полнаго эмеритальнаго оклада, исчисленнаго согласно статьямъ 23 и 25. Участникамъ, производившимъ взносы менѣе пяти лѣтъ, выдается въ пособіе половина того же оклада.

Ст. 54. Единовременное пособіе выдается семейству участника въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно слѣдовало бы самому участнику.

Ст. 55. Вдовы и дѣти участниковъ кассы могутъ воспользоваться единовременнымъ пособіемъ лишь въ томъ случаѣ, если во время пріобрѣтенія права на оное для нихъ не наступило ни одного изъ условій, указанныхъ въ статьяхъ 44 и 45.

Ст. 56. Единовременныя пособія назначаются на все семейство нераздѣльно. Въ случаѣ ходатайства о раздѣленіи пособія, половина его назначается вдовѣ, а другая дѣтямъ. Между дѣтьми пособіе дѣлится поровну.

Ст. 58. Лица, не ходатайствовавшія о назначеніи имъ пособія въ теченіе двухъ лѣтъ со времени открытія права на оное, лишаются права на таковое пособіе.

Ст. 77. Ходатайство о назначеніи эмеритальныхъ выдачъ какъ самимъ участникамъ кассы, такъ и ихъ семействамъ, предоставляется собственному попеченію сихъ лицъ либо семействъ или же опекъ, опекуновъ и попечителей, по принадлежности. Ходатайства о назначеніи пенсій и пособій лицамъ, страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, или сиротамъ могутъ исходить какъ отъ ихъ семействъ, такъ и отъ мѣстъ и лицъ, у коихъ они находятся на попеченіи, а также отъ начальства участника.

Ст. 79. Обстоятельства, имѣющія вліяніе на опредѣленіе пенсіи или пособія, удостовѣряются: 1) время службы по вѣдомству Министерства Юстиціи—копіею послужнаго списка, который долженъ быть доведенъ до дня выбытія изъ службы по означенному вѣдомству, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа подлежащаго приказа объ увольненіи отъ службы или объ исключеніи изъ списковъ за смертью либо по инымъ причинамъ; 2) нахожденіе въ отставкѣ—указомъ объ отставкѣ (аттестатомъ); 3) смерть, рожденіе и бракъ—метрическими свидѣтельствами; 4) узаконеніе дѣтей—свидѣтельствомъ о рожденіи, или копіею вступившаго въ законную силу опредѣленія суда (уст. гражд. суд., ст. 1460^7 и прим.), или копіею опредѣленія Правительствующаго Сената, послѣдовавшаго въ исполненіе Высочайшаго указа; 5) усыновленіе—копіею вступившаго въ законную силу опредѣленія суда (уст. гражд. суд., ст. 1460^9), а для мѣщанъ и крестьянъ—также выпискою изъ посемейнаго списка (зак. гражд., ст. 155 и 157, по прод. 1895 г.) или копіею опредѣленія Правительствующаго Сената, послѣдовавшаго въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія; 6) лишеніе всѣхъ правъ состоянія—копіею судебнаго приговора съ надписью о вступленіи его въ законную силу; 7) безвѣстное отсутствіе—удостовѣреніемъ подлежащаго суда о назначеніи опеки по случаю безвѣстнаго отсутствія (уст. гражд. суд., ст. 1453), 8) постриженіе въ монашество—удостовѣреніемъ о семъ мѣстнаго епархіальнаго начальства; 9) разстройство умственныхъ способностей—копіею съ послѣдовавшаго, въ установленномъ порядкѣ (зак. гражд., ст. 374), опредѣленія о признаніи лица безумнымъ или сумасшедшимъ; 10) болѣзненное состояніе—копіею акта освидѣтельствованія, произведеннаго окружнымъ судомъ или судебною палатою на основаніи статьи 82,

а для лицъ, не могущихъ представить сихъ документовъ по причинѣ жительства въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ общихъ судебныхъ установленій,—актомъ, составленнымъ согласно статьѣ 160 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

Примѣчаніе. Засвидѣтельствованныя копіи документовъ, удостовѣряющихъ изложенныя въ сей (79) статьѣ обстоятельства, имѣютъ одинаковую съ подлинниками силу только въ случаяхъ, въ сей (79) статьѣ указанныхъ.

II. Срокомъ введенія въ дѣйствіе издаваемаго узаконенія назначить 1 января 1898 года, съ тѣмъ: 1) чтобы лицамъ, пріобрѣтающимъ въ виду измѣненія статьи 34 устава (отд. I настоящаго узаконенія) право на увеличеніе размѣра производящихся имъ эмеритальныхъ пенсій, добавочныя пенсіи назначались безъ особаго ходатайства пенсіонеровъ; 2) чтобы лицамъ, которыя пріобрѣтаютъ по новымъ правиламъ право на пенсію, слѣдующія имъ выдачи были назначены съ 1 января 1898 года, если ходатайства о семъ будутъ заявлены въ теченіе одного года со дня напечатанія настоящаго узаконенія въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, а въ противномъ случаѣ—со дня подачи о томъ просьбы, и 3) чтобы участникамъ кассы, оставившимъ службу до 1 января 1898 года, или семействамъ умершихъ до того же срока пособія назначались на прежнемъ основаніи.

III. Въ пособіе эмеритальной кассѣ вѣдомства Министерства Юстиціи отпускать, въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1 января 1898 года, изъ государственнаго казначейства, по *сорока тысячъ* рублей въ годъ, съ тѣмъ: 1) чтобы изъ этой суммы покрывались издержки кассы на пенсіи семействамъ тѣхъ изъ означенныхъ во второй части статьи 28 устава кассы (отд. I настоящаго узаконенія) лицъ, которыя имѣли выслуги отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, а также на единовременныя пособія семействамъ, упомянутымъ въ пунктѣ 3 статьи 52 сего устава (отд. I настоящаго узаконенія); 2) чтобы расходы на указанныя пенсіи и пособія за текущій 1898 годъ были отнесены на средства кассы, а за тѣмъ возмѣщены ей изъ кредита, имѣющаго быть ассигнованнымъ по расходной смѣтѣ Министерства Юстиціи на 1899 годъ, въ размѣрѣ восьмидесяти тысячъ рублей, и 3) чтобы, въ случаѣ возмѣщенія кассѣ убытка, причиненнаго ей обложеніемъ доходовъ съ капиталовъ 5% сборомъ, изъ назначеннаго на семъ основаніи пособія была вычтена вся сумма остатковъ, которые, въ теченіе предстоящихъ пяти лѣтъ,

съ 1898 года по 1903 годъ, могутъ образоваться въ кассѣ отъ превышенія отпускаемыми ей ежегодно 40.000 рублями дѣйствительныхъ расходовъ ея по производству означенныхъ выше пенсій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государстеннаго Совѣта, 18 мая 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

832. *Объ утержденіи измѣненій и дополненій устава Московскаго Товарищества Невскаго механическаго завода.*

833. *Объ утвержденіи устава Товарищества Дубовязовскаго свеклосахарнаго завода.*

834. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Анонимное Общество Успенскихъ (Уральскихъ) золотыхъ пріисковъ“.*

835. *Объ измѣненіи устава акціонернаго Общества портландскаго цементнаго завода „Рудники“.*

836. *Объ измѣненіи устава С.-Петербургскаго Столичнаго Ломбарда.*

30 мая № 61.

837. *Объ измѣненіи ст. 103 Общаго Устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Статью 103 общаго устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ (св. зак. т. XII ч. I, изд. 1886 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

„Грузохозяинъ имѣетъ право считать грузъ утраченнымъ, если станція назначенія не выдастъ по востребованію грузъ, не принадлежащій къ числу скоропортящихся,—въ продолженіи тридцати дней, а грузъ, подверженный скорой порчѣ—въ продолженіи срока, установленнаго на оснаваніи ст. 84 сего устава, считая эти сроки со срока доставки груза (ст. 53). Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ желѣзная дорога обязана, по требованію грузохозяина, немедленно уплатить причитающееся ему за утрату груза вознагражденіе. Если получатель принялъ грузъ, не потребовавъ повѣрки наличности или сохранности онаго, то съ пріемомъ груза погашаются всякія претензіи къ желѣзной дорогѣ за утрату или порчу его, за исключеніемъ претензій по такимъ утратамъ или поврежденіямъ, которыя были удостовѣрены надлежащими протоколами (ст. 88)“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ

Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 9 марта 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

838. *О расходѣ по снабженію товарнаго подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ автоматическими тормазами.*

839. *Объ учрежденіи въ г. Саратовѣ соединеннаго механико и химико-техническаго училища.*

840. *О введеніи въ составъ правленія Амурскаго Общества пароходства и торговли члена отъ Правительства.*

841. *О разрѣшеніи Россійскому страховому отъ огня Обществу, учрежденному въ 1827 году, производить страхованіе транспортовъ и отъ несчастныхъ случаевъ и объ измѣненіи устава онаго.*

842. *Объ утвержденіи устава Товарищества Ижорской писчебумажной фабрики К. и Х. Небе.*

843. *Объ утвержденіи устава Одесскаго Общества мукомольнаго производства.*

844. *Объ утвержденіи правилъ о продажѣ на коммисіонныхъ началахъ въ раіонѣ дѣйствія Положенія о казенной продажѣ питей водочныхъ издѣлій, русскаго коньяка и очищеннаго вина частной выдѣлки.*

845. *О продленіи срока для образованія акціонернаго капитала Общества посыльныхъ скороходовъ въ С.-Петербургѣ.*

846. *Объ утвержденіи штата полицейской команды въ г. Зайсанѣ, Семипалатинской области.*

2 іюня № 62.

847. *О земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ на 1898 годъ въ Степныхъ областяхъ.*

848. *Объ утвержденіи измѣненій и дополненій устава Общества Московскаго винокуренно-дрожжеваго завода Б. А. Гивартовскаго.*

849. *Объ утвержденіи устава Общества городскихъ и подъѣздныхъ путей въ Россіи.*

850. *Объ утвержденіи положеній о „Пензенскомъ Художественномъ Училищѣ Николая Дмитріевича Селиверстова“ и о „Казанской Художественной Школѣ“.*

851. *Объ измѣненіи устава Бессарабско-Таврическаго Земельнаго Банка.*

852. *Объ измѣненіи устава Донскаго Земельнаго Банка.*

853. *Объ установленіи въ г. Баускѣ, Курляндской губерніи,*

обязательнаго для хозяевъ домовъ и завѣдывающихъ оными объявленія полиціи о лицахъ, прибывшихъ въ дома и выбывшихъ изъ нихъ.

4 Іюня № 63.

854. *О разрѣшеніи акціонерному Обществу шерстяной мануфактуры Штиллеръ и Бѣльшовскій въ гор. Лодзи выпустить облигаціи и объ измѣненіи устава сего Общества.*

855. *Объ утвержденіи измѣненій и дополненій устава Товарищества крахмальнаго производства Я. Вильмсъ и К°.*

856. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Электролитъ“.*

857. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Бельгійское анонимное Общество франко-русскихъ болторѣзательныхъ заводовъ“.*

858. *Объ утвержденіи устава Русскаго электрическаго Общества „Уніонъ“.*

859. *О продленіи срака для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Туркестанскаго горнопромышленнаго Общества.*

860. *Объ увеличеніи основнаго капитала „Товарищества Бутурлиновской вальцовой паровой мельницы“.*

5 Іюня № 64.

861. *Объ утвержденіи устава Московскаго городскаго сиротскаго пріюта имени братьевъ Петра, Александра и Василія Бахрушиныхъ*

862. *Объ утвержденіи устава Товарищества Курско-Харьковскихъ свеклосахарныхъ заводовъ.*

863. *Объ утвержденіи устава Общества горныхъ, чугунолитейныхъ, эмалировочныхъ и механическихъ заводовъ и угольныхъ копей „Поремба“.*

864. *О техническихъ должностяхъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, при занятіи которыхъ, окончившимъ курсъ въ Практическихъ Технологическихъ Институтахъ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ и Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ, должны быть предоставлены права по чинопроизводству.*

6 іюня № 65.

865. *О размѣрѣ предстоящаго въ 1898 году призыва людей на дѣйствительную военную службу.*

866. *Объ измѣненіи условій привоза изъ за границы нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, землеудобрительныхъ веществъ и потребныхъ для сельскаго хозяйства химическихъ продуктовъ и препаратовъ.*

9 іюня № 66.

867. *О разрѣшеніи Голубовскому Берестово-Богодуховскому горнопромышленному Товариществу выпустить облигаціи и объ измѣненіи устава сего Товарищества.*

868. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества листопрокатнаго завода „Влохи“.*

869. *Объ измѣненіи устава окціонернаго Общества Вилляновской узкоколейной желѣзной дороги.*

870. *Объ утвержденіи устава Терскаго горнопромышленнаго акціонернаго Общества.*

871. *Объ изданіи новыхъ устава и штата странопріимнаго дома купца Дапальдо въ г. Таганрогѣ.*

872. *Объ увеличеніи капитала двухъ стипендій имени потомственной почетной гражданки Куманиной въ Московскомъ Николаевскомъ дѣтскомъ пріютѣ.*

873. *Объ учрежденіи стипендіи въ Астраханскомъ Николаевскомъ дѣтскомъ пріютѣ, Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и объ утвержденіи положенія о сей стипендіи.*

874. *Объ учрежденіи двухъ стипендій въ Одесскомъ дѣтскомъ пріютѣ Имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и объ утвержденіи положеній о сихъ стипендіяхъ.*

875. *Объ утвержденіи общихъ условій С.-Петербургской Компаніи „Надежда“ по страхованію цѣнностей, перевозимыхъ по почтѣ.*

11 іюня № 67.

876. *О продленіи дѣйствія закона 20 ноября 1895 года о нѣкоторыхъ мѣрахъ относительно сахарной промышленности.*

877. *Объ исключеніи мѣстечка Кунева, Волынской губерніи, изъ*

росписанія городовъ и поселеній, въ коихъ взимается государственный квартирный налогъ.

878. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества Циглеровскихъ свеклосахарнаго и механическихъ заводовъ.*

879. *Объ утвержденіи устава Товарищества Курляндской льнопрядильной мануфактуры въ Митавѣ.*

12 іюня № 68.

880. *Объ отчужденіи земли подъ постройку зданій поста „Соколовице“, Новобржеской бригады Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.*

881. *Объ отчужденіи изъ частнаго владѣнія четырехъ земельныхъ участковъ, для расширенія канализаціонныхъ сооруженій въ гор. Варшавѣ.*

882. *О порядкѣ усыновленія питомцевъ С.-Петербургскаго и Московскаго воспитательныхъ домовъ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, постановить слѣдующія правила объ усыновленіи питомцевъ Императорскихъ воспитательныхъ домовъ:

1) Для усыновленія питомцевъ до семилѣтняго возраста требуется, кромѣ согласія начальства воспитательнаго дома, также и согласіе ихъ матерей. По истеченіи указаннаго срока, питомцы могутъ быть отдаваемы въ усыновленіе и безъ согласія ихъ матерей.

2) Подкидыши могутъ быть отданы въ усыновленіе не прежде, какъ по полученіи удостовѣренія отъ полиціи, что родители подкидыша не обнаружены.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 27 апрѣля 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

883. *О производствѣ квартирнаго довольствія и прогонныхъ денегъ судебнымъ слѣдователямъ при окружныхъ судахъ Закавказья.*

884. *О разрѣшеніи акціонернымъ коммерческимъ банкамъ и обществамъ взаимнаго кредита выдавать ссуды подъ соло-векселя, обезпеченные сельскохозяйственными имѣніями.*

885. *О фабричномъ производствѣ сложныхъ фармацевтическихъ препаратовъ.*

886. *Объ утвержденіи устава Елисаветградскаго электрическаго Общества.*

887. *Объ измѣненіи устава Общества электрическаго освѣщенія и о разрѣшеніи ему выпуска облигацій.*

888. *Объ утвержденіи временныхъ: положенія объ управленіи Владивостокскимъ коммерческимъ портомъ и штата Владивостокскаго портоваго управленія.*

889. *Объ учрежденіи при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

15 іюня № 69.

890. *О примѣненіи правилъ 20 сентября 1897 г. о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени къ нѣкоторымъ отраслямъ фабрично-заводской промышленности.*

16 іюня № 70.

891. *О причисленіи къ специальнымъ средствомъ сбора въ 1/5 коп. съ пуда ввозимыхъ на станціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ товаровъ.*

892. *Объ установленіи размѣровъ помѣщеній и квартирнаго оклада для Владивостокской крѣпостной саперной роты.*

893. *О порядкѣ помѣщенія и храненія средствъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Постановить относительно помѣщенія и храненія средствъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ и покрытія ихъ обязательствъ слѣдующія правила:

1) Резервы премій по страхованіямъ [ст. 3 прил. II къ ст. 2200 (прим. 2) зак. гражд., св. зак., т. X, ч. I, по прод. 1895 г.] и дивидендный капиталъ страхователей должны быть помѣщаемы въ слѣдующія цѣнности: а) русскія государственныя процентныя бумаги, гарантированныя русскимъ Правительствомъ облигаціи, закладные листы русскихъ учрежденій земельнаго кредита и облигаціи русскихъ городскихъ кредитныхъ обществъ, а также, по ближайшему указанію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, и облигаціи русскихъ городскихъ займовъ; б) ссуды подъ закладъ означенныхъ въ п. *а* цѣнныхъ бумагъ и тѣхъ изъ неупомянутыхъ въ семъ пунктѣ цѣнныхъ бумагъ, которыя принимаются въ закладъ Государственнымъ Банкомъ,—съ соблюденіемъ правилъ, изложеныхъ въ

ст. 6—12 настоящаго узаконенія; в) городскія недвижимости и ссуды подъ залогъ городскихъ домовъ, на основаніи ст. 13—26 настоящаго узаконенія, и г) ссуды и авансы подъ полисы по страхованіямъ жизни, а также преміи, кредитуемыя страхователямъ или другимъ страховымъ учрежденіямъ, передавшимъ обществу перестрахованія, съ тѣмъ, чтобы ссуда, авансъ или кредитуемая премія не превышали резерва премій, подлежащаго отчисленію по данному страхованію или перестрахованію.

Примѣчаніе. Обществамъ пріобрѣвшимъ до изданія настоящаго узаконенія гарантированныя Правительствомъ акціи, разрѣшается сохранить означенныя акціи съ отнесеніемъ ихъ за счетъ резервовъ премій и дивидендаго капитала страхователей. Россійскому Обществу застрахованія капиталовъ и доходовъ предоставляется пріобрѣтать собственныя акціи за счетъ дивидендаго капитала страхователей, съ тѣмъ, чтобы ежегодно часть сихъ акцій подвергалась изъятію изъ обращенія, согласно § 36 устава Общества, и чтобы стоимость оныхъ возмѣщалась дивидендному капиталу изъ средствъ, предназначенныхъ по уставу Общества для изъятія его акцій изъ обращенія.

2) Остальныя, не упомянутыя въ ст. 1, средства страховаго общества помѣщаются въ означенныя въ ст. 1 цѣнности и сверхъ того могутъ быть обращаемы: а) во вклады и текущіе счеты въ Государственномъ Банкѣ, а также въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, съ разрѣшенія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, отъ которыхъ зависитъ и опредѣленіе для каждаго страховаго общества наивысшей суммы, могущей быть помѣщенной въ этихъ учрежденіяхъ во вклады и на текущій счетъ; б) въ наличныя деньги; в) на покрытіе организаціонныхъ расходовъ общества, съ соблюденіемъ правила, изложеннаго въ ст. 2 прил. II къ ст. 2200 (прим. 2) зак. гражд. (св. зак. т. X, ч. I, по прод. 1895 г.); г) на пріобрѣтеніе движимаго имущества, необходимаго для производства операцій общества, и д) въ счеты дебиторовъ, вытекающіе изъ свойства дозволенныхъ страховому обществу операцій.

Примѣчаніе. Страховымъ обществамъ, пріобрѣвшимъ до изданія настоящаго узаконенія на основаніи своихъ уставовъ акціи общества русскаго перестрахованія, разрѣшается сохранить означенныя акціи. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, разрѣшать сверхъ того страховымъ обществамъ пріобрѣтеніе названныхъ акцій на основаніи отд. III

Высочайше утвержденнаго, 9 іюня 1895 г., положенія Комитета Министровъ (собр. узак. и расп. Прав. 1895 г., № 145, ст. 1107).

3) Означенными въ ст. 1 и 2 цѣнностями покрываются по балансамъ и всѣ обязательства страховыхъ обществъ.

4) Изъ основнаго капитала страховаго общества можетъ быть обращаемо въ наличныя деньги, организаціонные расходы, движимое имущество и счеты дебиторовъ не болѣе сорока процентовъ.

5) Принадлежащіе страховому обществу наличныя деньги, цѣнныя бумаги и документы хранятся либо въ кассѣ общества, либо въ Государственномъ Банкѣ, либо, съ разрѣшенія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, въ указываемыхъ ими другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

6) Ссуды подъ закладъ цѣнныхъ бумагъ выдаются не иначе, какъ по единогласному каждый разъ постановленію присутствующихъ въ засѣданіи членовъ правленія страховаго общества.

7) Закладъ цѣнныхъ бумагъ совершается простою передачею ихъ правленію общества при объявленіи, за подписью владѣльца бумагъ, о томъ, что въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 11 и 12, правленіе имѣетъ право обратить закладъ въ продажу, и выдачею изъ правленія общества заемщику именной росписки на принятыя въ закладъ бумаги. Въ этой роспискѣ, копія коей хранится при дѣлахъ правленія, должно быть точно означено, въ чемъ состоитъ закладъ и на какихъ условіяхъ выдана ссуда. Росписка сія можетъ быть передаваема другому лицу не иначе, какъ посредствомъ перевода по книгамъ общества.

8) Ссуды подъ закладъ процентныхъ бумагъ выдаются на сроки не свыше шести мѣсяцевъ, а подъ закладъ акцій—на сроки не свыше трехъ мѣсяцевъ.

9) Размѣры ссудъ подъ закладъ цѣнныхъ бумагъ не должны превышать: а) для государственныхъ бумагъ и гарантированныхъ Правительствомъ облигацій—восьмидесяти пяти процентовъ, б) для закладныхъ листовъ учрежденій земельнаго кредита, а также облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ и городскихъ займовъ—семидесяти пяти процентовъ и в) для прочихъ бумагъ—семидесяти пяти процентовъ биржевой ихъ цѣны и во всякомъ случаѣ не должны быть больше размѣра ссудъ, выдаваемыхъ подъ тѣ же бумаги Государственнымъ Банкомъ. По бумагамъ, погашаемымъ тиражемъ, ссуда не должна превышать выдаваемой по тиражу суммы.

10) Принятыя обществомъ въ закладъ цѣнныя бумаги не подлежатъ ни описи, ни отчужденію по какимъ бы то ни было взысканіямъ и не могутъ быть обращаемы въ конкурсную массу должника до уплаты всей выданной обществомъ ссуды, вмѣстѣ съ причитающимися процентами и всѣми расходами.

11) Въ случаѣ просрочки ссуды, общество имѣетъ право продать закладъ по истеченіи шести льготныхъ послѣ просрочки дней, безъ обязательнаго предувѣдомленія залогодателя. Изъ вырученной суммы общество покрываетъ выданную ссуду, проценты по день продажи и всѣ расходы, а излишекъ возвращаетъ залогодателю.

12) Къ продажѣ заклада общество приступаетъ также въ томъ случаѣ, если биржевая цѣна заложенныхъ бумагъ понизится на десять процентовъ противъ биржевой цѣны, по которой онѣ приняты въ закладъ, и если притомъ залогодатель, въ теченіи шести дней по объявленіи, не внесетъ добавочнаго обезпеченія или не произведетъ соотвѣтствующей уплаты.

13) Въ городскія недвижимости и ссуды подъ залогъ городскихъ домовъ не можетъ быть помѣщаемо болѣе опредѣленной доли какъ всѣхъ капиталовъ страховаго общества въ совокупности (резервовъ премій, дивиденднаго капитала страхователей, основнаго капитала и запасныхъ капиталовъ различнаго наименованія), такъ и въ отдѣльности: резервовъ премій, дивиденднаго капитала страхователей и основнаго капитала общества. Доля эта устанавливается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, въ предѣлахъ не свыше сорока процентовъ упомянутыхъ капиталовъ и не ниже той суммы, которую страховому Обществу предоставлено расходовать на пріобрѣтеніе городскихъ недвижимостей по дѣйствующему до изданія настоящаго узаконенія уставу общества.

14) Для обращенія правленіемъ средствъ страховаго общества на пріобрѣтеніе городскихъ недвижимостей необходимо особое постановленіе общаго собранія акціонеровъ общества, которому предоставляется либо дать правленію общее полномочіе на покупку недвижимостей въ предѣлахъ назначенной собраніемъ суммы, съ соблюденіемъ требованія ст. 13, либо допускать такую покупку только по испрошеніи правленіемъ каждый разъ предварительнаго разрѣшенія общаго собранія.

15) Страховымъ обществамъ дозволяется пріобрѣтать только слѣдующія городскія недвижимости: а) каменные дома въ городахъ

Имперіи, хотя бы и съ деревянными при нихъ службами, предназначенные либо для помѣщенія правленія или агентствъ общества, либо для отдачи въ наемъ подъ жилыя и частью торговыя помѣщенія, и б) пустопорожнія и занятыя деревянными строеніями мѣста въ тѣхъ же городахъ.

16) На пріобрѣтенныхъ пустопорожнихъ или занятыхъ деревянными строеніями мѣстахъ страховое общество обязано, по сносѣ деревянныхъ строеній, выстроить каменные жилые дома, съ торговыми въ нихъ помѣщеніями или безъ оныхъ. Къ постройкѣ сихъ домовъ общество обязано приступить не позднѣе одного года по пріобрѣтеніи мѣста; въ противномъ же случаѣ оно должно означенное мѣсто продать.

17) Всѣ принадлежащія обществу строенія должны быть застрахованы отъ огня въ размѣрѣ балансовой ихъ стоимости, за исключеніемъ изъ оной стоимости мѣста и фундамента.

18) Стоимость произведенныхъ страховымъ обществомъ въ каждомъ отчетномъ году строительныхъ работъ, кромѣ такихъ работъ, которыя относятся на текущіе расходы общества, не должна превышать, вмѣстѣ съ стоимостью принадлежащихъ обществу пустопорожнихъ или занятыхъ деревянными домами мѣстъ, одной пятой доли той общей суммы, на которую обществу предоставлено пріобрѣтать недвижимыя имущества и выдавать ссуды подъ залогъ оныхъ (ст. 13).

19) Къ операціи выдачи ссудъ подъ залогъ городскихъ домовъ правленіе страховаго общества приступаетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія общаго собранія акціонеровъ общества, которому предоставляется указывать правленію, въ какихъ предѣлахъ и на какихъ условіяхъ, съ соблюденіемъ требованій настоящаго узаконенія, должна производиться упомянутая операція.

20) Ссуды выдаются исключительно подъ залогъ домовъ въ городахъ Имперіи, и при томъ лишь такихъ, которые приносятъ постоянный доходъ, путемъ отдачи ихъ въ наемъ, и предназначены преимущественно для жилыхъ помѣщеній.

21) Ссуды не выдаются подъ залогъ домовъ, принадлежащихъ служащимъ въ страховомъ обществѣ.

22) Ссуды подъ залогъ домовъ выдаются подъ первую или вторую закладную, на срокъ не болѣе пяти лѣтъ.

23) Ссуды могутъ быть выдаваемы въ размѣрѣ не свыше стоимости закладывемаго имущества, опредѣленной для взиманія город-

скаго оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ. Если на имуществѣ, принимаемомъ въ залогъ, имѣется уже предшествующее обезпеченіе, то ссуда можетъ быть выдана страховымъ обществомъ лишь въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма оной, вмѣстѣ съ упомянутымъ обезпеченіемъ не превышала вышеуказанной стоимости имущества.

24) Принимаемыя въ залогъ строенія должны быть застрахованы отъ огня не ниже суммы, назначенной въ ссуду, съ присовокупленіемъ процентовъ на ссуду за два года. При выдачѣ ссудъ подъ вторыя закладныя, сумма, въ которой застрахованы принимаемыя въ залогъ строенія, должна сверхъ того покрывать полностью сумму предшествующаго обезпеченія.

25) Если заемщикъ не уплатитъ въ срокъ ссуды, или части оной, или слѣдующихъ по ней процентовъ, то взысканіе долга по ссудѣ производится судебнымъ порядкомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и по частнымъ закладнымъ.

26) Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министрами Финансовъ и Юстиціи, предоставляется: а) издавать подробныя правила относительно страхованія принимаемыхъ страховыми обществами въ залогъ строеній (ст. 24) и погашенія ссудъ на счетъ пожарнаго вознагражденія въ случаѣ истребленія или поврежденія заложеннаго строенія пожаромъ, и б) опредѣлить порядокъ выдачи страховыми обществами ссудъ подъ дома въ городахъ губерній Курляндской, Лифляндской и Эстляндской, а также Царства Польскаго, примѣнительно къ правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 19—25, съ тѣмъ, чтобы распоряженія по указаннымъ (п. п. *а* и *б*) предметамъ были представляемы Правительствующему Сенату для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

II. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, разрѣшать отдѣльнымъ страховымъ обществамъ, по ходатайствамъ ихъ правленій, отсрочку приведенія въ исполненіе требованій ст. 1—5 отд. I настоящаго узаконенія, съ тѣмъ, чтобы отсрочка сія не превышала трехъ лѣтъ со дня изданія онаго.

III. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ подвергнуть соображенію вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли установить преимущественное удовлетвореніе правъ страхователей, вытекающихъ изъ заключенныхъ съ страховыми обществами договоровъ, предъ претензіями къ симъ обществамъ другихъ кредиторовъ, и предположенія

свои по сему предмету внести, по надлежащемъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, сношеніи, на утвержденіе, установленнымъ порядкомъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 11 мая 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

894. *Объ утвержденіи нормальнаго устава для мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ.*

895. *О разрѣшеніи г. Кіеву выпустить облигаціонный заемъ на сумму въ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ руб. нарицательныхъ.*

896. *О разрѣшеніи городу Тамбову выпустить облигаціонный заемъ на сумму въ шестьсотъ тысячъ рублей.*

897. *Объ утвержденіи штата и табели на содержаніе пріюта для временнаго помѣщенія вдовъ инвалидовъ Чесменской военной богадѣльни Императора Николая I.*

898. *О преобразованіи архитекторской части удѣльнаго вѣдомства.*

899. *О принятіи дѣтскаго пріюта, учрежденнаго при шерстопрядильной фабрикѣ „Бриггсъ, Поссельтъ и К°", въ деревнѣ Маркахъ, Варшавской губерніи, въ число дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

900. *О принятіи пожертвованнаго почетнымъ гражданиномъ Федоромъ Чижевымъ дома и капитала для устройства и содержанія дѣтскаго пріюта, въ селѣ Катавѣ-Ивановскомъ, Уфимской губерніи.*

901. *О принятіи капитала, завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аришевымъ для учрежденія въ городѣ Могилевѣ дѣтскаго пріюта.*

902. *О принятіи пожертвованнаго дворяниномъ Перикломъ Родоконаки капитала на учрежденіе въ Одесскомъ дѣтскомъ пріютѣ Имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны стипендіи Имени Ея Величества и объ утвержденіи положенія о сей стипендіи.*

903. *Объ учрежденіи при Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ двѣнадцати стипендій имени тайнаго совѣтника Николы Артемьевича Терещенко и объ утвержденіи правилъ о сихъ стипендіяхъ.*

904. *О передачѣ Императорскаго Общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты изъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ въ вѣдомство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.*

905. *О принятіи капитала, пожертвованнаго Княземъ Львомъ Голицынымъ для учрежденія шести премій имени Императора Александра III по виноградарству и винодѣлію.*

906. *О принятіи капитала для учрежденія преміи имени статсъ-секретаря Вешнякова за учено-литературные труды по сельскохозяйственной части и объ утвержденіи положенія о сей преміи.*

907. *Объ учрежденіи при Маріупольской Александровской гимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

908. *О наименованіи Екатеринодарской городской женской гимназіи Екатерининскою.*

909. *О присвоеніи церковно-приходскимъ школамъ при нѣкоторыхъ станціяхъ Западно-Сибирской желѣзной дороги особыхъ наименованій.*

910. *Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени отставнаго капитана Николая Ивановича Трубникова въ Тамбовскомъ институтѣ.*

911. *Объ измѣненіи устава Московской городской торговой школы имени В. А. и А. А. Алексѣевыхъ.*

912. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Общества С.-Петербургскихъ портовыхъ зерноподъемовъ и складовъ.*

913. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Маріе-Сергіевскаго горнопромышленнаго Общества.*

914. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за паи Товарищества стекольныхъ издѣлій Якова Баумъ.*

915. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго Общества Калькунскихъ дрожжево-винокуреннаго, спиртоочистительнаго и водочнаго заводовъ.*

916. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Вуоксенскаго электрическаго акціонернаго Общества.*

917. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за паи „Товарищества парфюмерныхъ производствъ Василій Аурихъ въ С.-Петербургѣ".*

918. *О продленіи срока для оплаты второй части основнаго капитала акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ „Сталь".*

919. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Князевскаго нефтянаго Общества.*

920. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Общества Прушковскаго механическаго завода М. А. Рудницкій.*

921. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за паи „Товарищества Муромской паровой мельницы“.*

922. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи „С.-Петербургскаго акціонернаго Общества печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ“.*

923. *Объ учрежденіи 11 должностей конно-полицейскихъ урядниковъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ.*

18 іюня № 71.

924. *Объ утвержденіи устава Харьковскаго акціонернаго Общества производства минеральныхъ красокъ.*

925. *Объ измѣненіи устава Товарищества суконной торговли и складовъ М. Поповъ съ сыновьями.*

926. *Объ утвержденіи устава Товарищества Завидовской мануфактуры В. Занѣгина.*

927. *Объ учрежденіи благотворительнаго Общества при больницѣ Императора Павла I въ Москвѣ и объ утвержденіи устава сего Общества.*

928. *Объ измѣненіи устава С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества.*

19 іюня № 72.

929. *Объ отчужденіи земли для устройства водосточныхъ приспособленій на 464 верстѣ Козлово-Воронежско-Ростовской линіи Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.*

930. *Объ отчужденіи земель и имуществъ, потребныхъ для сооруженія желѣзнодорожныхъ линій отъ Забайкальской и Уссурійской желѣзныхъ дорогъ до конечныхъ пунктовъ Восточной Китайской желѣзной дороги.*

931. *О расходѣ на окончаніе постройки двухъ сельскихъ лѣчебницъ въ селахъ Ташлѣ и Куртамышѣ Оренбургской губерніи.*

932. *Объ учрежденіи должности участковаго пристава въ Зугдидскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи.*

933. *О порядкѣ учрежденія и упраздненія по европейской границѣ и на Кавказѣ таможенныхъ установленій.*

934. *О образованіи въ составѣ Правительствующаго Сената*

Судебнаго Департамента и объ устройствѣ судебной части въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской.

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Проекты: 1) временныхъ правилъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ областямъ Сыръ Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской; 2) штата канцеляріи Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената; 3) временныхъ штатовъ судебныхъ установленій въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской; 4) временныхъ дополнительныхъ штатовъ Саратовской судебной палаты и Оренбургскаго и Троицкаго окружныхъ судовъ, и 5) росписанія окружныхъ судовъ по округамъ Саратовской, Ташкентской и Омской судебныхъ палатъ—поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ статей учрежденія Правительствующаго Сената, постановить:

1) Третій, Четвертый и Пятый Департаменты Правительствующаго Сената соединяются въ Судебный Департаментъ, съ причисленіемъ къ нему состоящей при Третьемъ Департаментѣ особой для межевыхъ работъ чертежной.

2) Второе Общее Собраніе Правительствующаго Сената составляется изъ Судебнаго Департамента и одного изъ Кассаціонныхъ Департаментовъ, Уголовнаго или Гражданскаго, по принадлежности.

2) Приготовленіе къ докладу Второму Общему Собранію Правительствующаго Сената дѣлъ и производство оныхъ возлагается на канцелярію Судебнаго Департамента.

III. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ статей положеній объ управленіи Туркестанскаго края и областей Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, Уральской и Тургайской, постановить:

1) Въ составъ Совѣта Туркестанскаго Генералъ-Губернатора входитъ, въ качествѣ члена, Прокуроръ Ташкентской судебной палаты.

2) Должностныя лица изъ туземцевъ въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской, за учиненные ими преступленія и проступки, привлекаются къ отвѣтственности на общемъ основаніи.

3) Гражданскія дѣла между туземцами и инородцами не подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда, если отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній.

4) Права и обязанности, присвоенныя областнымъ судамъ и областнымъ прокурорамъ въ отношеніи народныхъ судовъ, переходятъ къ окружнымъ судамъ и прокурорамъ сихъ судовъ, по принадлежности.

5) Въ составъ областныхъ административныхъ установленій, въ которыхъ, по закону, участвуютъ предсѣдатели областныхъ судовъ и областные прокуроры, входятъ, взамѣнъ сихъ должностныхъ лицъ, предсѣдатели и прокуроры окружныхъ судовъ, по принадлежности. Въ общее присутствіе областнаго правленія при разсмотрѣніи дѣлъ о земскихъ повинностяхъ въ областяхъ: Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской и Уральской приглашается, по дѣламъ, до судебнаго вѣдомства относящимся, предсѣдатель мѣстнаго окружнаго суда или членъ суда, по выбору послѣдняго. По дѣламъ, касающимся области Тургайской, упомянутыя обязанности возлагаются на соотвѣтствующихъ чиновъ Оренбургскаго окружнаго суда.

IV. Примѣчаніе къ статьѣ 1246 устава уголовнаго судопроизводства (изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Въ предѣлахъ военныхъ округовъ Кавказскаго, Туркестанскаго, Сибирскаго и Приамурскаго лица гражданскаго вѣдомства, за исключеніемъ женщинъ, обвиняемыя совмѣстно съ военнослужащими, сухопутнаго или морскаго вѣдомствъ, въ похищеніи казеннаго оружія, патроновъ и пороха, подлежатъ военному суду, по сухопутному или морскому вѣдомству.

V. Означенные въ пунктахъ 1 и 3—5 отдѣла I временные правила, штаты и росписаніе, а равно мѣры, предусмотрѣнныя въ отдѣлѣ III, ввести въ дѣйствіе въ теченіе второй трети 1899 г. въ сроки по усмотрѣнію Министра Юстиціи. Мѣры же, предусмотрѣнныя въ отдѣлѣ II, а равно означенный въ пунктѣ 2 отдѣла I штатъ, ввести въ дѣйствіе съ 1 іюля 1899 года.

VI. Правила, опредѣляющія кругъ вѣдомства русскихъ судебныхъ установленій въ Бухарскомъ ханствѣ и Россійскаго политическаго агента въ Бухарѣ, а равно существующія отношенія его къ судебнымъ установленіямъ, сохранить въ силѣ и по введеніи въ дѣйствіе настоящаго узаконенія, съ возложеніемъ обязанностей мировыхъ судей, ихъ помощниковъ и Самаркандскаго областнаго

суда, по принадлежности, на мировыхъ судей и Самаркандскій окружный судъ, на основаніи временныхъ правилъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ областямъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской.

VII. Новыя судебныя установленія въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской открыть на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ:

1) Всѣ находящіяся въ производствѣ упраздняемыхъ мировыхъ судей, ихъ помощниковъ и судебныхъ слѣдователей уголовныя и гражданскія дѣла передаются въ день, назначенный для введенія въ дѣйствіе судебной реформы, при особыхъ описяхъ, подлежащимъ новымъ участковымъ мировымъ судьямъ и судебнымъ слѣдователямъ.

2) Тѣ подвѣдомственныя областнымъ судамъ гражданскія дѣла первой инстанціи, по которымъ не состоялось рѣшенія по существу до дня, назначеннаго для введенія въ дѣйствіе судебной реформы, прекращаются производствомъ, съ возвращеніемъ тяжущимся всѣхъ уплаченныхъ ими пошлинъ, о чемъ объявляется участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ чрезъ полицію. Истцы сохраняютъ право возобновить эти дѣла въ подлежащихъ судебныхъ установленіяхъ, причемъ время, протекшее со дня предъявленія иска до объявленія истцу о прекращеніи дѣла, не полагается въ исчисленіе срока давности, но если остающійся на семъ основаніи срокъ будетъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, то истцамъ предоставляется возобновить дѣло въ трехмѣсячный срокъ.

3) Производящіяся въ областныхъ судахъ уголовныя дѣла первой и второй инстанцій и гражданскія дѣла второй инстанціи передаются въ день, назначенный для введенія въ дѣйствіе судебной реформы, при особой описи, подлежащимъ окружнымъ судамъ и подлежатъ разрѣшенію въ новомъ порядкѣ судопроизводства.

4) Находящіяся въ производствѣ прокурорскаго надзора уголовныя дѣла продолжаются производствомъ со стороны новаго прокурорскаго надзора, въ новомъ порядкѣ производства.

VIII. Со времени открытія Омской судебной палаты перечислить въ округъ этой палаты изъ округа Казанской судебной палаты Тобольскій окружный судъ, а изъ округа Иркутской палаты—Томскій окружный судъ, вмѣстѣ съ находящимися въ округахъ сихъ

судовъ установленіями вѣдомства Министерства Юстиціи, причемъ нерѣшенныя по округамъ названныхъ судовъ дѣла Казанской и Иркутской судебныхъ палатъ оставить въ сихъ послѣднихъ, для дальнѣйшаго производства.

IX. Одновременно съ приведеніемъ въ дѣйствіе мѣръ, означенныхъ въ отдѣлахъ I—III, упразднить: 1) канцеляріи Третьяго, Четвертаго и Пятаго Департаментовъ Правительствующаго Сената; 2) существующіе нынѣ въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областные суды и должности мировыхъ судей, помощниковъ ихъ, областныхъ прокуроровъ, товарищей ихъ, судебныхъ слѣдователей и судебныхъ приставовъ, и 3) одну должность помощника секретаря Казанской судебной палаты,—а равно сократить канцелярскую сумму названной палаты на 800 р. въ годъ.

X. Лицъ, должности коихъ упраздняются, если они не получатъ новыхъ назначеній, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

XI. Перечислить въ Омскую судебную палату, по ихъ освобожденіи, четыре добавочныхъ оклада членамъ окружныхъ судовъ, по 500 р. каждому, и два оклада старшимъ кандидатамъ на судебныя должности, по 600 р. каждому, изъ Казанской судебной палаты, а также три добавочныхъ оклада членамъ окружныхъ судовъ, по 500 р. каждому и одинъ окладъ старшему кандидату на судебныя должности, въ 600 р., изъ Иркутской судебной палаты.

XII. Сумму, исчисленную: 1) по штатамъ канцеляріи Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената; 2) по временнымъ штатамъ судебныхъ установленій въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской на содержаніе судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, а равно мировыхъ судебныхъ установленій въ Бухарскомъ ханствѣ, и 3) по временнымъ дополнительнымъ штатамъ Саратовской судебной палаты и Оренбургскаго и Троицкаго окружныхъ судовъ, всего въ количествѣ *четырехсотъ шестидесяти шести тысячъ восьмисотъ пятидесяти* рублей ежегодно, отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1900 г., въ будущемъ же 1899 г. отпустить изъ того же источника: а) на содержаніе во второй половинѣ года канцеляріи Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената—30.000 р. и б) на содержаніе во второй и въ послѣдней третяхъ новыхъ судебныхъ установленій—271.233 р. 33 коп., съ тѣмъ, чтобы на

этотъ послѣдній кредитъ относились также расходы по содержанію судебныхъ установленій прежняго устройства во второй трети года, до ихъ упраздненія.

XIII. Исчисленный по временнымъ штатамъ судебныхъ установленій въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской расходъ на содержаніе въ названныхъ областяхъ мировыхъ судебныхъ установленій (за исключеніемъ содержанія ихъ въ Бухарскомъ ханствѣ), а равно на выдачу квартирныхъ и разъѣздныхъ денегъ судебнымъ слѣдователямъ, въ количествѣ всего по *триста пятьдесятъ семь тысячъ пятьсотъ* рублей въ годъ, относить на земскіе сборы подлежащихъ областей, показывая пособіемъ означеннымъ сборамъ: 2.100 р. въ годъ изъ суммъ Уральскаго казачьяго войска на содержаніе мировыхъ судей въ Уральской области и 5.000 р. въ годъ изъ суммъ Сибирскаго казачьяго войска на содержаніе мировыхъ судей въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ.

XIV. На покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ полномъ объемѣ въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской (за исключеніемъ означенныхъ въ отдѣлѣ XV) отпустить изъ государственнаго казначейства: а) въ 1898 г.—*пятьдесятъ тысячъ* рублей, съ обращеніемъ на указанный предметъ равной суммы, внесенной къ условному отпуску въ смѣту Министерства Юстиціи на 1898 годъ; б) въ 1899 г.—*триста семьдесятъ двѣ тысячи* рублей, и в) въ 1900 г.—*двадцать три тысячи восемьсотъ* рублей.

XV. На возмѣщеніе расходовъ по первоначальному обзаведенію камеръ мировыхъ судей отпустить въ 1899 г. изъ земскихъ сборовъ: Сыръ-Дарьинской области—*тысячу сто* рублей, Самаркандской—*восемьсотъ* рублей, Ферганской—*девятьсотъ* рублей, Семирѣченской—*тысячу двѣсти* рублей, Акмолинской—*тысячу сто* рублей, Семипалатинской—*тысячу сто* рублей, Уральской—*тысячу* рублей и Тургайской—*восемьсотъ* рублей.

XVI. Предоставить Министру Юстиціи: 1) сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы комитеты, предназначенные для составленія предположеній о первоначальномъ раздѣленіи уѣздовъ на мировые участки и разграниченіи сихъ послѣднихъ, а также для составленія списковъ лицъ, которыя могли бы быть назначены почетными

мировыми судьями (ст. 6 врем. прав. о прим. суд. уст. къ обл. Сыръ-Дар., Сам., Ферг., Семир., Акм., Семип., Ур. и Тург.), образованы были, до срока, назначеннаго для введенія судебной реформы, съ замѣною предсѣдателей и прокуроровъ окружныхъ судовъ предсѣдателями областныхъ судовъ и областными прокурорами и съ тѣмъ, чтобы означенные комитеты представили свои по симъ предметамъ предположенія на утвержденіе Министра Юстиціи за четыре мѣсяца до наступленія упомянутаго срока; 2) при первоначальномъ введеніи судебнаго преобразованія въ областяхъ Сыръ - Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской указать— по сношенію, относительно областей Сырь-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской, съ подлежащими Генералъ-Губернаторами—мѣста постояннаго пребыванія участковыхъ судей въ предѣлахъ мировыхъ участковъ (ст. 13 тѣхъ же правилъ), и 3) войти въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ о назначеніи, съ 1 ноября 1898 г., Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ судебныхъ палатъ, а равно сдѣлать распоряженіе о замѣщеніи съ того же срока должностей одного секретаря каждой палаты и секретарей при прокурорахъ палатъ.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *«БЫТЬ ПО СЕМУ».*
2 іюня 1898 года.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ областямъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской.

Судебныя установленія въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской образуются на основаніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II, съ нижеслѣдующими измѣненіями и дополненіями.

I. По учрежденію судебныхъ установленій.

1. Участковые и добавочные мировые судьи назначаются Министромъ Юстиціи изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ,

указаннымъ въ статьяхъ 200 и 201 сего учрежденія, а также постановленіямъ о судебныхъ слѣдователяхъ, изложеннымъ въ статьяхъ 202 и 205 того же учрежденія.

2. Почетные мировые судьи назначаются Министромъ Юстиціи на три года изъ лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ пунктовъ 1 и 2 статьи 19 и статьи 21 сего учрежденія.

3. Должности участковаго и добавочнаго мироваго судьи присвоиваются шестой классъ по чинопроизводству, шестой разрядъ по шитью на мундирѣ и вторая степень третьяго разряда по пенсіи.

4. Перемѣщеніе участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей, а равно увольненіе ихъ отъ службы зависитъ отъ Министра Юстиціи. Отпуски участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей разрѣшаются: на срокъ не болѣе одного мѣсяца—общимъ собраніемъ окружнаго суда, на срокъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ—общимъ собраніемъ судебной палаты, а на болѣе продолжительный срокъ—Министромъ Юстиціи.

5. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Семирѣченской назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе отъ службы мировыхъ судей производятся по сношенію съ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

6. Составленіе предположеній о раздѣленіи областей на мировые участки и о разграниченіи сихъ послѣднихъ возлагается на особые областные комитеты, состоящіе въ каждой области, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго военнаго губернатора, изъ вице-губернатора (помощника губернатора), предсѣдателя и прокурора окружнаго суда и городскаго головы областнаго города, причемъ городскаго голову замѣняютъ: въ Уральской области—старшій членъ хозяйственнаго правленія Уральскаго казачьяго войска, въ Ферганской и Самаркандской—уѣздные начальники уѣздовъ, въ коихъ расположены областные города, и въ Тургайской—чиновникъ по назначенію военнаго губернатора области. Предположенія комитетовъ по симъ предметамъ представляются на утвержденіе Министра Юстиціи: въ мѣстностяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Генералъ-Губернаторовъ, чрезъ сихъ послѣднихъ, а въ остальныхъ—непосредственно. На обязанность тѣхъ же комитетовъ возлагаются составленіе списковъ проживающихъ въ области лицъ, могущихъ занять должность почетнаго мироваго судьи, и представленіе этихъ списковъ Министру Юстиціи: въ мѣстностяхъ, находящихся въ

вѣдѣніи Генералъ-Губернаторовъ, чрезъ сихъ послѣднихъ, а въ остальныхъ—непосредственно.

Примѣчаніе. Въ Тургайскомъ областномъ комитетѣ участвуютъ, на правахъ членовъ, по дѣламъ, касающимся всѣхъ уѣздовъ Тургайской области, предсѣдатель и прокуроръ Оренбургскаго окружнаго суда.

7. Обязанности участковыхъ судебныхъ слѣдователей возлагаются на участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей. Перечисленіе должностей мировыхъ судей изъ одного судебнаго округа въ другой производится порядкомъ, указаннымъ въ статьѣ 80[1] сего учрежденія.

8. Общему собранію окружнаго суда предоставляется, съ утвержденія Министра Юстиціи, распредѣлять судейскія и слѣдовательскія обязанности между мировыми судьями, имѣющими мѣстопребываніе въ одномъ поселеніи.

9. Сверхъ участковыхъ мировыхъ судей, для производства предварительныхъ слѣдствій, при окружныхъ судахъ состоятъ судебные слѣдователи, которые приступаютъ къ производству слѣдствій по предложеніямъ лицъ прокурорскаго надзора, а также по непосредственному усмотрѣнію, въ случаяхъ, когда они застигнутъ совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе.

10. На мировыхъ судей возлагается завѣдываніе опекунскою частью, подлежащею, по общему губернскому учрежденію, вѣдѣнію дворянскихъ опекъ, а также городскихъ сиротскихъ судовъ, гдѣ сихъ послѣднихъ не существуетъ. На окружные суды, сверхъ прочихъ лежащихъ на нихъ по означенному учрежденію обязанностей, возлагается разрѣшеніе залога и отчужденія принадлежащихъ малолѣтнымъ имуществъ, указанныхъ въ пунктахъ 2 и 3 статьи 277 т. X ч. 1 законовъ гражданскихъ.

Примѣчаніе. Порядокъ отчетности въ опекунскихъ дѣлахъ опредѣляется особою инструкціею, утверждаемою Министромъ Юстиціи, по соглашенію съ подлежащими Генералъ-Губернаторами.

11. Обязанности съѣзда мировыхъ судей возлагаются на окружные суды, которые могутъ исполнять эти обязанности и при выѣздахъ въ уѣзды для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Тѣмъ же окружнымъ судамъ принадлежитъ и непосредственный надзоръ за мировыми судьями въ области.

12. Обязанности непремѣннаго члена мироваго съѣзда возлагают-

ся, по постановленію общаго собранія окружнаго суда, на одного изъ членовъ окружнаго суда.

13. Мѣсто постояннаго пребыванія, въ предѣлахъ мироваго участка, каждаго изъ участковыхъ мировыхъ судей опредѣляется общимъ собраніемъ окружнаго суда, по сношенію съ мѣстнымъ военнымъ губернаторомъ.

14. Съ разрѣшенія общаго собранія окружнаго суда, по особымъ мѣстнымъ условіямъ, мировые судьи могутъ имѣть камеры внѣ предѣловъ ввѣренныхъ имъ участковъ, но обязаны переносить въ предѣлы оныхъ свои камеры, для разбора дѣлъ, въ заранѣе назначенныя упомянутымъ собраніемъ мѣста и опредѣленные имъ въ году сроки.

15. Мировые судьи обязаны разбирать дѣла, по возможности, въ ближайшихъ къ мѣстамъ ихъ возникновенія населенныхъ пунктахъ, если дѣло возникло далѣе 50 верстъ отъ мѣста нахожденія камеры мироваго судьи.

16. Въ случаѣ смерти, болѣзни или устраненія отъ должности участковаго мироваго судьи, обязанности его возлагаются общимъ собраніемъ окружнаго суда на добавочнаго, либо сосѣдняго участковаго мироваго судью, или судебнаго слѣдователя, или на одного изъ старшихъ кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству.

17. Для пополненія присутствія окружнаго суда, въ качествѣ какъ мироваго съѣзда, такъ и суда первой степени, могутъ быть приглашаемы мѣстные почетные, участковые и добавочные мировые судьи, а также судебные слѣдователи, за исключеніемъ тѣхъ, которые производили слѣдствіе и тѣхъ, на приговоры, рѣшенія и дѣйствія коихъ принесена жалоба по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію суда.

18. Министру Юстиціи предоставляется допускать необходимыя изъятія изъ правилъ, установленныхъ въ статьяхъ 202—207, 210 и 211 сего учрежденія.

19. Исполненіе рѣшеній и порученій мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій, а равно врученіе бумагъ и повѣстокъ тяжущимся, возлагается въ городахъ, въ коихъ учреждены должности судебныхъ приставовъ,—на сихъ послѣднихъ, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—на чиновъ общей полиціи, кромѣ начальниковъ городскихъ и уѣздныхъ полицій и ихъ помощниковъ. Производство этихъ исполнительныхъ дѣйствій поручается предсѣдателями судебныхъ мѣстъ и мировыми судьями означеннымъ чинамъ полиціи

непосредственно. Тѣ же обязанности, за исключенiемъ случаевъ, когда для исполненiя рѣшенiя требуется продажа недвижимаго имущества, могутъ быть возлагаемы на волостныя, сельскiя и инородческiя начальства.

20. Представленiя залога отъ судебныхъ приставовъ не требуется.

21. За исполненiе отдѣльныхъ служебныхъ дѣйствiй судебные пристава получаютъ денежное вознагражденiе: а) если ими исполняются рѣшенiя или порученiя по дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировымъ судебнымъ установленiямъ,—по таксѣ, приложенной къ статьѣ 581 сего учрежденiя, и б) если ими исполняются рѣшенiя и порученiя по дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ,—по таксѣ, приложенной къ примѣчанiю при статьѣ 313 того же учрежденiя. Относительно распредѣленiя между судебными приставами означеннаго вознагражденiя, соблюдаются правила, изложенныя въ статьѣ 314 сего учрежденiя. Вознагражденiе чиновъ полицiи за исполненiе упомянутыхъ дѣйствiй, когда они совершаются въ предѣлахъ мѣстъ постояннаго ихъ пребыванiя, производится по указаннымъ выше, установленнымъ для судебныхъ приставовъ, таксамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя дѣйствiя совершаются внѣ постоянныхъ мѣстъ пребыванiя чиновъ полицiи,—по особой таксѣ, приложенной къ ст. 21 врем. прав. о прим. суд. уст. къ губ. и обл. Сибири.

22. Непосредственный надзоръ за судебными приставами, имѣющими жительство внѣ областныхъ городовъ, а также повѣрка ихъ книгъ, возлагаются на мѣстныхъ участковыхъ мировыхъ судей. О всѣхъ замѣченныхъ неправильныхъ или противозаконныхъ дѣйствiяхъ судебныхъ приставовъ названные мировые судьи доносятъ предсѣдателю окружнаго суда.

23. На чиновъ судебнаго вѣдомства, служащихъ въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, распространяются всѣ преимущества службы, установленныя для чиновниковъ, служащихъ въ означенныхъ мѣстностяхъ.

24. Свидѣтельства, выдаваемыя окружными судами на право ходатайствовать въ сихъ судахъ по чужимъ дѣламъ, даютъ право и на ходатайство по чужимъ дѣламъ въ мировыхъ судебныхъ установленiяхъ, подвѣдомственныхъ выдавшимъ означенныя свидѣтельства окружнымъ судамъ. Половина сбора за эти свидѣтель-

ства поступаетъ въ казну, а другая половина въ мѣстныя земскія средства.

II. По уставу гражданскаго судопроизводства.

25. Подсудность гражданскихъ дѣлъ судебнымъ установленіямъ и предѣлы ихъ власти по постановленію окончательныхъ рѣшеній опредѣляются правилами, изложенными въ статьяхъ 1462, 1467 и 1477 сего устава, а равно въ статьяхъ 26—28 настоящихъ правилъ.

26. Вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій не подлежатъ: а) иски, сопряженные съ интересомъ казенныхъ управленій, за исключеніемъ исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, равно исковъ на сумму не свыше *2.000 р.* о вознагражденіи за потравы и вообще поврежденія въ дачахъ вѣдомства Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ, а также Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ или другихъ учрежденій, пользующихся на судѣ правами казны, и б) иски между сельскими обывателями, а также между туземцами и инородцами, подлежащіе вѣдомству ихъ собственныхъ судовъ, развѣ на предоставленіе иска разбору мироваго судьи послѣдуетъ взаимное между истцомъ и отвѣтчикомъ соглашеніе.

27. Въ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства вѣдомству мироваго судьи подлежатъ за изъятіемъ, указаннымъ ниже въ статьѣ 28, взысканія на всякую сумму, по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 80^{1}, 365^{1}—365^{4} и 365^{7}—365^{24} сего устава. При обращеніи дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ, мировые судьи руководствуются, сообразно цѣнѣ иска, пунктомъ 3 статьи 80^{1} и статьею 365^{21} того же устава.

28. Взысканія на сумму свыше *2.000 р.*, предъявляемыя къ нѣсколькихъ отвѣтчикамъ, живущимъ въ разныхъ мировыхъ участкахъ области, подлежатъ въ упрощенномъ порядкѣ вѣдомству окружнаго суда по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 365^{1}—365^{5} и 365^{7}—365^{24} сего устава.

29. Иски, возникающіе изъ договоровъ о личномъ наймѣ и не превышающіе подсудности мировыхъ судей, могутъ быть предъявляемы мѣстному, по исполненію договора, мировому судьѣ.

30. Прошенія, жалобы и всякаго рода бумаги по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, могутъ быть пересылаемы по почтѣ.

31. Жалобы на неокончательныя рѣшенія мировыхъ судей, а равно частныя жалобы на ихъ распоряженія, приносятся въ окружный судъ, въ качествѣ мироваго съѣзда, по правиламъ, постановленнымъ въ семъ уставѣ для обжалованія рѣшеній мировыхъ судей.

32. Просьбы объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей приносятся окружному суду. Въ случаѣ отмѣны рѣшенія, дѣло возвращается для новаго разсмотрѣнія, мировому судьѣ, постановившему рѣшеніе либо, если судъ признаетъ это необходимымъ,—другому мировому судьѣ.

33. Окружный судъ, въ качествѣ мироваго съѣзда, обязанъ, за установленную въ статьѣ 201 сего устава плату, выдать или выслать участвующему въ дѣлѣ лицу, по мѣсту его жительства, копію рѣшенія по дѣлу не позднѣе семи дней со времени заявленія о томъ просьбы, а если просьба о томъ заявлена до рѣшенія дѣла, то въ семидневный срокъ со дня постановленія рѣшенія.

34. Въ случаѣ заявленія просьбы, указанной въ предшедшей (33) статьѣ, началомъ срока на обжалованіе рѣшеній окружнаго суда, постановленныхъ имъ въ качествѣ мироваго съѣзда, считается время врученія жалобщику копіи рѣшенія, причемъ къ этому сроку причисляется поверстный.

35. Просьбы объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній окружныхъ судовъ, постановленныхъ ими въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, приносятся судебной палатѣ. Въ случаѣ отмѣны рѣшенія, дѣло возвращается окружному суду, для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

36. По подсуднымъ мировымъ судьямъ и окружнымъ судамъ, въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, дѣламъ, не подлежащимъ оцѣнкѣ, судебная пошлина опредѣляется, при постановленіи рѣшенія въ размѣрѣ не свыше *20* рублей.

37. Судебная пошлина уплачивается наличными деньгами на всякую сумму.

38. Сроки на обжалованіе рѣшеній и дѣйствій мировыхъ и общихъ судебныхъ мѣстъ не считаются пропущенными, если до истеченія ихъ жалоба была сдана въ подлежащее установленіе для отправленія по почтѣ.

39. По дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, сторонамъ, проживающимъ далѣе 200 верстъ отъ мѣста нахожденія суда, предоставляется просить судъ объ извѣщеніи ихъ о времени разбирательства дѣла и о сообщеніи имъ копій состязательныхъ бу-

магъ, поданныхъ противною стороною, прошеній третьихъ лицъ, рѣшенія или опредѣленія, а равно исполнительнаго листа, по дѣйствительному, указанному ими, мѣсту ихъ пребыванія. Бумаги эти вручаются сторонамъ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 282—289 сего устава.

40. Если тяжущійся воспользовался правомъ предоставленнымъ ему въ предшедшей (39) статьѣ, то для него началомъ сроковъ на представленіе отвѣтовъ и на обжалованіе рѣшеній окружнаго суда считается время врученія ему бумагъ, указанныхъ въ той же статьѣ, причемъ къ этимъ срокамъ причисляется поверстный.

41. Въ отношеніи отвѣтчика, воспользовавшагося правомъ, предоставленнымъ ему статьею 39 настоящихъ правилъ, рѣшеніе суда не почитается заочнымъ и подлежитъ только апелляціи.

42. Свидѣтели могутъ просить о допросѣ ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, если они живутъ на разстояніи далѣе 200 верстъ отъ мѣста, въ которое они вызываются.

43. Установленному въ статьяхъ 91 и 383 сего устава денежному штрафу за неявку въ судъ, безъ уважительныхъ причинъ, свидѣтели подвергаются, если они живутъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ открывается засѣданіе суда, или на разстояніи ближе 200 верстъ отъ этого мѣста.

44. Жалобы на неправильное исполненіе рѣшеній и всѣ споры по исполненію, за исключеніемъ касающихся толкованія рѣшеній, подлежатъ разсмотрѣнію того мироваго судьи, въ участкѣ коего исполненіе производится.

45. Имущество, не подлежащее описи, аресту и продажѣ на удовлетвореніе взысканій, присужденныхъ съ пользующихся правами сельскихъ обывателей: а) туземцевъ въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской и б) инородцевъ, въ областяхъ Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, опредѣляется, на каждое трехлѣтіе: въ отношеніи означенныхъ инородцевъ въ областяхъ Тургайской и Уральской—мѣстными военными губернаторами, съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а въ отношеніи поименованныхъ туземцевъ и инородцевъ въ прочихъ областяхъ, по принадлежности,—подлежащими Генералъ-Губернаторами.

46. Продажа, въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 1133 и слѣд. сего устава, недвижимыхъ имѣній, оцѣненныхъ ниже 2.000 р., производится у участковыхъ мировыхъ судей. Имѣнія, оцѣненныя

въ 2.000 р. и выше, а также всѣ имѣнія, лежащія въ томъ уѣздѣ, гдѣ находится окружный судъ, продаются при семъ судѣ. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Семирѣченской сроки продажи недвижимыхъ имѣній съ публичныхъ торговъ назначаются на каждое трехлѣтіе Военнымъ Министромъ, по сношенію съ Министрами Финансовъ и Юстиціи.

47. Указанный въ статьѣ 1172 сего устава новый торгъ можетъ быть произведенъ также при Омскомъ, Томскомъ и Ташкентскомъ окружныхъ судахъ.

48. Для разсмотрѣнія дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 1330[1] сего устава, въ составъ особыхъ присутствій Ташкентской и Омской судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, вмѣсто чиновъ казеннаго управленія, приглашается подлежащій городской голова или лицо, его замѣняющее.

49. При производствѣ дѣлъ о несостоятельности [прил. III. къ ст. 1400 (прим.) сего уст.], соблюдаются слѣдующія дополнительныя правила: а) допросъ должника и другихъ лицъ, а равно исполненіе иныхъ постановленій и распоряженій суда внѣ города, гдѣ находится судъ, въ которомъ возбуждено дѣло, за исключеніемъ ревизіи дѣйствій конкурсныхъ управленій, возлагаются на мѣстныхъ мировыхъ судей или судебнаго слѣдователя; б) должнику, жительствующему внѣ города, гдѣ находится судъ, въ которомъ возбуждено дѣло о несостоятельности, дозволяется, взамѣнъ личной явки для словесныхъ объясненій (уст. суд. торг., ст. 502), прислать письменный отзывъ, и в) всѣмъ заимодавцамъ и должникамъ несостоятельнаго дозволяется посылать въ судъ отзывы (тамъ же, ст. 511) по искамъ на всякую сумму и по всѣмъ вообще требованіямъ.

III. По положенію о нотаріальной части.

50. Въ тѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, посадахъ и селеніяхъ, гдѣ нѣтъ нотаріусовъ, исполненіе всѣхъ лежащихъ на нихъ по закону обязанностей возлагается на мѣстныхъ участковыхъ мировыхъ судей.

Примѣчаніе. Засвидѣтельствованіе подписи руки, личности предъявителей, почтовыхъ объявленій и довѣрія подать просьбу за другого предоставляется также мѣстнымъ полицейскимъ чинамъ.

51. Исполненіе обязанностей старшаго нотаріуса возлагается на одного изъ членовъ окружнаго суда, по избранію общаго собранія суда.

52. Нотаріусамъ, а равно заступающимъ ихъ мѣсто мировымъ судьямъ, дозволяется выписи изъ актовъ, подлежащихъ утвержденію старшаго нотаріуса, отсылать въ нотаріальный архивъ по почтѣ.

IV. По уставу уголовнаго судопроизводства.

53. Подсудность уголовныхъ дѣлъ судебнымъ установленіямъ и предѣлы власти мировыхъ судей по постановленію окончательныхъ приговоровъ опредѣляются правилами, изложенными въ статьяхъ 1260 и 1263 сего устава, а равно въ статьѣ 54 настоящихъ правилъ.

54. Изъ вѣдомства мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій изъемлются дѣла о тѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ туземцевъ и инородцевъ, по коимъ они подлежатъ отвѣтственности предъ ихъ собственными судами.

55. Полицейскія и административныя власти, сообщивъ мировому судьѣ о тѣхъ обнаруженныхъ ими, въ кругѣ ихъ дѣйствій, преступленіяхъ и проступкахъ, которые подлежатъ преслѣдованію безъ жалобы частныхъ лицъ, не обязаны ни лично являться къ разбирательству возбужденныхъ ими дѣлъ, ни присылать вмѣсто себя повѣренныхъ, если сами не признаютъ того необходимымъ, или если не послѣдуетъ о томъ особаго со стороны мироваго судьи требованія.

56. Жалобы и отзывы на неокончательные приговоры мировыхъ судей, а равно частныя жалобы на ихъ распоряженія, приносятся въ окружный судъ, въ качествѣ мироваго съѣзда, по правиламъ, постановленнымъ въ семъ уставѣ для обжалованія приговоровъ и распоряженій мировыхъ судей.

57. Въ случаѣ отсутствія товарища прокурора окружнаго суда, а равно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ товарища прокурора, апелляціонные отзывы на приговоры мировыхъ судей представляются полиціею въ установленный статьею 147 сего устава срокъ, непосредственно мировому судьѣ.

58. Прошенія, жалобы и всякаго рода бумаги по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, могутъ быть пересылаемы по почтѣ.

59. Неприбытіе сторонъ въ окружный судъ, въ качествѣ мироваго съѣзда, къ разбирательству дѣла не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла, за исключеніемъ лишь того случая, когда по обвиненію въ преступномъ дѣяніи, за которое въ законѣ положено

заключеніе въ тюрьмѣ, судъ признаетъ присутствіе обвиняемаго необходимымъ.

60. Протесты и жалобы на окончательные приговоры мировыхъ судей приносятся окружному суду, въ качествѣ мироваго съѣзда. Въ случаѣ отмѣны приговора, дѣло возвращается, для новаго разсмотрѣнія, мировому судьѣ, постановившему приговоръ, либо, если судъ признаетъ это необходимымъ,—другому мировому судьѣ,

61. Копіи приговоровъ окружныхъ судовъ, постановленныхъ ими въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, препровождаются отсутствующимъ обвиняемымъ при повѣсткахъ.

62. Протесты и жалобы на окончательные приговоры окружныхъ судовъ, постановленные ими въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, приносятся судебной палатѣ. Въ случаѣ отмѣны приговора, дѣло возвращается окружному суду, для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

63. Началомъ срока на обжалованіе приговоровъ окружныхъ судовъ, постановленныхъ ими въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, считается тотъ день, въ который они сдѣлались извѣстны лицамъ, принесшимъ жалобы.

64. Дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, подвергающимъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, производятся по правиламъ, установленнымъ для производства дѣлъ въ окружныхъ судахъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

65. Дѣло, поступившее на разсмотрѣніе окружнаго суда, въ качествѣ суда первой степени, не можетъ быть обращено къ производству мироваго судьи, хотя бы при судебномъ разбирательствѣ и оказалось, что преступное дѣяніе не влечетъ за собою ни лишенія, ни ограниченія правъ состоянія.

66. Дѣла, поступившія на разсмотрѣніе общихъ или мировыхъ судебныхъ установленій, не могутъ быть обращены къ производству въ народныхъ судахъ, хотя бы при судебномъ разбирательствѣ и оказалось, что дѣло не превышаетъ подсудности народнаго суда.

67. Статья 201[1] сего устава не примѣняется. Дѣла, означенныя въ пунктѣ 3 статьи 1073, разсматриваются въ окружномъ судѣ.

68. По дѣламъ, возникшимъ въ столь отдаленныхъ отъ мѣста пребыванія участковаго мироваго судьи мѣстностяхъ, что нельзя ожидать скораго прибытія его для начатія слѣдствія, полиціи пре-

доставляется производить формальные допросы обвиняемымъ и свидѣтелямъ во всѣхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, не ограничиваясь указанными въ статьѣ 258 сего устава случаями.

69. При предварительномъ слѣдствіи свидѣтели приводятся къ присягѣ, когда они имѣютъ жительство въ разстояніи далѣе 200 верстъ отъ мѣста, гдѣ будетъ открыто по дѣлу судебное засѣданіе окружнаго суда.

70. Обвиняемый, содержащійся подъ стражею, не препровождается на мѣсто производства дознанія чрезъ окольныхъ людей (ст. 456 сего устава), но ему предоставляется право назначить отъ себя повѣреннаго изъ своихъ родственниковъ или постороннихъ лицъ для присутствованія при дознаніи.

71. Въ случаѣ недостатка лицъ, желающихъ принять на себя защиту подсудимаго, предсѣдатель имѣетъ право возлагать эту обязанность на мѣстныхъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, исключая судей и лицъ прокурорскаго надзора.

72. По дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя въ законѣ опредѣлены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, подсудимые, состоящіе на свободѣ, если проживаютъ далѣе 200 верстъ отъ мѣста засѣданій суда, обязаны, явиться въ окружный судъ лично, хотя бы имѣли избранныхъ ими самими или назначенныхъ защитниковъ. Изъ сего правила исключаются тѣ случаи, когда по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, наказанія за кои не влекутъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, судъ, по обстоятельствамъ дѣла, признаетъ личное присутствіе подсудимыхъ необязательнымъ, о чемъ должно быть упомянуто въ призывной повѣсткѣ. Въ семъ случаѣ подсудимому, если онъ не избралъ себѣ защитника, послѣдній долженъ быть назначенъ предсѣдателемъ суда даже безъ его просьбы.

73. Неприбытіе въ судъ частнаго обвинителя и гражданскаго истца, жительствующихъ далѣе 200 верстъ отъ мѣста засѣданія суда, не признается для частнаго обвинителя отреченіемъ отъ уголовнаго иска, а для гражданскаго истца—поводомъ къ устраненію гражданскаго иска отъ разсмотрѣнія на судѣ уголовномъ.

74. Въ случаѣ неявки на судъ подсудимаго по дѣлу, при разсмотрѣніи коего личное присутствіе его признано судомъ необязательнымъ, а равно неприбытія частнаго обвинителя и гражданскаго истца, жительствующихъ далѣе 200 верстъ отъ мѣста засѣ-

данія суда, дозволяется прочтеніе въ судебномъ засѣданіи письменныхъ показаній, объясненій и заявленій указанныхъ лицъ.

75. Къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей къ мировому судьѣ, а равно въ окружный судъ, въ качествѣ, какъ мироваго съѣзда, такъ и суда первой степени, относится жительство ихъ въ разстояніи далѣе 200 верстъ отъ мѣста, въ которое они вызываются.

76. Не возбраняется прочтеніе въ судебномъ засѣданіи письменныхъ показаній свидѣтелей, неявившихся въ судъ вслѣдствіе проживанія ихъ далѣе 200 верстъ отъ мѣста засѣданія суда.

77. Повѣрка доказательствъ въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 160 и 688 сего устава поручается окружнымъ судомъ: въ мѣстѣ его засѣданія—одному изъ членовъ, или мѣстному участковому, либо добавочному мировому судьѣ, или судебному слѣдователю, а внѣ мѣста, въ которомъ открывается засѣданіе суда—только мѣстному участковому, либо добавочному мировому судьѣ, или судебному слѣдователю.

78. Исполненіе оправдательнаго приговора окружнаго суда въ отношеніи къ лицу, обвинявшемуся въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, останавливается впредь до вступленія приговора въ законную силу, если прокуроромъ заявлено будетъ о семъ требованіе въ томъ же засѣданіи, въ которомъ рѣшено дѣло. Отъ прокурора зависитъ, однако, во всякое послѣ того время заявить суду о неимѣніи дальнѣйшаго съ его стороны препятствія къ немедленному исполненію приговора.

79. Неявившемуся въ судъ ни ко времени слушанія дѣла, ни къ объявленію приговора въ окончательной формѣ подсудимому по дѣлу, при разсмотрѣніи коего личное его присутствіе признано судомъ необязательнымъ, приговоръ объявляется доставленіемъ ему, по указанному имъ, при производствѣ дѣла, мѣсту жительства, копіи приговора, съ надписью о томъ, въ какой срокъ и въ какомъ порядкѣ онъ можетъ быть обжалованъ. При этомъ срокъ для обжалованія приговора считается со дня врученія копіи его подсудимому, а въ случаѣ отсутствія его изъ указаннаго имъ мѣста жительства—со дня оставленія копіи приговора въ означенномъ мѣстѣ въ порядкѣ, установленномъ статьями 384 и 385 сего устава.

80. Частному обвинителю и гражданскому истцу, неявившимся въ судъ ни ко времени слушанія дѣла, ни къ объявленію приго-

вора въ окончательной формѣ, вслѣдствіе жительства ихъ далѣе 200 верстъ отъ мѣста засѣданія суда, приговоръ объявляется порядкомъ, указаннымъ въ предшедшей (79) статьѣ.

81. Въ случаѣ неявки подсудимаго по дѣлу, при разсмотрѣніи коего личное присутствіе его признано судомъ необязательнымъ, постановленія статей 834^1—834^9 сего устава не примѣняются.

82. Противъ всѣхъ приговоровъ, постановленныхъ окружнымъ судомъ, въ качествѣ суда первой степени, допускаются апелляціонные отзывы подсудимыхъ, частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, равно какъ и апелляціонные протесты лицъ прокурорскаго надзора.

83. Сроки на обжалованіе приговоровъ судебныхъ мѣстъ не считаются пропущенными, если до истеченія ихъ жалоба была сдана въ подлежащее учрежденіе для отправленія по почтѣ.

84. Исполненіе приговора во всемъ томъ, что не выходитъ изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій, согласно статьѣ 947 сего устава, внѣ мѣста нахожденія суда, возлагается на мироваго судью или судебнаго слѣдователя, въ раіонѣ дѣйствія котораго проживаетъ подсудимый.

85. Впредь до устройства или найма особыхъ мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судебныхъ установленій, означенныя лица содержатся въ ближайшихъ къ мѣстамъ ихъ жительства существующихъ арестныхъ помѣщеніяхъ, съ соблюденіемъ установленныхъ по отношенію къ симъ осужденнымъ постановленій.

86. Свидѣтели и другія постороннія дѣлу лица получаютъ путевыя деньги въ установленномъ статьями 193 и 979 сего устава размѣрѣ, въ случаѣ призыва ихъ къ слѣдствію и суду на разстояніи далѣе 50 верстъ.

87. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Семирѣченской обязанности чиновъ корпуса жандармовъ по производству, на основаніи статей 1034—1035^{16} сего устава, дознаній о государственныхъ преступленіяхъ возлагаются въ мѣстностяхъ, въ коихъ не учреждено жандармскихъ управленій, на чиновъ полиціи, которымъ предоставляется и въ прочихъ мѣстностяхъ тѣхъ же областей, впредь до прибытія офицера корпуса жандармовъ, не только принимать первоначальныя, не терпящія отлагательства мѣры, но и замѣнять жандармскаго офицера во всѣхъ вообще дѣйствіяхъ по дознанію.

88. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской дознанія о государственныхъ преступленіяхъ, по окончаніи ихъ, представляются прокурорами судебныхъ палатъ подлежащему Генералъ-Губернатору, который препровождаетъ ихъ Министру Юстиціи, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ.

89. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской опредѣленія и постановленія областныхъ правленій, при несогласіи сихъ опредѣленій и постановленій съ заключеніемъ прокурора въ отношеніи преданія суду обвиняемыхъ должностныхъ лицъ, представляются на разрѣшеніе подлежащаго Генералъ-Губернатора, который, въ случаѣ несогласія его съ заключеніемъ прокурора, представляетъ дѣло на окончательное разрѣшеніе Перваго Департамента Правительствующаго Сената.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 2 іюня 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

935. *О разрѣшеніи безпошлиннаго пропуска иностранныхъ машинъ, потребныхъ для Сибирской и Уральской золотопромышленности.*

936. *Объ измѣненіи устава Русскаго Общества производства химическихъ продуктовъ.*

937. *Объ измѣненіи устава Рижскаго акціонернаго Общества механической, ткацкой, красильной и апретурной фабрики Фридриха Поссе.*

938. *О производствѣ офицерамъ, медицинскимъ и ветеринарнымъ чинамъ Пограничной Стражи квартирныхъ денегъ по новымъ окладамъ.*

21 іюня № 73.

939. *О выпускѣ Государственной 4°/₀ ренты на 20 милл. руб. нариц. для возмѣщенія Государственному казначейству суммъ, израсходованныхъ на пріобрѣтеніе облигацій нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ.*

940. *О выпускѣ 11 серій Государственной 4°/₀ ренты.*

23 іюня № 74.

941. *Объ отчужденіи изъ частнаго владѣнія участка земли подъ постройку зданій для Иголомійской Таможни.*

942. *Объ отчужденіи изъ частнаго владѣнія участка земли подъ постройку зданій для Плекишскаго переходнаго пункта.*

943. *О правахъ иностранцевъ по пріобрѣтенію въ собственность и во временное владѣніе и пользованіе недвижимыхъ имуществъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края.*

Въ попеченіи о преуспѣяніи Кавказской окраины, Всероссійскіе Монархи относились съ неизмѣнною благосклонностью къ иностраннымъ подданнымъ, кои, являясь въ край, своими знаніями въ области промышленности и прилагаемыми къ оной матеріальными средствами содѣйствовали процвѣтанію сей богатой естественными произведеніями страны. Пользуясь на Кавказѣ одинаковыми съ русскими преимуществами, иностранцы сіи имѣютъ право и пріобрѣтенія потребной для ихъ полезной дѣятельности недвижимости. Нынѣ, ни въ чемъ не ограничивая сего права и лишь установляя опредѣленный порядокъ удостовѣренія въ назначеніи таковаго пріобрѣтенія именно для промышленныхъ цѣлей, Мы признали за благо, въ огражденіе интересовъ водворяющихся въ западной и южной пограничныхъ полосахъ Кавказа русскихъ переселенцевъ, воспретить временно иностранцамъ пріобрѣтеніе въ оныхъ внѣ портовыхъ и городскихъ поселеній, недвижимыхъ имуществъ для иныхъ надобностей, кромѣ упомянутыхъ ниже промышленныхъ цѣлей.

Въ сихъ видахъ, согласно съ положеніемъ Комитета Министровъ, Повелѣваемъ:

1) Въ Кубанской области, въ Черноморской губерніи, въ округахъ Сухумскомъ, Батумскомъ и Артвинскомъ, въ уѣздахъ Зугдидскомъ, Сенакскомъ и Озургетскомъ, Кутаисской губерніи, въ Карсской области, въ уѣздахъ Эриванскомъ, Шаруро-Даралагезскомъ, Сурмалинскомъ и Нахичеванскомъ, Эриванской губерніи, Зангезурскомъ и Джебраильскомъ, Елисаветпольской губерніи, и Джеватскомъ и Ленкоранскомъ, Бакинской губерніи, пріобрѣтеніе иностранными подданными внѣ портовыхъ и другихъ городскихъ поселеній права собственности на недвижимыя имущества, а равно права владѣнія и пользованія оными, отдѣльно отъ права собственности, въ частности же вытекающаго изъ договоровъ найма

и аренды, дозволяется для устройства и содержанія заводовъ и фабрикъ и для горнозаводской промышленности по особымъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ. Въ случаѣ сомнѣній въ назначеніи даннаго недвижимаго имущества для одной изъ вышеперечисленныхъ промышленныхъ цѣлей, вопросы сіи представляются главноначальствующимъ съ его заключеніемъ на окончательное разрѣшеніе Министровъ Финансовъ или Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по принадлежности. Правила настоящей статьи не касаются порядка пріобрѣтенія иностранными подданными нефтеносныхъ земель, для коего остаются въ силѣ дѣйствующія законоположенія.

2) Пріобрѣтеніе въ тѣхъ же мѣстностяхъ иностранными подданными упомянутыхъ въ ст. 1 настоящаго Указа правъ на недвижимыя имущества, какими бы то ни было способами и на какомъ бы то ни было изъ допускаемыхъ общими и мѣстными законами основаній для иныхъ, кромѣ указанныхъ въ той же ст. 1 промышленныхъ надобностей, воспрещается, за исключеніемъ лишь найма домовъ, квартиръ и дачъ для временнаго пользованія и личнаго жительства.

3) Въ мѣстностяхъ, означенныхъ въ ст. 1 настоящаго Указа, иностранные подданные могутъ обезпечивать преимущественное право удовлетворенія по долговымъ своимъ требованіямъ пріемомъ въ залогъ недвижимаго имущества, но подобныя обезпеченія и вообще обращеніе взысканія по долговымъ претензіямъ не могутъ имѣть послѣдствіемъ, для иностранцевъ, ни пріобрѣтеніе въ собственность такого имущества, ни вступленіе въ дѣйствительное владѣніе или пользованіе онымъ, если не будетъ удостовѣрено указаннымъ въ ст. 1 порядкомъ назначенія имущества для устройства или содержанія фабрики или завода или для горнозаводской промышленности.

4) Сила и дѣйствіе постановленій предшедшихъ статей распространяются въ равной мѣрѣ на общества, торговыя и промышленныя компаніи и товарищества, образованныя на основаніи иностранныхъ законовъ, хотя бы и получившія разрѣшеніе дѣйствовать въ предѣлахъ Россіи.

5) Постановленія настоящаго Указа не могутъ имѣть обрат-

наго дѣйствія; всякаго же рода сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или обходъ онаго, признаются недѣйствительными.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Въ Царскомъ Селѣ. «*НИКОЛАЙ*».
29 мая 1898 года.

944. *Объ утвержденіи положенія объ управленіи Балтійскимъ судостроительнымъ и механическимъ и Обуховскимъ сталелитейнымъ заводами и штата сихъ заводовъ.*

945. *Объ установленіи квартирныхъ окладовъ для псаломщиковъ военнаго вѣдомства въ губерніяхъ Царства Польскаго.*

946. *Объ учрежденіи классовъ торговаго мореплаванія при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ и объ утвержденіи положенія и штата сего училища.*

947. *Объ утвержденіи измѣненій и дополненій дѣйствующаго устава акціонернаго Общества горныхъ заводовъ въ Олонецкомъ краѣ.*

948. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго (анонимнаго) Общества, подъ названіемъ: „Электрическое освѣщеніе С.-Петербурга“.*

949. *Объ утвержденіи устава Общества пивоваренного завода наслѣдниковъ Ф. Ф. Боте.*

950. *О кодификаціи дѣйствующихъ законоположеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, составленія особыхъ: Свода дѣйствующихъ законоположеній и сборника административныхъ распоряженій и о соотвѣтственной для сего организаціи.*

Опекунскій Совѣтъ, обсудивъ предположенія Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи о производствѣ кодификаціонныхъ работъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи положилъ:

I. Образовать, съ 1 іюля 1898 г., въ составѣ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи кодификаціонную экспедицію.

II. На обязанность кодификаціонной экспедиціи возложить: 1) производство всѣхъ подготовительныхъ кодификаціонныхъ работъ для составленія Свода дѣйствующихъ законоположеній и Сборника административныхъ распоряженій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; 2) редакцію означенныхъ: Свода и Сборника;

3) наблюденіе за дальнѣйшимъ содержаніемъ въ систематическомъ порядкѣ дѣйствующихъ по вѣдомству законоположеній и административныхъ распоряженій, а также составленіе новыхъ изданій: Свода дѣйствующихъ законоположеній и Сборника циркуляровъ вѣдомства и продолженій къ онымъ (кодификація), и 4) представленіе соображеній и заключеній по вносимымъ на законодательное разсмотрѣніе законопроектамъ,—со стороны ихъ отношенія къ прочимъ постановленіямъ дѣйствующаго законодательства.

III. Предоставить кодификаціонной экспедиціи право получать изъ всѣхъ архивовъ и учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи необходимыя для ея работъ свѣдѣнія и справки.

IV. Для провѣрки кодификаціонныхъ работъ, изготовляемыхъ кодификаціонною экспедиціею, а равно для обсужденія встрѣтившихся при кодификаціи вопросовъ, образовать при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи особое совѣщаніе на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) означенное совѣщаніе образуется, подъ предсѣдательствомъ управляющаго дѣлами, изъ юрисконсульта, старшаго чиновника кодификаціонной экспедиціи и его помощниковъ, а также другихъ чиновъ вѣдомства, могущихъ быть полезными дѣлу по своимъ познаніямъ или практической опытности; приглашеніе, въ каждомъ данномъ случаѣ, въ засѣданіе совѣщанія тѣхъ или другихъ чиновъ вѣдомства зависитъ отъ усмотрѣнія предсѣдательствующаго въ засѣданіи; 2) совѣщаніе собирается періодически, по мѣрѣ надобности, по предложенію предсѣдателя; 3) каждому засѣданію совѣщанія ведется особый журналъ, въ коемъ излагается въ краткой, но обстоятельной формѣ, всѣ бывшія въ засѣданіи сужденія по дѣлу и заключеніе совѣщанія; 4) журналы засѣданій совѣщанія подписываются членами, скрѣпляются секретаремъ и представляются Главноуправляющему Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, который и разрѣшаетъ всѣ возникшія въ совѣщаніи сомнѣнія и разногласія, и засимъ, утверждаетъ журналы къ исполненію, и 5) секретарскія обязанности по совѣщанію возлагаются на одного изъ помощниковъ старшаго чиновника кодификаціонной экспедиціи.

V. Всѣ составленные кодификаціонною экспедиціею и разсмотрѣнные особымъ со вѣщаніемъ проекты изданій представлять, вмѣстѣ съ объяснительными записками и журналами засѣданій совѣщанія, на разсмотрѣніе и утвержденіе Высочайше учрежденной 10 октября

1892 г. коммисіи для изданія полнаго собранія узаконеній вѣдомства.

VI. Одобренные коммисіею кодификаціонные труды издавать сразу, въ полномъ ихъ объемѣ, или же постепенно выпускомъ отдѣльныхъ частей.

VII. Вышедшія изданія отдѣльныхъ томовъ или частей Свода дѣйствуюшихъ законоположеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи обнародовать установленнымъ порядкомъ, чрезъ Правительствующій Сенатъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, объявляемыхъ Главноуправляющимъ собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

VIII. Личный составъ кодификаціонной экспедиціи образовать изъ трехъ чиновъ: старшаго чиновника и двухъ помощниковъ старшаго чиновника, присвоивъ этимъ должностямъ служебныя права и оклады содержанія, установленные дѣйствующимъ штатомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

IX. На приведеніе всѣхъ изложенныхъ предположеній въ исполненіе испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Такое положеніе Опекунскаго Совѣта Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе.

Государь Императоръ, въ 4 день іюня 1898 года, на положеніе Опекунскаго Совѣта Высочайше соизволилъ.

951. *Объ утвержденіи правилъ о причисленіи къ новому періоду остающихся на сахарныхъ заводахъ свободныхъ излишковъ сахара.*

26 іюня № 75.

952. *Объ отчужденіи частнаго земельнаго недвижимаго имущества подъ устройство сооружаемаго въ мѣстечкѣ Геническѣ порта.*

953. *Объ отчужденіи земли для проложенія по новому направленію части транспортной дороги между городами Старымъ и Новымъ Осколомъ, Курской губерніи.*

954. *Объ отчужденіи земельнаго участка для возведенія зда-*

ній подъ лазаретъ Волочиской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

955. *О присоединеніи недвижимыхъ имѣній въ Курской губерніи и усадебнаго мѣста въ городѣ Кіевѣ къ Теткинскому заповѣдному имѣнію Тайнаго Совѣтника Николы Терещенко.*

956. *Объ обращеніи недвижимаго имѣнія Титулярнаго Совѣтника Владиміра Пржевальскаго въ Смоленской губерніи въ заповѣдное.*

957. *Объ увеличеніи содержанія военнымъ губернаторамъ и начальникамъ областей, состоящихъ въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.*

958. *Объ измѣненіи сбора съ паровыхъ котловъ.*

959. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества по постройкѣ домовъ съ дешевыми гигіеническими квартирами.*

960. *О разрѣшеніи акціонерному Обществу Ревельскаго химическаго завода Рихардъ Майеръ выпуска облигацій и объ измѣненіи устава сего Общества.*

961. *Объ измѣненіи примѣчанія 1 къ ст. 322 Уст. Стр., по прод. 1886 года.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ дѣлъ, въ 9 день апрѣля 1898 года, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ измѣненіе примѣчанія 1 къ ст. 322 Уст. Стр., по прод. 1886 года, впредь представлять на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе, установленнымъ въ упомянутомъ примѣчаніи порядкомъ, лишь фасады частныхъ построекъ, выходящіе на Невскій проспектъ—отъ Адмиралтейской площади до Лиговской улицы, на Большую Морскую улицу и на Набережную рѣки Большой Невы—отъ Николаевскаго до Александровскаго моста; фасады же и проекты прочихъ частныхъ построекъ въ столицѣ—предоставить утверждать Городской Управѣ.

962. *Объ утвержденіи устава сберегательной кассы служащихъ Высочайше утвержденнаго акціонернаго Общества сахарнаго и рафинаднаго завода „Юзефовъ“.*

963. *Объ утвержденіи устава и штата Плещеевской низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда въ память Алексѣя Николаевича Плещеева, въ имѣніи Николая Алексѣевича Плещеева, при селѣ Шанталовѣ Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи.*

27 Іюня № 76.

964. *Объ утвержденіи положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Проектъ положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

II. Поручить Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ войти въ соображеніе вопроса о предоставленіи земствамъ и городамъ участія во всѣхъ видахъ государственнаго промысловаго налога (отд. I) и объ условіяхъ сего участія, а также о вызываемыхъ этою мѣрою преобразованіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о мѣстномъ обложеніи торговли и промысловъ, и предположенія по сему предмету внести на утвержденіе, установленнымъ порядкомъ, въ возможно непродолжительномъ времени.

III. Впредь до утвержденія упомянутаго въ отд. II представленія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, постановить въ измѣненіе дѣйствующихъ узаконеній объ обложеніи торговыхъ документовъ мѣстными сборами слѣдующія правила:

1) Установленные въ земскіе и городскіе доходы, а также на губернскія земскія повинности, сборы съ торговыхъ документовъ взимаются съ промысловыхъ свидѣтельствъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ цѣны промысловыхъ свидѣтельствъ на торговыя предпріятія I и II разрядовъ (включая и ярмарочныя), на промышленныя предпріятія первыхъ пяти разрядовъ, а также съ цѣны промысловыхъ свидѣтельствъ, выбираемыхъ на пароходныя предпріятія,—не свыше пятнадцати процентовъ, а съ цѣны всѣхъ прочихъ промысловыхъ свидѣтельствъ—не свыше десяти процентовъ.

2) Городскіе сборы взимаются только съ тѣхъ промысловыхъ свидѣтельствъ, которыя выбраны на предпріятія, находящіяся въ предѣлахъ городскихъ поселеній; земскими же сборами или сборомъ на губернскія земскія повинности облагаются промысловыя свидѣтельства на предпріятія, находящіяся какъ въ предѣлахъ городскихъ поселеній, такъ и внѣ оныхъ.

3) Установленный Высочайше утвержденнымъ, 27 декабря 1878 г., журналомъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго сборъ съ торговыхъ документовъ въ пользу губернскаго земскаго дорожнаго сбора взимается со всѣхъ выдаваемыхъ въ губерніяхъ Цар-

ства Польскаго, за исключеніемъ г. Варшавы, промысловыхъ свидѣтельствъ, въ размѣрѣ десяти процентовъ съ ихъ цѣны.

4) Сборъ, взимаемый въ городскіе доходы въ губерніяхъ Царства Польскаго, подъ наименованіемъ канона съ заработковъ, сохраняется на существующихъ основаніяхъ, за исключеніемъ г. Варшавы, въ которомъ сборы съ промысловыхъ свидѣтельствъ въ городскіе доходы взимаются на общемъ основаніи со всѣми прочими городскими поселеніями Имперіи.

5) Прибавочные сборы, установленные съ торговыхъ докумен-ментовъ въ пособіе государственному казначейству въ мѣстностяхъ, упомянутыхъ въ ст. 447 уст. прям. нал. (св. зак. т. V, изд. 1893 г.) и въ ст. 454[1] того же устава, по прод. 1895 г., сохраняются на существующемъ основаніи въ установленномъ размѣрѣ, при чемъ къ свидѣтельствамъ первой гильдіи приравниваются промысловыя свидѣтельства на торговыя предпріятія I разряда, на промышленныя предпріятія первыхъ трехъ разрядовъ, а также на пароходныя предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено въ годъ основнаго промысловаго налога свыше пятисотъ рублей, а къ свидѣтельствамъ второй гильдіи—промысловыя свидѣтельства на торговыя предпріятія II, на промышленныя предпріятія IV и V разрядовъ, а также на пароходныя предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено въ годъ основнаго промысловаго налога свыше пятидесяти до пятисотъ рублей.

6) Установленный п.п. 1 и 2 ст. 449 уст. прям. налог. (св. зак. т. V, изд. 1893 г.) сборъ съ торговыхъ документовъ въ пособіе государственному казначейству взимается со всѣхъ выдаваемыхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго промысловыхъ свидѣтельствъ въ размѣрѣ десяти процентовъ съ ихъ цѣны.

IV. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Лица, имѣющія право, на основаніи существующихъ узаконеній, вступать въ купеческое сословіе и приписанныя установленнымъ порядкомъ къ купеческимъ обществамъ, пользуются, при условіи взятія упомянутыхъ въ слѣдующей (2) статьѣ сословныхъ купеческихъ свидѣтельствъ, правами: купцовъ первой гильдіи,— въ случаѣ выборки ими промысловыхъ свидѣтельствъ на торговыя предпріятія перваго разряда, или на промышленныя предпріятія одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ, или на пароходныя предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено свыше пятисотъ рублей

въ годъ основнаго промысловаго налога, и купцовъ второй гильдіи,—въ случаѣ выборки ими промысловыхъ свидѣтельствъ на торговыя предпріятія втораго разряда, или на промышленныя предпріятія четвертаго либо пятаго разрядовъ, на пароходныя предпріятія, за содержаніе которыхъ уплачено основнаго промысловаго налога свыше пятидесяти до пятисотъ рублей въ годъ.

2) Начальникъ семейства, желающій пользоваться сословными купеческими правами, обязанъ, одновременно съ выборкою промысловаго свидѣтельства (ст. 1), взять на свое имя сословное купеческое свидѣтельство, съ уплатою за оное въ доходъ государственнаго казначейства въ годъ: по первой гильдіи—пятидесяти рублей, а по второй—двадцати рублей, независимо отъ уплаты мѣстныхъ сборовъ, установленныхъ на сословныя купеческія и общественныя надобности.

3) Промысловое свидѣтельство, выданное на имя полнаго товарищества или торговаго дома, даетъ право на полученіе, съ соблюденіемъ указанныхъ въ ст. 1 и 2 условій, только одного сословнаго купеческаго свидѣтельства на имя главы этого дома; всѣ же прочіе компаніоны или участники могутъ пріобрѣсти это право лишь при условіяхъ означенныхъ въ ст. 1 и 2.

4) При невозобновленіи въ установленный срокъ означенныхъ въ ст. 1—3 свидѣтельствъ, начальникъ купеческаго семейства и всѣ внесенныя въ его сословное купеческое свидѣтельство лица считаются выбывшими изъ купеческаго сословія.

V. Постановить, что горнопромышленныя предпріятія обязаны вести по установленной Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, формѣ, шнуровыя книги для записи извлекаемыхъ изъ нѣдръ земли минеральныхъ веществъ (рудъ, ископаемаго угля, соли и нефти) и предъявлять эти книги, для провѣрки, чинамъ податнаго надзора.

VI. Установленную ст. 767 уст. горн. (св. зак. т. VII, изд. 1893 г.) и 804 ст. того же устава, по прод. 1895 г., горную подать съ мѣди, ртути и цинка отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы взимаемая съ мѣди на заводахъ поссессіонныхъ добавочная подать въ размѣрѣ пятидесяти копѣекъ съ пуда (п. 2 ст. 804 уст. горн., по прод. 1895 г.) и двадцати пяти копѣекъ съ пуда (п. 3 той же статьи) была оставлена на существующихъ основаніяхъ.

VII. Отмѣнить ст. 213—232, 234, 235 (безъ прим. 1), 237—

257, 259, 260, прим. 1—4 къ ст. 261, ст. 262—284, 286, 287, 289, 292—294, 301, 306, 309—370, 372, 374—379 и 382—446 уст. прям. нал. (св. зак. т. V, изд. 1893 г.), ст. 223[1], 223[2] (съ прим.), примѣчанія къ ст. 224, 255 и 256, ст. 258 и 261, примѣчанія къ ст. 273, 322, 382 и 392, ст. 404 (прим. 4 и 5), 407 (прим. 3) и 438 (прим. 3) того же устава по прод. 1895 г., ст. 537 уст. пошл. (св. зак. т. V, изд. 1857 г.), ст. 2149 зак. гражд. (св. зак. т. X, ч. 1, изд. 1887 г.) и ст. 162—164 уст. пром. (св. зак. т. XI, ч. II, изд. 1893 г.).

VIII. Вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты Департамента Торговли и Мануфактуръ, съ 1 января 1899 года: а) *шестьсотъ восемьдесятъ восемь тысячъ четыреста двадцать* рублей на расходы по взиманію государственнаго промысловаго налога, съ тѣмъ, чтобы эта сумма распредѣлялась между различными податными учрежденіями и казначействами сообразно дѣйствительной потребности, по усмотрѣнію Министра Финансовъ, и б) *триста восемьдесятъ тысячъ* рублей на выдачу пособій къ штатному содержанію лицамъ, участвующимъ въ надзорѣ за поступленіемъ государственнаго промысловаго налога и въ завѣдываніи онымъ (въ томъ числѣ 76.000 р. чинамъ Департамента Торговли и Мануфактуръ и 304.000 р. чинамъ казенныхъ палатъ и податнымъ инспекторамъ и ихъ помощникамъ), исключивъ, съ того же срока, изъ названной смѣты, 348.250 р., ассигнуемыхъ нынѣ на дѣлопроизводство по торговой части въ казенныхъ палатахъ и 192.500 р., ассигнуемыхъ на означенные въ п. *б.* расходы.

IX. Предоставить Министру Финансовъ установить подробныя правила распредѣленія означенныхъ въ п. б. предъидущаго (VIII) отдѣла пособій, съ тѣмъ, чтобы съ сихъ пособій удерживалось 2% на пенсіи.

X. Настоящее узаконеніе ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1899 года, съ тѣмъ, чтобы выдача промысловыхъ и сословныхъ купеческихъ свидѣтельствъ, а равно взиманіе мѣстныхъ сборовъ съ промысловыхъ свидѣтельствъ, производилось уже въ текущемъ 1898 году на основаніи положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (отд. I), а также отд. III и IV.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 8 іюня 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

30 іюня № 77.

965. *Объ отчужденіи земель и имуществъ для сооруженія керосинопровода отъ станціи Михайлово до станціи Батумъ Закавказской желѣзной дороги.*

966. *О досрочномъ выкупѣ нѣкоторыхъ 4% облигаціонныхъ займовъ и о выпускѣ Государственной 4% ренты.*

967. *Объ обращеніи ассигнуемыхъ на выдачу пособій новорукоположеннымъ и перемѣщаемымъ священникамъ 24.000 р. на вспособленіе причтамъ каѳедральныхъ соборовъ.*

968. *Объ упраздненіи больницы приказа общественнаго призрѣнія въ городѣ Рогачевѣ, Могилевской губерніи.*

969. *Объ измѣненіи редакціи ст. 12 и 15 закона 14 марта 1894 года въ смыслѣ предоставленія права на отводъ квартиръ у обывателей казакамъ строеваго и запаснаго разрядовъ.*

970. *О продолженіи взиманія временно установленнаго въ г. Гапсалѣ сбора съ лицъ, пріѣзжающихъ въ этотъ городъ на лѣтній сезонъ.*

971. *Объ условіяхъ ликвидаціи участія земскихъ учрежденій въ кредитныхъ установленіяхъ, образованныхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 17 мая 1871 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ предложить, за изъятіемъ, указаннымъ ниже, въ отдѣлѣ III, всѣмъ земскимъ учрежденіямъ, принимающимъ участіе въ образованныхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 17 мая 1871 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта кредитныхъ установленіяхъ, опредѣлить, по соглашенію съ этими установленіями, тѣ условія ликвидаціи участія земскихъ учрежденій въ упомянутыхъ кредитныхъ установленіяхъ, кои послѣднія признаютъ для себя наименѣе обременительными и согласными съ постановленіями ихъ уставовъ

II. Окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся порядка и срока означенной ликвидаціи (отд. I), предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ.

III. С.-Петербургскому уѣздному земству разрѣшить, въ видѣ изъятія, участвовать и на будущее время въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго кредита, на существующихъ основаніяхъ.

IV. Статьи 59—66 раздѣла X устава кредитнаго (изд. 1893 г.)— отмѣнить.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 27 апрѣля, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

972. *Объ отмѣнѣ росписокъ плательщиковъ въ полученіи квитанцій на суммы, вносимыя въ казначейства.*

973. *Объ измѣненіяхъ въ устройствѣ ветеринарнаго надзора въ областяхъ Донской, Кубанской и Терской.*

974. *О разрѣшеніи учрежденіямъ долгосрочнаго кредита погашать закладные листы и облигаціи ихъ, какъ посредствомъ тиражей, такъ и покупкою на биржѣ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Министру Финансовъ предоставляется дополнять уставы учрежденій долгосрочнаго кредита, по ихъ о томъ ходатайствамъ, въ смыслѣ разрѣшенія симъ учрежденіямъ производить погашеніе выпускаемыхъ ими закладныхъ листовъ и облигацій какъ посредствомъ тиражей, такъ и покупкою на биржѣ, съ тѣмъ: 1) чтобы погашеніе покупкою на биржѣ взамѣнъ тиража не допускалось относительно закладныхъ листовъ и облигацій, выпущенныхъ кредитнымъ учрежденіемъ до изданія настоящаго узаконенія; 2) чтобы общая сумма покупаемыхъ учрежденіемъ закладныхъ листовъ и облигацій, вмѣстѣ съ погашаемыми посредствомъ тиражей, составляла, къ опредѣленнымъ въ уставѣ учрежденія срокамъ, не менѣе той суммы, которая подлежитъ погашенію согласно уставу, и 3) чтобы выкупленные закладные листы и облигаціи уничтожались порядкомъ, установленнымъ въ семъ отношеніи для вышедшихъ въ тиражъ закладныхъ листовъ и облигацій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 2 іюня, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

975. *О снабженіи чиновъ казенной лѣсной стражи огнестрѣльнымъ оружіемъ.*

976. *Объ измѣненіи примѣчанія 3 къ статьѣ 244 устава о земскихъ повинностяхъ, по продолженію 1890 года.*

977. *О назначеніи добавочнаго содержанія одному изъ участковыхъ мировыхъ судей Рижско-Вольмарскаго округа.*

978. *Объ установленіи съ лаковыхъ и уксусныхъ заводовъ сбора на содержаніе акцизнаго надзора.*

979. *Объ измѣненіи штатовъ морскихъ: кадетскаго корпуса и техническаго училища Императора Николая I.*

980. *Объ объявленіи г. Нижняго-Новгорода и прилегающихъ уѣздовъ въ положеніи усиленной охраны.*

981. *О переформированіи Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ въ двухъ-батальонные полки и объ образованіи изъ Приморскаго коннаго дивизіона драгунскаго полка.*

982. *Объ измѣненіи устава Товарищества крахмальнаго производства Я. Вильмсъ и К°.*

983. *Объ измѣненіи „Списка высшихъ размѣровъ дополнительныхъ сборовъ, разрѣшенныхъ ко взиманію на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, открытыхъ для общественнаго пользованія".*

984. *О цѣнахъ для пріема процентныхъ бумахъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза за вино и табакъ и въ обезпеченіе платежа таможенныхъ пошлинъ, за второе полугодіе 1898 года.*

985. *О цѣнахъ процентныхъ бумагъ для исчисленія пошлины съ безмезднаго ихъ перехода на второе полугодіе 1898 года.*

986. *Объ установленіи на второе полугодіе 1898 г. цѣнъ на хлѣбное вино и спиртъ въ той части области войска Донскаго, которая входитъ въ раіонъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна.*

987. *О порядкѣ и условіяхъ досрочнаго выкупа нѣкоторыхъ 4°/о облигаціонныхъ займовъ.*

988. *Объ учрежденіи при заводѣ Уральско-Волжскаго металлургическаго Общества въ Царицынскомъ уѣздѣ должности полицейскаго надзирателя 1 разряда.*

989. *Объ учрежденіи на фабрикахъ въ селеніяхъ Киселевѣ и Яковлевскомъ, Нерехтскаго уѣзда, двухъ должностей коннополицейскихъ урядниковъ.*

1 іюля № 78.

990. *О деклараціи между Россіей и Даніей о взаимномъ покровительствѣ торговымъ и фабричнымъ клеймамъ.*

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, 24 іюня 1898 года, увѣдомилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, Министра, докладу, въ 6 день іюня 1898 года, Высочайше соизволилъ на подписаніе имъ, совмѣстно съ Датскимъ Посланникомъ, деклара-

ціи о взаимномъ покровительствѣ торговымъ и фабричнымъ клеймамъ и что таковое подписаніе означенной деклараціи состоялось 17 іюня 1898 года.

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Въ виду признанія Правительствомъ Его Величества Императора Всероссійскаго и Правительствомъ Его Величества Короля Датскаго полезнымъ упрочить за русскими и датскими торговыми и фабричными клеймами взаимное покровительство, нижеподписавшіеся, надлежащимъ образомъ къ тому уполномоченные, условились о нижеслѣдующемъ.

Статья I.

Подданные каждой изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ будутъ въ предѣлахъ территоріи другой Стороны, пользоваться относительно всего, что касается правъ собственности на торговыя и фабричныя клейма, тѣмъ-же покровительствомъ, какъ и туземцы, но подъ условіемъ соблюденія формальностей, предписанныхъ на сей предметъ соотвѣтствующими законами обоихъ государствъ.

При этомъ дозволяется, однако, русскимъ подданнымъ въ Даніи и датскимъ въ Россіи представлять клейма къ регистраціи въ той формѣ, которая отъ нихъ на родинѣ требуется для признанія клеймъ дѣйствительными, но при условіи, чтобы они не заключали въ себѣ чего-либо противнаго нравственности или общественному порядку.

Въ регистраціи датскаго клейма въ Россіи и русскаго въ Даніи можетъ быть отказано въ томъ случаѣ, если представленное клеймо недостаточно отличается отъ клейма уже ранѣе зарегистрированнаго на основаніи законоположеній данной страны.

Подданные одного изъ государствъ не могутъ пользоваться въ предѣлахъ другого покровительствомъ, относительно своихъ клеймъ, свыше той мѣры и долѣе того срока, которые установлены для нихъ на родинѣ.

Статья II.

Настоящее условіе войдетъ съ той и съ другой стороны въ дѣйствіе немедленно по оффиціальномъ обнародованіи онаго, и будетъ имѣть силу договора до истеченія шести мѣсяцевъ съ того дня, съ котораго тою или другою изъ договаривающихся Сторонъ будетъ заявлено о прекращеніи его дѣйствія.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся составили настоящую декларацію и приложили къ оной печати своихъ гербовъ.

Учинено въ двухъ экземплярахъ въ С.-Петербургѣ $^{17}/_{29}$ іюня 1898 года.

(Подп.) Графъ Муравьевъ.
М. П.
(Подп.) Лёвенёрнъ.
М. П.

991. *О примѣненіи правилъ 20 сентября 1897 г. о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени къ нѣкоторымъ отраслямъ фабрично-заводской промышленности.*

3 іюля № 79.

992. *О порядкѣ полученія иновѣрцами, принявшими христіанство, свидѣтельствъ для приписки къ городскимъ или сельскимъ христіанскимъ обществамъ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Правила о снабженіи безплатными билетами новокрещенныхъ иновѣрцевъ, населяющихъ бывшій Оренбургскій край, впредь до приписки ихъ къ христіанскимъ обществамъ,—отмѣнить.

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

„Иновѣрцамъ, принявшимъ христіанство, предоставляется, для приписки къ городскимъ или сельскимъ христіанскимъ обществамъ, получать свидѣтельства на основаніи статьи 18 положенія о видахъ на жительство“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 11 мая, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

993. *Объ утвержденіи устава Общества „Русскій Пегамоидъ“.*

994. *О продленіи опекунскаго управленія надъ имуществомъ вдовы Тайнаго Совѣтника баронессы Варвары Корфъ.*

995. *О распространеніи льготъ, указанныхъ въ ст.ст. 16—20 приложенія къ ст. 289 уст. ссыльн., по прод. 1895 г., на ссыльныхъ, исполняющихъ разнаго рода работы при предпріятіяхъ, состоящихъ въ завѣдываніи Управленія по сооруженію Сибирской желѣзной дороги.*

Государь Императоръ, въ присутствіи Комитета Сибирской же-

лѣзной дороги и Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Въ дополненіе къ ст. 11 приложенія къ ст. 289 уст. ссыльн., по прод. 1895 г., постановить:

„Льготы, указанныя въ ст. 16—20 сего приложенія, предоставляются ссыльно-поселенцамъ, сосланнымъ на житье и принудительно удаленнымъ въ порядкѣ административномъ, исполняющимъ по вольному найму работы какъ по постройкѣ желѣзнодорожнаго пути, такъ и при вспомогательныхъ предпріятіяхъ, состоящихъ въ завѣдываніи Управленія по сооруженію Сибирской желѣзной дороги, а также служащимъ по вольному найму въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ и конторахъ".

На журналъ Комитета Его Императорскому Величеству, въ 13 день мая 1898 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Исполнить".

996. *О введеніи въ отдѣльномъ Корпусѣ Пограничной Стражи конскаго снаряженія новаго образца, табели дополнительнаго вещеваго довольствія на судахъ флотиліи и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ формѣ обмундированія и снаряженія.*

997. *Объ утвержденіи рисунка медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Михельсона.*

4 іюля № 80.

998. *Объ отчужденіи частнаго земельнаго недвижимаго имущества для расширенія порта въ посадѣ Туапсе.*

999. *Объ отчужденіи земли подъ устройство подъѣзднаго пути частнаго пользованія отъ кирпично-черепичнаго завода княгини Куракиной, въ Мологскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, до Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги, близъ станціи Шестихино.*

1000. *Объ учрежденіи вице-консульства въ Сеистанѣ.*

1001. *О переименованіи Россійской миссіи въ Вашингтонѣ въ посольство.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Переименовать нашу миссію при Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ посольство, присвоивъ послу 1 разрядъ по шитью на мундирѣ и годовой окладъ содержанія въ размѣрѣ 45.000 р. и сохранивъ, въ остальномъ, безъ измѣненія существую-

щія въ семъ установленіи число и почетныя преимущества должностныхъ лицъ и денежные отпуски.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 18 мая 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1002. *Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Пабіяницкой писчебумажной фабрики Роб. Зенгеръ.*

1003. *Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Одесскаго пробочнаго завода Эд. Арнсъ и К°.*

1004. *Объ учрежденіи надъ имуществомъ свѣтлѣйшаго князя Петра Дмитріевича Волконскаго опекунскаго управленія.*

1005. *Объ учрежденіи надъ имуществомъ графини Софіи Васильевны Келлеръ опекунскаго управленія.*

1006. *Объ измѣненіяхъ въ форменной одеждѣ чиновъ корпуса лѣсничихъ.*

1007. *Объ учрежденіи въ пос. Грязи, при станціи Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ того-же наименованія, двухъ должностей городовыхъ.*

7 іюля № 81.

1008. *О передачѣ Абастуманскихъ минеральныхъ водъ въ военное вѣдомство.*

1009. *О распространеніи дѣйствій земельныхъ банковъ на Туркестанскій край.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1. Акціонернымъ земельнымъ банкамъ, по ходатайствамъ о томъ ихъ общихъ собраній, можетъ быть разрѣшаемо производство въ Туркестанскомъ краѣ операцій по выдачѣ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ чертѣ городовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уставахъ банковъ, получившихъ такое разрѣшеніе, было оговариваемо, что они могутъ владѣть въ продолженіи года оставшимися за ними по безуспѣшности торговъ за неплатежъ долга недвижимыми имуществами, но если въ теченіе этого срока означенныя имущества не будутъ проданы, то не только недоимки въ банковыхъ платежахъ и въ податяхъ и земскихъ сборовъ, но и самые капитальные долги по симъ имуществамъ должны быть покрыты полностью изъ банковыхъ прибылей.

2. Упомянутыя въ ст. 1 ходатайства акціонерныхъ земельныхъ банковъ должны быть заявляемы Туркестанскому генералъ-губернатору и затѣмъ препровождаемы при его заключеніи Министру Финансовъ, отъ котораго зависитъ окончательное ихъ разрѣшеніе, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 18 мая 1898 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1010. *О признаніи метеоритовъ государственною собственностью.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Постановить относительно метеоритовъ слѣдующія правила.

1. Метеориты (метеорные камни, аэролиты, камни, падающіе съ неба) составляютъ государственную собственность и подлежатъ передачѣ въ правительственные естественно-историческіе музеи.

2. Лицо, нашедшее метеоритъ, обязано или само препроводить его въ музей (ст. 1), по своему выбору, или сдать метеоритъ кому нибудь изъ чиновъ учебнаго вѣдомства либо мѣстной администраціи, или заявить музею либо одному изъ указанныхъ должностныхъ лицъ о мѣстѣ нахожденія метеорита, для зависящихъ съ ихъ стороны распоряженій относительно доставки его въ музей. Нашедшему метеоритъ, въ случаѣ неуказанія избраннаго имъ музея, объявляется, въ какой музей переданъ метеоритъ.

II. Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія, одновременно съ обнародованіемъ настоящаго узаконенія (отд. I), издать, по сношеніи съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Финансовъ, и распубликовать установленнымъ порядкомъ, чрезъ Правительствующій Сенатъ, во всеобщее извѣстіе, правила относительно вознагражденія лицъ, доставившихъ метеориты по назначенію или объявившихъ о ихъ находкѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 25 мая 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1011. *О смѣтѣ и раскладкѣ земскихъ повинностей Туркестанскаго края на 1898 г.*

1012. *Объ учрежденіи должности смотрителя Сарычскаго маяка.*

1013. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ условій вознагражденія должностныхъ лицъ акцизнаго надзора.*

1014. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества керамическихъ заводовъ „Дзевульскій и Ляне".*

1015. *О примѣненіи правилъ 20 сентября 1897 года о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени къ нѣкоторымъ отраслямъ фабрично-заводской промышленности.*

1016. *Объ утвержденіи устава Пензенскаго Товарищества сельскихъ хозяевъ.*

9 Іюля № 82.

1017. *О служебныхъ преимуществахъ должности смотрителя Тендровскаго маяка.*

1018. *Объ установленіи въ Темрюкѣ попуднаго сбора съ привозимыхъ въ сей портъ и вывозимыхъ изъ онаго товаровъ.*

1019. *Объ измѣненіи границъ Бакинскаго нефтянаго раіона и объ отмѣнѣ, по отношенію къ этому раіону, дѣйствія ст. 898 устава объ акц. сб., изд. 1893 г.*

1020. *Объ установленіи особой платы землемѣрамъ поземельно-податныхъ коммисій Туркестанскаго края за сверхурочныя работы.*

1021. *О порядкѣ распредѣленія по спеціальностямъ и судамъ старшихъ боцмановъ и кондукторовъ флота.*

1022. *О преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.*

1023. *Объ утвержденіи устава Русскаго акціонернаго Общества для производства принадлежностей переносныхъ полевыхъ, лѣсныхъ и промышленныхъ желѣзныхъ дорогъ системы Спальдинга и другихъ системъ.*

1024. *Объ утвержденіи устава Воронежскаго горнопромышленнаго Общества.*

1025. *О сохраненіи на дальнѣйшее время должностей повивальныхъ бабокъ въ Ардаганѣ, Чиръ-Юртѣ и Кусарахъ.*

1026. *Объ упраздненіи должности ветеринарнаго врача при управленіи Керкинскаго воинскаго начальника и объ учрежденіи таковой же должности при военной канцеляріи начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла.*

1027. *Объ образованіи 3 Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады.*

1028. *Объ измѣненіи устава Тифлисскаго дворянскаго земельнаго банка.*

10 іюля № 83.

1029. *Объ учрежденіи въ гор. Севастополѣ шестиклассной прогимназіи.*

1030. *Объ усиленіи штата фельдшерской школы при Николаевскомъ морскомъ госпиталѣ въ Кронштадтѣ.*

1031. *Объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы.*

1032. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: Русскій Провидансъ въ Маріуполѣ, анонимное Общество.*

1033. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества спичечныхъ фабрикъ Ворожцова и Логинова.*

1034. *Объ увеличеніи отпуска денегъ на улучшеніе общественнаго быта офицеровъ лейбъ-гвардіи Резервнаго пѣхотнаго полка.*

1035. *О сформированіи 6 роты Владивостокской крѣпостной артиллеріи и Посьетской крѣпостной артиллерійской команды.*

1036. *Объ утвержденіи положенія о стипендіи вдовы врача надворнаго совѣтника Евдокіи Васильевны Родосской.*

1037. *Объ измѣненіи ст. 74 кн. XV св. воен. пост. 1869 г. изд. 2 и ст. 533 кн. VII того же свода, касающихся военныхъ инженеровъ, откомандировываемыхъ по окончаніи Николаевской Инженерной Академіи на службу въ Морскую Строительную часть.*

1038. *О леченіи на счетъ казны ратниковъ Государственнаго ополченія, призванныхъ въ учебный сборъ.*

1039. *Объ утвержденіи соглашенія объ обмѣнѣ маловѣсныхъ посылокъ между Россіей и Франціей.*

1040. *О нагрудномъ знакѣ въ ознаменованіе столѣтія со дня учрежденія Лѣснаго Департамента.*

1041. *О празднованіи 250-ти лѣтняго юбилея г. Симбирска и объ утвержденіи рисунка жетона, въ память сего юбилея.*

1042. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ формѣ чиновъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.*

1043. *Объ утвержденіи устава сберегательно-вспомогательной кассы служащихъ Товарищества Воскресенскаго свекло-сахарнаго завода.*

1044. *О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ*

слѣдующихъ за акціи Гродзецкаго Общества каменноугольной и заводской промышленности.

1045. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за паи перваго Товарищества зерноваго и мучнаго хлѣбопеченія и квасоваренія.*

1046. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: Южная торговля аптекарскими товарами.*

1047. *Объ учрежденіи въ сельцѣ Ютановкѣ съ хуторомъ Становымъ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

1048. *Объ учрежденіи въ дер. Алексѣевкѣ, близъ ст. Ундолъ, Владимірскаго уѣзда, должности конно-полицейскаго урядника.*

1049. *О назначеніи на Гусевскій заводъ, Владимірской губ., полицейскаго пристава, 10 конныхъ полицейскихъ урядниковъ и 20 городовыхъ.*

1050. *Объ учрежденіи на сахарномъ заводѣ Харитоненко, въ с. Парафіевкѣ, Борзенскаго уѣзда, Черниговской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

14 іюля № 84.

1051. *Объ отчужденіи земель и имуществъ подъ производство дополнительныхъ работъ съ цѣлью развитія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.*

1052. *Объ отчужденіи земельнаго участка въ городѣ Ялтѣ для надобностей Южнобережскаго шоссе.*

1053. *Объ отчужденіи изъ владѣнія Статскаго Совѣтника Бекаревича земельнаго участка съ постройками на ономъ для продолженія бывшей Коннозаводской, нынѣ Офицерской, улицы въ г. Могилевѣ.*

1054. *О продленіи дѣйствія временно усиленнаго штата Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ.*

1055. *Объ устройствѣ управленія ветеринарною частью въ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ.*

1056. *Объ утвержденіи устава Пудожгорскаго горнопромышленнаго Общества.*

1057. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: Русско-Бельгійское анонимное Общество цѣльно-рѣшетчаго металла.*

1058. *Объ утвержденіи устава Товарищества Старо-Животовскихъ свеклосахарнаго и рафинаднаго заводовъ.*

1059. *О присвоеніи Новороссійской женской прогимназіи наименованія „Александринской“.*

1060. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующей табели для вычета на тару.*

1061. *О правилахъ перевозки собакъ въ поссажирскихъ поѣздахъ.*

1062. *Объ усиленіи состава полиціи г. Таганрога.*

16 іюля № 85.

1063. *О расходѣ на постройку новой бани при Печерской богадѣльнѣ Могилевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія.*

1064. *О расходѣ на производство дополнительныхъ работъ по ремонту флигеля при госпиталѣ Св. Іакова въ г. Вильнѣ.*

1065. *Объ измѣненіи порядка возмѣщенія расходовъ по содержанію пробирныхъ надзирателей.*

1066. *Объ освобожденіи городовъ отъ расходовъ по отопленію и освѣщенію тюремъ, съ перенесеніемъ сихъ расходовъ на счетъ государственнаго казначейства.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Освободить съ 1-го января 1900 г. отъ расходовъ по отопленію и освѣщенію тюремъ города Имперіи, за исключеніемъ городовъ Закавказья, Туркестанскаго края, областей войска Донскаго, Кубанской, Терской и Уральской и губерній Лифляндской и Эстляндской, съ отнесеніемъ упомянутыхъ расходовъ на счетъ государственнаго казначейства.

II. Прекратить съ того же срока въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется указанная въ отд. I мѣра, производство изъ казны нѣкоторымъ городамъ пособій на вышеупомянутые расходы

и исключить изъ доходовъ казны поступленія изъ городскихъ средствъ въ возмѣщеніе расходовъ на тотъ же предметъ.

Его Императорское Величество воспослѣдоваашее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 18 мая 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1067. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ уставахъ Тифлисскаго и Михайловскаго Кутаисскаго дворянскихъ земельныхъ банковъ.*

1068. *Объ утвержденіи новаго штата музея Императорской Академіи Наукъ по антропологіи и этнографіи.*

1069. *Объ утвержденіи штата Севастопольскаго морского госпиталя и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатахъ другихъ морскихъ госпиталей.*

1070. *Объ утвержденіи устава Русско-Скандинавскаго Общества внѣшней торговли.*

1071. *Объ утвержденіи устава Гумбейскаго золотопромышленнаго акціонернаго Общества.*

17 іюля № 86.

1072. *Объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ.*

1073. *Объ административно-полицейскомъ завѣдываніи раіономъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, и объ утвержденіи штата полиціи въ городѣ Пятигорскѣ, въ слободахъ Кисловодской и Желѣзноводской и въ станицѣ Ессентукской.*

1074. *О разрѣшеніи учреждать при учительскихъ семинаріяхъ двухклассныя училища и объ опредѣленіи правъ воспитанниковъ сихъ училищъ по отбыванію воинской повинности.*

1075. *О расходѣ на постройку дома для директора Волынской фельдшерской школы.*

1076. *О распространеніи на области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семирѣченскую дѣйствія Высочайше утвержденнаго, 19 мая 1897 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта относительно воспрещенія переуступать иски, подвѣдомственные народнымъ судамъ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, постановить для областей Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской слѣдующее правило: „Иски по дѣламъ, начатымъ въ народномъ судѣ, а также право на присужденныя съ туземцевъ имущество или денежное взысканіе по рѣшеніямъ народнаго суда не могутъ быть переуступаемы лицамъ, не подвѣдомственнымъ означенному суду“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 25 мая 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1077. *Объ отмѣнѣ особаго порядка отбыванія лично воинской повинности, установленнаго для туземнаго населенія Кавказскаго края.*

1078. *О дополненіи закона 1 іюня 1895 года объ отнесеніи на общія средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ и объ образованіи особыхъ земскихъ дорожныхъ капиталовъ.*

1079. *Объ учрежденіи С.-Петербургской школы пивоваренія имени С. Ю. Витте.*

1080. *Объ утвержденіи временнаго штата управленія порта Императора Александра III.*

1081. *Объ оцѣнкѣ находящихся не на собственныхъ земляхъ золотыхъ и платиновыхъ пріисковъ и розсыпей, обращаемыхъ въ продажу съ публичнаго торга.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

I. Дополнить уставъ гражданскаго судопроизводства статьею 1126[1] такого содержанія: „При оцѣнкѣ находящихся не на собственныхъ земляхъ золотыхъ и платиновыхъ пріисковъ и розсыпей, обращаемыхъ въ продажу съ публичныхъ торговъ, соблюдаются, въ случаѣ несогласія взыскателя на сдѣланную отвѣтчикомъ оцѣнку (ст. 1121), слѣдующія правила: а) оцѣнка рудниковъ, содержащихъ въ себѣ золото и платину, а равно розсыпей этихъ металловъ, опредѣляется: для золота—среднею за послѣднее пятилѣтіе годовою суммою денегъ, полученныхъ изъ горныхъ управленій по выданнымъ ассигновкамъ и выпискамъ изъ расчетныхъ вѣдомостей за добытое на пріискѣ золото, увеличенною на $1/4$ часть ея, а для

платины—пять разъ взятымъ, среднимъ же, за предшествовавшія пять лѣтъ, количествомъ пудовъ ежегодно добытой платины, помноженнымъ на разницу между продажной цѣной одного пуда платины и расходами производства въ суммѣ 6.540 рублей; б) въ случаяхъ, когда со времени открытія пріиска или розсыпей не прошло пяти лѣтъ, средняя годовая сумма денегъ, полученныхъ по ассигновкамъ и выпискамъ, а равно среднее годовое количество добытой платины выводятся за столько лѣтъ, сколько пріискъ находился въ дѣйствіи; в) указанная въ пунктѣ *а* продажная цѣна платины берется за предшествовавшій оцѣнкѣ пріиска годъ, на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ каждый разъ горнымъ департаментомъ г) упомянутыя въ пунктахъ *а—в* свѣдѣнія собираются судебнымъ приставомъ посредствомъ сношеній съ подлежащими учрежденіями; д) золотые и платиновые рудники и розсыпи, находившіеся, со времени отвода до дня оцѣнки, безъ дѣйствія, оцѣниваются по числу вошедшихъ въ нихъ десятинъ земли, принимая стоимость одной десятины: въ Олекминскомъ округѣ и Амурской области—въ 10 р., а во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи—въ 2 рубля".

II. Отдѣлъ III Высочайше утвержденнаго 2 іюня 1897 года мнѣнія Государственнаго Совѣта (собр. узак., ст. 1149), о порядкѣ производства дѣлъ о золотопромышленности и удовлетвореніи денежныхъ взысканій съ золотопромышленниковъ, дополнить указаніемъ на статью 1126[1] устава гражданскаго судопроизводства (отд. I настоящаго узаконенія).

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 8 іюня 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1082. *О видахъ на жительство для инородцевъ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, постановить нижеслѣдующія правила о видахъ на жительство для инородцевъ, въ томъ числѣ туземцевъ Туркестанскаго края и горскихъ племенъ Терской и Кубанской областей:

1) Дѣйствіе паспортныхъ правилъ, установленныхъ для сельскаго населенія Закавказья и Закаспійской области, распространяется на инородцевъ, съ измѣненіями и дополненіями, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

2) Мѣстомъ постояннаго жительства признается: а) для ино-

родцевъ осѣдлыхъ—то общество или та волость, къ коимъ они приписаны, и б) для инородцевъ кочевыхъ—тотъ уѣздъ, округа или улусъ (у калмыковъ), въ коихъ они числятся, а во время кочеванія и при переходахъ на лѣтовки и зимовки—тотъ уѣздъ, округа или улусъ, въ предѣлахъ коихъ находится подлежащее общее кочевье.

3) Сверхъ случаевъ, указанныхъ въ статьѣ 3 положенія о видахъ на жительство, инородцы, за исключеніемъ осѣдлыхъ, обязаны имѣть виды на жительство въ случаѣ найма: на суда, барки, лодки и плоты, въ срочныя услуги или работы у лицъ осѣдлаго населенія, а также въ работы на промыслахъ.

4) Кочевые инородцы могутъ проживать въ городскихъ поселеніяхъ не иначе, какъ по установленнымъ видамъ на жительство. Дѣйствіе сего правила не распространяется на случаи кратковременнаго посѣщенія кочевниками городскихъ поселеній, сосѣдственныхъ съ мѣстами ихъ кочевья.

5) При кочеваніи, а также при переходѣ на лѣтовки и зимовки въ установленныхъ обычаемъ или распоряженіемъ правительства раіонахъ, какъ въ предѣлахъ одной и той же губерніи или области, такъ и при переходѣ изъ одной губерніи или области въ другую, кочевые инородцы не обязаны имѣть видовъ на жительство.

6) Самоѣдамъ Архангельской губерніи и инородцамъ бродячимъ дозволяется переходить, на занимаемой ими полосѣ, изъ уѣзда въ уѣздъ, а также изъ одной губерніи или области въ другую. Дѣйствіе этого правила распространяется и на инородцевъ, составляющихъ особые разряды, въ предѣлахъ обитаемыхъ ими земель.

7) Виды на жительство самоѣдамъ Архангельской губерніи, а также инородцамъ бродячимъ и особыхъ разрядовъ, выдаются въ мѣстахъ пребыванія должностныхъ лицъ и учрежденій, на коихъ выдача сія возложена (ст. 11 и 12).

8) Въ случаѣ, предусмотрѣнномъ статьею 27 положенія о видахъ на жительство, самоѣды Архангельской губерніи, а также инородцы бродячіе и инородцы особыхъ разрядовъ, высылаются мѣрами полиціи въ отведенныя для нихъ мѣстности, безъ соблюденія семидневнаго срока.

9) Инородцы, пользующіеся, по своему происхожденію, на основаніи существующихъ узаконеній, правами дворянства или почет-

наго гражданства, получаютъ виды на жительство на одинаковыхъ основаніяхъ съ дворянами и почетными гражданами.

10) Инородцы могутъ получать паспорты на срокъ не болѣе одного года, независимо отъ лежащихъ на нихъ недоимокъ по государственнымъ, земскимъ и общественнымъ сборамъ. Но возобновлять паспорты, если не уплатятъ всѣхъ по означеннымъ сборамъ недоимокъ, числящихся на нихъ по первое января того года, въ которомъ заявлено ими ходатайство о возобновленіи паспортовъ, лица сіи могутъ не иначе, какъ съ согласія подлежащаго общества, когда отвѣтственность за исправное поступленіе сборовъ лежитъ на семъ послѣднемъ, а въ прочихъ случаяхъ не иначе, какъ съ согласія непосредственно отвѣтственнаго за взиманіе и поступленіе сборовъ инородческаго начальства.

11) Выдача инородцамъ видовъ на жительство возлагается на лицъ инородческаго общественнаго управленія, соотвѣтствующихъ волостнымъ старшинамъ или лицамъ, ихъ замѣняющимъ. Ближайшее указаніе этихъ лицъ въ отдѣльныхъ инородческихъ племенахъ и обществахъ предоставляется подлежащимъ Министрамъ по принадлежности.

12) Въ случаѣ невозможности возложить выдачу видовъ на жительство на должностныхъ лицъ инородческаго общественнаго управленія, подлежащіе Министры, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, поручаютъ таковую чинамъ мѣстной полиціи или чинамъ мѣстной администраціи, исполняющимъ полицейскія обязанности.

13) Порядокъ снабженія бланками видовъ на жительство учрежденій и лицъ, выдающихъ сіи виды инородцамъ, а равно учета сихъ учрежденій и лицъ по расходованію означенныхъ бланковъ, опредѣляется Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ подлежащими Министрами и Государственнымъ Контролеромъ.

II. Всѣ дѣйствующія особыя правила объ отлучкахъ и видахъ на жительство инородцевъ, кромѣ евреевъ,—отмѣнить.

III. Учрежденіе управленія Кавказскаго края дополнить слѣдующимъ правиломъ:

Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьею 26 сего учрежденія, Главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ предоставляется, съ соблюденіемъ указаннаго въ той же статьѣ порядка,

ограничивать на опредѣленные сроки свободу безпаспортныхъ отлучекъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ края.

IV. Взимаемый въ пользу общественнаго калмыцкаго капитала сборъ съ билетовъ, выдаваемыхъ калмыкамъ для найма въ работы,— отмѣнить.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 8 іюня 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1083. *О преобразованіи машинной школы Черноморскаго флота.*

1084. *О распространеніи положенія о сбереженіи лѣсовъ на губерніи Царства Польскаго.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

I. Высочайше утвержденное 4 апрѣля 1888 года положеніе о сбереженіи лѣсовъ (свод. зак. т. VIII, ч. 1, изд. 1893 г., ст. 793—840) ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ Царства Польскаго съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями:

1) Въ составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ, взамѣнъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы и двухъ членовъ изъ мѣстныхъ лѣсовладѣльцевъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, входятъ предсѣдатель мѣстной губернской дирекціи земскаго кредитнаго общества и два члена изъ мѣстныхъ лѣсовладѣльцевъ, приглашаемые, по представленію губернатора, Варшавскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Вторые лѣсные ревизоры въ сихъ комитетахъ могутъ быть замѣщаемы лѣсничими, по назначенію управляющаго государственныхъ имуществъ.

2) Лѣса, подлежащіе, по статьѣ 810 устава лѣснаго, освобожденію отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ, освобождаются отъ поземельныхъ налоговъ (свод. зак. т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 67, п.п. 1, 3, 5) и поземельныхъ сборовъ: а) на содержаніе гминныхъ судовъ и б) на содержаніе благотворительныхъ заведеній Варшавскаго городскаго совѣта общественнаго призрѣнія.

3) Лѣса, обремененные крестьянскими сервитутами, до освобожденія отъ оныхъ, подчиняются вѣдѣнію лѣсоохранительныхъ комитетовъ лишь по отношенію къ признанію ихъ защитными. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, какъ пользованіе сими лѣсами,

такъ и порядокъ надзора за ихъ сбереженіемъ опредѣляются особыми, установленными для нихъ правилами (Выс. утв. 31 дек. 1875 г. прав.; отд. II—IV наст. узак.).

II. Для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся сбереженія лѣсовъ, обремененныхъ крестьянскими сервитутами, въ губерніяхъ Царства Польскаго образовать соединенныя присутствія мѣстныхъ: губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и лѣсоохранительнаго комитета на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Вѣдѣнію соединенныхъ присутствій подлежитъ: а) распредѣленіе лѣсовъ, обремененныхъ крестьянскими сервитутами, съ цѣлью установленія за ними надзора, между коммисарами по крестьянскимъ дѣламъ и чинами казеннаго лѣснаго вѣдомства и полиціи; б) выдача означеннымъ чинамъ полномочій на возбужденіе судебнаго преслѣдованія, а также для принесенія жалобъ и отзывовъ на судебные приговоры и опредѣленія по дѣламъ о нарушеніи правилъ, установленныхъ для пользованія лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами; в) преподаніе тѣмъ же чинамъ подробныхъ наставленій относительно лежащихъ на нихъ обязанностей и способа ихъ исполненія, а также о порядкѣ отчетности сихъ лицъ; г) разсмотрѣніе донесеній чиновъ, коимъ порученъ надзоръ за лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами, о нарушеніяхъ правилъ, установленныхъ для пользованія сими лѣсами, и постановленіе по симъ донесеніямъ, въ подлежащихъ случаяхъ, рѣшеній о воспрещеніи владѣльцамъ означенныхъ лѣсовъ всякой рубки оныхъ; д) установленіе срока для искусственнаго облѣсенія владѣльцами лѣсовъ, обремененныхъ крестьянскими сервитутами, расчищенныхъ или неправильно вырубленныхъ площадей и утвержденіе смѣтъ для производства этого облѣсенія чинами казеннаго лѣснаго вѣдомства, и е) разсмотрѣніе лѣсохозяйственныхъ плановъ на тѣ, обремененные крестьянскими сервитутами, лѣса, которые признаны лѣсоохранительными комитетами, въ цѣломъ составѣ или въ части, защитными.

Примѣчаніе. Чины казеннаго лѣснаго вѣдомства и полиціи, коимъ порученъ надзоръ за сервитутными лѣсами, въ случаѣ обнаруженія такихъ въ нихъ нарушеній, которыя прекращаются постановленіями коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ (прав. 31 дек. 1875 г., ст. 36), сообщаютъ объ оныхъ означеннымъ должностнымъ лицамъ.

2) Жалобы на постановленія соединенныхъ присутствій по дѣламъ, указаннымъ въ пунктахъ г—е предъидущей статьи, подаются въ трехмѣсячный, со дня ихъ объявленія, срокъ въ состоящее при земскомъ отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ губерній Царства Польскаго. Жалобы сіи подаются соединеннымъ присутствіямъ, которыя въ двухнедѣльный, со дня ихъ полученія, срокъ представляютъ таковыя по назначенію вмѣстѣ съ своими объясненіями.

3) Дѣлопроизводство соединенныхъ присутствій сосредоточивается въ канцеляріяхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, подъ непосредственнымъ руководствомъ непремѣнныхъ членовъ оныхъ.

4) Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по взаимному соглашенію, предоставляется преподавать соединеннымъ присутствіямъ подробныя инструкціи о способахъ и порядкѣ исполненія лежащихъ на сихъ установленіяхъ обязанностей.

III. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

При разсмотрѣніи въ состоящемъ при земскомъ отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ губерній Царства Польскаго жалобъ на постановленія соединенныхъ присутствій мѣстныхъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и лѣсоохранительнаго комитета, въ засѣданіяхъ участвуетъ, съ правомъ голоса, представитель Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по назначенію Министра.

IV. Въ дополненіе и измѣненіе Высочайше утвержденныхъ 31 декабря 1875 года правилъ о порядкѣ пользованія лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами, въ губерніяхъ Царства Польскаго (собр. узак. 1876 г., ст. 175), постановить:

1) Рубка владѣльцами растущаго лѣса для своихъ домашнихъ надобностей, безъ веденія правильнаго лѣснаго хозяйства, допускается въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не возникаетъ со стороны крестьянъ основательныхъ жалобъ на стѣсненіе въ пользованіи принадлежащими имъ по ликвидаціоннымъ табелямъ сервитутами, съ тѣмъ, чтобы таковое пользованіе лѣсомъ со стороны владѣльца не вело къ уменьшенію его площади и, соотвѣтствуя естественному лѣсовозобновленію, не истощало его древеснаго запаса.

2) Владѣльцы лѣсовъ пространствомъ менѣе 90 морговъ, или хотя бы и большаго размѣра въ общей сложности отдѣльныхъ частей лѣса, къ одному имѣнію принадлежащихъ, если изъ сихъ частей должны быть устроены отдѣльныя лѣсохозяйственныя единицы, могутъ, въ изъятіе изъ общаго порядка, производить рубку такихъ лѣсовъ участками, безъ утвержденія на сіи лѣса плановъ лѣснаго хозяйства, при условіи, чтобы таковая рубка не вела къ ущербу правъ крестьянъ на сервитуты, или къ истощенію древеснаго запаса, а равно не препятствовала естественному лѣсовозобновленію вырубленныхъ площадей. Пастьба скота на вырубленныхъ участкахъ сихъ лѣсовъ воспрещается до достиженія молодыми на нихъ порослями пятнадцатилѣтняго возраста.

3) Въ лѣсныхъ дачахъ, признанныхъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ защитными, рубка растущаго лѣса, за исключеніемъ лѣса, подлежащаго отпуску по сервитуту, воспрещается, впредь до утвержденія плана лѣснаго хозяйства, составленнаго на основаніи правилъ 31 декабря 1875 года.

4) Планы лѣснаго хозяйства, утвержденные на основаніи правилъ 31 декабря 1875 года для лѣсныхъ дачъ, впослѣдствіи признанныхъ, въ цѣломъ составѣ или въ части, защитными, сохраняютъ свою силу и послѣ сего признанія.

5) Владѣльцы лѣсовъ, признанныхъ защитными, могутъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ о командированіи казеннаго лѣснаго техника, для устройства защитнаго лѣса и составленія плана хозяйства въ немъ по правиламъ 31 декабря 1875 года. Расходы на командированіе лѣснаго техника принимаются на счетъ казны, а расходы на устройство лѣса и составленіе плана покрываются лѣсовладѣльцами изъ собственныхъ средствъ.

6) Владѣльцы лѣсовъ, въ случаяхъ: а) нарушенія ими самими или ихъ довѣренными Высочайше утвержденныхъ 31 декабря 1875 года правилъ о порядкѣ пользованія сими лѣсами или плановъ лѣснаго хозяйства, на основаніи сихъ правилъ утвержденныхъ, б) производства ими или ихъ довѣренными рубки растущаго лѣса въ площадяхъ, признанныхъ защитными, до утвержденія плана лѣснаго хозяйства и в) производства ими или ихъ довѣренными рубки растущаго лѣса въ лѣсахъ незащитныхъ, послѣ воспрещенія оной коммисарами по крестьянскимъ дѣламъ или сое-

диненнымъ присутствіемъ мѣстныхъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и лѣсоохранительнаго комитета, а равно недозволенной расчистки или обращенія лѣсной почвы въ другой видъ угодій, обязываются, по постановленіямъ означеннаго соединеннаго присутствія, въ опредѣленный имъ срокъ, произвести искусственное облѣсеніе расчищенныхъ или неправильно вырубленныхъ площадей. Въ случаѣ неисполненія лѣсовладѣльцемъ означенныхъ постановленій, а также при неудовлетворительности произведеннаго симъ лицомъ искусственнаго лѣсоразведенія, соединенное присутствіе поручаетъ произвести оное, по утвержденной имъ смѣтѣ, за счетъ лѣсовладѣльца, чинамъ казеннаго лѣснаго вѣдомства.

7) Въ лѣсахъ, на которые планы лѣснаго хозяйства не утверждены, рубка, производящаяся несогласно съ установленными правилами, останавливается, по представленію мѣстнаго коммисара, постановленіемъ соединеннаго присутствія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и лѣсоохранительнаго комитета.

8) Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по освобожденіи, въ установленномъ порядкѣ, лѣсныхъ дачъ, или частей ихъ, отъ сервитутныхъ обязательствъ, увѣдомляютъ о семъ подлежащій лѣсоохранительный комитетъ, для принятія послѣднимъ мѣръ къ дальнѣйшему охраненію сихъ дачъ на общемъ основаніи.

V. Въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак. т. XV, изд. 1885 г.), сдѣлать слѣдующія измѣненія:

1) Примѣчаніе 1 къ статьѣ 27 (по прод. 1895 г.) изложить такъ:

„Денежныя взысканія, опредѣляемыя на основаніи статей 57^2—57^7, а также деньги, вырученныя отъ продажи отобранныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, составляютъ особыя спеціальныя средства лѣснаго вѣдомства, а въ области войска Донскаго—войсковаго капитала. Денежныя взысканія, опредѣляемыя на основаніи статей 57^2—57^5 (по прод. 1895 г.) за лѣсонарушенія въ войсковыхъ и станичныхъ лѣсахъ Астраханскаго казачьяго войска, обращаются въ общій войсковой капиталъ названнаго войска".

2) Ввести статью 57^7 слѣдующаго содержанія:

„Въ губерніяхъ Царства Польскаго, за рубку растущаго лѣса, несогласную съ правилами, установленными относительно пользованія лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами, а также

въ мѣстахъ или количествѣ, не разрѣшенныхъ утвержденными, на основаніи сихъ правилъ, планами лѣсного хозяйства, равнымъ образомъ, за всякую рубку растущаго лѣса въ лѣсахъ, обремененныхъ крестьянскими сервитутами, когда такая рубка была воспрещена крестьянскими учрежденіями или соединенными присутствіями мѣстныхъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и лѣсоохранительнаго комитета, виновные подвергаются взысканіямъ, означеннымъ въ статьѣ 57^2 (по прод. 1895 г.).

Въ тѣхъ же губерніяхъ, въ лѣсахъ, обремененныхъ крестьянскими сервитутами, за расчистку или обращеніе лѣсной почвы въ другой видъ угодій, за недозволенную, установленными относительно пользованія сими лѣсами правилами, пастьбу скота, а также за недозволенные сборъ лѣсной подстилки и другія побочныя пользованія, виновные подвергаются взысканіямъ, означеннымъ въ статьяхъ 57^3—57^5 (по прод. 1895 г.)".

VI. Статью 1216^3 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак. т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія:

„Возбужденіе дѣлъ по нарушенію дѣйствующихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго узаконеній о лѣсахъ, обремененныхъ крестьянскими сервитутами, возлагается на коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ и чиновъ казеннаго лѣснаго вѣдомства и полиціи, уполномоченныхъ на сіе соединеннымъ присутствіемъ мѣстныхъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и лѣсоохранительнаго комитета. Срокъ для возбужденія преслѣдованія за лѣсоистребленіе и расчистку лѣса полагается годовой, а за недозволенныя въ лѣсахъ побочныя пользованія—шестимѣсячный, со времени совершенія сихъ нарушеній".

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 8 іюня 1898 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1085. *Объ утвержденіи устава Товарищества кружевной и ленточной мануфактуры въ Москвѣ.*

1086. *Объ опредѣленіи при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача.*

1087. *О присвоеніи изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназіи.*

1088. *Объ увеличеніи основнаго капитала Трехгорнаго пивовареннаго Товарищества въ Москвѣ.*

1089. *Объ учрежденіи на разрабатываемыхъ компаніею Михельсона каменноугольныхъ копяхъ въ раіонѣ Судженской волости, Томскаго округа, двухъ должностей полицейскихъ стражниковъ.*

21 іюля № 87.

1090. *О преобразованіи Луцкой четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.*

1091. *О продленіи дѣйствія на одинъ годъ т. е. до 1 іюля 1899 года временныхъ правилъ объ учетѣ лошадей и о комплектованіи ими войскъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.*

1092. *Объ измѣненіи правилъ объ Ирмлауской учительской семинаріи.*

1093. *Объ образованіи учрежденія взаимной помощи рода Графовъ Ламбсдорфъ-Венге и объ утвержденіи устава названнаго учрежденія.*

1094. *Объ утвержденіи устава Южно-русскаго Общества для торговли домашними животными и продуктами животноводства.*

1095. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества „Везувій"—машиностроительный, чугуно и сталелитейный заводъ, бывшій Константина Штрупа въ г. Либавѣ.*

1096. *О порядкѣ и способѣ распредѣленія земель бывшихъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ въ Уразовской, Троицкой и Александровской волостяхъ, Воронежской губерніи.*

24 іюля № 88.

1097. *Объ отпускѣ суммъ на расширеніе С.-Петербургскаго и Харьковскаго технологическихъ институтовъ и Императорскаго Московскаго техническаго училища.*

1098. *Объ учрежденіи Кіевскаго Политехническаго Института Императора Александра II и объ утвержденіи положенія о семъ институтѣ и штата онаго.*

1099. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества Ермолинской мануфактуры Ф. С. Исаева.*

1100. *Объ условіяхъ привоза иностранныхъ товаровъ въ устья Сибирскихъ рѣкъ.*

1101. *Объ утвержденіи устава вспомогательной кассы для рабочихъ на фабрикѣ цикорія Фердинанда Бомъ и К⁰ въ гор.* **Влоцлавскѣ,** *Варшавской губерніи.*

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА [1]).

Чрезвычайно заинтересованный тѣмъ оживленіемъ, которое обнаружилось въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, по отношенію къ вопросу объ изученіи обычнаго права и которое выразилось въ такой осязательной формѣ въ учрежденіи отдѣленія обычнаго права при этомъ Обществѣ, я позволю себѣ остановить Ваше вниманіе на задачахъ изученія русскаго обычнаго права, обусловливаемыхъ тѣмъ значеніемъ, которое пріобрѣло въ наше время обычное право вслѣдствіе требованій науки и жизни.

Я не претендую настоящимъ рефератомъ сказать что либо новое, но желаю только возобновить въ Вашей памяти рядъ фактовъ и положеній, извлеченныхъ изъ современной юридической литературы и жизни, изложеніе которыхъ въ систематическомъ видѣ можетъ послужить, на мой взглядъ, основаніемъ для практическихъ мѣропріятій въ дѣлѣ организаціи дальнѣйшаго изученія обычнаго права.

Наша научная и публицистическая литература усердно занималась обычнымъ правомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, но затѣмъ до самаго послѣдняго времени интересъ къ нимъ, какъ будто, ослабъ.

Конечно, люди науки не переставали заниматься этими

---

[1]) Докладъ, читанный въ отдѣленіи обычнаго права Юридическаго Общества 14 апрѣля 1898 г.

вопросами, подготовляя въ тиши новые матеріалы для ихъ разрѣшенія. И въ настоящее время цѣлая совокупность различныхъ условій снова выдвигаетъ эти вопросы на первую очередь, снова привлекаетъ къ нимъ общественное вниманіе.

Съ одной стороны наука права, какъ отрасль соціологіи, выдвинула за послѣднее время нѣсколько крайне интересныхъ проблемъ, связанныхъ съ эмбріологіей права для разрѣшенія которыхъ изученіе обычнаго права даетъ неоцѣнимый матеріалъ. Съ другой стороны значеніе обычнаго права для законодательства и для судебной практики въ настоящее время получаетъ все бо́льшее признаніе.

Встрѣчается мнѣніе, что оживленіе къ вопросамъ объ обычномъ правѣ является какъ бы повтореніемъ, переживаніемъ старыхъ темъ, занимавшихъ, какъ выше сказано, литературу 60-хъ и 70-хъ годовъ. Но, мнѣніе это основано на поверхностномъ знакомствѣ съ вопросомъ. Тогда обычное право изучалось, главнымъ образомъ, съ этнографической стороны, какъ часть обычаевъ вообще, какъ одно изъ проявленій народной жизни, любопытное для лицъ, желающихъ изучить эту жизнь. Интересъ къ нему явился благодаря интересу къ народной жизни вообще и тому народническому направленію, которымъ отмѣчена литература 60-хъ и 70-хъ годовъ. Нынѣ интересъ къ обычному праву вытекаетъ изъ нѣсколько другихъ источниковъ, обусловливается другими причинами: а именно, современнымъ состояніемъ науки права и потребностями законодательства и судебной практики. Вотъ почему нынѣ интересъ къ обычному праву начинаетъ спеціализироваться и не теряя своего общаго значенія, сосредоточивается въ кругахъ юристовъ.

Въ настоящемъ докладѣ я и имѣю намѣреніе остановиться на задачахъ изученія обычнаго права съ одной юридической точки зрѣнія и съ этой точки зрѣнія хочу прослѣдить значеніе обычнаго права въ трехъ отношеніяхъ: въ отношеніи къ наукѣ права, въ отношеніи къ законодательству и въ отношеніи къ судебной практикѣ.

Въ отношеніи къ наукѣ права значеніе обычнаго права

обусловливается замѣчательными результатами, достигнутыми въ послѣднее время широкимъ примѣненіемъ сравнительно-историческаго метода для разъясненія вопросовъ о происхожденіи права и о строѣ общежитія въ тотъ періодъ доисторической жизни человѣчества, который не оставилъ прямыхъ письменныхъ свидѣтельствъ о себѣ. До послѣдняго времени казалось, что этотъ періодъ жизни человѣчества, неизмѣримо болѣе продолжительный, чѣмъ, такъ называемый, историческій періодъ, что онъ потерянъ для науки, не смотря на то, что въ немъ человѣчество получило главные задатки своего нравственнаго облика, что въ немъ зародились тѣ исходныя начала общественной жизни, которыя получили свое развитіе въ исторіи цивилизаціи. Мнѣніе это было основано на томъ, что за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этой жизни, наука не имѣетъ матеріала для своихъ выводовъ. Но, сравнительно-историческій методъ изученія совершенно измѣнилъ этотъ взглядъ.

Наблюденія надъ нецивилизованными народами дали матеріалъ, который, подъ вліяніемъ гипотезы объ общности законовъ развитія народовъ, могъ восполнить для насъ недостающія свидѣтельства о доисторической жизни культурныхъ націй. Гипотеза объ общности развитія общественной жизни получила неожиданное подтвержденіе при сравненіи наблюденій надъ различными нецивилизованными народами, не имѣющими никакого общенія между собой и принадлежащими къ совершенно различнымъ расамъ. Ни общностью ихъ происхожденія, ни взаимнымъ заимствованіемъ нельзя было объяснить общность ихъ семейнаго и родоваго строя и общность ихъ правовыхъ обычаевъ. Единственнымъ объясненіемъ подмѣченнаго однообразія явилась мысль объ общности законовъ общественнаго развитія. Являлось, однако, еще одно возраженіе противъ этой гипотезы. Возраженіе состояло въ томъ, что эта общность законовъ развитія, замѣченная между нецивилизованными рассами, можетъ относиться только къ тѣмъ народамъ, которые никогда ни достигали цивилизаціи и можетъ относиться только къ нимъ, такъ что изъ этого нельзя

еще вывести заключенія о томъ, что черезъ такую же стадію развитія прошли и культурные народы арійской расы. Но и это возраженіе должно было исчезнуть, когда ученые обратили вниманіе на такъ называемыя „переживанія“ въ обычаяхъ и правѣ культурныхъ народовъ. Переживаніями называются такіе частные обычаи, которые не вяжутся съ строемъ современной жизни, въ которой онѣ однако проявляются и которые остаются, такъ сказать, архаическими обломками прежде существовавшаго строя жизни.

По этимъ архаическимъ обломкамъ, прежде не обращавшимъ на себя вниманія, не смотря на то, что ими изобилуетъ обычное право и изобилуютъ даже тѣ памятники писаннаго права, которые впервые кодифицировали обычай, какъ законъ 12 таблицъ, Салическая правда, Саксонское и Швабское зерцало, Русская правда и другіе памятники, современная наука пришла къ тому выводу, что и культурные народы арійской расы прошли тѣ стадіи гетеризма, матріархальнаго и затѣмъ патріархальнаго строя семьи, которыя наблюдаются у некультурныхъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія.

Послѣ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, впервые выдвинувшихъ вопросы эмбріологіи права, каковы Бахофенъ, Макъ-Ленанъ, Де-Морганъ, Мэнъ, больше всѣхъ потрудился надъ этими вопросами бывшій профессоръ Московскаго университета Максимъ Ковалевскій, который путемъ спеціальнаго изученія обычнаго права кавказскихъ горцевъ, успѣлъ значительно подвинуть разрѣшеніе вопросовъ о происхожденіи семьи, собственности и о происхожденіи права вообще. Его же работы по русскому обычному праву, въ связи съ изученіемъ средневѣковыхъ памятниковъ правовой жизни западной Европы, даютъ твердое основаніе для научной теоріи, что семейный и общинный строй нашего крестьянства совершенно тождественъ съ тѣмъ строемъ, который когда то былъ распространенъ среди германскихъ и романскихъ народовъ западной Европы. Слѣды этого строя жизни совершенно затерялись у западныхъ европейскихъ народовъ, при чемъ од-

нимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ разложенія является рецепція римскаго права, не смотря на то, что современныя работы по изученію строя римской жизни, предшествующаго 12 таблицамъ показываютъ, что и римляне прошли чрезъ ту же стадію семейнаго строя и общности семейнаго имущества, которое такъ противоположно индивидуалистическому началу безраздѣльно восторжествовавшаго въ писанномъ римскомъ правѣ.

Изъ этихъ немногихъ замѣчаній становится очевиднымъ то значеніе, которое имѣетъ для науки права изученіе нашего обычнаго права. Группа южныхъ славянскихъ народовъ и русское крестьянство является единственнымъ элементомъ, сохранившимъ въ чистотѣ семейный и общинный строй уже разложившійся на Западѣ и достаточно прочесть замѣчательныя лекціи, читанныя тѣмъ же Ковалевскимъ въ Стокгольмскомъ университетѣ, чтобъ убѣдиться, какое важное значеніе имѣетъ изученіе нашего обычнаго права для выясненія исторіи землевладѣнія западной Европы.

Чтобы показать на примѣрѣ тѣ поразительныя обобщенія, которыя сдѣлались достояніемъ науки, благодаря примѣненію сравнительно-историческаго метода къ изученію обычнаго права, я позволю себѣ привести нѣкоторыя сопоставленія изъ области семейнаго права.

Общность семейной собственности, какъ институтъ свойственный славянскому обычному праву, извѣстенъ всѣмъ.

У славянъ семейная община существовала въ старину, какъ это можно видѣть изъ ихъ древнихъ сводовъ, и до сихъ поръ еще сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ видѣ жизнеспособнаго института. Русскіе и поляки, сербы и чехи могутъ воскресить въ своей памяти сравнительно недавнюю эпоху, когда у нихъ господствовали патріархальные распорядки. Въ Полицкомъ статутѣ семейная община обозначается словомъ „вервь". Этотъ терминъ въ томъ же самомъ смыслѣ употребляется и въ Русской Правдѣ.

Нынѣшніе южные славяне называютъ такую общину „братство" или „задругой", а латинскій сводъ польскихъ

статутовъ, составленный при Казимірѣ Великомъ въ XIV в. разумѣетъ именно ее, говоря о родныхъ и двоюродныхъ братьяхъ, живущихъ въ нераздѣльности (in communione).

Въ настоящее время семейныя общины существуютъ въ окрестностяхъ Загреба и Филиппополя, въ Сербіи, Болгаріи и Черногоріи.

Обычное право, касающееся общей семейной собственности южныхъ слявянъ, подверглось тщательному изслѣдованію, извѣстнымъ Богишичемъ, составителемъ черногорскаго кодекса. Изъ громаднаго матеріала юридическихъ обычаевъ южныхъ славянъ, собраннаго имъ въ Кроаціи, въ Далмаціи, въ Военной Границѣ, Сербіи, Босніи, Черногоріи, Герцеговинѣ и Болгаріи, Богишичъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ объ организаціи семейной общины у южныхъ славянъ и объ обусловливаемыхъ ею правовыхъ отношеніяхъ.

Численность такой семейной общины очень различна. Въ Герцеговинѣ большинство такихъ общинъ состоитъ изъ 20—24 душъ, въ Кроаціи отъ 10—15 при чемъ 3 или 4 члена общины бываютъ обыкновенно женаты. Но никогда, однако, не бываетъ, чтобы члены семейной общины составляли цѣлую деревню.

Конечно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ общины состоятъ изъ близкихъ родственниковъ: отца съ взрослыми сыновьями, нераздѣленныхъ братьевъ, съ племянниками и т. п.

Чужіе дѣлаются членами общества или посредствомъ брака или путемъ усыновленія.

Случается, что бездѣтные старики вступаютъ въ чужую имъ семейную общину, дѣлаясь ея членомъ. Но, въ такомъ случаѣ они должны передать свое имущество общинѣ или при жизни или въ видѣ дара на случай смерти.

Недвижимое имущество у южныхъ славянъ составляетъ общую семейную собственность и не можетъ быть отчуждаемо отдѣльными ея членами. Такую же семейную собственность составляютъ строенія, скотъ, земледѣльческія орудія и запасы хлѣба.

Семейная община управляется главою ея называемомъ

въ Сербіи домачинъ, какъ по названію, такъ и по своему юридическому положенію вполнѣ аналогичнымъ домохозяину въ русской семейной общинѣ. Въ большинствѣ случаевъ этотъ старшій въ общинѣ, но случается, что онъ избирается изъ числа младшихъ его членовъ, если они отличаются распорядительностью, хозяйственностью и энергіей. Часто старшій членъ общины достигнувъ преклоннаго возраста препятствующаго ему лично участвовать и распоряжаться полевыми работами добровольно уступаетъ свое мѣсто слѣдующему по старшинству члену обыкновенно старшему сыну или слѣдующему по старшинству брату, если онъ состоитъ ея членомъ. Въ этомъ же порядкѣ переходитъ и власть хозяина въ случаѣ его смерти. Въ случаѣ смерти главы такой общины, въ которыхъ нѣтъ братьевъ домачина, а остались только несовершеннолѣтніе дѣти его, вдова дѣлается распорядительницей всего семейнаго имущества. Но съ достиженіемъ совершеннолѣтія старшаго сына ея, она уступаетъ ему свое мѣсто.

Домачинъ является представителемъ семейной общины во всѣхъ ея сношеніяхъ съ посторонними лицами. Онъ распоряжается общественнымъ имуществомъ, такъ что никто не имѣетъ права пользоваться имъ безъ его разрѣшенія, но онъ не имѣетъ права пользоваться этимъ имуществомъ для себя лично въ ущербъ другимъ членамъ общины.

Члены общины имѣютъ всѣ одинаковыя права на участіе въ доходахъ ея, также какъ имѣютъ право получать отъ нея пищу и одежду. Они могутъ уходить на заработки, но не иначе какъ съ согласія домачина.

Не признавая вообще правъ отдѣльной собственности за членами семейной общины, обычное право южныхъ славянъ дѣлаетъ однако въ извѣстныхъ случаяхъ и для извѣстныхъ предметовъ исключеніе.

Въ Черногоріи очень характерное исключеніе въ этомъ отношеніи дѣлается для добычи, пріобрѣтенной на войнѣ, и для оружія врага, попавшаго въ руки побѣдителя. Это оружіе дѣлается личною собственностью послѣдняго. Обычай, вполнѣ согласный съ воинственными нравами черногорцевъ.

Такую же личную собственность каждаго члена общины („peculium") составляетъ вознагражденіе его за трудъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время, также находка и даръ.

Познакомившись съ главными чертами общей семейной собственности и организаціи семьи у южныхъ славянъ, мы легко найдемъ совершенно аналогичныя черты семейнаго устройства, какъ у некультурныхъ народовъ такъ и въ прошломъ всѣхъ цивилизованныхъ націй. Свидѣтельства этого вывода крайне многочисленны. Конечно чтобъ научно основать его пришлось бы приводить такое подавляющее количество ихъ, которое совершенно не вяжется съ настоящими рамками доклада. Поэтому если я буду приводить примѣры, то не для научнаго подкрѣпленія этого вывода, а только для того, чтобъ не казался онъ голословнымъ.

Отчетъ испанца Алонзо Зуриты о бытѣ краснокожихъ обитателей Новой Испаніи въ періодъ, предшествующій ея покоренію знакомитъ насъ съ господствовавшей у нихъ формой землевладѣнія. Каждая семейная община (calpulli) обладала извѣстнымъ пространствомъ земель. Право распоряженія ими принадлежало главѣ общины. Какъ отчужденіе земель путемъ продажи или даренія, такъ и раздѣлъ ихъ между наслѣдниками отнюдь не допускается.

Въ сѣверной Африкѣ мы находимъ такой же порядокъ вещей, какъ и въ центральной Америкѣ. „Семья у кабиловъ" говорятъ Ганото и Летурно въ своемъ описаніи кабильскихъ обычаевъ, „состоитъ изъ отца, матери, сыновей, ихъ женъ и дѣтей, внуковъ и внучекъ, дядей, тетокъ, племянниковъ и племянницъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Очень часто всѣ они живутъ вмѣстѣ и сообща владѣютъ нераздѣльнымъ имуществомъ, чѣмъ вызываютъ къ себѣ всеобщее уваженіе. Доходы идутъ на содержаніе всѣхъ безъ различія".

Тоже слѣдуетъ сказать о древнѣйшихъ арійскихъ обществахъ—индусскомъ и персидскомъ.

У арійскаго населенія Пенджаба и сѣверо-западной Индіи поземельныя отношенія носятъ тотъ же характеръ общей семейной собственности. Интересно въ этомъ отношеніи, какъ

свидѣтельство оффиціальнаго признанія существованія такой общины, рѣшеніе тайнаго совѣта королевы Англійской высшаго апелляціоннаго суда Англіи—учрежденія долго не признавшаго существованія общины въ Индіи и расположеннаго судить о правовыхъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія индивидуалистическихъ принциповъ римскаго права. И однако въ этомъ рѣшеніи говорится: „Ни одинъ изъ членовъ семейной группы не можетъ указать на принадлежность ему не только въ собственность, но и во временное пользованіе той или другой части общинныхъ земель". Всѣ доходы общаго хозяйства поступаютъ тамъ въ общую казну и служатъ на покрытіе общихъ издержекъ.

Но что всего замѣчательнѣе, такъ это открытіе, сдѣланное современными учеными, что древняя римская семья имѣла тотъ же характеръ общности правъ членовъ ея на семейное имущество, такъ что та власть отца семейства, которая въ писанномъ римскомъ правѣ совершенно поглотила права членовъ семейства вовсе не является исконнымъ свойствомъ римлянъ, и очень интересно то обстоятельство, что надъ установленіемъ такого вывода много потрудился такой знатокъ писаннаго римскаго права, какимъ является Іерингъ.

Въ своемъ посмертномъ сочиненіи „доисторическій бытъ индоевропейцевъ", онъ устанавливаетъ неопровержимо это положеніе. При царяхъ въ первые времена республики у римлянъ отецъ, мать, дѣти обоего пола, внуки и внучки составляли группу „своихъ" (sui). Институціи Юстиніана отмѣчаютъ ихъ какъ лицъ, которыя при жизни отца считались имѣющими право собственности въ общемъ семейномъ имуществѣ „ quodammodo domini т. е. совладѣльцы.

О существованіи семейной общины въ древней Германіи мы имѣемъ массу свидѣтельствъ въ средневѣковыхъ германскихъ законодательныхъ памятникахъ. Еще цезарь говоритъ о древне-германцахъ: „никто изъ нихъ не обладаетъ на правахъ собственности опредѣленнымъ пространствомъ земли, ихъ поля не размежеваны, должностныя лица и вожди каждый годъ распредѣляютъ землю между родами (gentes) и се-

мейными общинами (cognationes hominum qui una coierunt), каждому роду и общинѣ они предоставляютъ въ распоряженіе тѣ участки, которые имъ желательны, на слѣдующій же годъ заставляютъ ихъ перемѣнять мѣсто".

Швейцарскій юристъ ученый Гейслеръ (Heusler) говоритъ о семьѣ древнихъ германцевъ: „эта семья не представляетъ изъ себя союза тѣхъ лицъ, которыя связаны между собой бракомъ или кровнымъ родствомъ: эта община, члены которой живутъ подъ одной кровлей" eine Hausgenossenschaft". Эти общины существуютъ въ теченіи всего средневѣковья и въ Дитмаршенской республикѣ и въ южной Германіи, въ Швейцаріи, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Pfrundt. Еще недавно такія общины были открыты въ департаментѣ Ньевры въ Овернѣ и въ испанской Галисіи подъ названіемъ Parçonneries и товарищество companias de Galicia. Всѣ они живутъ вмѣстѣ и владѣютъ общимъ и нераздѣльнымъ имуществомъ. Хозяйство ведетъ старѣйшій или выбранный. Наиболѣе важныя дѣла рѣшаются обыкновенно совѣтомъ, въ составъ котораго входятъ всѣ взрослые члены.

Общность семейной собственности и организаціи семьи, какъ трудоваго союза—исконный институтъ русскаго обычнаго права. Всякій знакомый съ обычнымъ правомъ нашего крестьянства не можетъ не усмотрѣть полной аналогіи русской организаціи семейной общины съ южно-славянской. Громадное заблужденіе высказывалось въ нашей литературѣ, когда противополагали семейную общину южныхъ славянъ русской земельной общинѣ. Часто высказывалось, что семейная община свойственна исключительно южнымъ славянамъ и не существуетъ въ Россіи, гдѣ ее замѣняетъ деревенская или какъ ее называютъ сосѣдская община (Лешковъ).

Послѣдняя вовсе не исключаетъ въ Россіи широкаго распространенія семейной общины существующей и при общинномъ землевладѣніи и при подворномъ. Самое названіе подворнаго владѣнія указываетъ на это. Изученіе общиннаго вадѣнія заслонило у насъ сознаніе существованія семейной общины, которое можетъ быть благодаря этому и не

получило юридическаго признанія, хотя въ исторіи русскаго законодательства можно извлечь много примѣровъ такихъ опредѣленій, которыя прямо вытекаютъ изъ начала общности семейнаго имущества русскихъ крестьянъ.

Изслѣдованія Цитовича объ исходныхъ моментахъ въ исторіи права наслѣдованія доказали, что текстъ Русской Правды свидѣтельствуетъ о господствѣ въ древней Руси семейнаго строя во всѣхъ деталяхъ аналогичнаго съ тѣмъ строемъ, который установленъ Богишичемъ изъ обычнаго права южныхъ славянъ и съ тѣмъ, который установленъ всѣми изслѣдователями изъ современнаго обычнаго права русскаго крестьянства.

„Принадлежность имущества не отдѣльному лицу, а цѣлой семьѣ—вотъ наиболѣе нормальный типъ отношеній по имуществу для времени Русской Правды, говоритъ Цитовичъ, подкрѣпляя этотъ выводъ цитатами изъ текста этого законодательнаго памятника. Покупка и продажа земли главой семейства сообща съ своими дѣтьми обыкновенное явленіе и такое участіе есть результатъ семейной принадлежности покупаемаго и продаваемаго имущества“ [1]).

Въ періодъ Русской Правды и позднѣе, какъ это можно наблюдать даже въ Псковской судной грамотѣ, говоритъ тотъ же ученый [2]) распаденіе семьи, вслѣдствіе смерти главы ея, обыкновенно не влекло за собой реальнаго раздѣла семейнаго имущества. Линіи, составлявшія прежде одну семью оставались въ одномъ дворѣ и вели общее хозяйство.

Кто не увидитъ въ этихъ словахъ типичныхъ чертъ малой и сложной семьи нашего современнаго обычнаго права.

Для доказательства какъ много аналогіи представляютъ собой результаты изслѣдованія современнаго русскаго обычнаго права, мы оставимъ въ сторонѣ изслѣдованія о семейномъ обычномъ правѣ Оршанскаго и Ефименко, которые первые указали на общность семейнаго имущества какъ на основное начало русскаго обычнаго права. Этихъ авторовъ

---

[1]) Цитовичъ стр. 98.

[2]) Ibid. стр. 137.

въ особенности Ефименко часто укоряли въ предвзятости ихъ воззрѣній на семейный строй русскаго крестьянства. Поэтому мы хотя и раздѣляемъ въ значительной степени ихъ воззрѣнія на семейный строй русскаго крестьянства но желая съ большей убѣдительностью доказать нашу мысль, обратимся къ писателямъ противоположнаго лагеря, склонныхъ трактовать обычно-правовыя нормы съ точки зрѣнія обще-принятыхъ началъ римскаго права.

Въ числѣ этихъ писателей, конечно, первенствующее значеніе принадлежитъ Пахману, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Обычное гражданское право въ Россіи" очень горячо полемизируетъ съ Ефименко относительно артельной организаціи русской семьи.

И тѣмъ не менѣе вотъ какъ опредѣляетъ этотъ авторъ организацію русской крестьянской семьи: „существенная особенность крестьянской семьи насколько она понынѣ представляется преобладающею, особенно въ средѣ собственно русскаго населенія, заключается въ совмѣстномъ хозяйствѣ болѣе или менѣе значительнаго числа членовъ семьи, со включеніемъ въ этотъ союзъ и такихъ лицъ, которыя въ другихъ сословіяхъ живутъ обыкновенно своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Такое общеніе образуется вслѣдствіе того, что кромѣ дѣтей, которымъ по самому ихъ возрасту не наступила еще пора для самостоятельнаго хозяйства въ отцовской семьѣ въ одномъ и томъ-же домѣ, остаются нерѣдко также взрослыя сыновья, вмѣстѣ съ женами и собственными дѣтьми, а иногда и замужнія дочери также съ мужьями и дѣтьми. Всѣ эти лица живутъ вмѣстѣ, нераздѣльно, въ общемъ хозяйствѣ, и притомъ иногда въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Даже смерть отца, главы семейства, далеко не всегда ведетъ къ раздробленію семьи, такъ что общее семейное хозяйство остается въ томъ же нераздѣльномъ видѣ, съ замѣною лишь прежняго домохозяина новымъ, хотя такое общеніе утрачиваетъ уже значеніе естественной природной семьи и получаетъ характеръ искусственнаго единенія ради общности хозяйства. Какъ-бы то ни было, семья какъ единица хозяй-

ственная представляетъ собою, при указанныхъ выше условіяхъ, нерѣдко совокупность нѣсколькихъ семействъ, живущихъ совмѣстно въ одной общей семьѣ: эта-то форма хозяйственнаго общенія и составляетъ главнымъ образомъ ту особенность, которая и понынѣ признается преобладающею въ строѣ нашей крестьянской семьи".

Общность имущества, говоритъ Пахманъ, заключается въ томъ, что при совмѣстномъ владѣніи, каждому изъ владѣльцевъ принадлежитъ опредѣленная доля. Управленіе общимъ имуществомъ и хозяйствомъ послѣ смерти отца принадлежитъ обыкновенно старшему члену семьи; нерѣдко оно остается въ рукахъ матери—вдовы, если дѣти еще малолѣтни; чаще, однако, оно переходитъ къ старшему сыну умершаго отца, или къ брату его или къ брату отца, т. е. къ дяди; но въ хозяйственныхъ интересахъ семьи управленіе хозяйствомъ можетъ быть поручено и не старшему члену ея [1]).

Лицо управляющее общимъ хозяйствомъ не имѣетъ права, говоритъ Пахманъ, распоряжаться имъ исключительно по своему произволу, поэтому продать общее имущество онъ можетъ не иначе какъ съ согласія прочихъ владѣльцевъ. Долги сдѣланные кѣмъ-либо изъ такихъ владѣльцевъ не лично на свои нужды, а для надобности всей семьи, взыскиваются со всѣхъ членовъ семьи, состоящихъ въ общемъ владѣніи. Деньги полученныя однимъ изъ членовъ семьи недозволеннымъ способомъ, если онѣ только употреблены на семью, также взыскиваются со всѣхъ членовъ семьи [2]).

Непосредственные источники по обычному праву, опредѣляя тѣ или другія подробности организаціи крестьянской семьи, еще рельефнѣе подтверждаютъ доказываемую нами аналогію.

---

[1]) Пахманъ. Op. cit, т. 2, стр. 292 и Матеріалы коммисіи по изслѣд. вол. суд. 1, 3, 12, 15, 21, 36, 38, 48, 59, 77, 85 и др. Т. III 234, 245, 301, 405, 411, 449, 454, т. V 516, 525, 532, 541, 544, т. VI, 92, 649, т. VII 599.

[2]) Пахманъ. Т. II стр. 293, 294. Ср. характеристику русской семейной общины и власти домохозяина въ нашемъ соч., "Волостной судъ и юридич. обычаи крестьянъ", стр. 117—123.

На опросъ коммисіи по изслѣдованію состоянія волостныхъ судовъ крестьяне отвѣчали: „имущество составляетъ собственность всей семьи въ лицѣ старшаго въ семьѣ“ (труды V 533) „отдѣльной собственности члены одной семьи не имѣютъ“ (V 539) „все имущество пріобрѣтаемое отдѣльными членами семейства считается общимъ имуществомъ семьи“ (VI 649) „члены семействъ отдѣльной собственности не имѣютъ“ (VI 646).

Тоже начало общности семейнаго имущества и отсутствіе индивидуальной собственности членовъ семьи, тѣже права и обязанности домохозяина и права членовъ семьи на принадлежащую имъ долю въ общемъ имуществѣ, констатируютъ князь Костровъ въ своемъ изслѣдованіи „юридическій обычай крестьянъ томской губ. (стр. 30), Данильченко „этнографическія свѣдѣнія о Подольской губ. (стр. 5), Майновъ (стр. 162), Оршанскій, Ефименко, Матвѣевъ, Чубинскій и др.

Мухинъ въ своемъ изслѣдованіи „обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“, сводя громадный матеріалъ по русскому обычному праву говоритъ, что общая семейная собственность въ нашемъ крестьянствѣ не только не мифъ и не отживающее явленіе, но имѣетъ глубокіе корни въ народномъ сознаніи. Общее семейное имущество, по его мнѣнію, совершенно отлично отъ общей собственности и характеризуется отсутствіемъ частной собственности у членовъ семьи, принадлежностью семьѣ всѣхъ продуктовъ труда ея членовъ, распоряженіемъ общимъ имуществомъ со стороны хозяина или большака, который можетъ быть смѣненъ въ случаяхъ злоупотребленій своею властью.

Совершенно аналогичные примѣры можно было бы привести для доказательства, что и другой очень распространенный институтъ обычнаго права—община является такимъ же общераспространеннымъ институтомъ когда-то безраздѣльно господствующимъ во всемъ человѣчествѣ и несомнѣнно существовавшемъ въ русскомъ народѣ съ самыхъ древнѣйшихъ

временъ, съ тѣми же типичными чертами, съ какими онъ наблюдается въ настоящее время среди нашего крестьянства.

Не желая слишкомъ расширять рамокъ настоящаго доклада, я воздержусь отъ доказательства этого положенія, полагая, что приведеннаго примѣра относительно семейной общины достаточно для того, чтобъ убѣдиться, что обычное право русскаго крестьянства не есть плодъ фантазіи изслѣдованія его, какъ это къ сожалѣнію, иногда приходиться слышать отъ нашихъ юристовъ практиковъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ очень свѣдующихъ юристовъ, къ сожалѣнію, недостаточно знакомыхъ съ литературой объ обычномъ правѣ, что обычнаго права среди нашего крестьянства вовсе не имѣется, и что смѣшно искать самостоятельно установившихся обычаевъ въ крестьянской средѣ, находившейся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ совершенно въ безправномъ состояніи. По мнѣнію представителей этого направленія нашей юридической мысли, если въ нашемъ крестьянствѣ господствуетъ особая организація семьи и совершенно неизвѣстная нашему гражданскому праву общинная собственность, то это является результатомъ мѣропріятій правительства, установившаго круговую поруку и распредѣлявшаго поземельную собственность на началахъ наиболѣе обезпечивающихъ исправное отбываніе податей и повинностей. Въ отношеніи же помѣщичьихъ крестьянъ, обычаи, подмѣченные въ ихъ средѣ, являются, будто бы, результатомъ распоряженія помѣщичьей власти. Я думаю, что каждый познакомившійся съ приведенными выше примѣрами долженъ отвергнуть такія положенія, какъ совершенно неправильныя. Какъ можно говорить о вліяніи государственной и помѣщичьей власти, когда мы встрѣчаемъ тѣже самые обычаи въ ту историческую эпоху, современную Русской Правдѣ, когда никакой помѣщичьей власти не было, а княжеская власть была настолько слаба, что и не посягала на какое-либо вмѣшательство въ гражданско-правовую жизнь общества. Еще болѣе абсурдной эта мысль покажется тому, кто знаетъ, что тѣже самыя черты общественнаго и семейнаго строя господствовали

у народовъ, никогда не подвергавшихся тѣмъ историческимъ вліяніямъ, которые тяготили надъ русскимъ крестьянствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенныя мною примѣры, надѣюсь съ достаточной силой освѣщаютъ важность изученія русскаго обычнаго права, для науки права и для уясненія тѣхъ стадій въ развитіи исторіи правовыхъ отношеній всего человѣчества, которые уже пройдены западно-европейскими народами и могутъ быть восполнены наблюденіями надъ жизнью русскаго крестьянства.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ обычное право для законодательства. Громадной ошибкой было бы считать институты нашего обычнаго права не заслуживающими вниманія законодателя, только потому, что болѣе цивилизованныя націи пережили эти институты. Въ западно-европейской юридической литературѣ мы все чаще и чаще встрѣчаемъ сѣтованіе на то, что семейная и общинная собственность такъ легкомысленно и вполнѣ искусственно была разрушена подъ вліяніемъ римскаго права.

Кто желаетъ ближе познакомиться съ представителями этого направленія западно-европейскихъ юристовъ, я могу отослать къ очень интересному сочиненію Тернера „Государство и землевладѣніе“ вышедшее въ 1896 году.

Съ другой стороны, если бы даже этихъ сѣтованій не было, нѣтъ никакихъ причинъ считать индивидуализмъ западно-европейскаго гражданскаго права за начало болѣе совершенное, и потому долженствующее господствовать въ нашемъ гражданскомъ правѣ по отношенію къ крестьянамъ во чтобы то ни стало.

Профессоръ Ковалевскій, разсматривая причины возникновенія и разложенія общиннаго и семейнаго строя въ западной Европѣ, связываетъ ихъ, и на мой взглядъ вполнѣ основательно, съ системой производства, господствующей среди даннаго населенія. Онъ говоритъ, что если система производства требуетъ коллективнаго участія въ трудѣ въ предѣлахъ семейной общины, то община эта не распадается, а напротивъ сплачивается въ прочный союзъ лицъ, сообща

владѣющій объектомъ производства землей и ведущій общее нераздѣльное хозяйство. Въ этомъ случаѣ индивидуальная собственность не признается, всѣ члены семьи являются участниками въ общей собственности, причемъ и продукты труда не дѣлятся, а остаются въ обладаніи всего союза лицъ, ихъ производящихъ. Но разъ въ систему производства проникаетъ начало раздѣленія труда, разъ въ семьѣ отдѣльные члены ея начинаютъ заниматься самостоятельнымъ спеціальнымъ производствомъ не требующимъ коллективной работы напр. вслѣдствіе участія въ фабричномъ производствѣ, сложныя семьи распадаются на обыкновенныя малыя, такъ называемыя натуральныя семьи, состоящія изъ родителей и дѣтей.

Если мы примемъ эти объясненія, то мы должны придти къ заключенію, что и положенія гражданскаго права не могутъ не измѣниться вмѣстѣ съ измѣненіями быта и способовъ производства и что нѣтъ идеально совершенныхъ институтовъ гражданскаго права, которыя выражали бы принципы справедливости въ области гражданско-правовыхъ отношеній для всѣхъ временъ и народовъ и что насколько было-бы несправедливо примѣнять начала общинности или общей семейной собственности къ населенію индивидуализированному развитымъ раздѣленіемъ труда, настолько несправедливо игнорировать ради торжества индивидуализма отношенія коллективныхъ трудовыхъ союзовъ, въ которыхъ это раздѣленіе труда не проявилось.

Нашъ крестьянскій строй жизни именно представляетъ собой среду еще очень мало разобщенную раздѣленіемъ труда и создавшую такую особенную систему обычно-правовыхъ отношеній, которая не можетъ безъ ущерба для народныхъ интересовъ уложиться въ выработанный на основахъ римскаго права гражданскій кодексъ.

Такимъ образомъ вопросъ о кодификаціи обычнаго права, вопросъ объ отношеніи матеріальнаго обычнаго права къ будущему законодательству по гражданскому праву пріобрѣтаетъ у насъ первостепенную важность.

Никто не станетъ спорить противъ того положенія, что

одна изъ главныхъ потребностей человѣческихъ обществъ— это опредѣленность, устойчивость и обезпеченность гражданскихъ правъ личности.

Никто не станетъ, полагаемъ, отказывать въ этой потребности крестьянамъ.

И, однако, мысль о необходимости претворенія смутнаго и неопредѣленнаго обычнаго права въ законъ далеко не можетъ считаться общепризнанной.

Противъ нея имѣется два существенныхъ возраженія: 1) одни утверждаютъ, что замѣнить обычное право закономъ— значитъ замѣнить живое сознаніе сухой формулой, уничтожить самое дорогое въ обычномъ правѣ—его субъективизмъ и навсегда нарушить строй крестьянской жизни, основанный на такомъ обычно-правовомъ сознаніи [1]); 2) другіе утверждаютъ, что кодифицировать обычное право настолько трудно, что задача эта при современномъ состояніи юридическихъ знаній и современномъ положеніи изслѣдованій по обычному праву не подъ силу юристамъ.

Изслѣдуемъ каждое изъ этихъ возраженій въ отдѣльности, причемъ прежде остановимся на первомъ возраженіи, какъ имѣющемъ принципіальное значеніе.

Если бы обычно-правовой строй крестьянской жизни былъ проченъ, устойчивъ и опредѣленъ—фиксированіе обычнаго права въ законѣ не могло бы нарушить его. Вмѣсто устнаго права получилось бы письменное и ничего больше. Обычный строй жизни получилъ бы чрезъ это еще большую устойчивость и способность противостоять враждебнымъ ему элементамъ.

Очевидно, въ боязни нарушенія обычно-правоваго уклада жизни коренится косвенное признаніе неустойчивости и шаткости, казалось бы защитники его должны были бы всѣми силами содѣйствовать тому, что способно придать этому праву крѣпость и устойчивость. А что-же какъ не претвореніе этого права въ обязательную для всѣхъ норму закона способно

---

[1]) Эти возраженія дѣлаются Оршанскимъ, Ефименко, даже Заруднымъ и др.

лучше исполнить такую задачу? Поборники неприкосновенности обычнаго права не хотятъ также обратить вниманія на потребность какъ самого народа, такъ и правительства въ установленіи опредѣленныхъ правоотношеній, потребность, которая такъ настоятельна, что она, если ей не дать правильнаго удовлетворенія, будетъ удовлетворяться частично въ уродливой формѣ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ обычаю.

Дѣйствительность вполнѣ оправдываетъ наше положеніе. Отстраняя отъ себя плодотворную задачу кодификаціи обычнаго права, законодательство наше, подъ вліяніемъ практическихъ потребностей управленія, можетъ быть не замѣчая того, разрушаетъ иногда въ корнѣ обычно-правовой порядокъ цѣлой категоріи жизненныхъ отношеній.

Такъ случилось съ общиной. Несомнѣнно, что если въ какой либо сферѣ крестьянскихъ правоотношеній существуетъ обычно-правовой порядокъ, такъ это въ сферѣ общиннаго землевладѣнія. Здѣсь самые ярые противники обычнаго права должны признать и существованіе обычно-правовыхъ порядковъ и необходимость его огражденія. И, дѣйствительно, до сихъ поръ онъ тщательно ограждался. Идея нормированія этой стороны крестьянской жизни закономъ такимъ образомъ, чтобы не нарушая обычнаго строя общины, сдѣлать его болѣе опредѣленнымъ и яснымъ, всегда считалась опасной, грозящей гибелью этому строю.

Но указанная потребность практической жизни взяла свое, и небольшимъ, прошедшимъ почти не замѣченнымъ законодательнымъ актомъ 3 августа 1893 г. обычный общинный строй въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разрушенъ совершенно. Если онъ не разрушенъ еще во многихъ мѣстностяхъ, то только потому, что самый законъ не получилъ примѣненія въ нихъ.

По этому закону передѣлъ общинныхъ земель долженъ совершаться не чаще 12-ти лѣтняго срока по приговорамъ не менѣе $^2/_3$ домохозяевъ общины. Въ промежутокъ между общими передѣлами—частные передѣлы, т. е. отобраніе участковъ отъ отдѣльныхъ домохозяевъ могутъ быть допускаемы

только въ 3-хъ случаяхъ: 1) смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору или безвѣстной его отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если при томъ послѣ умершаго или выбывшаго лица не осталось въ обществѣ членовъ семействъ, за которыми участокъ можетъ быть оставленъ, 2) отказа самого домохозяина отъ пользованія землей и 3) неисправности его въ платежѣ повинностей.

Послѣднее ограниченіе согласно п. 14 правилъ пріемлетъ силу и до утвержденія перваго приговора, составленнаго на основаніи этого закона.

Сопоставимъ этотъ законъ съ такими общинными порядками, которые существуютъ во многихъ мѣстахъ и которые болѣе другихъ соотвѣтствуютъ принципу общинности.

Въ обществѣ раздѣлъ земли производится по наличнымъ душамъ. Каждое лицо мужскаго пола съ извѣстнаго возраста (въ нѣкоторыхъ обществахъ съ рожденія, въ другихъ съ 5-ти, въ третьихъ съ 18-ти лѣтняго возраста и т. д.) получаетъ надѣлъ, которымъ владѣетъ до 60-ти лѣтняго возраста, когда надѣлъ отбирается обществомъ и передается вновь подросшему члену общины. Такая перекладка надѣловъ, т. е. отнятіе у однихъ и передача другимъ совершается въ этихъ общинахъ ежегодно и ежегодно-же передѣляется между домохозяевами земля въ натурѣ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ такіе порядки существуютъ съ незапамятныхъ временъ, установились еще во времена крѣпостничества и удержались и по сіе время.

И эти порядки вполнѣ справедливые, вполнѣ согласованные съ хозяйственными нуждами крестьянъ должны совершенно измѣниться. Стоитъ 60-ти лѣтнему старику, у котораго общество отберетъ надѣлъ, пожаловаться и, согласно 10 п. закона 1893 г., онъ будетъ ему возвращенъ и обычный порядокъ пользованія землей, неизвѣстно зачѣмъ, нарушенъ.

Есть общины многихъ другихъ типовъ, также не согласныхъ съ закономъ 1893 г. и также неминуемо подлежащихъ воздѣйствію этого закона, въ ущербъ установившимся обы-

чаямъ. Можно даже съ увѣренностью сказать, что такихъ общинъ, которыя могли бы подчиниться закону 1893 г. безъ нарушенія обычно-правовыхъ порядковъ землепользованія— немного.

Невольно напрашивается вопросъ, зачѣмъ понадобилось нарушать обычаи, шатать искусственно уже и безъ того расшатанный строй общинной народной жизни, создавать порядки, не имѣющіе достаточныхъ основаній въ жизни той среды, для которой они созданы?

И отвѣтъ на этотъ вопросъ только одинъ: уклоняясь отъ осуществленія задачи кодификаціи обычнаго права, которая при правильной постановкѣ дѣла могла бы удовлетворить потребности въ ясной и точной регламентаціи правоваго строя безъ нарушенія обычаевъ, правительство, принужденное прибѣгать къ частичной нормировкѣ отдѣльныхъ явленій народной жизни, не можетъ произвести ея безъ вторженія въ обычно-правовую сферу и безъ невольнаго разрушенія обычаемъ установившихся отношеній.

Такимъ образомъ, обычно-правовой строй народной жизни претерпѣваетъ всевозможныя разрушительныя вліянія, которыя могутъ ослабнуть только благодаря претворенію обычнаго права въ законъ. И всѣ искренніе поборники сохраненія обычнаго уклада народной жизни должны не препятствовать, а всячески содѣйствовать скорѣйшему осуществленію такого перехода.

Конечно, кодифицировать важно институты обычнаго права, которые отличаются отъ писанныхъ гражданскихъ законовъ и сохраненіе которыхъ желательно въ виду ихъ соотвѣтствія съ народной жизнью.

Первое мѣсто изъ этихъ институтовъ безспорно принадлежитъ общинѣ. Общинное землевладѣніе есть видъ общей собственности, совершенно неопредѣленной въ юридическомъ отношеніи X томомъ.

Изъ примѣчаній къ 551 и 555 ст. X т. 1 ч. (изд. 1887 г.) можно заключить, что законодатель какъ будто признаетъ общинное владѣніе видомъ общей собственности, опредѣляе-

мой 543 ст. того же тома. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ считаетъ нужнымъ дѣлать оговорки, что правила о раздѣлахъ и о пользованіи и распоряженіи землей, состоящей въ общей собственности, не относятся къ сельскимъ обывателямъ, владѣющимъ землей въ составѣ сельскихъ обществъ, но не относятся не потому, что этотъ видъ собственности совершенно особый, а потому, что о порядкѣ пользованія и о раздѣлѣ этихъ земель существуютъ спеціальныя постановленія въ особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ.

Но достаточно прочесть опредѣленіе 543 ст. X т. чтобы убѣдиться, что въ ней вовсе не содержится юридическаго опредѣленія общиннаго владѣнія, 543 ст. говоритъ о такой общей собственности, которая является собственностью нѣсколькихъ лицъ. Общинное же землевладѣніе, какъ оно опредѣлено 160 ст. пол. о вык. есть не собственность нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ общество, а собственность общественная, собственность общества какъ юридическаго лица [1].

Однако, какъ юридическое лицо, общество землей не пользуется, а раздѣляетъ ее между членами. Каждый членъ общины получаетъ часть общественной собственности и имѣетъ по отношенію къ этой части извѣстныя права, установленныя обычаемъ.

Къ несчастію, обычный строй общины подъ различными вліяніями разрушается и временныя права общины, съ одной стороны, и членовъ ея, съ другой, становятся неопредѣленными, неясными, а законодательныя опредѣленія или отсутствуютъ или они такъ сбивчивы и смутны, что только затемняютъ дѣло.

Благодаря такому положенію временныя отношенія членовъ общины запутались до невозможности. Община полный собственникъ выкупленнаго надѣла. Отдѣльный крестьянинъ самостоятельно правъ на землю не имѣетъ. У него единственное право—право голоса на сходѣ при распредѣленіи надѣловъ (160 ст. пол. о вык.). Но разъ ему надѣлъ данъ,

---

[1]) Это различіе хорошо выяснено въ рѣш. гр. кас. деп. Сен. 1883 г. № 115.

какое право онъ имѣетъ на него? Имѣетъ-ли право община отнять его у него, если онъ уйдетъ на заработки и продаетъ свою собственность? Кто владѣлецъ надѣла: то лицо, которому онъ данъ, или тотъ дворъ, къ которому это лицо принадлежитъ? Вопросъ очень важный. При распредѣленіи земли, напримѣръ, по наличнымъ душамъ получаетъ надѣлъ каждый членъ общины мужскаго пола. Семья, состоящая изъ отца домохозяина и трехъ неотдѣленныхъ сыновей получаетъ 4 надѣла: одинъ на отца и по одному на каждаго сына. Какое право на „свой“ надѣлъ имѣетъ, напр. такой неотдѣленный сынъ? Можетъ-ли онъ уступить свой надѣлъ другому? Можетъ-ли отецъ-домохозяинъ отчудить надѣлъ своего неотдѣленнаго совершеннолѣтняго сына безъ его на то согласія? Можетъ-ли отецъ-домохозяинъ завѣщать свои надѣлы, въ томъ числѣ и надѣлы сыновей, пока они не отдѣлены кому либо помимо своихъ прямыхъ наслѣдниковъ? Отдѣльные сыновья сохраняютъ-ли какое-либо право на надѣлъ отцовъ, послѣ смерти наслѣдника?

Реестръ такихъ вопросовъ мы могли бы удлинить до очень почтенныхъ размѣровъ, но и поставленныхъ выше, полагаемъ достаточно, чтобы дать понятіе о той массѣ споровъ, тяжбъ и несогласій, которыя должна порождать полная неопредѣленность отвѣтовъ на нихъ. Подъ вліяніемъ такого положенія общинное землевладѣніе становится очень тяжелымъ для его участниковъ. Они никогда не могутъ спокойно пользоваться своими правами безъ опасенія, что права эти могутъ быть у нихъ отняты во всякое время и по много различнымъ поводамъ. Поэтому, если есть малѣйшая возможможность выйти изъ такого положенія, всѣ стремятся къ тому. Многочисленные выкупы своихъ надѣловъ по 165 ст. пол. о вык. конечно главнымъ образомъ, должны объясняться такимъ стремленіемъ. Самый принципъ общности дискредитируется, такъ какъ часто неурядицу въ правовомъ отношеніи ставятъ въ вину ни въ чемъ неповинному принципу.

Какую путаницу понятій создаетъ отсутствіе устойчиваго опредѣленія юридической природы общины, можно видѣть

изъ того, что даже въ законодательствѣ, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ законъ считаетъ необходимымъ регламентировать нѣкоторыя отношенія общиннаго землевладѣнія, мы встрѣчаемся съ противорѣчіями.

Какъ на одно изъ такихъ противорѣчій слѣдуетъ указать на пресловутую 165 ст. пол. о вык. Отдѣльный членъ общины, согласно 160 ст. и сл. ст. пол. о вык. самостоятельныхъ правъ на надѣлъ не имѣетъ. Онъ пользуется имъ на срокъ и условіяхъ опредѣленныхъ собственникомъ земли, обществомъ. И вдругъ онъ можетъ по своему одностороннему желанію, безъ согласія общества, превратить свое зависимое право въ право полной собственности и лишить этого права настоящаго собственника земли—общину! Для этого ему слѣдуетъ только внести выкупъ. Создается положеніе, съ юридической точки зрѣнія, абсурдное!

Правда въ 1894 г. такое право, наконецъ, уничтожено. Безъ согласія общества надѣлъ выкупу не подлежитъ. Но въ томъ, что такое право существовало слишкомъ 30 лѣтъ и только по истеченіи этого періода, послѣ многочисленныхъ указаній литературы и практическихъ дѣятелей крестьянской реформы, наконецъ уничтожено—нельзя не видѣть поразительнаго примѣра той неурядицы, которая царитъ въ сферѣ крестьянскихъ правоотношеній, благодаря ихъ юридической неопредѣленности. Право выкупа безъ согласія общества уничтожено, но ничего не сдѣлано, чтобы опредѣлить отношенія выкупленныхъ уже участковъ къ обществу. Громадное большинство [1]) выкупленныхъ участковъ не выдѣлено, осталось въ общемъ черезполосномъ пользованіи и подчиняется въ порядкѣ передѣловъ общимъ правиламъ передѣла общинныхъ земель.

Данныхъ на нихъ не имѣется, потому что данныя выдаются только послѣ выдѣла выкупленнаго участка къ одному

[1]) См. соч. Карелина „Общинное землевладѣніе“ Спб. 1894 г. ст. 149, также изслѣдованіе Пругавина, Юр. Вѣст. 1885 г. кн. 5. „Сельская община въ поволжскомъ краѣ“.

мѣсту. Спрашивается, какое отношеніе имѣютъ къ общинѣ владѣльцы этихъ надѣловъ? Кто собственникъ земли? Имѣетъ ли владѣлецъ такого надѣла право продать надѣлъ въ постороннія руки, не общественнику? По какой сдѣлкѣ? Все это вопросы, самымъ разнообразнымъ образомъ рѣшаемые на практикѣ.

Если законодательство впадаетъ въ противорѣчіе, то что же сказать о практикѣ судебныхъ и крестьянскихъ учрежденій.

Общая семейная собственность также совершенно неизвѣстна X-му тому.

Узаконенія, касающіяся крестьянъ, признаютъ семейную собственность. Тамъ, гдѣ законы трактуютъ о подворномъ владѣніи, вездѣ рѣчь идетъ не объ индивидуальномъ правѣ, а о правѣ семейномъ. Такъ 110 ст. мѣстнаго великороссійскаго положенія говоритъ, что усадебная земля каждаго крестьянскаго двора находится въ пользованіи „всего проживающаго во дворѣ семейства", 36—41 и 93 ст. мѣстнаго малороссійскаго положенія тоже опредѣляютъ, что земли отводятся въ пользованіе „крестьянскихъ семействъ". Но признавая такую общую семейную собственность, законы наши нигдѣ не опредѣляютъ юридическую природу ея и отношенія къ индивидуальной собственности. Неудивительно, что самъ законъ часто впадаетъ въ противорѣчія, а юридическая практика остается безъ всякаго руководства.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно усмотрѣть, что признаніе семейной собственности на какую либо вещь исключаетъ возможность перехода ея по наслѣдству отъ главы семьи. Составляя семейную собственность, данное имущество можетъ находиться только въ распоряженіи главы семьи и послѣ смерти его должно, оставаясь въ общей собственности семьи, перейти въ распоряженіе новаго главы семьи [1]. А между тѣмъ въ законѣ, по отношенію къ судьбѣ такого имущества,

---

[1]) Ср. Указанія на несовмѣстимость права семейной собственности и права наслѣдованія у г. Пахмана „Обычное право". Т. II, стр. 8.

мы встрѣчаемъ указанія на термины, взятые изъ наслѣдственнаго права. Практика же никогда не затруднялась примѣнять понятія наслѣдственнаго права къ переходу общей семейной собственности послѣ смерти главы семьи.

Кодификація наслѣдственнаго права также настоятельно необходима. Еще Оршанскій сдѣлалъ весьма успѣшную попытку сведенія обычаевъ наслѣдства къ нѣкоторымъ главнымъ началамъ, общимъ крестьянамъ различныхъ мѣстностей и вполнѣ гармонирующимъ съ хозяйственнымъ строемъ ихъ жизни. Къ сожалѣнію, онъ не выдѣлилъ явленія наслѣдственнаго права отъ явленій права семейственнаго, и переходъ по наслѣдству смѣшивается у него съ обычными правилами распредѣленія общаго имущества [1]).

Изложенными институтами общиннаго владѣнія, семейственнаго и наслѣдственнаго права и должна ограничиться, на нашъ взглядъ, сфера ссобеннаго крестьянскаго права. При существующихъ условіяхъ жизни русскаго народа, правовыя нормы въ этой сферѣ не могутъ быть объединены такъ, чтобы они были общими всему народу. Если объединеніе такое будетъ допущено, оно неминуемо нанесетъ ущербъ интересамъ или крестьянъ-земледѣльцевъ или интересамъ другихъ слоевъ народа, смотря по тому какія начала права восторжествуютъ при объединеніи.

Но если невозможно объединеніе, то нѣкоторое сближеніе вполнѣ осуществимо, такъ какъ многія особенности нашихъ писанныхъ гражданскихъ законовъ, отличающихъ ихъ отъ соотвѣтствующихъ институтовъ обычнаго права, являются и ихъ недостатками. Исправленіе ихъ должно сблизить начала писаннаго и обычнаго права даже въ указанной сферѣ семейственнаго и наслѣдственнаго права.

Въ обязательственной же части вполнѣ возможно полное объединеніе гражданскаго кодекса и распространеніе его силы на всю массу крестьянства.

---

[1]) Редакціонная коммисія по составленію новаго гражданскаго уложенія также какъ извѣстно, издала трудъ: „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“.

Уничтоженіе излишняго формализма этой части нашего писаннаго права, пагубнаго и для культурныхъ слоевъ населенія, сдѣлаетъ его пригоднымъ и для народа, обычаи котораго не будутъ существенно разниться отъ началъ, въ немъ принятыхъ. Разумѣется, необходимы будутъ и существенныя добавленія, какъ напр. юридическое опредѣленіе договора артели, столь распространеннаго въ народѣ и совершенно нерегламентированнаго X томомъ.

Для этой работы кодификаціи обычнаго права необходимо однако дальнѣйшее и самое тщательное изученіе этого права и собраніе дальнѣйшаго матеріала.

Важность вопроса о кодификаціи обычнаго права для будущаго гражданскаго уложенія выяснится еще больше, если мы вспомнимъ тѣ условія, при которыхъ создавался нынѣ дѣйствующій гражданскій кодексъ, т. е. 1 ч. X тома.

Онъ создавался въ такое время, когда крестьяне совершенно не участвовали въ обще-гражданской жизни нашей и нѣтъ ничего удивительнаго, что кодексъ этотъ игнорировалъ вопросъ о регулированіи гражданско-правовыхъ отношеній крестьянъ. Вотъ почему въ то время какъ прежніе памятники нашего законодательства: Русская Правда, Судебники, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича содержатъ въ себѣ многія положенія, почерпнутыя изъ обычно-правоваго сознанія нашего народа, X томъ стоитъ очень далеко отъ этого правосознанія.

Въ настоящее время впервые въ тысячилѣтній періодъ исторіи Россіи предпринята работа по составленію гражданскаго кодекса, потому что X томъ нашъ какъ извѣстно не кодексъ, а сводъ. Работа эта предпринята въ такое время, когда уже прошло 35 лѣтъ со времени дарованія крестьянамъ обще-гражданскихъ правъ. И конечно, нельзя себѣ представить, чтобы будущій кодексъ сдѣлался не общенароднымъ кодексомъ и чтобы онъ оставилъ не регулированнымъ правоотношенія крестьянъ, т. е. $^{9}/_{10}$ русскаго народа! А развѣ можно совершить эту работу безъ включенія въ будущій кодексъ обычнаго права?

Вспомнимъ здѣсь прекрасныя слова покойнаго Калачева еще въ 1875 году на съѣздѣ юристовъ въ Москвѣ предвидѣвшимъ время, когда будетъ поставленъ на очередь вопросъ о кодификаціи обычнаго права. Онъ сказалъ въ этой рѣчи, что результатомъ подробнаго изслѣдованія обычнаго права, предпринятаго по систематическому плану, явилось бы притвореніе обычая въ законъ, „который согласовался бы вполнѣ съ народными потребностями и условіями жизни поселянъ, коихъ отношенія опредѣляются не только общими основаніями сдѣлокъ, но и разнообразятся мѣстными требованіями и особенностями. Въ пользѣ внесенія такого практически осмысленнаго элемента права въ законодательство, замѣтилъ онъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо если обычаи удержаны до сихъ поръ самимъ правительствомъ между крестьянами, то нѣтъ основанія думать, чтобы они вскорѣ оказались для крестьянъ же совершенно ненужными и безполезными. Напротивъ возведеніе ихъ въ законъ и распространеніе и на лица другихъ сословій, находящіяся въ томъ же положеніи какое вызвало эти обычаи въ сословіи крестьянъ придастъ имъ не только извѣстность и большую обязательность, но во многихъ случаяхъ принесетъ практическую пользу, какъ испытанный уже регуляторъ взаимныхъ отношеній и сдѣлокъ между лицами, живущими въ средѣ, которою было издревле обусловлено возникновеніе и развитіе“.

Но и независимо отъ кодификаціонныхъ цѣлей, изученіе обычнаго права въ настоящее время очень важно для судебной практики. Съ положеніемъ о земскихъ начальникахъ уѣздные съѣзды поставлены въ необходимость знать обычное право примѣняемое въ волостныхъ судахъ. Иначе они не могутъ исполнять своей обязанности при апелляціонномъ разсмотрѣніи дѣлъ волостнаго суда.

25 статья временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, соотвѣтствующая 107 ст. общ. пол. о крест., нормирующей дѣятельность дореформеннаго волостнаго суда говоритъ:

„Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ

и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлѣ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями".

Буквальный смыслъ 25 ст. врем. прав. о вол. судѣ никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ. Руководство мѣстными обычаями предписано суду по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ. Фраза объ особенномъ значеніи обычаевъ въ дѣлахъ по раздѣлу наслѣдствъ легко объяснима, въ согласіи съ буквальнымъ смысломъ ея, желаніемъ законодателя указать, что если въ другихъ дѣлахъ, кромѣ обычаевъ, судьи могутъ руководствоваться договорами и сдѣлками сторонъ, документами и т. п., то въ дѣлахъ о раздѣлѣ наслѣдства установившійся порядокъ раздѣла по обычаю долженъ быть единственнымъ руководителемъ судебнаго рѣшенія.

Такое пониманіе 25 ст. врем. прав. о вол. судѣ находитъ себѣ подтвержденіе и въ мотивахъ къ закону 12 іюля 1889 г. Изъ этихъ мотивовъ мы узнаемъ, что государственный совѣтъ, при обсужденіи временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, заботился о сохраненіи за обычаемъ того же значенія, которое было предоставлено ему по положенію 1861 года.

Нашъ взглядъ косвенно подтверждается и толкованіемъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, даваемымъ извѣстнымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 12 октября 1891 г. за № 41, основаннымъ на мнѣніи государственнаго совѣта. Правда, этотъ циркуляръ главнымъ образомъ направленъ на разъясненіе степени обязательности для волостнаго суда устава гражданскаго судопроизводства. Но многія его выраженія даютъ достаточно основанія для заключенія, что имъ не признается и обязательная сила X тома. Въ немъ, между прочимъ, говорится что „при разборѣ гражданскихъ дѣлъ волостной судъ не стѣсненъ никакими формальными требованіями, такъ какъ при его организаціи имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду открыть широкій просторъ въ выборѣ способовъ выясненія дѣйствительной сущности дѣла, согласно мѣстнымъ обычаямъ и установившейся практикѣ". Далѣе говорится, что „ни одна статья устава гражданскаго судопроиз-

водства не можетъ быть признаваема обязательной для волостнаго суда“, а въ особенности статьи, опредѣляющія оцѣнку доказательствъ и въ частности 409 и 410 ст. уст. гражд. суд. Если вдуматься въ смыслъ этого циркуляра, не трудно усмотрѣть, что онъ касается не одного устава гражданскаго судопроизводства. Уже одно прямое воспрещеніе руководствоваться 409 ст. гражд. суд. доказываетъ это. Вѣдь означенная статья не представляетъ собой только процессуальнаго правила. Она тѣсно связана и съ матеріальнымъ правомъ, которое она восполняетъ. Въ X томѣ есть такіе виды обязательствъ, которые признаются таковыми только при наличности письменной формы. Нѣтъ письменной сдѣлки—нѣтъ и обязательства. Очевидно, что такое постановленіе X тома было бы лишено значенія, если бы судъ былъ вправѣ признавать существованіе обязательства для котораго по матеріальному праву необходима письменная сдѣлка и безъ наличности послѣдней. Чтобы избѣжать подобнаго противорѣчія матеріальнаго права и процесса, чтобы воспрепятствовать суду парализовать постановленія X тома и создана 409 ст. уст. гражд. суд. Судъ, который освобожденъ отъ дѣйствія 409 ст. уст. гражд. суд. (или соотвѣтствующей 70 ст. пр. произв. суд. дѣлъ), освобожденъ отъ обязательной силы соотвѣтствующихъ статей X тома, устанавливающихъ виды обязательствъ и юридическія послѣдствія ихъ. Вотъ почему въ приведенномъ циркулярѣ мы вправѣ видѣть разъясненіе, по смыслу котораго X томъ не имѣетъ никакой обязательной силы для волостнаго суда.

Такой же выводъ устанавливается и изъ рѣшеній сената, толкующихъ 107 ст. общ. пол. о крест. (20 марта 1875 г., 25 января 1877 г., 15 марта 1865 г. и др.). Такой же взглядъ проводятъ и всѣ извѣстные цивилисты: Малышевъ, Побѣдоносцевъ, Пахманъ и др.

Къ тому же, наконецъ, выводу приводитъ и сопоставленіе съ 25 ст. врем. прав. о вол. судѣ 38 ст. общ. пол. о крест., 110 ст. мѣст. вел. пол. и 36—41 и 93 ст. мѣст. малор. положенія.

Очевидно, что если волостной судъ долженъ руководство-

ваться мѣстными обычаями, ими же долженъ руководствоваться и уѣздный съѣздъ при разборѣ крестьянскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ первой инстанціи волостными судами. И очевидно, что нормы обычнаго права, какъ таковыя, должны быть извѣстны съѣзду впередъ, а не устанавливаться только по ссылкѣ сторонъ. Jura novit curia—это принципъ каждаго суда и совершенно неосновательно примѣнять въ данномъ случаѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые съѣзды, принципы, свойственные ученію о доказательствахъ въ процессѣ, по которымъ эти доказательства должны быть доставлены сторонами. Напротивъ и безъ ссылки сторонъ на норму обычнаго права и безъ представленія доказательствъ существованія этой нормы стороной, норма эта должна примѣняться съѣздомъ. Такого же взгляда держится и Московскій профессоръ гражданскаго права Гамбаровъ, да другого взгляда и не можетъ быть.

Мы опустимъ здѣсь для краткости вопросъ о примѣненіи обычая въ мировыхъ судахъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстный (130 ст. уст. гражд. суд.) и скажемъ только нѣсколько словъ о примѣненіи обычнаго права въ общихъ судахъ.

Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства не содержится указаній на то, какъ долженъ примѣняться обычай въ общихъ судахъ, но изъ этого вовсе не значитъ, что онъ не долженъ примѣняться тамъ. Напротивъ, по сколько согласно общему положенію о крестьянахъ допущенъ обычай, какъ норма, регулирующая гражданскія правоотношенія крестьянъ, настолько онъ обязателенъ и для окружнаго суда при разборѣ споровъ крестьянъ. Напр., 38 ст. общ. пол. о крест., постановляющая, что крестьяне въ порядкѣ наслѣдованія руководствуются своими обычаями, конечно, должна приниматься во вниманіе и окружными судами при обсужденіи споровъ между крестьянами о наслѣдственномъ имуществѣ.

Боровиковскій въ своемъ талантливомъ сочиненіи „Отчетъ судьи“ въ III томѣ, посвященномъ дѣламъ „мужичьимъ“, говоритъ, что хотя законодатель несомнѣнно желалъ совершенно устранить X томъ въ сферѣ наслѣдованія крестьянъ и утвердить въ немъ господство обычая, но вмѣстѣ съ тѣмъ

не указываетъ никакихъ путей къ тому. Въ результатѣ такого положенія—знаменательный фактъ! Боровиковскій констатируетъ, что въ его практикѣ (а она очень обширна) имѣется только одинъ случай, когда общія судебныя установленія въ наслѣдственномъ спорѣ крестьянъ сочли обычай доказаннымъ! Во всѣхъ другихъ случаяхъ примѣнялись завѣдомо непригодныя для крестьянъ постановленія X тома, прямо противорѣчащія не только обычно-правовому укладу крестьянской жизни, но и общему и мѣстному положеніямъ о крестьянахъ.

Послѣ этого понятно безнадежное восклицаніе почтеннаго автора: „что *тамъ* (въ деревнѣ) думаютъ о насъ, когда являются туда наши исполнительные листы, напр., объ указныхъ доляхъ бабамъ и дѣвкамъ“ [1]).

Къ сожалѣнію нужно констатировать, что практика судовъ не натолкнула ни одинъ судъ на работу по собиранію и сводкѣ мѣстнаго обычнаго права. Конечно, единственнымъ объясненіемъ этого печальнаго явленія является обремененность судовъ работой и сравнительно немногочисленность по сравненію съ другими дѣлами крестьянскихъ дѣлъ.

Уѣздные съѣзды и губернскія присутствія почти спеціально теперь занимаются крестьянскими спорами и поэтому поставлены въ необходимость знакомиться съ обычаями. Результатомъ этого и явились пока только два сборника мѣстнаго обычнаго права: Минской губ. и замѣчательный 1 выпускъ сборника обычнаго права Харьковской губ.

Но кромѣ этихъ систематическихъ трудовъ, уже выразившихся въ печатныхъ сборникахъ можно смѣло сказать, что вездѣ уѣздные съѣзды и губернскія присутствія съ различнымъ успѣхомъ стараются привести въ извѣстность нормы обычнаго права, хотя бы, по крайней мѣрѣ, по такимъ вопросамъ, которые часто встрѣчаются при разрѣшеніи крестьянскихъ споровъ. Намъ извѣстно, что во многихъ губерніяхъ заведены при каждомъ волостномъ судѣ особыя книги для записи нормъ обычнаго права, которыя по частнымъ вопро-

---

[1]) Боровиковскій, т. III.

самъ судебной практики удалось установить данному волостному суду. Такія книги заведены при волостныхъ судахъ Симбирской и Курской губерніи.

Очень интересно въ этомъ отношеніи сообщеніе, сдѣланное въ отдѣлѣ обычнаго права при Петербургскомъ юридическомъ обществѣ секретаремъ Медвѣженскаго уѣзднаго съѣзда Ставропольской губерніи.

Изъ этого сообщенія видно, что означенный уѣздный съѣздъ также старался установить нормы обычнаго права путемъ приговоровъ сельскихъ сходовъ. Такъ напримѣръ, Бѣлюшенскій сельскій сходъ приговоромъ 6 октября 1896 г. установилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова съ дѣтьми остается при свекрѣ, то они всѣ оставшіеся и даже незаконнорожденные дѣти вдовы обоего пола, получаютъ нераздѣльно съ своей матерью вдовой изъ движимаго и недвижимаго имущества такую часть, какая слѣдовала покойному мужу вдовы при раздѣлѣ его съ родными братьями, т. е. часть равную съ оставшимися въ живыхъ братьями. Тотъ же сельскій сходъ другимъ приговоромъ постановилъ, что когда дочь послѣ смерти отца при наличности братьевъ и матери, вышла замужъ, то она лишается затѣмъ уже права на полученіе чего либо изъ движимаго имущества, потому что она при выходѣ въ замужество получаетъ со двора приданое, которое при этомъ всегда заключается въ движимомъ только имуществѣ. Если же при раздѣлѣ семьи остается дочь умершаго отца еще дѣвицей, то она остается жить при одномъ изъ раздѣлившихся братьевъ, который получаетъ при раздѣлѣ извѣстную прибавку движимаго имущества, соотвѣтствующую размѣру будущаго приданаго, которое этотъ братъ долженъ будетъ выдать за сестрой въ случаѣ ея выхода замужъ.

Изъ этого же сообщенія видно, что указанный уѣздный съѣздъ прибѣгалъ и къ другимъ способамъ установленія обычнаго права, напр. путемъ порученія мѣстному земскому начальнику выяснить норму этого права черезъ разспросы мѣстныхъ жителей, а также чрезъ истребованіе свѣдѣній объ обычаяхъ отъ волостныхъ судовъ и даже волостныхъ писарей.

Не касаясь критики степени совершенства способовъ, принятыхъ Медвѣженскимъ съѣздомъ, мы не можемъ не констатировать факта, что члены уѣздныхъ съѣздовъ поставлены въ необходимость какими либо путями извлекать нормы, необходимыя имъ для разрѣшенія споровъ крестьянъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что состоя часто изъ лицъ мало знакомыхъ съ литературой обычнаго права, они прибѣгаютъ и къ мѣрамъ совершенно нецѣлесообразнымъ, изворачиваясь по мѣрѣ силъ и возможности изъ того положенія, въ которое они поставлены.

Придти къ нимъ на помощь въ этомъ дѣлѣ, объединить ихъ усилія, указать на раціональные способы дѣятельности по извлеченію нормъ обычнаго права—это должно быть одной изъ задачъ нашего отдѣла!

Указанное значеніе обычнаго права въ настоящее время съ точки зрѣнія науки права, законодательства и судебной практики и вызвали къ жизни отдѣлъ обычнаго права при Петербургскомъ юридическомъ обществѣ. Осуществилась, наконецъ, хотя и спустя болѣе 20 лѣтъ, мысль Калачева, который въ цитированной уже нами рѣчи высказалъ слѣдующія вполнѣ вѣрныя мысли о собираніи матеріала по обычному праву:

„Всего лучше, чтобы собираніе юридическихъ обычаевъ было исполнено мѣстными силами, интересующимися этимъ дѣломъ, и понимающими, что исполненіемъ ея они окажутъ истинную услугу наукѣ и обществу.

Но для направленія дѣятельности такихъ мѣстныхъ собирателей обычаевъ должна бы быть учреждена особая коммисія въ Петербургѣ или Москвѣ, которая съ одной стороны пріискала бы и вызвала такихъ дѣятелей къ предлежащему имъ труду, а съ другой стороны подготовила бы изъ этихъ трудовъ сборникъ юридическихъ обычаевъ по разнымъ мѣстностямъ, съ основаніями, благодаря которымъ эти обычаи установились на практикѣ“.

Теперь проектированная Калачевымъ „коммисія“ учредилась при С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ въ лицѣ отдѣла.

Дай Богъ, чтобы ему удалось получить значенiе главнаго руководителя и двигателя систематическаго изученiя обычнаго права, чтобы всѣ лица интересующiяся этимъ дѣломъ и способныя оказать ему свое содѣйствiе, видѣли бы въ немъ организацiю, воплощающую въ себѣ ихъ чаянiя и стремленiя и объединяющую разрозненныя усилiя отдѣльныхъ изслѣдователей, разсѣянныхъ по всему лицу земли Русской....

Для этого только отдѣлъ не долженъ замыкаться на частной задачѣ собиранiя обычаевъ по одному какому либо способу, можетъ быть мало еще провѣренному въ отношенiи своей плодотворности и слѣдовательно не всѣми признанному и долженъ поставить свои задачи возможно широко, сохраняя самодѣятельность отдѣльныхъ мѣстныхъ изслѣдователей и только пособляя имъ, руководя ими, въ необходимыхъ случаяхъ, и давая возможность опубликованiя ихъ трудовъ. И если отдѣлъ сохранитъ за собою это положенiе, если ему удастся своимъ авторитетомъ и своей энергичной дѣятельностью объединить всѣхъ изслѣдователей обычнаго права и двинуть ихъ усилiя на единообразное систематическое изслѣдованiе, тогда не можетъ быть сомнѣнiя въ томъ, что онъ совершитъ великое дѣло, которое не забудется исторiей права и черезъ нѣсколько лѣтъ труда успѣетъ подарить русскiй народъ сводомъ юридическихъ обычаевъ, претворенныхъ въ сознательно формулированныя, юридически выраженныя нормы права.

Благодарное поле для труда соотвѣтствующаго тому положенiю, которое должно занимать въ правовой жизни Россiи Петербургское юридическое общество!

Для лучшаго осуществленiя этой задачи я бы предложилъ организовать при юридическомъ обществѣ съѣздъ юристовъ, интересующихся обычнымъ правомъ для выработки сообща лучшихъ прiемовъ собиранiя матерiаловъ по обычному праву и обсужденiя вопросовъ связанныхъ съ обработкой и изученiемъ этихъ матерiаловъ. На мой взглядъ это крайне необходимо для правильной постановки дѣла, предпринятаго отдѣломъ обычнаго права и для того, чтобы лица, интересую-

щіяся этимъ предпріятіемъ и живущіе въ провинціи, участіе которыхъ въ предпринятомъ обществомъ предпріятіи по изслѣдованію обычнаго права особенно цѣнно, чтобы эти лица съ большимъ сознаніемъ въ цѣлесообразности постановки этого дѣла въ отдѣлѣ и съ большей энергіей стали бы содѣйствовать ему своимъ трудомъ.

А. Леонтьевъ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ [1]).

Ученіе о возникновеніи обязательствъ до сихъ поръ представляется весьма спорнымъ. Споръ заключается въ томъ, что разные писатели указываютъ разные источники обязательствъ. Правда, всѣми признаются неизмѣнно два источника: договоръ и правонарушеніе. Эти два источника составляютъ основу, фундаментъ обязательственнаго права. Но одними этими источниками обязательствъ обойтись нельзя: жизнь представляетъ такія отношенія, которыя не могутъ быть подведены подъ эти два вида возникновенія обязательствъ. Вотъ тутъ-то и представляется обширное поле для разногласій.

Не останавливаясь на договорѣ и правонарушеніи, составляющихъ несомнѣнно источники обязательствъ, перейду прямо къ разсмотрѣнію остальныхъ, указываемыхъ разными писателями источниковъ обязательствъ.

Римляне, какъ извѣстно, выставили слѣдующую классификацію источниковъ обязательствъ: 1) Contractus, 2) Delictum. 3) Quasicontractus, 4) Quasi-delictum. Эти два послѣднихъ источника они означали выраженіемъ variae causarum figurae. Въ началѣ тит. 7 кн. 44 пандектовъ говорится: Obligationes aut ex contractu nascuntur aut ex maleficio aut proprio quodam jure ex variis causarum figuris. Затѣмъ въ § 2 тит. 13 кн. 3

---

[1]) Докладъ, читанный въ гражд. отдѣленіи Юрид. Общ. 8 дек. 1897 г.

Институцій Юстиніана говорится: Sequens divisio in quatuor species diducitur: aut enim ex contractu sunt aut quasi ex contractu aut ex maleficio aut quasi ex maleficio. Отсюда явствуетъ, что подъ variae causarum figurae разумѣются именно два источника: quasi ex contractu и quasi ex maleficio. Значитъ эти variae causarum figurae не образуютъ особой отъ quasi-контракта и quasi-деликта группы юридическихъ отношеній. Это показываетъ, что эти два источника обязательствъ, обобщенные въ одномъ общемъ понятіи (variae causarum figurae), составляютъ неопредѣленную группу обязательственныхъ отношеній, отличающихся лишь отрицательно отъ отношеній, имѣющихъ источникомъ договоръ и правонарушеніе. Очевидно, что установленіе такой неопредѣленной группы не можетъ отвѣчать требованіямъ науки. Обращаясь къ обязательственнымъ отношеніямъ, вытекающимъ изъ группы variae causarum figurae, мы видимъ слѣдующее.

Въ началѣ тит. 27 кн. 3 Институціи Юстиніана читаемъ: Post genera contractuum enumerata dispiciemus etiam de his obligationibus, quae non proprie quidem ex contractu nasci intelliguntur, sed tamen, quia non ex maleficio substantiam capiunt, quasi ex contractu nasci videntur. Здѣсь, значитъ, рѣчь идетъ объ обязательствахъ, которыя собственно не изъ контракта происходятъ, но такъ какъ они въ тоже время получаютъ бытіе не изъ деликта, то и являются проистекающими какъ бы изъ контракта. Такое обоснованіе источника обязательствъ, именуемаго quasi-контрактъ, конечно, наукою принято быть не можетъ. Далѣе въ приведенномъ титулѣ указываются отдѣльные случаи quasi-контракта, а именно, веденіе чужихъ дѣлъ, отношеніе опекуна къ опекаемому, общее владѣніе, не изъ договора товарищества вытекающее, напр. если завѣщано нѣсколькимъ лицамъ имущество, уплата не должнаго.

Веденіе чужихъ дѣлъ и уплата недолжнаго составляютъ, какъ извѣстно, типическія обязательственныя отношенія, выводимыя изъ quasi-контракта. Послѣдній признается источникомъ для этихъ обязательственныхъ отношеній и теперь. Поэтому слѣдуетъ на нихъ остановиться. Но прежде чѣмъ

это сдѣлать, нужно установить дѣйствительные, по моему мнѣнію, источники обязательствъ.

Незачѣмъ доказывать, что договоръ и правонарушеніе суть источники обязательствъ: это, какъ сказано выше, признается. Затѣмъ я полагаю, что къ этимъ двумъ источникамъ нужно присоединить третій, именно *одностороннее волеизъявленіе*.

Волеизъявленіе или волеобнаруженіе составляетъ необходимую принадлежность каждой юридической сдѣлки. Не всѣ, конечно, юридическія сдѣлки состоятъ только въ волеизъявленіи, но ни одна юридическая сдѣлка небываетъ безъ волеизъявленія. Волеизъявленіемъ можетъ быть не только слово, но и письмо, извѣстныя тѣлодвиженія, прочія дѣйствія. Затѣмъ, волеизъявленіе можетъ имѣть въ виду извѣстное лицо, или же можетъ относиться ко всякому лицу, подошедшему подъ извѣстныя условія. Поэтому волеизъявленіе будетъ имѣть силу и тогда, когда заявляется, напримѣръ, въ газетахъ о принятіи на себя заявляющимъ извѣстнаго обязательства, если кѣмъ-либо будетъ совершено то или другое дѣйствіе или наступитъ то или другое событіе. Само собою разумѣется, что заявляющій свою волю долженъ быть дѣеспособнымъ, а волеизъявленіе по содержанію своему должно относиться къ дозволеннымъ по закону предметамъ. Сюда же должно отнести приказы, чеки, бумаги на предъявителя, продажу и сдачу съ торговъ и т. д. Здѣсь вездѣ заявляется лицомъ принятіе на себя извѣстнаго обязательства въ случаѣ наступленія извѣстнаго событія или совершенія кѣмъ-либо извѣстнаго дѣйствія.

Противникомъ возникновенія обязательства изъ односторонняго волеизъявленія является Савиньи. Возможно-ли, говоритъ онъ, по частному соглашенію вступать въ обязательство съ неопредѣленнымъ лицомъ, и каковы послѣдствія такого обязательства? Многіе ученые допускаютъ возможность такого договора. Но это должно быть отвергнуто. Если кто въ газетахъ назначаетъ плату за доставленіе пропавшей вещи, то нельзя признать за нашедшимъ вещь право иска обѣщанной

суммы. Нашедшій вещь можетъ преслѣдовать обѣщавшаго плату лишь посредствомъ doliactio, если онъ, вслѣдствіе публикаціи, сдѣлалъ издержки. Тоже слѣдуетъ сказать о преміяхъ за сочиненія, открытія и пр. Сюда же, т. е. къ числу договоровъ, причисляли и публичную продажу. Но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, суть въ томъ, какой моментъ считать началомъ совершенія договора. Такимъ моментомъ будетъ совершеніе договора съ покупателемъ, уже опредѣлившимся лицомъ. Слѣдовательно неопредѣленность и здѣсь касается только времени приготовительныхъ дѣйствій къ договору, а не времени его заключенія. Я думаю, что Савиньи неправъ. Волеизъявленіе есть источникъ обязательства, когда договора еще нѣтъ. Когда явится покупатель или нашедшій потерянную вещь, то обязательство продавца или обѣщавшаго премію въ газетахъ уже имѣется на лицо. Тутъ договоръ уже не заключается, а явившееся по зову лицо будетъ уже имѣть требованіе, которое и можетъ осуществить, въ случаѣ спора, судебнымъ порядкомъ. Это возникновеніе обязательства въ данномъ случаѣ можетъ быть сравнено съ обязательствомъ, возникающимъ при недозволенномъ дѣйствіи, что уяснится изъ слѣдующаго примѣра. Я произвелъ поврежденіе какого-либо предмета, принадлежащаго государству, напр. дороги, вырытіемъ въ ней ямы. Проѣзжій или прохожій межетъ вслѣдствіе этого получить увѣчье. Я являюсь обязаннымъ вознаградить его за вредъ, хотя во время моего недозволеннаго дѣянія неизвѣстно было лицо, которому это мое дѣяніе причинитъ вредъ. Разъ я имѣлъ волю учинить недозволенное дѣйствіе и учинилъ его, то являюсь уже обязаннымъ предъ лицомъ, которое теперь неизвѣстно, но которое впослѣдствіи можетъ обнаружиться. Приэтомъ я не даю обѣщанія вознаградить будущаго потерпѣвшаго, но законъ самъ меня къ тому обязываетъ. Мы правонарушеніе принимаемъ за особый источникъ обязательства, точно также мы должны принять за такой же особый источникъ обязательства и волеизъявленіе по отношенію къ неизвѣстному даже лицу. Договора же здѣсь собственно нѣтъ. Бумаги на предъ-

явителя сходны съ обѣщаніемъ премій за извѣстныя дѣйствія. Здѣсь также имѣетъ мѣсто волеизъявленіе, причемъ указываются извѣстныя условія, на основаніи которыхъ получается какимъ-либо лицомъ право по бумагѣ. И здѣсь искъ держателя бумаги будетъ состоять въ требованіи того, что въ бумагѣ написано, а не того, что, вслѣдствіе предложенія (объявленія) выпустившаго бумагу, было уплачено. Извѣстно, что обыкновенно требуется за бумагу неполная сумма, въ ней означенная, а лишь извѣстная часть ея. Это дѣлается и государствомъ при выпускѣ извѣстныхъ бумагъ. Значитъ и здѣсь существенно волеизъявленіе лица. И это приписаніе волеизъявленію такого качества, т. е. дѣланіе его источникомъ обязательства, есть слѣдствіе современныхъ жизненныхъ условій, усложнившихся экономическихъ отношеній. Всякій долженъ вести себя осторожно, не шутить волеизъявленіемъ, ибо оно можетъ повести къ предпринятію лицами извѣстныхъ дѣйствій, къ напряженію силъ въ надеждѣ получить обѣщанное въ волеизъявленіи. Поэтому и не дозволяется вводить людей въ искушеніе легкомысленными волеизъявленіями. Притомъ же нельзя сказать, что при волеизъявленіи по отношенію къ неопредѣленному лицу происходятъ лишь приготовительныя дѣйствія къ договору. Если обѣщается премія за извѣстное сочиненіе и если сочиненіе требуемыхъ качествъ мною написано, то право мое на требованіе обѣщанной преміи уже возникло: никакого договора тутъ уже не требуется. Если же сказать, что тутъ будетъ заключаться еще договоръ, то вѣдь онъ можетъ и несостояться и притомъ просто по нежеланію обѣщавшаго премію лица войти въ договоръ со мною по указанному сочиненію. Я окажусь затратившимъ напрасно свой трудъ, а можетъ быть и средства. Но вѣдь это будетъ, конечно, вопіющею несправедливостью.

Одностороннія волеизъявленія (pollicitationes), говоритъ Виндшейдъ, могутъ быть взяты обратно. Но это правило допускаетъ исключенія: обѣщаніе на пользу общаго блага или для благочестиваго дѣла, также если будетъ сдѣлано публичное обѣщаніе неизвѣстному лицу при извѣстныхъ

условіяхъ, которыя окажутся у этого лица; наконецъ еще большую обязательную силу имѣютъ существующія въ настоящее время бумаги на предъявителя и приказы.

Я думаю, что волеизъявленіе вообще не можетъ быть взято обратно, если оно вызвало уже чью либо дѣятельность, а не только волеизъявленіе, имѣющее въ виду общее благо.

Итакъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, принять три источника обязательствъ: договоръ, правонарушеніе и одностороннее волеизъявленіе. Всѣ обязательства, думаю я, вытекаютъ изъ этихъ трехъ источниковъ. Между тѣмъ считаютъ также источниками обязательствъ: волю судьи, законъ, одностороннее вторженіе въ сферу чужаго права, неосновательное обогащеніе, а также quasi-контракты и quasi-деликты, причемъ эти отдѣльные источники комбинируются на разные лады съ договоромъ и правонарушеніемъ. Такъ принимаютъ источниками обязательствъ: сдѣлки, правонарушеніе и обогащеніе (Шершеневичъ), договоръ, законъ и правонарушеніе (Мейеръ), договоръ, правонарушеніе и одностороннее вторженіе въ сферу чужаго права (Анненковъ) и т. д.

Теперь нужно показать, что приведенные источники обязательствъ, кромѣ указанныхъ трехъ, не суть источники обязательствъ на самомъ дѣлѣ.

Обращаясь къ quasi-контракту, мы усматриваемъ слѣдующее. Здѣсь указываются лишь два источника обязательствъ: negotiorum gestio и indebiti solutio. Negotiorum gestio называется у насъ веденіе чужихъ дѣлъ или фактическое представительство. Послѣднее названіе, строго говоря, неправильно, ибо веденіе чужихъ дѣлъ бываетъ и безъ представительства, напр. спасаніе имущества отсутствующаго лица отъ погибели. Поэтому правильнѣе будетъ называть веденіе чужихъ дѣлъ фактическимъ замѣстительствомъ. Разсмотримъ составъ отношеній, вытекающихъ изъ фактическаго замѣстительства и притомъ будемъ сперва имѣть въ виду простѣйшіе случаи, когда не имѣетъ мѣста представительство.

Иванъ, будучи знакомъ съ Петромъ, отсутствующимъ въ данное время, видитъ, что по сосѣдству квартиры послѣд-

няго случился пожаръ. Зная, что вещи Петра незастрахованы, онъ нанимаетъ людей, которые успѣваютъ вынести вещи прежде, чѣмъ домъ занялся и сгорѣлъ. Такимъ образомъ вещи Петра были спасены вмѣшательствомъ въ дѣло Ивана, который понесъ извѣстный расходъ на наемъ людей, выносившихъ вещи. Теперь возникаетъ вопросъ о возмѣщеніи Петромъ Ивану сдѣланныхъ имъ расходовъ. Это одинъ случай. Теперь возьмемъ другой. Хозяинъ дома, въ которомъ я нанимаю квартиру, слышалъ отъ меня, что я желаю продать нѣкоторые предметы изъ моей обстановки. Въ мое отсутствіе этотъ господинъ принимаетъ на себя продажу нѣкоторыхъ моихъ вещей, выбирая ихъ по своему усмотрѣнію. Вещи проданы за очень хорошую цѣну. Возвратившись, я узнаю отъ этомъ непрошенномъ хозяйничаньѣ, причемъ оказывается, что нѣкоторыя изъ проданныхъ хозяиномъ моимъ вещей обѣщаны были мною ранѣе одному знакомому, очень нужному мнѣ человѣку, крайне интересовавшемуся этими предметами и ставшему теперь ко мнѣ въ дурныя отношенія, что весьма вредно для моихъ дѣлъ. Возникаетъ вопросъ о вознагражденіи хозяина дома за оказанную мнѣ услугу.

Вотъ два случая, въ которыхъ вопросъ объ обязательствѣ хозяина дѣла долженъ обсуждаться совершенно различно. Объ этомъ сейчасъ будетъ рѣчь. Теперь же замѣчу, что при веденіи чужихъ дѣлъ прежде всего возникаетъ вопросъ о правѣ хозяина дѣла на отчетъ gestor'а по веденію дѣла. Gestor отвѣчаетъ за причиненные убытки. Онъ можетъ отвѣчать, смотря по дѣлу, за culpe lata и за delus только; а иногда отвѣчаетъ и за culpa levis и даже за casus, напр. если вмѣшался въ дѣла завѣдомо противъ воли хозяина. На это есть у хозяина дѣла actio dirata. Затѣмъ уже возникаетъ вопросъ о правахъ gestor'а на вознагражденіе за труды и расходы. Это actio contraria. Издержки должны быть сдѣланы gestor'омъ въ интересѣ хозяина дѣла. Это относится какъ къ издержкамъ вообще, такъ и къ ихъ размѣру. Издержки должны быть таковы, чтобы можно было сказать, что и самъ хозяинъ дѣла сдѣлалъ бы

ихъ. Если gestor заблуждался относительно вопроса о пользѣ для хозяина дѣла сдѣланныхъ имъ издержекъ, т. е. если онъ ошибочно полагалъ, что издержки дѣлаются въ интересѣ хозяина, то за ошибку эту отвѣчаетъ самъ gestor, т. е. не имѣетъ права требовать возмѣщенія ихъ. Съ другой стороны если издержки сдѣланы gestor'омъ въ интересѣ хозяина, но затѣмъ принесенная польза почему либо, независимо отъ дѣятельности gestor'а, отпадетъ, то послѣдній все таки можетъ требовать возмѣщенія издержекъ.

Таково ученіе о веденіи чужихъ дѣлъ, котораго держались римляне, котораго держатся и современныя законодательства и которое отвѣчаетъ началу справедливости.

Теперь вспомнимъ указанные выше два случая: спасеніе вещей отсутствующаго лица во время пожара и продажа хозяиномъ дома вещей отсутствующаго жильца. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первомъ случаѣ gestor имѣетъ право на возмѣщеніе понесенныхъ имъ при спасеніи вещей расходовъ, хотя бы эти спасенныя вещи впослѣдствіи и были уничтожены вслѣдствіе какого либо случая, напр. наводненія. Во второмъ же примѣрѣ gestor не только не имѣетъ права на вознагражденіе за сдѣланные при продажѣ вещей расходы, но можетъ даже отвѣчать за причиненные своимъ легкомысленнымъ поступкомъ убытки. Спрашивается: почему такое различіе?—Потому что въ первомъ случаѣ хозяинъ имущества безъ сомнѣнія учинилъ бы тоже самое, что учинилъ и gestor, т. е. нанялъ бы людей для вынесенія вещей изъ находившейся въ опасности его квартиры. Во второмъ же случаѣ хозяинъ вещей вовсе не имѣлъ необходимости и не желалъ потому продавать безъ своего присутствія вещи, а нѣкоторыя изъ нихъ и вовсе не желалъ продавать. Значитъ центръ тяжести лежитъ въ степени сходства дѣйствій gestor'а съ предполагаемыми намѣреніями хозяина. Значитъ здѣсь нужно принять предполагаемый договоръ хозяина съ gestor'омъ. Поэтому римляне и называли это отношеніе хозяина имущества и gestor'а quasi-контрактомъ, хотя это собственно не установляетъ начала, изъ котораго этотъ quasi-договоръ

вытекаетъ: нужно уяснить юридическую конструкцію вытекающаго отсюда отношенія. Эту конструкцію я попытаюсь сдѣлать.

Веденіе чужихъ дѣлъ есть фактическое замѣстительство, соединенное иногда съ представительствомъ. Это будетъ, значитъ, фактическое принятіе на себя исполненія мандата, порученія въ обширномъ смыслѣ. Слѣдовательно элементы юридическаго построенія института веденія чужихъ дѣлъ нужно искать въ институтѣ порученія. И въ самомъ дѣлѣ мы ихъ здѣсь находимъ.

Обратимся сначала къ институту довѣренности, договорнаго представительства. Здѣсь суть въ томъ, что одинъ дѣйствуетъ а другой пріобрѣтаетъ вытекающія изъ этого дѣйствованія права и обязательства. Самое слово „представительство" показываетъ, что это такъ и есть. Ст. 173 т. X ч. II изд. 1876 г. гласитъ: „Вѣритель не имѣетъ права оспаривать тѣхъ дѣйствій повѣреннаго, которыя не превышаютъ данной ему власти, но долженъ принимать ихъ такъ, какъ бы они были учинены имъ самимъ". Римляне говорили: Qui facit per alium, est perinde ac si faciat per se ipsum. Нужно, значитъ, дѣло представлять себѣ такъ, что дѣйствія одного лица представляются, мыслятся, *фингируются* какъ дѣйствія другого лица. Другая конструкція мнѣ кажется невозможной. Если сказать, что воля представителя имѣется на лицо юридически, а воля принципала фактически, или что представитель дѣйствуетъ въ намѣреніи замѣнить самодѣйствованіе другого лица, и еще что нибудь въ родѣ этого, то все-таки дѣло въ сущности своей сводится къ тому, что дѣйствія одного лица принимаются за дѣйствія другого лица. Это конечно фикція. Но указаніе на нее есть лишь изображеніе дѣйствительности, того, что̀ на самомъ дѣлѣ происходитъ, т. е. что воображается, мыслится не то, что̀ имѣется въ дѣйствительности. Никто не будетъ возражать противъ необходимости въ жизни представительства, ибо развитіе оборота и усложненіе отношеній неотложно требуетъ прибѣгать, при заключеніи сдѣлокъ, къ помощи другихъ. Вспомнимъ, какую

важную роль играютъ разстоянія, на которыя раскинулась гражданская жизнь; вспомнимъ также необходимость имѣть, для дѣйствованія съ юридическими послѣдствіями, извѣстныя познанія, которыхъ не бываетъ у лица, долженствующаго дѣйствовать и т. д. Представительство является однимъ изъ важныхъ средствъ содѣйствія гражданскому обороту. Но чтобы сдѣлать это самое пригоднымъ образомъ, пришлось представить себѣ, вообразить лицо находящимся тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности нѣтъ, дѣлающимъ то, чего онъ въ дѣйствительности не дѣлаетъ. Однимъ словомъ нужно было прибѣгнуть къ фикціи, ибо только при помощи ея и возможно было установить представительство, т. е. дѣйствія одного лица признать какъ бы дѣйствіями другого.

Затѣмъ спрашивается: чью волю выражаетъ повѣренный? Невозможно отрицать, что повѣренный, какъ бы онъ ни былъ ограниченъ въ своемъ полномочіи, всегда долженъ и въ дѣйствительности будетъ имѣть извѣстную долю самостоятельности, ибо невозможно точно предвидѣть всѣ обстоятельства, при которыхъ представитель будетъ исполнять данное ему порученіе: всегда окажется или покрайней мѣрѣ можетъ оказаться необходимость дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Если же мы будемъ имѣть въ виду общее полномочіе, то произволъ повѣреннаго въ этомъ случаѣ бываетъ огромный. Многое дѣлается представителемъ такое, что представляемому и въ голову никогда не приходило, не говоря уже о способѣ дѣйствованія. Что дающій общее полномочіе представляетъ себѣ ясно всѣ тѣ конкреціи, которыя кроются въ общихъ выраженіяхъ его полномочія, никто конечно утверждать не будетъ. И для этого не нужно имѣть въ виду лишь малограмотныхъ или совсѣмъ неграмотныхъ людей, дающихъ общія полномочія напримѣръ адвокату и имѣющихъ очень смутное понятіе о совершаемомъ договорѣ. Очень часто общія полномочія, даваемыя интеллигентными людьми, убѣждаютъ, какъ смутно понимается объемъ общихъ выраженій, употребляемыхъ ими въ актѣ. Но говорятъ, что дающій полномочіе долженъ понимать, на что имѣетъ право его уполномочен-

ный, которому онъ далъ общую довѣренность. Я совершенно согласенъ, что такая обязанность на гражданъ возлагается, и ничего противъ этого не имѣю, ибо возложеніе на гражданъ такой обязанности считаю необходимымъ условіемъ гражданскаго оборота. Но мы очень хорошо знаемъ, что этого въ дѣйствительности нѣтъ, что это фикція. Мы можемъ фингировать извѣстное обстоятельство для нагляднаго установленія отправной точки. Но фикцію нужно представлять фикціей, а не дѣйствительностью. Ея реальное значеніе заключается въ томъ, что она служитъ источникомъ дѣйствительныхъ отношеній, дѣйствительныхъ правъ и обязанностей. Но сама фикція остается фикціей, т. е. представляемый пріобрѣтаетъ или теряетъ въ силу чужихъ дѣйствій, о которыхъ ему могло никогда не приходить въ голову.

Теперь обратимся къ веденію чужихъ дѣлъ. Изложенное о полномочіи дѣлаетъ возможною юридическую конструкцію этого института. Укажу примѣры и постараюсь ихъ сблизить. Одинъ примѣръ: уѣзжая изъ мѣста моего жительства, я даю на всякій случай извѣстному лицу общее полномочіе, въ силу котораго впослѣдствіи на мнѣ окажутся лежащими обязательства предъ лицами, о существованіи которыхъ я никогда не зналъ, и по предметамъ, о которыхъ я никогда непомышлялъ. Но обязательства эти будутъ имѣть законную силу. Другой примѣръ: уѣзжая изъ мѣста моего жительства, я запираю мою квартиру и не даю никому никакихъ порученій. Спрашивается: какой ходъ мыслей имѣлъ или долженъ былъ имѣть мѣсто у меня при отъѣздѣ? Есть ли основаніе предположить, что уѣзжая я концедировалъ нѣкоторому лицу, имѣющему находиться въ подходящихъ условіяхъ, предпринять относительно вещей моей квартиры извѣстныя дѣйствія, если это окажется нужнымъ для спасенія ихъ по случаю пожара или наводненія? Есть полное основаніе. Но скажутъ, что я мою волю не выразилъ. Словами я дѣйствительно не выразилъ моей воли; но воля можетъ быть выражена дѣйствіями, изъ которыхъ можно заключить къ наличности воли. Въ данномъ случаѣ я выразилъ мою волю

конклюдентнымъ дѣйствіемъ: отъѣздомъ и оставленіемъ квартиры безъ надзора. Могъ ли я при отъѣздѣ недопускать мысленно спасеніе моихъ вещей сосѣдомъ или знакомымъ въ случаѣ пожара или наводненія? Конечно не могъ. Если я объ этомъ не подумалъ ясно, то это не значитъ, что не желалъ спасенія кѣмъ либо моихъ вещей: я не успѣлъ объ этомъ подумать.

Я полагаю, что между этими двумя случаями нѣтъ существеннаго различія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ на меня могутъ быть возложены извѣстныя обязательства, ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ было мое волеизъявленіе, выраженное одинъ разъ въ формѣ слова, а въ другой въ формѣ конклюдентнаго дѣйствія. Я думаю даже, что между этимъ конклюдентнымъ дѣйствіемъ моимъ и спасеніемъ вещей моихъ во время пожара будетъ болѣе тѣсная юридическая связь, чѣмъ между общими выраженіями моего полномочія и возникшими для меня изъ какихъ то невѣдомыхъ дѣлъ обязательствами. Для вящшей убѣдительности приведу еще такой примѣръ. Представимъ себѣ, что я, шедши по улицѣ, упалъ и сломалъ себѣ ногу. Случившійся вблизи врачъ уноситъ меня въ подъѣздъ ближайшаго дома и оказываетъ мнѣ первую, требующую быстроты, помощь, которая спасаетъ меня отъ ампутаціи. Я конечно дѣлаюсь обязаннымъ вознаградить врача за услугу. Если я при этомъ былъ въ сознаніи, то мое молчаніе можетъ быть истолковано какъ согласіе на дѣйствія врача. Если же я былъ, вслѣдствіе ушиба, въ безсознательномъ состояніи, то должно признать, что я конечно согласился бы на принятіе услуги врача, ибо по обстоятельствамъ дѣла другого предположить нельзя.

Такимъ образомъ я думаю, что обязательства, могущія возникнуть изъ веденія чужихъ дѣлъ, на сторонѣ хозяина дѣла имѣютъ источникомъ одностороннее волеизъявленіе послѣдняго, выражаемое конклюдентными дѣйствіями. Само собою разумѣется, что въ каждомъ данномъ случаѣ судья долженъ установить, по обстоятельствамъ дѣла, наличность этихъ конклюдентныхъ дѣйствій и вытекающую отсюда наличность

обязательствъ. Хозяинъ дѣла можетъ отрицать наличность у него указанной воли; но судья можетъ признать, по обстоятельствамъ дѣла, такое заявленіе неуважительнымъ и придти къ убѣжденію, что такая воля должна была имѣть мѣсто у хозяина дѣла, хотя въ свое время у него и не было объ этомъ сознанія. При этомъ нужно замѣтить, что и при обязательствахъ, возникшихъ въ силу даннаго лицомъ полномочія, можетъ явиться вопросъ объ объемѣ полномочія, о значеніи находящихся въ немъ выраженій. Значитъ и здѣсь судья долженъ рѣшить, по обстоятельствамъ дѣла, вопросъ о наличности утверждаемаго полномочія.

Все сказанное выше относилось къ хозяину дѣла, къ установленію съ его стороны обязательства, ибо именно этотъ вопросъ и представляетъ трудности. Поэтому на него и было обращено особое вниманіе. Что же касается обязательства gestor'а, то оно несомнѣнно уясняется слѣдующимъ образомъ.

Принимая на себя веденіе чужаго дѣла, я представляю себѣ невыраженное словами желаніе хозяина, чтобы я, въ его интересѣ, занялся его дѣломъ по случаю его отсутствія. Я слѣдовательно долженъ сообразоваться съ этимъ, предполагаемымъ мною, желаніемъ хозяина. Тогда моя дѣятельность будетъ совпадать съ молчаливымъ полномочіемъ его, откуда и возникнутъ извѣстныя мои обязанности. Поскольку же я выйду за предѣлы этого предполагаемаго полномочія, постольку я долженъ буду отвѣчать предъ хозяиномъ дѣла. Эти послѣднія обязательства мои вытекаютъ уже изъ правонарушенія.

Признающіе обогащеніе источникомъ обязательствъ укажутъ можетъ быть на него по отношенію къ веденію чужихъ дѣлъ. Между тѣмъ обогащеніе вообще не есть источникъ обязательствъ, какъ это будетъ показано ниже. Но по отношенію къ веденію чужихъ дѣлъ и независимо отъ этого обогащеніе не можетъ быть признано источникомъ обязательствъ для хозяина дѣла, ибо оно, обогащеніе, здѣсь можетъ отсутствовать, а между тѣмъ на хозяинѣ дѣла всетаки будутъ лежать, по отношенію къ gestor'у, извѣстныя обяза-

тельства, какъ это мы видѣли въ примѣрѣ спасенія вещей отъ пожара, погибшихъ впослѣдствіи отъ случайной причины.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть уплату недолжнаго, salutio indebiti. Этотъ институтъ по римскому праву также есть quasi-контрактъ. Здѣсь могутъ быть случаи двухъ родовъ: самъ мнимый кредиторъ получаетъ недолжное или вмѣсто него и за его счетъ получаетъ это недолжное другое лицо. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ принятіе недолжнаго есть правонарушеніе, которое и составляетъ источникъ обязательства у получившаго недолжное. Когда это послѣднее получается самимъ мнимымъ кредиторомъ, то дѣло представляется, думаю я, совершенно яснымъ. Получая недолжное, лицо получаетъ чужое, на которое онъ права не имѣетъ. Если получаетъ завѣдомо чужое, то отвѣтственность его не представляетъ сомнѣній. Но если даже получаетъ онъ недолжное, полагая, что получаетъ должное, то и въ такомъ случаѣ отвѣтственность съ него неснимается, какъ неснимается отвѣтственность съ добросовѣстнаго владѣльца. Что же касается случая, когда недолжное получается не самимъ мнимымъ кредиторомъ, а кѣмъ либо другимъ за его счетъ, то и здѣсь, полагаю я, правонарушеніе будетъ на лицо. Въ примѣръ можно взять банкира, которому мною поручены мои денежныя дѣла. Банкиръ производитъ за меня платежи и получаетъ за меня деньги. Значитъ здѣсь существуетъ между мною и банкиромъ договоръ полномочія. По ученію о послѣднемъ для меня будетъ обязательно отвѣчать и за его неосторожное принятіе недолжнаго. Это несомнѣнно, если съ моей стороны не будетъ внушено банкиру соблюдать осторожность при полученіи платежей. Я стало быть повиненъ въ этомъ случаѣ въ ошибкѣ, въ промахѣ, въ упущеніи предупрежденія. Но если даже банкиру было внушено съ моей стороны быть осторожнѣе при полученіи денегъ, а банкиръ ошибся и принялъ недолжное, то вѣдь эта ошибка повѣреннаго должна быть отнесена на счетъ довѣрителя. Поэтому всетаки я буду отвѣчать и въ этомъ случаѣ за принятіе банкиромъ недолжнаго, я буду признанъ учинившимъ, хотя и неумышленно,

правонарушеніе, ибо платежъ былъ принятъ банкиромъ за мой счетъ, въ силу чего этотъ платежъ и былъ сдѣланъ банкиру.

И такъ мы видимъ, что два института римскаго права, относимые въ рубрику quasi-контрактовъ, т. е. negotiorum gestio и indebiti solutio, должны быть подводимы подъ другія рубрики, именно подъ рубрику волеизъявленія и подъ рубрику правонарушенія. Не говоря уже о томъ, что названіе quasi-контрактовъ ничего не даетъ, ибо совсѣмъ не уясняетъ свойствъ этихъ институтовъ, эти послѣдніе даже совсѣмъ непохожи на контракты. Такъ въ negotiorum gestio нехватаетъ двухъ существенныхъ элементовъ договора: двухъ лицъ и предмета соглашенія. Относительно же уплаты недолжнаго слѣдуетъ замѣтить, что такая уплата происходитъ какъ исполненіе предшествующаго договора. Выводить изъ исполненія договора-займа отношеніе, весьма сходное будто бы съ договоромъ вообще, является, полагаю я, сильною натяжкою, ничего при томъ недающею.

Quasi-деликаты не могутъ быть тоже признаны источниками обязательствъ. Quasi-деликаты римлянъ были на лицо, когда кто либо отвѣчалъ за дѣянія другихъ, напр. отвѣчаетъ хозяинъ жилища за вылитіе или выбрасываніе чего либо изъ окна, отвѣчаетъ хозяинъ корабля или гостинницы за покраденное на кораблѣ или въ гостинницѣ и т. д. Здѣсь безъ сомнѣнія источникомъ обязательствъ является деликтъ, состоящій въ недостаточномъ надзорѣ за извѣстными вещами и въ неосторожномъ выборѣ лицъ для исполненія извѣстныхъ обязанностей и т. д. Quasi-контракты и quasi-деликты римляне соединяли въ одномъ общемъ выраженіи variae causarum figurae.

Во французскомъ законодательствѣ quasi-контракты и quasi-деликты фигурируютъ и теперь какъ источники обязательствъ. Къ quasi-контрактамъ причисляются negotiorum gestio и indebiti solutio (ст. 1371—1381). Къ quasi-деликтамъ относятся дѣянія или упущенія, причиняющія неумыш-

ленно вредъ, между прочимъ и отвѣтственность за другихъ (ст. 1382—1386).

Будетъ ли источникомъ обязательствъ судебное рѣшеніе? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Судья не создаетъ правъ, но объявляетъ лишь о существованіи таковыхъ. Не создаетъ правъ и судебное рѣшеніе, возникшее вслѣдствіе требованія раздѣла или размежеванія, ибо и здѣсь судъ лишь конкретно указываетъ совладѣльцамъ ихъ идеальныя части въ имуществѣ, которыя имъ уже принадлежатъ. Въ случаѣ выдѣленія нѣкоторыхъ совладѣльцевъ изъ общаго владѣнія съ полученіемъ какого либо эквивалента, напр. извѣстной суммы денегъ, происходитъ обмѣнъ цѣнностей, принадлежащихъ дѣлящимся, откуда и вытекаютъ права и обязанности, а не изъ судебнаго рѣшенія. Размежеваніе имѣетъ такое же значеніе.

Источникомъ обязательствъ признается одностороннее вторженіе одного лица въ сферу правъ другого (Анненковъ). Различаютъ вторженіе дозволенное и недозволенное. Недозволенное вторженіе есть деликтъ, невозбуждающій спора. Что же такое будетъ дозволенное вторженіе? Какъ на примѣры указываютъ на веденіе чужихъ дѣлъ, на дѣйствованіе опекуна. О веденіи чужихъ дѣлъ было говорено выше. Опекунъ управляетъ имуществомъ опекаемаго, за что по ст. 284 т. X ч. 1 получаетъ 5% вознагражденіе. Значитъ на опекаемомъ лежитъ обязанность уплатить это вознагражденіе. Между тѣмъ здѣсь, я полагаю, нѣтъ никакого вторженія. Заботясь о судьбѣ недѣеспособнаго лица, общественная власть приставляетъ къ нему надежнаго предположительно человѣка, имѣющаго представлять его и ограждать его интересы. Назначенный опекуномъ долженъ исполнять эту обязанность, ибо это есть повинность гражданъ. По установленной закономъ таксѣ опекуну выдается изъ имущества опекаемаго извѣстное вознагражденіе. Гдѣ же тутъ вторженіе опекуна въ сферу правъ опекаемаго? Притомъ же слово „вторженіе“ указываетъ на самовольство, котораго въ данномъ случаѣ вовсе нѣтъ, а выраженіе „дозволенное вторже-

ніе" есть contradictio in adjecto. Вызываются въ судъ свидѣтели по дѣлу. За отвлеченіе отъ занятій имъ выдается по таксѣ или по опредѣленію суда извѣстное вознагражденіе. Положимъ, въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ сама сторона проситъ вызвать свидѣтелей; но вызываетъ ихъ судъ, если найдетъ просьбу уважительною: судъ можетъ отказать въ вызовѣ свидѣтелей. Опекаемый также попросилъ бы назначить ему опекуна, но онъ неразумѣнъ, а потому и недѣеспособенъ. Поэтому законъ и не предоставляетъ права выбрать себѣ опекуна. Но и здѣсь съ 14 лѣт. возраста онъ имѣетъ это право (ст. 260 т. X ч. 1). Такимъ образомъ назначеніе опекуна имѣетъ публичный характеръ, ибо въ этомъ назначеніи имѣется публичный интересъ. О людяхъ, немогущихъ печься о себѣ по малолѣтству или по болѣзненному душевному состоянію, печется государство, имѣя, для того особыя опекунскія учрежденія. Назначенный государствомъ опекунъ получаетъ установленное закономъ вознагражденіе изъ имущества опекаемаго, если у него таковое есть. Если же имущества нѣтъ, то опекунъ остается безъ вознагражденія и не можетъ имѣть къ кому либо претензіи, такъ какъ онъ *обязанъ* дѣйствовать въ качествѣ опекуна хотя бы и безвозмездно: это его повинность.

Если такимъ образомъ нельзя на исполненіе опекунской повинности указывать какъ на источникъ обязательствъ, усматривая въ этомъ дозволенное вторженіе опекуна въ сферу чужихъ правъ, то тѣмъ менѣе можно вносить въ область гражданскаго права уплату податей, пошлинъ и проч. Это суть обязательства публичнаго права, налагаются государствомъ по особымъ основаніямъ и мотивамъ.

Что сказать объ алиментахъ? Есть мнѣніе, что источникомъ обязательства давать алименты является законъ, установляющій это обязательство. Что законъ не есть источникъ обязательствъ, объ этомъ будетъ говориться ниже. Теперь же слѣдуетъ замѣтить, что нужно различать алименты, которые даются лицомъ женѣ и дѣтямъ, и алименты, которые даются дѣтьми престарѣлымъ родителямъ. Обязан-

ность давать алименты перваго рода вытекаетъ частію изъ договора; вступающій въ бракъ молчаливо принимаетъ на себя обязанность содержать жену и до извѣстнаго возраста дѣтей. Частію же обязанность эта налагается публичнымъ правомъ, которое участвуетъ въ установленіи всего семейнаго права. Обязанность же алиментовъ втораго рода, думаю я, установляется именно публичнымъ правомъ, въ государственныхъ видахъ. Такимъ образомъ возникшія здѣсь обязательства подлежатъ вѣдѣнію гражданскаго права и регулируются имъ; но источникъ ихъ возникновенія лежитъ за предѣлами гражданскаго права, именно въ правѣ публичномъ.

Законъ, говорятъ, есть источникъ обязательствъ. Съ этимъ нельзя согласиться. Законъ есть источникъ всѣхъ правовыхъ отношеній, всѣхъ правъ и обязанностей. Но такое положеніе ничего не даетъ. Разсуждая о возникновеніи обязательствъ въ гражданскомъ правѣ, мы должны отыскать непосредственные источники ихъ. Такъ мы находимъ, что источникомъ обязательствъ является договоръ, также правонарушеніе. Всѣ признаютъ ихъ за источники обязательствъ. Если же принять источникомъ обязательствъ законъ, то нужно оставить и договоръ и деликтъ, ибо и изъ этихъ данныхъ обязательства вытекаютъ также въ силу закона, такъ какъ существуютъ именно законы, требующіе, чтобы обязательства были исполняемы, а убытки отъ правонарушеній были вознаграждаемы.

Французскіе писатели указываютъ законъ какъ источникъ обязательствъ, ссылаясь на ст. 651—653, 666, 674, 682, 815 и 1370 Наполеонова кодекса. О чемъ же въ этихъ статьяхъ говорится? Сейчасъ увидимъ. Въ ст. 651—653, 666, 674 и 682 рѣчь идетъ о сервитутахъ: о раздѣляющихъ зданія рвахъ и стѣнахъ, объ устройствѣ помойныхъ ямъ, кузницъ, о проходѣ и проѣздѣ и т. д. Принимать въ этихъ случаяхъ законъ за источникъ обязательствъ нѣтъ никакого основанія, ибо всѣ эти обязанности, лежащія на лицахъ, владѣющихъ смежными недвижимыми имуществами, вытекаютъ

изъ соглашенія, изъ договора. Пріобрѣтающій недвижимое имѣніе пріобрѣтаетъ его съ лежащими на прежнемъ хозяинѣ обязательствами, какъ напримѣръ принимаетъ на себя пріобрѣтающій домъ всѣ обязательства, лежащія на бывшемъ домовладѣльцѣ въ силу заключенныхъ имъ съ жильцами арендныхъ договоровъ. Никто не скажетъ, что въ этомъ последнемъ случаѣ источникомъ обязательства является законъ, хотя послѣдній гласитъ, что никто не можетъ передать другому болѣе правъ, чѣмъ самъ имѣетъ.

Въ ст. 815 говорится объ отсутствіи у совладѣльца обязанности недѣлиться, хотя бы и были заключены объ этомъ договоры, разумѣется между самими совладѣльцами. Законъ дозволяетъ отсрочить раздѣлъ, но не далѣе какъ на 5 лѣтъ. Этотъ законъ признается источникомъ обязательства для совладѣльцевъ не препятствовать раздѣлу, если одинъ изъ нихъ пожелаетъ, чтобы послѣдній былъ произведенъ. Законъ непоминаетъ ст. 2214 и п. 3 ст. 683 т. X ч. 1. Въ первой изъ этихъ статей говорится, что срокъ личнаго найма не долженъ превышать пяти лѣтъ. Значитъ срокъ свыше пяти лѣтъ необязателенъ для нанявшагося. Во второмъ законѣ говорится о недѣйствительности соглашеній, устраняющихъ правила п. 1 и 2 ст. 683 объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ. Законъ требуетъ, чтобы договоры отвѣчали извѣстнымъ требованіямъ нравственности, не противорѣчили бы добрымъ нравамъ, не имѣли въ виду незаконныхъ цѣлей и т. д. Всѣ эти правила должны соблюдаться, если желаютъ, чтобы договоръ имѣлъ обязательную силу для сторонъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что источникомъ обязательствъ здѣсь является безъ сомнѣнія самый договоръ. Точно также возмѣщеніе убытка подчиняется извѣстнымъ правиламъ. Желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ обществамъ законъ не дозволяетъ договариваться объ устраненіи ихъ отвѣтственности въ случаѣ убытка или увѣчья, ибо законъ находитъ это, по извѣстнымъ соображеніямъ, несогласнымъ съ правилами морали. Но вѣдь и здѣсь всетаки источникомъ обязательства будетъ не законъ, а недозволенное дѣйствіе, правонарушеніе.

Ст. 1370 говоритъ объ обязательствахъ, возникающихъ изъ опекунскаго или инаго управленія имуществомъ, отъ котораго нельзя отказаться. Источникомъ вытекающихъ отсюда обязательствъ признается законъ, возлагающій эту обязанность управленія имуществомъ. Между тѣмъ выше было объяснено значеніе отношеній опекуна къ подопечному и ихъ происхожденіе. Тоже должно сказать о другихъ законныхъ приставникахъ къ имуществу. Законъ же не можетъ быть принятъ источникомъ обязательствъ по соображеніямъ, высказаннымъ выше.

Ст. 916 (1427) калифорнскаго гражданскаго уложенія 1873 г. также указываетъ законъ какъ источникъ обязательствъ. Статья гласитъ: обязательства возникаютъ или изъ договора сторонъ или въ силу закона. Хотя мы видимъ здѣсь указаніе лишь двухъ источниковъ обязательствъ: о правонарушеніи ничего не говорится, но послѣднее всетаки признается источпикомъ обязательствъ, такъ какъ цѣлый раздѣлъ посвященъ возмѣщенію вреда (ст. 2083 (3281) и сл.). Кромѣ того есть и въ другихъ мѣстахъ уложенія статьи, обязывающія вознаградить за причиненный недозволеннымъ дѣйствіемъ вредъ.

Итакъ источниками обязательствъ могутъ быть приняты лишь договоръ, правонарушеніе и одностороннее волеизъявленіе; другіе же указанные выше и признаваемые писателями источники таковыми почитаемы быть не могутъ. Установленіе этихъ трехъ источниковъ, думаю я, вытекаетъ изъ сущности гражданскихъ отношеній, анализируемыхъ въ наукѣ. Послѣдняя пускаетъ въ дѣло лишь пріемы, указываемые логикою. Она не имѣетъ въ виду практическихъ цѣлей и ничѣмъ не стѣсняется. Установивъ выведенныя такимъ образомъ начала, она предоставляетъ ихъ въ распоряженіе законодательной власти и политики. Поэтому и рождается вопросъ: какъ поступить при составленіи законовъ объ источникахъ обязательствъ?

Полезность помѣщенія въ гражданское уложеніе статей, указывающихъ источники обязательствъ, принимаемые зако-

нодателемъ, не можетъ, я думаю, быть оспариваема. Мы жалуемся на нашъ X томъ за скудость въ немъ общихъ положеній. Это обстоятельство, какъ всѣмъ извѣстно, весьма затрудняетъ судей при рѣшеніи дѣлъ, а иногда даже ставитъ совсѣмъ въ тупикъ. Статьи общаго характера служатъ руководителями для судей. Но дѣло не можетъ конечно на этомъ остановиться. Нужно указать группы случаевъ, подводимые законодателемъ подъ тотъ или другой источникъ обязательствъ. Эти группы конечно должны быть также выражены, сколько возможно, въ общихъ положеніяхъ и должны обнимать спорные и сомнительные случаи. Къ такимъ случаямъ относятся, какъ мы знаемъ, веденіе чужихъ дѣлъ, обратныя требованія по разнымъ основаніямъ, бумаги на предъявителя и т. д. Пріурочивъ каждую изъ этихъ группъ къ извѣстному источнику обязательствъ, законодатель облегчитъ судьѣ пониманіе сомнительныхъ случаевъ и уменьшитъ частоту контроверзъ. А это имѣетъ огромное значеніе для гражданскаго оборота.

Н. Полетаевъ.

ЗАКОНЪ, ОБЫЧАЙ И ЦЫГАНЕ.

Вопросъ объ отношеніи европейскаго законодательства, литературы и общества къ цыганамъ въ связи съ очеркомъ нѣкоторыхъ цыганскихъ юридическихъ обычаевъ составляетъ предметъ настоящей статьи. Среди различныхъ народностей, пришедшихъ въ Европу во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, цыгане претерпѣли самую печальную участь. Историческая жизнь цыганъ въ з. европѣ, по справедливому замѣчанію Dr. H. Wlislock'аго, современнаго изслѣдователя быта и поэзіи венгерскихъ цыганъ, представляетъ воистину много трагическаго. Всюду и вездѣ, гдѣ цыгане не появлялись, они были предметомъ страха или же боязливаго любопытства, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самаго глубокаго отвращенія и самаго жестокаго преслѣдованія (Pott). Однимъ словомъ, это была каста паріевъ, жившихъ среди европейцевъ подобно дикимъ индѣйцамъ, и о нихъ судили скорѣе по ихъ собственнымъ обычаямъ и мнѣніямъ, чѣмъ по правиламъ образованной части жителей страны (В. Скоттъ). И въ наше время цыгане встрѣчаютъ то ненависть, то любовь. Было вромя, когда даже серьезные люди утверждали, что поэзія цыганъ бѣдна и убога (Liebich). „Пусть аристократъ, гражданинъ, ремесленникъ и студентъ поближе прислушается къ пѣснямъ цыганъ Венгріи и тогда полюбитъ этотъ полный поэзіи народъ“ (Wlislock).

Знакомясь съ литературою о цыганахъ вообще, убѣж-

дается, что изученіе и выясненіе исторической жизни цыганъ, т. е. происхожденія, момента ихъ появленія на континентѣ и островахъ Европы, ихъ языка, религіи, а также многихъ бытовыхъ сторонъ обязано исключительно филологамъ и историкамъ. Въ этомъ направленіи сочиненія многихъ филологовъ и историковъ, свидѣтельствуя о громадномъ трудолюбіи, блещутъ колоссальной эрудиціей, тонкимъ научнымъ анализомъ, мастерствомъ при наблюденіи за внутренней жизнью нѣкоторыхъ цыганскихъ общинъ. Къ такимъ свѣтиламъ въ области историко-филологической науки принадлежатъ ученые труды Grellmann'а, Graffunder'а, Pott'а, Borrow'а, Bataillard'а, Fr. Muller'а, Миклошича и многихъ другихъ, труды, которымъ позавидовалъ бы каждый юристъ. Въ трудахъ историковъ и филологовъ мы находимъ также многія, иногда отдѣльныя, иногда въ исторической послѣдовательности изложенныя краткія указанія о законахъ, которые европейскіе законодатели издавали въ отношеніи цыганъ. Мало того. Въ сочиненіяхъ указанныхъ авторовъ нерѣдко встрѣчаются цѣнныя замѣчанія, иногда и объясненія цыганскихъ юридическихъ обычаевъ. Юристы же и экономисты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ англійскихъ историковъ права, не касались анализа многочисленнаго юридическаго матеріала о цыганахъ, разсѣяннаго главнымъ образомъ въ старыхъ, отчасти въ новыхъ кодексахъ и въ сборникахъ законовъ и рѣшеній судовъ. Равнымъ образомъ русскіе историки права оставляютъ въ сторонѣ разсмотрѣніе тѣхъ нормъ, которыми наша законодательная власть регулировала отношеніе цыганъ къ правительству и къ населенію. Нѣкоторыя указанія можно встрѣтить лишь въ работахъ проф. В. Н. Латкина [1]). Чѣмъ же объяснить подобное пасивное отношеніе юристовъ и экономистовъ къ юридическо-экономической жизни цыганъ—вотъ вопросъ, на который въ данную минуту мы отвѣчать не рѣшаемся, указывая только, что жизнь всякаго народа и

[1]) См. изданный имъ проектъ новаго уложенія, составленный законодательной коммисіей 1754—1766 г.г. (Спб. 1893 г.).

племени представляется вполнѣ изученной лишь тогда, когда выясняются существо, природа и развитіе юридическихъ нормъ, въ свою очередь находящихся въ органической связи съ матеріальнымъ благосостояніемъ даннаго народа или племени.

Но съ какой же стороны представляется интересной для юриста „цыганская порода“, какъ говорили русскіе юристы-практики первой четверти XIX ст. Извѣстно, что цыгане не мирятся ни съ полицейской репрессіей, ни съ гражданскими ограниченіями индивидуальной свободы, и въ тоже время живутъ общинами, въ нѣкоторыхъ сторонахъ безъ писаннаго закона и безъ протеста подчинялись крѣпостному праву, нерѣдко переходившему даже въ концѣ первой половины XIX ст. въ рабство. Почти всѣ изслѣдователи цыганской исторіи и быта высказываютъ краткій, но ясный тезисъ: цыганъ—одно и то же существо и во времени, и въ пространствѣ, „истый цыганъ—типъ всѣхъ другихъ“ (Либихъ), „между цыганами Венгріи и французскихъ пиринейскихъ департаментовъ трудно найти различіе“ (Gerando). Цыганская нація бѣжитъ и боится цивилизаціи, не терпитъ нравственнаго и государственнаго Zwang'а, на началахъ котораго покоются образованное общество и государство. Съ другой стороны выясняется, что цыгане при гуманномъ обращеніи перестаютъ быть дикими, пріучаются къ осѣдлости и не отказываются пользоваться благами цивилизаціи. Въ силу этого весьма важно выяснить публично-правовое положеніе цыганъ въ разныхъ государствахъ Европы не только въ данный моментъ, но и въ исторіи. Въ эпоху великой революціи не поднимался вопросъ о политическихъ правахъ цыганъ. На этотъ вопросъ было обращено вниманіе въ Венгріи только въ концѣ 40-хъ годовъ. По этому поводу одна изъ венгерскихъ газетъ замѣтила, что цыгане пользовались изъ политическихъ правъ однимъ, именно правомъ на палочную расправу, которой охотно ихъ награждали мадьярскіе сельскіе судьи до мая и послѣ мая. Исторія показываетъ, что цыганъ упрекали въ отсутствіи любви къ отечеству (измѣн-

ничество и шпіонство) и гражданскихъ доблестей (самопожертвованіе). Текущее столѣтіе показало, что цыгане по своей природѣ не таковы, что они способны любить отечество до личнаго самопожертвованія, напр., русскіе цыгане добровольцы въ 1812 г., цыгане казаки на Дунаѣ и Кавказѣ. Цыгане страшнымъ образомъ боятся смерти, никогда не прибѣгаютъ къ самоубійству и въ тоже время знаютъ обычный институтъ дуэли, лишаютъ сами себя жизни, буде того потребуетъ цыганское общественное мнѣніе. Цыганскія общины, политико-юридическій строй которыхъ основанъ на вполнѣ демократическихъ началахъ, отрицающихъ элементъ аристократическій, даютъ всякому, даже малолѣтнему право голоса при выборѣ цыганскаго старшины, булукбаша, барона или короля. Бывали случаи, что представители цыганскихъ общинъ преклонялись и даже обожали цыганскаго деспота, который безпощадною строгостью и своимъ поведеніемъ нарушалъ всякое право, творя судъ и расправу безъ соблюденія обычныхъ формальностей. Изъ такихъ цыганскихъ деспотовъ можно указать на Maximilianus Grosscornet, постояннымъ спутникомъ котораго былъ палачъ. Подобный деспотъ во многомъ напоминалъ германскаго императора и чешскаго короля Вячеслава (Wenzel) и французскаго короля Людовика XI-го. Начала демократическаго строя мирятся съ аристократическими, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ цыганскіе старшина и судьи наслѣдственно избираются изъ однихъ и тѣхъ же семей. Мало того. Рѣшенія цыганскихъ общинныхъ властей нерѣдко мѣняются подъ вліяніемъ предсказаній пиѳій.

Цыгане весьма скоро воспринимаютъ чуждое имъ нарѣчіе, никогда не забывая и роднаго. Но въ тѣхъ бессарабскихъ сельскихъ общинахъ, въ которыхъ коренное населеніе не относилось къ цыганамъ враждебно, а напротивъ вступало въ родственныя связи (особенно чрезъ женщинъ), цыгане забыли родной языкъ. Зачѣмъ же было правительству Австріи въ концѣ XVIII ст. требовать: „In lingua semet illi (цыгане), cujus apud incolas loci, quo degunt, usus est, conforment;..... et linguam propriam relinquant"!

Всякій цыганъ въ общинѣ равенъ другому въ смыслѣ общественныхъ правъ. Пріобрѣтеніе такихъ правъ сопровождается извѣстными формальностями, хотя и курьезными. Цыганская община знаетъ и институтъ изгойства; всякій изгой можетъ надѣяться на restitutio honoris, что особенно замѣчается среди бродячихъ цыганъ, такъ называемыхъ шатровыхъ (Liebich). Связанные другъ съ другомъ единствомъ происхожденія, языка, взаимностью горя и нищеты, цыгане не питаютъ ненависти къ угнетателямъ и гонителямъ, относясь въ то же время, пассивно и къ покровителямъ. Польскій писатель Нарбутъ, знавшій близко цыганъ, приводитъ нѣсколько примѣровъ благодѣяній, оказанныхъ цыганами по собственной иниціативѣ польскимъ крестьянамъ впавшимъ въ несчастіе. Политико-юридическая связь членовъ общины проявляется и въ охранѣ внутренней безопасности ея, такъ напр., стряпчій Аккерманскаго уѣзда, ревизуя въ концѣ 30-хъ годовъ дѣла селенія Фараоновки, былъ удивленъ тѣмъ, что жители его не имѣли замковъ у амбаровъ. Вообще изъ многихъ дѣлъ, просмотрѣнныхъ нами въ архивѣ бывшей конторы коронныхъ цыганъ въ г. Кишиневѣ, не видно, чтобы общинный миръ нарушался самими цыганами, склонными по своему характеру къ постояннымъ спорамъ и ссорамъ. Полицейскую службу ради охраны общины отъ внѣшней безопасности несутъ цыганскія собаки, отличающіяся весьма злымъ характеромъ. Во всѣхъ странахъ цыгане имѣли и имѣютъ дѣло съ полиціей, которая сдѣлалась для нихъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напр., въ Баваріи, своего рода страшилищемъ. Послѣ смерти цыгане боятся больше всего тюрьмы, затѣмъ полиціи, которая, однако, настолько ненавидѣла, насколько и любила ихъ. Одна полицейская репрессія цыганъ, переходившая по временамъ въ травлю и доходную статью для органовъ полиціи, представляетъ много интереснаго для юриста. Когда читаешь историческіе и современные титулы и статьи о бродягахъ и праздношатающихся, причислявшіе къ антисоціальному классу и цыганъ, то возникаетъ сомнѣніе въ томъ, неужели можно считать и цыганъ

бродягами съ точки зрѣнія уголовно-полицейскихъ законовъ? Дефиниція бродяги и бродяжничества была и существуетъ различной въ кодексахъ различныхъ государствъ. Эта дефиниція неодинаково конструировалась въ кодексахъ и указахъ одного и того же государства. Цыгане же бродятъ и шатрують такъ, какъ бродили ихъ прадѣды, исключая тѣхъ, которые сдѣлались осѣдлыми и которыхъ бродячіе не признаютъ уже за настоящихъ цыганъ. Исторія права указываетъ, что многіе бродяги (не цыгане) во Франціи (Шампань) и германскихъ государствахъ выдавали себя даже въ концѣ XVI ст. за настоящихъ цыганъ. Цыгане гордо и настойчиво отстаивали свое наименованіе отъ присвоенія его чуждыми имъ элементами. Если изъ тѣхъ многоразличныхъ юридическихъ признаковъ или элементовъ, изъ которыхъ составлялось понятіе о бродяжничествѣ, возьмемъ нѣкоторые, какъ напр., отсутствіе паспорта, нежеланіе открыть свою личность, неимѣніе занятій и средствъ для существованія, изгойство, то цыганъ весьма трудно подвести подъ понятіе бродяги. Никто такъ не цѣнитъ и не понимаетъ юридической силы и важности паспорта, какъ цыганъ. Цыгане всегда имѣютъ паспортъ, хотя, быть можетъ, и просроченный. Обыкновенно паспортъ хранится у главы цыганскаго табора. По замѣчанію судьи Либиха цыгане при встрѣчѣ съ властями первѣе всего обращаютъ вниманіе на свои паспорты и сомнѣваются даже въ легальности непросроченныхъ актовъ удостовѣренія личности, дающихъ право на передвиженіе. Бродяга весьма часто скрываетъ свою личность и мѣсто приписки. Напротивъ, цыганъ не стѣсняется и открыто сказать, что онъ—цыганъ, какъ его зовутъ, откуда пришелъ, гдѣ приписанъ и куда направляется. Онъ объявляетъ гордо не только имя и фамилію, но и то прозваніе, кличку, которая ему дана цыганской общиной. Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія одно административное учрежденіе г. Кишинева завело *дѣло* о томъ, какъ именоваться по фамиліи цыганкѣ послѣ смерти ея мужа (некрѣпостнаго), съ которымъ она (некрѣпостная) была обвѣнчана легальнымъ образомъ и который былъ запи-

санъ въ книгахъ указаннаго учрежденія полнымъ именемъ, отчествомъ и фамиліей: по фамиліи умершаго мужа или по фамиліи ея матери, которой хотя она и не помнитъ, но свою дѣвичью фамилію знаетъ? Мы объясняемъ вліяніемъ на указанную женщину обычнаго среди бродячихъ цыганъ института матернитета. Но какъ же объяснить дѣйствія того должностнаго лица, которое стояло во главѣ учрежденія, давшаго ходъ дѣлу? Вліяніямъ цыганскихъ обычаевъ и нравовъ, отъ котораго не могъ въ силу традицій освободиться и самъ управляющій конторою коронныхъ цыганъ. Въ его жилахъ еще сильно била цыганская кровь, не смотря на то, что онъ по происхожденію былъ молдавскимъ дворяниномъ. Каждый цыганъ имѣетъ профессію. Бродяга можетъ прожить вѣкъ, ничего не дѣлая, не творя ни добра, ни зла ни въ пользу общины, его пріютившей, ни въ интересахъ государства. Не таковъ цыганъ по своей природѣ и соціальнымъ отношеніямъ. Хотя цыганъ упрекаютъ въ лѣности, что еще требуетъ серьезныхъ доказательствъ, однако и лѣнивый цыганъ остается такимъ до момента, когда отъ него не потребуетъ работы семья, община или голодъ. Цыганъ—существо не политическое, до мозга костей соціальное. Встрѣчая одного цыгана въ городѣ или деревнѣ, на дорогѣ или въ лѣсу, всегда слѣдуетъ смотрѣть на него, какъ на отдѣльную часть, связанную невидимыми соціальными нитями съ цыганской общиной, чего нельзя сказать о коренномъ бродягѣ.

Возможно ли суду карать, а полиціи преслѣдовать цыганъ за то преступленіе или, лучше сказать, полицейскій проступокъ, который называется нищенствомъ? Этотъ темный штрихъ, лежащій на цыганахъ въ силу историческихъ причинъ и цыганскихъ традицій, присущъ имъ во многихъ странахъ и до сихъ поръ. Въ этомъ отношеніи пріобрѣли себѣ громкую, но дурную славу венгерскіе цыгане и цыгане такъ назыв. Дунайскихъ княжествъ, на что указываютъ многіе и въ томъ числѣ извѣстный русскій литераторъ и ученый С. Н. Палаузовъ. Бессарабскіе же коронные цыгане не были подвержены этому соціальному пороку. Исполняя должность

судьи или полицейскаго органа, мы не желали бы примѣнять 49 и 50 ст. мир. уст. или 159, 163—164 ст. уст. пред. и пр. прест. къ цыгану, который, имѣя богатую одежду, хорошихъ лошадей и, быть можетъ, красавицу—жену, только за то, что онъ, встрѣтивъ путника на дорогѣ, по традиціи или привычкѣ протянулъ руку за милостыней или допустилъ къ тому своихъ дѣтей (ст. 51). Что, спросимъ мы, было бы съ тѣмъ судью, къ которому полиція привлекала бы русскихъ людей, склонныхъ къ крѣпкимъ выраженіямъ? Вѣроятно, такой судья скоро покинулъ бы свое судейское кресло. Просмотрѣвъ значительное число дѣлъ о бессарабскихъ казенныхъ цыганахъ первой половины XIX ст., поражаешься тѣмъ, что они избѣгали нищенства. Иное дѣло бессарабскіе цыгане послѣ освобожденія крестьянъ, когда нищенство замѣтной струей проявилось и въ цыганской средѣ. Мало того. Цыгане просятъ весьма часто не даромъ, а за гаданія, за примѣненіе соціальной и индивицуальной астрологіи, науки, доставшейся имъ по наслѣдію отъ египетскихъ мудрецовъ, какъ объяснялъ одинъ цыганъ-астрологъ, жившій въ XVI ст. подъ Бордо.

Почти всѣ писатели о цыганской націи и особенно власти исходили изъ того основнаго воззрѣнія, что цыгане не способны примириться ни съ юрилическою, ни тѣмъ болѣе съ фактическою осѣдлостью, и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Мѣста осѣдлости цыганъ въ Буковинѣ, по изслѣдованіямъ Dr. Ad. Ficker'a, обусловливаются историческими, топографическими и этнографическими причинами. Цыгане осѣли большею частію въ тѣхъ округахъ и общинахъ, которые прилегаютъ къ издавна излюбленной цыганами дорогѣ, ведущей изъ Молдавіи въ Галицію. Въ Буковинѣ насчитывалось (1879 г.) 5,295 душъ осѣдлыхъ цыганъ, т. е. 1,32% всего населенія тѣхъ округовъ, гдѣ они вообще жили. Характеръ и образъ жизни цыганъ гармонируетъ съ равниной и предгоріями болѣе, чѣмъ съ горами, почему въ Буковинѣ 4/5 всѣхъ осѣдлыхъ цыганъ живутъ на равнинѣ и предгоріяхъ. Во всей Австро-Венгріи цыгане болѣе симпатизируютъ румынамъ и венгерцамъ, чѣмъ остальнымъ народностямъ. Вотъ

почему венгерскіе статистики и этнографы нерѣдко причисляютъ цыганъ къ румынамъ и венгерцамъ. Затѣмъ цыгане живутъ среди славянъ, не питая никакой склонности къ нѣмцамъ. Подобное явленіе отмѣчается и въ Буковинѣ, гдѣ 3,900 цыганъ живутъ въ чисто румынскихъ, 740—среди чисто рутенскихъ или великорусскихъ и 600—среди румыно-рутенскихъ общинъ. Англійскій путешественникъ Ch. Bonner считаетъ осѣдлыхъ цыганъ въ Siebenbürgen болѣе трудолюбивыми работниками, нежели валаховъ. Исторія цыганъ въ Бессарабіи и колонизація ихъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ свидѣтельствуетъ, что они необходимые и даже не дурные работники при жатвѣ и иногда пахотѣ земель бессарабскихъ помѣщиковъ, особенно монастырскихъ мошій. Многіе казенные цыгане до 1839 г. жили въ молдаванскахъ общинахъ, гдѣ, входя въ родственныя связи съ молдаванами, пріобрѣтали фактическую и юридическую осѣдлость. Съ переходомъ (1839—40 г.) коронныхъ цыганъ въ вѣдѣніе Дунайскаго казачьяго войска и эти вполнѣ осѣдлыя цыгане принуждены были оставить свои мѣста осѣдлости и переселиться на земли войска, несмотря на то, что представители цыганъ заявили, что перемѣна мѣста жительства грозитъ имъ полнымъ раззореніемъ. Въ свою очередь и молдаванскія общины, представивъ войсковому начальству приговоры о пріемѣ и ручательствѣ за точность исполненія цыганами общественныхъ и государственныхъ податей и повинностей, просили, чтобы цыганъ отъ нихъ не переводили на земли войска.

Равнымъ образомъ въ общественномъ мнѣніи окрѣпло убѣжденіе, что только цыганки способны ради любви къ бѣлой кости забыть все, а что цыгане въ этомъ отношеніи обманщики и дѣйствительною любовію проникаются лишь къ цыганкамъ. Оффиціальныя дѣла о цыганахъ Бессарабіи свидѣтельствуютъ, что и цыгане въ любви къ бѣлой кости не знаютъ предѣловъ, такъ напр., одинъ цыганъ ради любви къ молдованкѣ, квалифицируемой отцовскими обязанностями, покидаетъ семью, цыганскую общину, терпитъ униженія со стороны родителей невѣсты, отказывающихъ въ своемъ со-

гласіи на бракъ, безпрекословно несетъ наказаніе со стороны молдаванской общины за попытку къ похищенію своей возлюбленной, предлагаетъ выкупъ за нее церковнымъ властямъ, не отказываясь отъ эпитеміи за блудъ, лишь бы вступить въ законный бракъ.

Весьма интересными представляются также вопросы, относящіеся къ области обычнаго гражданскаго права цыганъ, напр., вопросы семейнаго и наслѣдственнаго правъ, и гражданскаго обычнаго процесса. Судья Либихъ, изучавшій цыганскіе обычаи, замѣтилъ, что послѣ смерти цыгана наслѣдуютъ жена, дѣти и братья, но умалчиваетъ: 1) о томъ, кто же наслѣдуетъ имущество умершаго въ томъ случаѣ, когда нѣтъ родственниковъ; 2) обращаются ли цыгане въ случаѣ недовольства рѣшеніемъ своего обычнаго суда къ общегосударственнымъ судамъ, и 3) какимъ образомъ и изъ кого составляется обычный общинный судъ? Добавимъ, что въ Германіи цыгане избѣгаютъ общаго суда. Въ свою очередь и нѣмецкіе судьи стараются отклонять отъ разсмотрѣнія гражданскія дѣла, возникающія въ цыганской средѣ или общинѣ. Цыгане, основа семейной жизни которыхъ покоится на принципѣ „pater familias“, почитанія родительской власти, безусловнаго ей повиновенія, убиваютъ своихъ родителей и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ ѣдятъ ихъ бренные останки, если вѣрить испанскому писателю XVII ст. Don Juan'y de Quinones и приговору венгерскаго суда 1782 г. по обвиненію почти 100 цыганъ въ каннибализмѣ. Какъ же цыгане дѣлятъ между собой землю въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они получали ее въ большихъ размѣрахъ: на правѣ ли собственности, индивидуальнаго, общиннаго или родоваго владѣнія? Изъ области уголовнаго права возбуждаютъ интересъ: 1) обвиненіе цыганъ въ склонности къ государственной измѣнѣ и шпіонству, о каковыхъ преступленіяхъ трактовали германское и неаполитанское законодательства XVI ст.; 2) обвиненіе цыганъ въ конокрадствѣ, т. е. въ томъ деликатномъ преступленіи, которое до сихъ поръ мало изслѣдовано даже въ отношеніи кореннаго населенія Россіи и которое не было

чуждымъ до начала XIX ст. даже прославленнымъ легальностью англичанамъ (см. *Colguhoum*, On the police of the metropolis, 1796); 3) обвиненіе общественнымъ мнѣніемъ цыганъ въ кражѣ дѣтей, такъ напр., при розыскахъ похищенной Анны Блёкеръ въ Landsberg, Polnisch-Lissa и Flatow, были схвачены по подозрѣнію въ похищеніи А. Блёкеръ 47 цыганъ, которые, не имѣя легальныхъ документовъ, бродили съ мѣста на мѣсто, и какъ бродяги угрожали общественной безопасности, объ охранѣ которой ни мало не заботилась ни „die gutsherrliche Polizei", ни „das obrigkeitliche erbliche Amt" (W. Oncken), и 4) обвиненіе цыганъ въ разнообразнаго рода обманахъ и мошенничествахъ. Съ другой стороны обычное уголовное право цыганъ знаетъ и своеобразныя преступленія, напр., отказъ въ дѣлежѣ краденнаго между неучаствовавшими въ преступленіи, и своеобразныя наказанія, напр., тѣлесное наказаніе за нарушеніе цыганомъ узъ брака; при наложеніи каковаго участвуютъ жена, взрослыя дѣти, родственники, или наказаніе сожалѣніемъ за нарушеніе узъ брака цыганкой (Швеція). Грѣхъ, совершенный цыганкой ради salus communis, не вмѣняется ей въ вину. Разводы среди цыганъ явленіе рѣдкое, какъ бываетъ рѣдкимъ фактъ, чтобы цыганская семья была бездѣтной. По показанію Wlislock'аго среди бродячихъ цыганъ Венгріи существуетъ полная свобода развода, при чемъ дѣти слѣдуютъ не за отцомъ, а за матерью. Подмѣчено также, что среди бродячихъ цыганъ молодой цыганъ послѣ свадьбы отдѣляется отъ рода отца и слѣдуетъ въ родъ или семью тещи.

Въ уголовно-процессуальномъ отношеніи цыгане представляютъ тотъ интересъ, что они въ нѣкоторыхъ государствахъ считались даже недостойными суда, находились внѣ защиты закона „vogelfrei" (Германія), предавались суммарному суду (Франція) или судились въ особыхъ судахъ (Англія). Во всѣхъ этихъ судахъ цыгане обвинялись на непонятномъ для нихъ языкѣ. Судьи смотрѣли на цыганъ какъ на лицъ, имѣвшихъ всѣ пороки и ни одной добродѣтели, присущей человѣческой природѣ.

Затѣмъ цыгане представляли въ большей или меньшей степени тяглый элементъ въ финансовомъ смыслѣ слова. Изъ дѣлъ, просмотрѣнныхъ нами въ архивахъ Бессарабской губ., видно, что коронные цыгане съ 1815 по 1829 г., т. е. до момента массоваго поселенія ихъ на казенныхъ земляхъ, были аккуратными плательщиками налоговъ, хотя и кунктаторами, какъ и всѣ прочіе классы населенія этой окраины. Въ нѣкоторыхъ раіонахъ Россіи цыгане несли даже сторожевую казачью службу.

Наконецъ, цыгане фигурируютъ и въ международныхъ договорахъ, которые то приравниваютъ ихъ къ нищимъ и бродягамъ, то удѣляютъ имъ особыя статьи.

Дать общій контуръ европейскаго законодательства о цыганахъ представлялось бы дѣломъ легкимъ, если бы существовала хотя одна монографія юридическаго характера, трактующая о цыганахъ [1]). Правда, въ обширной литературѣ о цыганахъ, упоминается и работа Fr. Spengler'а, написанная въ 1839 г. на степень доктора правъ, подъ названіемъ: „Dissertatio historico-juridica de cinganis sive Zigeunis". Къ сожалѣнію, монографія Dr. Spengler'а содержитъ въ себѣ болѣе историческаго, чѣмъ юридическаго матеріала, который, кромѣ того, заимствованъ не изъ первоисточниковъ, т. е. кодексовъ, такъ напр., изъ всего русскаго законодательства о цыганахъ Dr. Spengler упоминаетъ, пользуясь нѣмецкимъ переводомъ книги Булгарина, „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ", лишь объ одномъ указѣ 1809 г. Наконецъ, Dr. Spengler не ознакомился ни съ объемистымъ саксонскимъ Codex Augusteus, ни съ прусскимъ Corpus Const. March., ни съ трудомъ de la Mare, ни съ французскими Codex'ами и Collectons XVII и XVIII ст., въ которыхъ напечатаны и собраны масса законовъ XVI, XVII и XVIII ст. и рѣшенія центральныхъ и мѣстныхъ судовъ.

Въ общемъ всю исторію западно-европейскаго законода-

---

[1]) G. Barrow (The Zingani) довольно подробно говоритъ только объ испанскомъ законодательствѣ о цыганахъ.

тельства о цыганахъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре послѣдовательные періода: 1) періодъ пассивнаго отношенія государства къ цыганамъ, 2) періодъ безусловной репрессіи ихъ, 3) періодъ ограниченной репрессіи и 4) періодъ праваго отношенія государства къ цыганамъ. Первая эпоха относится къ XV ст. Она начинается моментомъ появленія цыганъ въ западной Европѣ и кончается послѣдними годами XV ст. Эта эпоха можетъ быть названа, по выраженію Grellmann'а, „золотымъ временемъ“ для цыганской жизни. Правительства почти всѣхъ государствъ отнеслись къ цыганамъ снисходительно, а населеніе нѣкоторыхъ мѣстъ принимало ихъ даже гостепріимно, чему много способствовали съ одной стороны императорскія и папскія пропускныя грамоты (Schutz-und Freyheitsbriefen), а съ другой—заявленіе цыганъ о цѣляхъ своего пилигримства, разрѣшеннаго первымъ цыганамъ папою. Правда, и въ этотъ періодъ цыгане встрѣчали непріязненное къ себѣ отношеніе въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи, Швейцаріи, Франціи и Германіи, такъ напр., власти Базеля, прогнавъ цыганъ, снова дозволи имъ вернуться въ городъ, а когда въ 1453 г. цыгане задумали войти во французскій городъ Cheppe (Chalons sur-Marne), то жители его оказали сопротивленіе, при чемъ одинъ цыганъ былъ убитъ однимъ изъ жителей, получившимъ за то королевскую благодарность. „Золотой вѣкъ цыганъ“, замѣчаетъ H. Wlislocki, „продолжался недолго; послѣ того какъ въ средней Европѣ болѣе полстолѣтія относились сострадательно и радушно къ непріятнымъ гостямъ, грязнымъ, оборваннымъ, переносившимъ равнодушно вѣтеръ и непогоду, скоро наступила реакція и имъ безсовѣстно вмѣнили также въ вину такіе факты, которыхъ они никогда не совершали“. Къ цыганамъ не выказали расположенія и представители литературы XV ст.: бытописатели этой эпохи: Stumpf, проф. Cranzius, Aventinus, богословъ Polidorus Virgilius, Andreas изъ Регенсбурга.

Начало втораго періода совпадаетъ съ моментомъ изданія испанскимъ правительствомъ эдикта 1492 г. объ изгнаніи цыганъ изъ Испаніи. Примѣру Испаніи вскорѣ послѣдо-

вали Св. Римская Имперія (1497 г.), Францiя (1504 г.), Англія (1531 г.) и другія западно-европейскія государства. Этотъ періодъ законодательства, проникнутый строжайшей полицейской репрессіей цыганъ, продолжался до второй половины XVIII ст. Отказъ во всякомъ покровительствѣ и защитѣ цыганамъ,—нѣмецкое выраженіе „Vogelfrei",—былъ связанъ съ стремленіемъ правительствъ къ поголовному изгнанію ихъ изъ страны. Расправа съ цыганами была весьма жестокой. „Всѣмъ и каждому предоставляется", гласилъ Polizei-Ordnung für die Mark Brandenburg an. 1540 (Cap. XI), „нападать, грабить и изгонять цыганъ, буде они перейдутъ границу нашей страны", а въ саксонскомъ патентѣ 1703 г. (27 сент.) читаемъ слѣдующія слова: „всѣ цыгане, гдѣ бы они ни были арестованы, ради страха другимъ должны быть безъ всякаго процесса повѣшены на первомъ деревѣ". Главными мотивами къ изгнанію послужили: обвиненіе цыганъ въ вѣроотступничествѣ, государственной измѣнѣ, политическомъ шпіонствѣ, каннибализмѣ, колдовствѣ, разбояхъ, грабежахъ, воровствѣ и всякаго рода мошенничествахъ. Нѣмецкая юстиція и полиція, замѣчаетъ W. Riehl, относили цыганъ къ отброскамъ соціально-политическаго тѣла; полиція вѣшала ихъ при дорогахъ только за то, что они были цыганами, издѣвалась надъ цыганками, не щадя даже ихъ материнской любви". Въ согласіи съ законодательствомъ отрицательно относились къ цыганамъ свѣтсткіе и духовные писатели этого періода. Бодэнъ называлъ цыганъ „язвой", „трутнями, появлявшимися весной каждаго года съ альпійскихъ и пиринейскихъ горъ и изъ пещеръ". Рѣзко высказались противъ цыганъ испанскій писатель Don Juan Quinones, нѣмецкій филологъ и философъ J. Thomasius (1622—1684), студентъ Tritsch, написавшій небольшой, но дѣльный трактатъ о цыганахъ, первый лютеранскій архіепископъ Упсалы Locurentius Petri, издавшій въ 1560 г. съ апробаціи короля посланіе къ священникамъ, въ которомъ кратко, но выразительно было сказано: „съ цыганами не долженъ имѣть дѣла ни одинъ священникъ, ихъ не слѣдуетъ ни крестить,

ни погребать по христіанскимъ обычаямъ“. Подобный взглядъ на цыганъ господствовалъ и среди государствовѣдовъ конца XVIII ст. Такъ напр., F. Berg (Handbuch des deutschen Polyceisrechts) говоритъ: „классъ людей, вторгнувшійся нѣсколько столѣтій тому назадъ въ Германію и упорно отвергающій обыкновенную, мирную жизнь въ гражданскомъ обществѣ, составляютъ такъ называемые цыгане, привлекающіе въ свою среду также другихъ бродягъ; такъ какъ цыгане, при извѣстныхъ условіяхъ, составляютъ ядро разбойническихъ бандъ, то такой классъ отнюдь не долженъ быть терпимъ въ государствѣ“.

Конечно, при подобномъ отношеніи государства и взглядахъ литературы на цыганъ, послѣдніе все болѣе и болѣе отдѣлялись рѣзкой юридической и соціальной чертой отъ кореннаго населенія западной Европы. Начиная съ XVI столѣтія, замѣчаетъ венгерскій статистикъ M. Schwartner, „цыгане сдѣлались болѣе дикими, чѣмъ въ первое столѣтіе появленія ихъ на континентѣ Европы“. Если въ этотъ періодъ представители литературы выступаютъ послѣдовательными въ отношеніи цыганъ, т. е. относятся къ нимъ вполнѣ отрицательно то того нельзя сказать о всемъ населеніи, о всѣхъ представителяхъ общинной и государственной власти и органахъ исполнительной полиціи. Нѣкоторые классы населенія, какъ напр., крестьяне и помѣщики въ Саксоніи, Богеміи и Шлезіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при выгодныхъ для себя условіяхъ относятся къ цыганамъ пассивно или даже имъ благопріятствуютъ. Въ тѣхъ государствахъ и странахъ, куда цыгане преимущественно направляли свой путь (Богемія, Шлезія, Саксонія, Польша и др.), общинныя, окружныя, провинціальныя власти и центральныя учрежденія маленькихъ государствъ (особенно Германія) терпѣли цыганъ, дозволяя имъ свободно и безпрепятственно переходить изъ общины въ общину, изъ округа въ округъ, выдавая на свободу перехода паспорты, затѣмъ по ихъ усмотрѣнію удаляться за предѣлы страны и возвращаться въ нее. Подобныя аномаліи съ точки зрѣнія права управленія встрѣчаются во Франціи, Австріи

и германскихъ государствахъ. Но и въ эту злополучную для цыганъ эпоху можно отмѣтить отдѣльныя отрадныя явленія, связанныя съ проявленіемъ чувства гуманности и обычной въ то время благотворительности, такъ напр., нѣкоторые представители католической церкви отдавали въ XVI и въ XVII ст. отнятыхъ у цыганъ дѣтей и цыганскихъ сиротъ въ монастырскія благотворительныя учрежденія съ цѣлью воспитанія. Кромѣ того, нѣкоторыя правительства германскихъ государствъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст., препровождая этапнымъ порядкомъ цыганъ на одну сторону границы государства, а цыганокъ—на противоположную, отнимали дѣтей и отдавали ихъ въ сиротскіе, работные и воспитательные дома.

Третій періодъ, начинаясь около первой половины XVIII ст., продолжается до настоящихъ дней. Хотя въ началѣ этого періода старые законы о цыганахъ формально не отмѣняются, однако исподволь приходятъ въ забвеніе. Законодательство приравниваетъ цыганъ къ классу прорицателей, завѣдомыхъ воровъ, обманщиковъ, бродягъ и нищихъ, преслѣдуетъ въ равной степени какъ первыхъ такъ и вторыхъ, предавая преступленія, совершенныя ими разсмотрѣнію общихъ судовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда преступленія, совершавшіяся въ странѣ лихими людьми усиливались, нарушеніе индивидуальной и общественной безопасности принимало угрожающій характеръ, правительство распространяетъ дѣйствіе исключительныхъ законовъ и мѣръ примѣнявшихся на основаніи такъ называемаго суммарнаго процесса и въ отношеніи цыганъ. Но въ этотъ періодъ саморасправа населенія и произволъ властей съ цыганами признаются въ принципѣ уже актами нелегальными, а съ провозглашеніемъ идей правоваго государства даже подлежали компетенціи уголовнаго суда или, по меньшей мѣрѣ, административному взысканію.

Гдѣ же искать причину подобнаго принципіальнаго поворота во взглядѣ законодателя? По нашему мнѣнію, коренному измѣненію политико-юридическаго принципа въ отношеніи цыганъ послужили: 1) идея просвѣщеннаго абсолю-

тизма и 2) болѣе точное изслѣдованіе исторіи цыганъ, ихъ религіи, устройства самоуправленія цыганской общины, и особенно цыганскаго языка, что въ совокупности должно быть всецѣло отнесено къ заслугамъ историко-филологической науки.

Если писатели XVI, XVII и первой половины XVIII ст. признавали цыганскій языкъ за „lingua occulta", смѣшивали его съ языкомъ египтянъ, сарацинъ, затѣмъ евреевъ, а, наконецъ, воровъ, то нечего и удивляться тому, что законодатель, помимо политическихъ причинъ, именно обвиненія цыганъ въ измѣнѣ и шпіонствѣ туркамъ (св. Римская Имперія, Неаполь въ XVI), видѣлъ въ цыганахъ враговъ личной и общественной безопасности, особенно въ годы народныхъ бѣдствій, къ нарушенію которой цыганъ часто принуждала бѣдность, привычка и даже необходимость странствованія, отсутствіе окрѣпшаго понятія о собственности, общая государственная безурядица, какъ то рѣзко проявилось въ эпоху 30-лѣтней войны и т. д. Когда же историко-филологическая наука выяснила, что цыганскій языкъ—языкъ неворовской, а самостоятельный и по формѣ и по содержанію (въ чемъ первая заслуга принадлежитъ H. Grellmann'у), что цыганская община—община типичная и своеобразная, а не воровская, что цыгане лишь до извѣстной степени виновны въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя имъ приписывали ранѣе, тогда и политико-юридическая литература исподволь перестала проповѣдывать изгнаніе и репрессію цыганъ, такъ напр., въ трудахъ полицеистовъ начала XIX ст., напр. Мозера, Юнга, Лампрехта и др., государствовѣдовъ Rönne и др. о повальномъ изгнаніи и спеціальномъ преслѣдованіи цыганъ ничего не говорится.

И пресса XVIII и начала XIX ст. относилась къ цыганамъ отрицательно. Мало того она способствовала даже распространенію многихъ неимѣющихъ основанія слуховъ о цыганахъ, такъ напр., по извѣстному процессу о каннибализмѣ въ Венгріи въ 1782 г. пресса не оказалась на должной высотѣ. То же самое можно сказать и о прессѣ Наполеона I-го

Мысль Grellmann'а о происхожденіи цыганъ изъ Индіи, подтвержденная обучавшимися въ Германіи студентами изъ Индіи, возбудила въ послѣдующихъ изслѣдователяхъ области цыганскаго языка стремленіе точно и детально изучить, пользуясь сравнительнымъ методомъ, структуру прошлаго и современнаго нарѣчія цыганъ въ различныхъ странахъ Европы, Азіи и Африкѣ. Задачу Grelmann'а съ логической послѣдовательностью продолжаетъ Graffunder, неуспѣвшій однако выполнѣ довести до конца предпринятую работу. Къ счастію, имущество умственное не подлежитъ законамъ о наслѣдствѣ! Наслѣдство, хотя и не совершенное, нашло выдающихся наслѣдниковъ. Идею Grellmann'а и цѣль Graffunder'а блестяще выполняютъ Pott, Barrow, Bataillard, русскій академикъ Boethling, Hagemeister—въ Лифляндіи, Narbut—въ Польшѣ, имѣвшій своимъ предшественникомъ Ѳ. Чацкаго. Въ трудахъ только что указанной плеяды ученыхъ раскрываются предъ нами также индивидуальныя, семейныя, отчасти соціальныя и юридическія стороны и отношенія цыганской жизни и быта, такъ напр., въ классическомъ трудѣ А. Pott'а, если и перечисляются случаи эксцессовъ, учиняемыхъ цыганами и противъ цыганъ, то съ другой стороны—прямо трактуется о печальныхъ послѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ цыганами въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они находились въ крѣпостномъ состояніи, переходившемъ фактически даже въ XIX ст. въ рабство. А въ сочиненіи Barrow'а впервые выясняются нравственные устои семьи цыганъ, живущихъ въ Испаніи.

Наконецъ, на нашихъ глазахъ занялась для цыганъ заря идеи правомѣрно-культурнаго государства. Оставляя въ сторонѣ молчаніе дѣятелей великой революціи по цыганскому вопросу, поднимавшихъ вопросъ о гражданскомъ и политическомъ равенствѣ евреевъ, оставляя, наконецъ, въ сторонѣ петицію венгерскихъ цыганъ въ 1850 г. къ императору о національномъ равноправіи, мы остановимся вкратцѣ на томъ моментѣ, который, являясь барометромъ культурно-правовой жизни всякаго народа, племени и страны, именно на народномъ образованіи. До послѣдняго времени цыгане избѣгали

образованія въ силу историческихъ и бытовыхъ условій. Если бродячіе цыгане всюду вполнѣ уклоняются отъ посѣщенія народныхъ школъ, то тамъ гдѣ они юридически и фактически пріобрѣли осѣдлость, гдѣ они пользуются нѣкоторымъ правомъ гражданства или только довольствуются юридической осѣдлостью (формальная приписка къ общинѣ), мы видимъ, хотя и въ зачаткѣ, сочувствіе цыганъ къ народной школѣ. Въ саксонскомъ мѣстечкѣ Бистрицъ дѣти очень многихъ цыганъ посѣщали общественную школу, „ихъ родители жили въ красивыхъ домикахъ—на окраинѣ мѣстечка и я нашелъ, что дѣти могли хорошо читать, писать и считать, тогда какъ ни ихъ отцы, ни ихъ матери ничего въ томъ не понимали“ (Ch. Bonner). Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. въ Саксоніи, Пруссіи, многіе цыгане посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, зато въ другихъ, какъ напр. въ Венгріи, попытки въ 60-хъ и 70-хъ годахъ епископа I. Hám'a (Szatmar) и католическаго священника F. Farkas'a (въ Neuhäusel'ѣ) пріучить цыганскихъ дѣтей къ посѣщенію школъ остались почти безъ успѣха. И въ Буковинѣ цыганскія дѣти школьнаго возраста весьма мало (2 проц.) посѣщаютъ народныя школы, которыхъ совсѣмъ избѣгаютъ дѣти бродячихъ цыганъ. Изъ личныхъ разговоровъ съ нѣкоторыми учителями народныхъ школъ Аккерманскаго уѣзда мы можемъ заключить, что дѣти цыганъ посѣщаютъ школы не менѣе охотно, чѣмъ дѣти прочихъ поселянъ. Разъ цыгане рѣшатся познать вліяніе благодѣтельныхъ плодовъ цивилизаціи, то, конечно, слѣдуетъ признать мысль Этвеша справедливой, что всенивеллирующая цивилизація наложитъ также руку и на это романтическое племя и цыгане будутъ всюду исподоволь исчезать, какъ это замѣчается и во многихъ мѣстностяхъ Венгріи. Большой знатокъ жизни цыганъ докторъ Кунавинъ утверждаетъ, что въ Европѣ за послѣднія десятилѣтія дѣло прикрѣпленія цыганъ къ землѣ и общинѣ идетъ довольно успѣшно.

Новому направленію государственной политики въ отношеніи цыганъ во многомъ способствовали не столько труды историковъ и филологовъ, сколько изслѣдованія этнографовъ,

путешественниковъ и статистиковъ, изучившихъ не только цыганъ осѣдлыхъ, но и бродячихъ. Сюда относятся труды выдающагося филолога Миклошича, Fr. Müller'a, Ficker'a, Weisbach'a и Dan'a (въ Австріи), W. Simson'a и J. Simson'a (въ Англіи), Liebich'a и Pischel'я (въ Германіи), Francisque-Mischel'я и Rochas'a (во Франціи), Schwicker'a и Wlislock'aго (въ Венгріи), Sundt'a (въ Швеціи и Норвегіи), Gerando, Poissonier и Bernard'a (въ придунайскихъ княжествахъ), Л. Глики (въ Босніи и Герцоговинѣ). Не мало трудовъ положили на изученіе жизни русскихъ и иностранныхъ цыганъ соотечественники. Не говоря о заслугахъ о. ректора Куницкаго, Скальковскаго (Бессарабія, Новороссія), преосв. Гермогена и Кондораки (Крымъ), Голодникова (Сибирь), Вилькинса (Средняя Азія) и др., мы не можемъ не отмѣтить выдающихся заслугъ по изслѣдованію цыганскаго вопроса проф. Патканова и доктора М. Кунавина, посвятившаго, по словамъ К. Мережковскаго, всю свою жизнь изученію цыганскаго быта не только въ Европѣ, но и въ Африкѣ и Азіи. Проникнувъ въ цыганскую среду, перечувствовавъ съ ними горе и радость, Кунавинъ пришелъ къ тому убѣжденію, что „цыгане еще долго останутся кочевниками, потому что историческія судьбы этого племени сдѣлали ихъ таковыми; тѣмъ не менѣе дѣло прикрѣпленія цыганъ въ западной Европѣ идетъ довольно успѣшно“. „О цыганахъ извѣстныхъ намъ, говоритъ Кунавинъ, нельзя составить себѣ даже понятія о цыганахъ Востока и Азіи“.

Центръ сочиненій и статей новѣйшихъ тружениковъ по цыганскому вопросу составляютъ главнѣйшимъ образомъ этнографическая, социальная и отчасти юридическая сторона цыганской жизни, чѣмъ дается возможность дѣйствовать на цыганъ въ культурномъ направленіи не столько органамъ правительства, сколько органамъ самоуправленій и различныхъ благотворительныхъ и миссіонерскихъ обществъ. Въ новѣйшихъ трудахъ отмѣчаются важнѣйшіе моменты и условія, способствующія переходу цыганъ бродячихъ въ рядъ осѣдлыхъ среди различныхъ народностей Европы, а равно сліяніе осѣдлыхъ цыганъ съ мѣстными обывателями и въ свою очередь

первыхъ съ бродячими. Такъ какъ многіе изъ этихъ ученыхъ знакомы съ техникой и современными пріемами мѣстной статистики, то получается возможность исчислить приблизительно вѣрно число бродячихъ цыганъ. Кропотливые труды новѣйшихъ изслѣдователей, пробивая брешь и замкнутость въ средѣ бродячихъ цыганъ, сохраняющихъ еще обычное право, даютъ возможность констатировать основы строя и дѣятельности цыганскихъ общинъ, выяснить принципы рѣшеній цыганскаго общиннаго суда въ области гражданскаго права (семья, наслѣдованіе, владѣніе), уголовнаго права (изгнаніе изъ общины, наложеніе тѣлесныхъ наказаній, практикуемый въ средѣ цыганъ институтъ дуэли), состава суда и формъ его дѣятельности. Все это въ совокупности послужитъ немаловажнымъ пособіемъ сравнительной наукѣ права и практической юриспруденціи. Конечно, послѣдняя съ теченіемъ времени, при гражданскихъ процессахъ цыганъ между собой, будетъ считаться съ ихъ обычнымъ правомъ, отъ примѣненія котораго, по замѣчанію судьи Либиха, уклоняются германскіе суды. Словомъ, если цыгане не пожелали ни по принужденію правительства, ни добровольно примкнуть къ истиннымъ источникамъ цивилизаціи, то эти источники въ лицѣ выдающихся изслѣдователей цыганскаго языка, быта и строя, невидимыми ручьями, исподоволь подвинутся къ цыганамъ.

Когда же, т. е. въ которомъ столѣтіи цыгане впервые посѣтили московское государство,—вотъ вопросъ, который пока остается нерѣшеннымъ. Наши историки, напр., Карамзинъ, Соловьевъ, ничего объ этомъ не говорятъ. Пользуясь рукописью, приложенной къ „христоматіи“ Ѳ. Буслаева (стр. 1467), мы можемъ сказать, что цыгане въ московскомъ государствѣ были въ XVII столѣтіи. Авторъ рукописи „о цыганахъ“ даетъ точное описаніе цыганскаго табора. Указы же XVI и XVII столѣтій, имѣвшіе цѣлью искорененіе лихихъ людей, умалчиваютъ о цыганахъ.

Если бы цыгане проявили приписываемыя имъ наклонности къ нарушенію государственной безопасности при борьбѣ Россіи въ XVI и XVII ст. съ Польшей, Швеціей, Ливон-

скимъ орденомъ, Малороссiей, то, конечно, наше правительство высказало бы въ какихъ либо актахъ свое къ нимъ отношенiе, хотя, быть можетъ, краткое, но ясное. Что цыгане въ началѣ XVI столѣтiя жили въ Литвѣ, о томъ свидѣтельствуютъ (1539 г.) акты Вилинской архивной коммисiи. Конечно, изъ Литвы цыгане могли забрести уже въ XVI столѣтiи въ предѣлы Московскаго государства.

Остановимся вкратцѣ на разсмотрѣнiи исторiи отечественнаго законодательства и на отношенiи русской литературы и общества къ цыганамъ. Въ общемъ наше законодательство проникнуто духомъ терпимости и гуманности. Въ процессѣ его историческаго развитiя трудно даже отмѣтить какiе либо перiоды. „Наше законодательство о цыганахъ, при сравненiи съ другими европейскими законодательствами, отличается наибольшею послѣдовательностiю“,—подчеркиваетъ анонимный авторъ прекрасной передовой статьи, помѣщенной въ газетѣ „Голосъ“. Отечественное законодательство послѣдовательнѣе и мягче польскаго. Императоръ Петръ I зналъ о пребыванiи цыганъ въ Россiи, что видно изъ одного дѣла сената, въ которомъ какой то цыганъ просилъ въ 1722 г. назначить его старшиной всѣхъ цыганъ Смоленской губ. Сенатъ въ просьбѣ отказалъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ проявляется строгая полицейская репрессiя, такъ напр., при подозрѣнiи цыганъ въ разбояхъ (1759 г.), при проявленiи цыганами „своевольства и наглости“ (1800 г.). Почти во всѣхъ указахъ XVIII столѣтiя и первой половины XIX столѣтiя красною нитью проглядываетъ основная мысль о поселенiи свободныхъ цыганъ на казенныхъ земляхъ. Вотъ выраженiя указовъ о цыганахъ: „пусть живутъ, гдѣ желаютъ“ (1733), „отвести удобныя и приличныя мѣста поселенiя“ (1783), „поселить безотговорочно“ (1784), „заботиться объ удобномъ поселенiи и водворенiи цыганъ“ (1800), „предоставить заниматься мѣщанскими промыслами и пользоваться городскими выгонами скота“ (1805), „привести цыганъ въ лучшее устройство“ (1809), „допустить селиться на казенныхъ пустопорожнихъ участкахъ“ (1829). Равнымъ образомъ въ указахъ XVIII сто-

лѣтія, имѣвшихъ цѣлью охрану государственной, общественной и личной безопасности, ничего не говорится о цыганахъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II прибываютъ въ обѣ столицы первые цыгане-пѣвцы, выписанные чесменскимъ героемъ изъ Молдавіи. Они скоро пріобрѣли осѣдлость, а въ 1812 г. выставили нѣсколько добровольцевъ въ ряды гусаръ и уланъ, каковой фактъ отмѣчается и въ жизни цыганъ Пруссіи (армія Блюхера бр. Розенберги).

Русскіе путешественники конца XVIII и начала XIX столѣтія, напр., Зуевъ, Pallas, Georgi и др. всегда отмѣчаютъ встрѣчи съ цыганами, причемъ ни въ чемъ не упрекаютъ ихъ. Наши государствовѣды и статистики того времени, напр., Hermann, Storch, Зябловскій отмѣчаютъ только тѣ мѣста, гдѣ цыгане жили, число, нравы и занятія ихъ.

Объ отношеніи русскихъ сословій къ цыганамъ можно судить по проектамъ уложенія, составленнымъ законодательной коммисіей 1754—1766 г.г. Въ одной редакціи предлагается всѣхъ цыганъ „выслать за границу, дабы они праздно не шатались“, а въ другой—„не пускать цыганъ за границу, такъ какъ многіе изъ нихъ записаны за помѣщиками; иностраннымъ же цыганамъ дозволить въѣздъ въ Россію, но записывать за помѣщиками, дабы они праздно не шатались“ [1]). Что общественное мнѣніе склонялось въ пользу цыганъ, можно заключить и изъ проектовъ уголовнаго уложенія 1754—1766 г.г. Въ статьяхъ, трактующихъ о ханжахъ, разбоѣ, воровствѣ, волшебствѣ и чародѣйствѣ, нѣтъ ни слова о цыганахъ, которые, надо полагать, и въ то время занимались нѣкоторыми изъ этихъ профессій. Въ коммисіи объ уложеніи 1767—1768 г. дворяне высказались противъ цыганъ, такъ какъ они „бродя по всему государству, обманывая народъ разными способами, безъ всякаго казнѣ и обществу плода, поѣдаютъ труды земледѣльцевъ“. Цыгане и въ XVIII ст. не причислялись къ кочующимъ народамъ; они

[1]) Латкинъ, Проектъ новаго уложенія, составленный законодательной коммисіей 1754—1766 г.г.

должны были приписаться къ обществамъ или записаться за помѣщиками.

Органы администраціи и полиціи обращались съ цыганами мягко, хотя извѣстный администраторъ Сиверсъ писалъ Екатеринѣ II: „такъ называемые цыгане заражаютъ страну; они платятъ нѣкоторымъ титулованнымъ господамъ хорошій оброкъ, бродятъ повсюду и живутъ, обманывая простоватаго крестьянина. Есть указъ [1]), отсылающій ихъ въ краину, но и здѣсь найдены лазейки для его обхода. Ружье или Оренбургъ были бы для нихъ лучше. Ихъ надобно вдругъ захватить, чтобы не ушли въ Польшу". Напротивъ, въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи администрація мягкими мѣрами, исподволь и медленными шагами достигала цѣли (хотя и не всегда), т. е. пріученія цыганъ къ осѣдлости, что видно изъ донесеній нѣкоторыхъ губернаторовъ Сенату въ 1800 г.; „въ нѣкоторыхъ губерніяхъ водворенные цыгане привыкли къ хлѣбопашеству и сельской осѣдлости, а въ другихъ—иные цыгане вошли въ купцы и мѣщане". „Мѣры, предпринимаемыя къ развитію между цыганами осѣдлости и гражданственности", говоритъ съ положительностію авторъ статьи „юридическое положеніе цыганъ въ Россіи", пользуясь только полнымъ собр. зак. и личнымъ знакомствомъ съ музыкою, пѣснями и пляскою столичныхъ цыганъ, „не достигали вполнѣ желаемыхъ цѣлей потому, что онѣ (т. е. мѣры) не шли объ руку съ мѣрами, приспособленными къ просвѣщенію цыганъ". Причиной неудачи мѣръ, по нашему мнѣнію, было не одно отсутствіе просвѣщенія между цыганами. Почему, спросимъ мы, нагайцы еще въ 1806 г., по описанію Германа, „упражнялись" въ земледѣліи, не получивъ просвѣщенія, а неграмотные киргизы въ западной Сибири стали переходить постепенно съ конца 70-хъ отъ скотоводства къ земледѣлію? Причины неудачи правительственныхъ мѣръ, связанныхъ даже съ чрезмѣрными для цыганъ льготами, были различными въ различныхъ государствахъ и даже въ отдѣльныхъ мѣстно-

[1]) Этого указа нѣтъ въ 1-мъ полн. собр. законовъ.

стяхъ одной и той же страны. Прослѣдить исторію мѣръ пріученія цыганъ къ осѣдлости и сельскому хозяйству представляется вопросомъ весьма интереснымъ, на что политико-юридическая литература еще не обратила вниманія. Страннымъ кажется и то, что этотъ вопросъ вскользь поднимался и отчасти разсматривался историками, филологами и даже этнографами.

Колонизація цыганъ—дѣло не новое. Въ исторіи мы находимъ отдѣльныя попытки пріученія цыганъ къ осѣдлости и къ занятію сел. хозяйствомъ какъ со стороны правительства, такъ и со стороны отдѣльныхъ лицъ, монастырей, общинъ и обществъ. Такія попытки не оставлены и теперь, напр., колонизація, предпринятая въ наши дни австрійскимъ эрцгерцогомъ Іосифомъ на его земляхъ въ Венгріи. Въ этой статьѣ мы укажемъ кратко на колонизаціонныя мѣры, предпринятыя русскимъ правительствомъ въ концѣ 20-хъ годовъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, въ связи съ бѣглымъ очеркомъ подобныхъ мѣръ въ другихъ странахъ.

Если вѣрить Hopf'у, цыгане занимались сел. хозяйствомъ, на о. Корфу уже въ XV, XVI и XVII ст., уплачивая ленную дань (feudum Acinganorum). „Эти дѣти зла", замѣчаетъ Hopf, „подчинялись патріархальному режиму и вели гарманическое существованіе".

Мѣры Маріи Терезіи заставить цыганъ Венгріи оставить бродячую жизнь и поселиться въ селеніяхъ или городахъ не имѣли успѣха уже по одному тому, что нѣкоторыя средства для достиженія цѣли были избраны варварскія, такъ напр., насильственное отнятіе у цыганъ дѣтей и передача послѣднихъ крестьянамъ и ремесленникамъ для обученія ремесламъ и сел. хозяйству, воспрещеніе браковъ цыганъ съ цыганками, принудительное обученіе подростковъ—цыганъ догматамъ католической церкви. Нѣмецкіе писатели называютъ эти мѣры благодѣяніемъ (Ruhm) или новымъ алмазомъ въ коронѣ Маріи Терезіи. Правда, въ то время перестали уже вѣшать цыганъ безъ суда на первомъ деревѣ, замѣнивъ его эшафотомъ. Указы Іосифа II-го о цыганахъ, намѣревав-

шагося обратить ихъ въ полезныхъ гражданъ, въ свою очередь не отличаются гуманностью, такъ напр., было приказано отдавать цыганскихъ дѣтей священникамъ для обученія религіи, было воспрещено цыганамъ носить ихъ національный костюмъ, говорить на цыганскомъ языкѣ подъ угрозою 24-хъ палочныхъ ударовъ, и т. д. Предпринятыя венгерскимъ правительствомъ въ 1867 г. мѣры заставить цыганъ оставить бродячій образъ жизни, также принесли мало пользы (Schwicker). Кромѣ того, мѣры XVIII и XIX стол. нельзя и назвать колонизаціонными въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ цыганамъ не отводили казенныхъ земель для поселенія и занятія сел. хозяйствомъ.

Въ XVIII стол. къ цыганамъ мягко отнеслось испанское правительство, издавъ въ 1783 г. (19 сент.) „правила о репрессіи и наказаніяхъ за бродяжничество и другіе эксцессы, учиняемые такъ называемыми цыганами". „Объявляется", гласилъ законъ Карла III-го, „что тѣ, которые называются цыганами, не таковы по происхожденію или природѣ и не происходятъ отъ зараженнаго корня. Поэтому, приказывается, чтобы всѣ и каждый цыганъ подъ угрозою наказаній не употребляли цыганскаго языка, не носили цыганской одежды и не вели бродячаго образа жизни, которому цыгане слѣдовали до сего времени". Кромѣ полицейской репрессіи и уголовной кары эдиктъ Карла III-го обезпечивалъ бродячимъ элементамъ возможность достиженія правъ гражданства и даже правъ дворянства, если представители цыганской семьи въ теченіе трехъ поколѣній занимались полезными промыслами или получали какія либо отмѣнныя награды.

Въ Пруссіи пріученіе цыганъ къ осѣдлости была предпринято въ 1827—1837 годахъ по иниціативѣ миссіонера Theobald'a (baron von Wurm) тремя миссіонерскими обществами. Въ проведеніи мѣръ пріученія цыганъ къ гражданской жизни, бродившихъ издавна въ раіонѣ дер. Friedrichslohra (около Nordhausen'a), основанной еще Фридрихомъ В. для поселенія всякаго рода бродягъ, приняли участіе частныя лица, духовныя и свѣтскія власти. Цыганская колонія представляла,

по замѣчанію посѣтившаго ее Graffunder'а въ 1835 г., разсыпанную храмину. Дѣятельность обществъ не принесла ожидавшихся результатовъ: 1) потому, что общества прибѣгали къ насильственному отнятію дѣтей отъ родителей (Heister), 2) что для поселенія была выбрана соціальная среда, члены которой до сихъ поръ пользуются дурной славой, воровствомъ и всякаго рода обманами, 3) что проявилась вражда представителей католической и протестантской религій, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ просвѣщенія цыганскихъ дѣтей, 4) что общества располагали недостаточными матеріальными средствами и 5) что административныя власти позволяли себѣ излишнее вторженіе въ сферу дѣятельности обществъ (Pischel). Неуспѣхъ дѣла во многомъ зависѣлъ также и отъ того, что сами цыгане оказали весьма сильное сопротивленіе благимъ цѣлямъ обществъ. Цыгане, жившіе въ окрестностяхъ Friedrichslohra, были самыми дурными изъ всѣхъ Прусскихъ цыганъ [1].

Первымъ, кто высказалъ въ XVIII ст. (1793 г.) мысль о надѣленіи цыганъ землею съ цѣлью ихъ колонизаціи, былъ Johan Biester, библіотекарь публичной библіотеки въ Берлинѣ, затѣмъ членъ Берлинской академіи наукъ, человѣкъ, отличавшійся гуманными воззрѣніями. Защищая нѣмцевъ отъ нападокъ Вольтера, а всѣхъ цыганъ отъ повальнаго обвиненія нѣмцами, Biester говорилъ: „Если основательно, что цыгане никогда не имѣли склонности къ землѣ и осѣдлости, то равно основателенъ отвѣтъ, что ихъ къ тому никогда и не пріучали; попытка въ этомъ направленіи была бы дѣломъ вполнѣ достойнымъ“. Большой знатокъ бродячихъ элементовъ въ Швеціи и Норвегіи Sundt разсказываетъ въ книгѣ, напечатанной въ 1850 г., что одна цыганка, посѣтивъ норвежскую деревню и получивъ отказъ въ подаяніи милостыни, отвѣтила: „Богъ мнѣ не далъ земли для ея обработыванія, и поэтому

---

[1]) Какихъ результатовъ достигъ Southampton Committee por the Impro vement of the Condition of the Gipsies, учрежденный по иниціативѣ англійскаго пастора J. Crabb'а, авторъ не можетъ отвѣтить въ данный моментъ.

я должна работать языкомъ, чтобы доставать пищу моимъ дѣтямъ".

Нашлась, наконецъ, страна, которая дала цыганамъ не только гражданскія права, но и обширныя земли. Эта страна— наше отечество, гдѣ, какъ мы выше указали, еще въ XVIII ст. отводились отдѣльнымъ цыганскимъ семьямъ казенныя земли для поселенія ихъ въ различныхъ губерніяхъ (Орловской, Екатеринославской, Херсонской и др.). Въ первой половинѣ четверти XIX ст. возникаетъ мысль о надѣленіи казенныхъ цыганъ Бессарабіи землею (21 тыс. дес.) для массоваго и постепеннаго ихъ поселенія и пріученія къ занятію сельскимъ хозяйствомъ. Эта мысль всецѣло принадлежитъ ближайшему сподвижнику Императора Александра, гр. Ив. Каподистрія, родившемуся на о. Корфу (1776 г.) и получившему высшее образованіе въ университетахъ з. Европы [1]). Мысль гр. Каподистрія нашла сочувствіе въ сердцѣ великаго Государя, великаго, какъ писалъ гр. Сперанскій, „не однимъ человѣческимъ величіемъ". Гр. Ив. Каподистрія, какъ извѣстно, принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи „Устава образованія Бессарабской области" 1818 г., въ главѣ котораго „права и преимущества бессарабскихъ жителей" говорится и о цыганахъ. Мало того. Гр. Каподистрія до момента оставленія русской службы постоянно выступалъ дѣятельнымъ участникомъ и въ составленіи многихъ другихъ законовъ, касавшихся управленія Бессарабскою областью. Осуществленіе мысли о колонизаціи цыганъ началось уже въ царствованіе Императора Николая I. Когда въ 1826 г.

[1]) Вѣроятно, еще въ молодости гр. Каподистрія встрѣчалъ цыганъ на своей родинѣ. Представляется весьма интереснымъ выяснить что послужило гр. Каподистріи первымъ мотивомъ гуманнаго отношенія къ цыганамъ, человѣку, извѣдавшему не мало приключеній на государственномъ и политическомъ поприщѣ. Судьба гр. Ив. Каподистрія полна превратностей и трагизма! Что было первой побудительной причиной: не дань ли первой любви, не наслѣдіе ли цыганской крови въ родѣ гр. Каподистрія, не знакомство ли его съ J. Biester'омъ, не чтеніе ли гр. Ив. Каподистрія издававшагося Biester'омъ журнала „Berliner Monatsschrift", не встрѣчи ли гр. Ив. Каподистрія съ цыганскими хорами въ салонахъ Маріи Луизы во время Вѣнскаго конгресса, не духъ ли или идеи эпохи?

цыгане узнали о намѣреніи правительства поселить ихъ на казенныхъ земляхъ съ временнымъ освобожденіемъ отъ податей и военнаго постоя, то они къ обѣщаемымъ милостямъ отнеслись несочувственно. Въ прошеніи, поданномъ въ августѣ 1826 г. гр. М. С. Воронцову, представители шестисотъ семействъ коронныхъ цыганъ класса лингурарей, говорили, что „при населеніи въ степи, гдѣ нѣтъ лѣсовъ, и гдѣ нельзя заниматься привычными промыслами, они подвергнутся неминуемой гибели“ [1]).

Вопреки желанію цыганъ выходитъ въ 1829 г. (9 февр.) законъ о поселеніи бессарабскихъ коронныхъ цыганъ на казенныхъ земляхъ. Для поселенія были избраны мѣстной администраціей свободныя земли Аккерманскаго уѣзда, тогда какъ представители цыганъ просили отвести земли въ Хотинскомъ уѣздѣ, какъ болѣе соотвѣтствующемъ ихъ образу жизни и занятіямъ. Мѣстныя власти не вняли голосу и просьбѣ цыганъ. Примѣненіе закона на мѣстѣ замедлилось на годъ, такъ какъ въ 1829 г. появилась въ Бессарабіи нежданная гостья-чума. Исполненіе закона было возложено на бессарабское областное правленіе подъ высшимъ надзоромъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора [2]). Такъ какъ областное правленіе имѣло много другихъ дѣлъ, то оно поручило процессъ колонизаціи (исполнительная функція) своему органу, такъ называемой конторѣ коронныхъ цыганъ, учрежденію, основанному еще въ 1813 г. при Бессарабскомъ областномъ правительствѣ и снабженному въ 1818 г. особой инструкціей. Компетенція конторы, установленная Бессарабскимъ верховнымъ совѣтомъ съ аппробаціи полномочнаго намѣстника, состояла въ слѣдующемъ: 1) завѣдываніе всѣми коронными и спорными цыганами Бессарабіи, 2) регистрація рожденій, браковъ и смертей, равно имущества цыганъ,

---

[1]) Въ это время гр. Каподистрія уже не было въ Россіи.

[2]) Подробное изложеніе мѣръ колонизаціи цыганъ въ Бессарабіи на казенныхъ земляхъ въ связи съ положеніемъ цыганъ въ этой области и съ очеркомъ управленія послѣдней въ первой половинѣ XIX ст. составитъ отдѣльный вопросъ.

3) утвержденіе въ должности выборныхъ цыганскихъ старшинъ, 4) выдача паспортовъ и билетовъ, 5) представленіе отчетовъ начальству, 6) назначеніе смотрителей для каждаго класса цыганъ, 7) надзоръ за раскладкой податей, 8) защита цыганъ отъ притѣсненій третьими лицами и поощреніе къ трудолюбію, и 9) рѣшеніе маловажныхъ споровъ между цыганами. Почти всѣ эти функціи сохранены были за конторою до момента ея закрытія (1893 г.).

Бессарабскіе цыгане въ моментъ ихъ поселенія раздѣлялись на крѣпостныхъ, свободныхъ и спорныхъ. Спорными назывались тѣ цыгане, на которыхъ предъявляли иски помѣщики, и считались таковыми до пріобрѣтенія помѣщиками права владѣнія по суду. Въ спорахъ между казной и помѣщиками onus probandi лежалъ на помѣщикахъ. Казенные въ свою очередь дѣлились на три класса или сословія: 1) лингурарей, 2) урсарей и 3) лаешей. Лингурари были почти осѣдлыми; напротивъ, лаеши были вполнѣ бродячими; лингурари же составляли въ этомъ отношеніи нѣчто среднее. Лингурари жили на помѣщичьихъ и монастырскихъ вотчинахъ, то въ лѣсахъ, то при сельскихъ общинахъ; хотя въ хлѣбопашествѣ они были мало исскусными, однако сѣяли кукурузу (папушу), кортофель, отчасти пшеницу, овесъ и зелень для своего продовольствія, обработывая землю рыскаломъ и сапою. Многіе изъ нихъ занимались изготовленіемъ деревянной посуды и вообще издѣлій изъ дерева. Урсари занимались по преимуществу кузнечнымъ ремесломъ, рѣдко сѣя даже кукурузу. Жившихъ въ городахъ урсарей можно назвать осѣдлыми, такъ какъ они имѣли въ городахъ домики и кузни, тогда какъ деревенскіе урсари передвигались съ мѣста на мѣсто и преимущественно туда, гдѣ былъ спросъ на ихъ работу. Напротивъ лаеши любившіе жить въ одиночку, постоянно переходили съ мѣста на мѣсто; они занимались, живя въ шатрахъ, разными мелочными издѣліями изъ желѣза.

Въ первые два года послѣ выхода закона явились два затрудненія для веденія правильнаго поселенія: чума (1829 г.) и неурожай (1831 г.). Главный контингентъ поселенцевъ со-

ставили преимущественно тѣ изъ лингурарей, которые были мало знакомы съ разными отраслями сельскаго хозяйства. Отъ поселенія отказывались тѣ цыгане-лингурари, которые, живя при молдавскихъ общинахъ, занимались сельскимъ хозяйствомъ. Въ число поселенцевъ попали отчасти выходящіе изъ Молдавіи. Отведенные участки въ Аккерманскомъ уѣздѣ (селеніе Каиръ и Фараоновка) не нравились цыганамъ. Поселенцы указывали что эти участки не имѣютъ ни лѣса, ни воды.

Общія права поселенцевъ были такими же, какъ и права прочихъ коронныхъ цыганъ. Поселенцы Каиръ и Фараоновки получили слѣдующія льготы: 1) по 30 дес. на семью, 2) по 23 р. 50 к. на построеніе жилищъ для каждой семьи=700 р., 3) по 2 четверти разнаго хлѣба на первый посѣвъ=9,500 р., 4) освобожденіе отъ платежа казенныхъ податей на 4 года и свободу отъ военнаго постоя и 5) по 125 р. на каждое семейство съ возвратомъ чрезъ 4 года для покупки скота и хозяйственныхъ принадлежностей=41 тыс. р. Такія льготы и субсидіи должны были получить и послѣдующіе поселенцы. Затѣмъ въ неурожайный годъ (1833 г.) правительство дало поселенцамъ ссуду въ размѣрѣ 1,083 р.

Не смотря на такія щедрыя пожертвованія зажиточные и осѣдлые цыгане не переселялись на казенныя земли, видя воочію, что дѣло колонизаціи ведется плохо. Контора вмѣсто того, чтобы поощрять цыганъ къ домостроительству и хозяйству, отдавала отведенные участки въ арендное содержаніе постороннимъ лицамъ, поощряя цыганъ къ уходу на сторону. Управляющій конторою дошелъ до того, что поселилъ цыганъ, желавшихъ водвориться на казенныхъ участкахъ, на арендованной его женою землѣ. Послѣ того какъ часть водворившихся въ селеніи Каиръ и Фараоновкѣ цыганъ ушла по случаю неурожая 1833 г. на сторону ради заработковъ и затѣмъ вернулась на новую родину, то и увидѣла, что ихъ земля отдана въ аренду. Аккерманскій стряпчій, ревизуя въ 1836 г. дѣла этихъ двухъ колоній, обнаружилъ „большое неустройство и безпорядокъ, происшедшій отъ ма-

лаго вниманія управляющаго конторою, державшаго даже силою цыганъ, намѣревавшихся селиться на казенныхъ участкахъ, на арендуемой его женою землѣ". Затѣмъ выяснилось, что управляющій даже не объявилъ цыганамъ Высочайшаго указа. Изъ всего количества отведенной для поселеній земли (21 тыс. дес.) цыгане (660 мужч. и 700 женщ.) получили 9,948 дес., образовавъ два поселенія, Каиръ и Фараоновку. Заселеніе прочихъ участковъ встрѣтило массу затрудненій. Словомъ, неудача колонизаціи послѣдовала отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ: 1) отъ малаго вниманія къ этому дѣлу высшихъ органовъ областнаго управленія, 2) отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій: холеры и двухъ неурожаевъ, 3) отъ непониманія мѣстною административною властью тѣхъ высшихъ задачъ, которыя преслѣдовали вообще центральное правительство при пріученіи казенныхъ цыганъ къ осѣдлости и трудолюбію и 4) отъ злоупотребленія властью управляющаго конторою, котораго отъ судебнаго преслѣдованія спасла смерть.

Что почти всѣ коренные цыгане Бессарабіи (исключая, быть можетъ, лаешей), при правильномъ и разумномъ веденіи дѣла колонизаціи, могли бы заселить отведенные участки, такъ это можно заключить: 1) изъ того хозяйственнаго положенія, въ которомъ вообще находились коронные цыгане, и 2) изъ отзывовъ о нихъ мѣстныхъ жителей. Въ первый моментъ перехода коронныхъ цыганъ въ вѣдѣніе Дунайскаго казачьяго войска (1839—1842 г.г.) они не представляли ни безхозяйственнаго, ни бродячаго населенія. Изъ собранныхъ войсковымъ начальствомъ данныхъ видно, что коронные цыгане (487 сем.) не поселенные на казенныхъ земляхъ, имѣли (1842 г.) приблизительно 230 воловъ, 107 лошадей, 367 коровъ и 545 штукъ мелкаго скота, при чемъ высѣвали: 60 четвериковъ ржи, 128 ч. пшеницы, 289 четвериковъ кортофеля и 744 четверика кукурузы. Многіе изъ нихъ садили зелень, а нѣкоторые, хотя и весьма не многіе, имѣли виноградники. Только 30 семей изъ лингурарей и сельскихъ урсарей ничего не сѣяли отчасти по неимѣнію скота, от-

части по нерадѣнію, отчасти вслѣдствіе занятія иными промыслами. Всѣ эти цыгане жили въ Ясскомъ (Бѣлецкомъ), Кишиневскомъ и Огѣевскомъ уѣздахъ. Лоеши жили главнымъ образомъ въ предѣлахъ Измаильскаго цынута.

А что коронные цыгане вообще были порядочными хозяевами, такъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ 1842 г. наказной атаманъ Дунайскаго казачьяго войска въ докладѣ генералъ-губернатору. „Разспросивъ", читаемъ въ докладѣ, „стариковъ старожиловъ поселеній, священниковъ, поссесоровъ и помѣщиковъ, которые показали, что казаки изъ цыганъ, именно лингурари и нѣкоторые изъ лаешей пріобрѣли въ собственность бурдеи, никогда не кочевали и не кочуютъ шатрами, многіе даже вошли въ родственныя связи съ жителями и временемъ пріобрѣли пахотныя поля посредствомъ выкапыванія кореньевъ деревьевъ. Добропорядочный образъ жизни тѣхъ казаковъ изъ цыганъ свидѣтельствуется и тѣмъ, что по дѣламъ, заведеннымъ бывшей конторы коронныхъ цыганъ съ 1815 г. и переданнымъ въ войско, не видно, чтобы бывшіе коронные цыгане лингурари и лаеши впадали въ какія либо преступленія".

Даже религіозно-нравственное состояніе коронныхъ цыганъ было удовлетворительнымъ, такъ напр., Оргѣевскій старшій благочинный доносилъ въ 1842 г. наказному атаману Дунайскаго казачьяго войска, что „неслужащіе казаки изъ цыганъ всѣ съ семействами исповѣдывались и пріобщались Св. Тайнъ". Игументъ монастыря при с. Цыганештахъ доводилъ въ 1843 г. до свѣдѣнія наказнаго атамана, что „цыгане дѣйствительно и постоянно ходятъ въ монастырскую церковь для слушанія церковнаго служенія, ежегодно всѣ исповѣдаются и пріобщаются Св. Тайнъ".

Въ заключеніе нашего очерка мы вкратцѣ намѣтимъ основы общиннаго устройства казенныхъ цыганъ Бессарабіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Цыганская община (чата), обнимая различное число семей (10—100), не представляла отдѣльной, строго замкнутой соціальной единицы. Каждая община приходила чрезъ

своихъ представителей въ сношенія и связь съ другими, хотя бы общины и были отдѣлены другъ отъ друга большимъ или меньшимъ пространствомъ. Съ общиннымъ строемъ не мирилось большинство лаешей и спорныхъ цыганъ, предпочитавшихъ родовое устройство и родовыхъ властей выборнымъ.

Нѣкоторыя цыганскія общины, за исключеніемъ городскихъ цыганскихъ обществъ, иногда сливавшихся съ мѣщанскими, были общинами подвижными и въ этомъ отношеніи напоминали подвижныя русскія артели и артели переселенцевъ. Въ тѣхъ вопросахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогивались интересы цыганъ всѣхъ или многихъ общинъ, представители ихъ собирались, разсуждали и дѣйствовали сообща, такъ напр., при общей годовой раскладкѣ податей, при подачѣ прошеній органамъ правительства.

Община представляла единое, органически связанное цѣлое. Связь членовъ общины коронныхъ цыганъ была проникнута: 1) для всѣхъ цыганъ сознательнымъ историческимъ прошлымъ, хотя и непродолжительнымъ; 2) отношеніями хозяйственными; 3) юридическими; 4) соціальными, и 5) нравственными.

Сознательная идея о прошломъ выражалась въ томъ, что цыгане (особенно лингурари) во многихъ случаяхъ указывали русскимъ властямъ о томъ, какъ они жили въ Бессарабіи при турецкомъ господствѣ, какими пользовались тогда правами и какому управленію подлежали.

Хозяйственная связь членовъ выступала особенно рельефно, что видно изъ договоровъ, заключавшихся цыганами съ помѣщиками и монастырями при арендѣ земель для поселенія и обработки, и изъ способа раскладки податей, уплачивавшихся соразмѣрно зажиточности отдѣльной семьи. Въ этихъ договорахъ поражаетъ читателя своеобразная цыганская сообразительность и при томъ такая, какая была у цеховыхъ мастеровъ въ періодъ процвѣтанія цеховаго строя въ Западной Европѣ. Цыганская община заботилась о хозяйствѣ не только наличныхъ членовъ, но и имѣющихся стать трудоспособными. Въ договорахъ объ арендѣ земли цыгане

выговариваютъ, чтобы землевладѣльцы, при естественномъ увеличеніи членовъ, къ отданному въ аренду участку прирѣзывали часть земли, необходимую для прокормленія и работы новыхъ членовъ, имѣющихъ сдѣлаться способными къ труду, и при томъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ заключенъ первоначальный договоръ. Цыгане знали, что они подлежатъ дѣйствію закона Мальтуса. Всѣ писатели о цыганахъ единогласно утверждаютъ, что цыгане всюду плодливы. То же самое можно сказать и о бессарабскихъ коронныхъ цыганахъ.

Юридическая связь членовъ выступала при заключеніи гражданскихъ сдѣлокъ съ третьими лицами, напр., при заключеніи договоровъ объ арендѣ земли, въ договорахъ о поставкѣ мулловъ, рабочихъ для уборки жатвы и проч. Хотя при заключеніи подобныхъ договоровъ участвовали только представители, но отвѣчали всѣ члены лично и имуществомъ. Юридическая связь членовъ переходила въ юридико-политическую для отправленія правосудія и въ цѣляхъ управленія.

Всѣ дѣла по спорамъ между цыганами рѣшались обычнымъ судомъ [1]). Хотя законъ дозволялъ для рѣшенія споровъ обращаться къ чиновникамъ конторы, но цыгане весьма рѣдко обращались къ нимъ. Во главѣ общины стоялъ выборный булукбашъ, лицо, не старое и не молодое. Цыганскій староста выступалъ посредникомъ между общиною и конторою. Онъ собиралъ подати и передавалъ смотрителю конторы. Когда же смотрители стали обращаться небрежно съ казенными суммами, то цыгане выхлопотали право взноса денегъ чрезъ своихъ старшинъ въ Оргѣевское казначейство, представляя конторѣ только квитанціи казначейства.

Соціальная связь проявлялась въ томъ, что цыгане помогали своимъ товарищамъ въ моменты несчастья, такъ напр., когда свободнаго цыгана забиралъ какой-либо помѣщикъ, то

---

[1]) Какую роль играли въ общинѣ такъ называемые джюди намъ не удалось выяснить до сихъ поръ. То же самое мы скажемъ о власти и правахъ башъ-булукбашей.

остальные заботились освободить арестованнаго, или когда полиція брала подъ арестъ совершившаго преступленіе или проступокъ, то сотоварищи предлагали полиціи выкупъ. Цыганская порода обладала сильнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Многіе цыгане, приходившіе въ Бессарабію изъ Молдавіи и желавшіе остаться навсегда въ предѣлахъ Россіи, должны были прибѣгать къ защитѣ властей, чтобы не быть увезенными силою въ Молдавію своими однообщинниками. Много горя иногда терпѣли и цыгане, желавшіе жениться на молдаванкахъ. Цыганская община отбивала такихъ жениховъ не только отъ родителей невѣсты, но и отъ членовъ молдаванскаго общества.

Къ перечисленнымъ такъ сказать естественнымъ связямъ цыганской общины слѣдуетъ причислить искусственную, именно финансовую, такъ какъ русское правительство послѣ присоединенія Бессарабіи возложило на общину подъ круговою порукою членовъ уплату податей. Хотя правительство и предоставило право члену общины жаловаться конторѣ въ случаѣ непомѣрнаго обложенія (не по „состоянію") его податью, однако мы не встрѣчали такихъ жалобъ со времени учрежденія конторы (1813 г.) до ея закрытія (1839 г.), тогда какъ намъ приходилось читать жалобы всей общины на булукбашей, обременявшихъ податями всѣхъ членовъ.

Проф. П. Шейминъ.

ЗАКОНЪ 2-ГО ІЮНЯ 1897 Г. О МАЛОЛѢТНИХЪ И НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ ВЪ ПРОЦЕССУАЛЬНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Появившаяся въ январьской книгѣ „Журнала Юридическаго Общества“ за 1898 г. статья г. І. Будзилевича, при всей своей обстоятельности и солидныхъ достоинствахъ, не исчерпываетъ многихъ недостатковъ закона 2-го іюня 1897 г. какъ въ редакціонномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Число работъ, посвященныхъ этому предмету въ нашей литературѣ, пока еще не велико, а затрудненій по примѣненію новаго закона въ жизни очень много. Нынѣ Министерство Юстиціи живо интересуется примѣненіемъ закона въ судебной практикѣ, дѣлая запросы прокурорамъ и предсѣдателямъ судебныхъ установленій; а на эти запросы не отъ всѣхъ еще должностныхъ лицъ получены отвѣты. Возникшими и возникающими въ практикѣ затрудненіями не могутъ не интересоваться и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и высшія духовныя установленія. Это—и понятно: новый законъ захватываетъ огромную область разныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. На эти затрудненія по вопросу о принятіи необходимыхъ мѣръ пресѣченія по 416 ст. уст. угол. суд. указываетъ и г. Н. Борщъ въ № 49 „Судебной Газеты“ 1897 г., заявляя, что примѣненіе новаго закона въ губерніяхъ Царства Польскаго почти невозможно, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ нѣтъ ни исправительныхъ колоній, ни пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ, ни монастырей. Тоже самое гово-

ритъ и г. А. Элленбогенъ въ № 47 той-же газеты; но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Элленбогенъ очень вѣско и серьезно указываетъ и на другіе очень важные недостатки закона 2-го іюня 1897 г.

Раздѣляя воззрѣнія г. Элленбогена и Будзилевича, считаю не лишнимъ предложить вниманію г.г. юристовъ и судебныхъ дѣятелей и мои скромныя замѣчанія по этому-же предмету.

Я нахожу, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ интересующаго насъ закона замѣчается прежде всего вредное многословіе и совсѣмъ ненужныя повторенія, а въ другихъ—разныя недомолвки, противорѣчія и неточности, которыя неминуемо требуютъ разъясненій, дополненій и устраненія возникающихъ въ судебной практикѣ чуть не на каждомъ шагу недоумѣній.

О томъ, что несовершеннолѣтніе отъ 10 до 17 лѣтъ могутъ быть отдаваемы „въ монастыри ихъ вѣроисповѣданія, если . . . по предварительномъ сношеніи съ мѣстными архіереями", сказано ни болѣе, ни менѣе какъ четыре раза: въ статьѣ 137¹ улож. о нак. и въ статьяхъ 77², 416² и 184² уст. угол. суд.,—въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, и, слѣдовательно, текстъ закона, и безъ того уже пространно и сбивчиво изложенный, напрасно увеличенъ, по крайней мѣрѣ, на 30 строкъ. А краткость, простота и ясность—первое достоинство всякаго закона. Нѣкоторымъ оправданіемъ этому многословію можетъ служить развѣ только то соображеніе, что нынѣ въ роли судебныхъ установленій фигурируютъ полусудебные и полуадминистративные земскіе начальники, какіе-то уѣздные члены и т. д., а пестрота судебныхъ учрежденій volens-nolens ведетъ къ многословію и повтореніямъ.

Въ ст. 591¹ сказано, что *судебное засѣданіе* не можетъ быть открыто *въ отсутствіе защитника*, между тѣмъ какъ въ интересахъ точности и послѣдовательности надо было выразиться: „въ отсутствіе родителей или попечителей, или избраннаго ими или назначеннаго безъ ихъ просьбы предсѣдателемъ защитника". По редакціи разбираемой статьи за-

кона можно было бы ошибочно заключить, что и при нахожденіи въ судѣ родителей или попечителей, въ отсутствіе защитника, нельзя открыть судебное засѣданіе. Но такой выводъ былъ-бы не вѣренъ, ибо отъ воли и усмотрѣнія родителей или попечителей зависитъ—избрать-ли или не избрать защитника, явиться-ли имъ самимъ въ судъ или не явиться, прислав для сего повѣреннаго (защитника), а предсѣдатель обязанъ назначить защитника по 566[1] ст. лишь въ случаѣ неизбранія его самимъ подсудимымъ, его родителями или попечителями, и когда такой избранный защитникъ не явится къ открытію судебнаго засѣданія безъ „уважительныхъ оправданій своей неявки“ (ст. 591[1]). Слѣдовало выразиться: безъ уважительнаго оправданія, а еще лучше: безъ уважительной причины, ибо достаточно и одной законной, а слѣдовательно и уважительной, причины. Но въ послѣднемъ случаѣ, для соблюденія требованія 566[1] статьи, предстояло бы уже *отложить судебное засѣданіе* для того, чтобы назначенный предсѣдателемъ защитникъ имѣлъ время ознакомиться съ дѣломъ и какъ слѣдуетъ подготовиться къ защитѣ. Отсюда—неизбѣжная медленность въ движеніи дѣла.

Повѣренные истца и отвѣтчика и вообще участвующихъ въ дѣлѣ лицъ существуютъ только въ гражданскомъ процессѣ. Въ уголовномъ же—имѣются защитники подсудимаго и повѣренные гражданскаго истца. Судебная практика, кромѣ того, допускаетъ по уголовнымъ дѣламъ и повѣренныхъ частнаго обвинителя. Между тѣмъ въ законѣ 2-го іюня 1897 г. то употребляется выраженіе „защитникъ“ (ст. 566[1]), то „повѣренный“ (ст. 581[1]), тогда какъ несовершеннолѣтніе, въ качествѣ обвиняемыхъ и подсудимыхъ, только и могутъ пользоваться услугами и помощью *защитниковъ, но никакъ не повѣренныхъ*: никакихъ довѣренностей они выдавать не вправѣ. Зачѣмъ-же такая неточность въ законѣ, когда ее легко можно было избѣжать, для чего защитниковъ слѣдовало назвать ихъ-же именемъ, то есть защитниками, а не повѣренными.

Со введеніемъ въ дѣйствіе закона 2-го іюня 1897 г., вопреки намѣреніямъ и ожиданіямъ законодателя, усили-

вается и какъ бы узаконяется и безъ того уже замѣчаемая *медленность* производства въ нашихъ судахъ. Выше я сказалъ, что иногда приходится откладывать судебное засѣданіе для того только, чтобы назначенный предсѣдателемъ защитникъ имѣлъ время изучить дѣло и подготовиться къ защитѣ. Кромѣ того, на основаніи 556[1] ст., копія съ обвинительнаго акта или съ жалобы частнаго обвинителя со спискомъ лицъ передается не только родителямъ или попечителямъ, *но и самому несовершеннолѣтнему*. Послѣднее правило имѣло бы raison d'être, еслибъ и несовершеннолѣтній, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ, имѣющій право избрать себѣ защитника (ст. 566[1]), пользовался бы и правомъ, предоставленнымъ его родителямъ или попечителямъ, просить судъ о вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ въ семидневный срокъ, установленный 557-ю статьею. Но о такомъ правѣ несовершеннолѣтняго подсудимаго умалчиваетъ— и не безъ основанія—556[1] ст. новаго закона, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что *такого права у него нѣтъ*, а если бъ оно и было, то едва ли бы несовершеннолѣтній могъ воспользоваться этимъ правомъ по той причинѣ, что по своей молодости и неопытности онъ не могъ бы сообразить, какіе именно дополнительные свидѣтели и эксперты могли бы дать показаніе въ его пользу. Между тѣмъ указанное въ 556[1] ст. *право для родителей или попечителей* вызывать свидѣтелей и экспертовъ по 557 ст. въ семидневный срокъ теперь, повидимому, *должно быть увеличено въ пользу несовершеннолѣтняго* подсудимаго еще не менѣе какъ на недѣлю чрезъ предоставленіе таковаго-же срока и назначенному предсѣдателемъ защитнику, ибо такой защитникъ, въ силу 566[1] ст., назначается *по истеченіи срока*, указаннаго въ 557 ст., если защитникъ не былъ избранъ ни самимъ подсудимымъ, ни его родителями или попечителями. Полагать же, что назначенный предсѣдателемъ защитникъ по закону 2-го іюня 1897 года лишенъ этого права, какъ скоро сами родителели или попечители не воспользовались имъ въ срокъ по 557 ст., нѣтъ достаточнаго основанія, ибо отнынѣ всякая неуспѣш-

ность защиты, безъ вызова и по причинѣ невызова судомъ по ея требованію свидѣтей, могла бы быть оправдываема для защитника незаконнымъ воспрещеніемъ ему сосстороны суда сдѣлать все, что онъ по совѣсти считалъ нужнымъ сдѣлать въ отношеніи несовершеннолѣтняго подсудимаго, а между тѣмъ для оправданія его онъ, защитникъ, считалъ такой вызовъ свидѣтелей и экспертовъ безусловно необходимымъ, хотя-бы родители или попечители по небрежности своей, неумѣлости или незнанію закона и пропустили предоставленный имъ 557 ст. семидневный срокъ.

Законъ 2 іюня 1897 г. безъ очевидной необходимости вводитъ въ жизнь и судебную практику *новый разрядъ защитниковъ* изъ состоящихъ при судѣ чиновниковъ или изъ согласившихся на то благонадежныхъ постороннихъ лицъ, не говоря уже о частныхъ повѣренныхъ, которыхъ прежде, какъ неуказанныхъ въ 566 ст., предсѣдатели были не въ правѣ назначать. Но надо полагать, что отнынѣ и *для частныхъ повѣренныхъ наступила судебная повинность* въ отношеніи обязательной и безвозмездной защиты несовершеннолѣтнихъ. А такъ какъ почти всѣ они въ полнѣ благонадежны и по нравственнымъ качествамъ, и по своимъ познаніямъ, то привлеченіе частныхъ повѣренныхъ къ защитѣ несовершеннолѣтнихъ слѣдуетъ признать удачною законодательною мѣрою. Едва-ли кто изъ такихъ повѣренныхъ будетъ уклоняться отъ исполненія этой почтенной обязанности, не рискуя скомпрометировать свою репутацію во мнѣніи судей и общества. Я полагаю даже, что и частныхъ повѣренныхъ, наравнѣ съ присяжною адвокатурою, слѣдовало бы привлечь къ безвозмездной защитѣ по просьбѣ бѣдняковъ-подсудимыхъ и арестантовъ, не ограничиваясь возложеніемъ на нихъ защиты однихъ только несовершеннолѣтнихъ. Однако, посмотримъ, что это за новый разрядъ непрофессіональныхъ защитниковъ и могутъ ли они въ дѣйствительности быть защитниками при всей своей нравственной благонадежности.

Подъ *чиновниками* при судѣ слѣдуетъ понимать: секретарей, помощниковъ секретаря, кандидатовъ на судебныя

должности, не различая старшихъ отъ младшихъ, судебныхъ приставовъ и писцовъ, пользующихся правами государственной службы. Слѣдовательно, подъ эту категорію украшенныхъ кокардой лицъ не подойдутъ вольнонаемные письцы и судебные разсыльные. Объ архиваріусахъ и нотаріусахъ, пользующихся нѣкоторыми правами чиновниковъ, мы не будемъ говорить, также какъ и о чиновникахъ министерства юстиціи, командированныхъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: и тѣхъ, и другихъ нельзя было-бы назначить въ защитники по самому существу ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Но не говоря уже о томъ, что всѣ эти чиновники, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ кандидатовъ и секретарей, не обладаютъ *ни знаніемъ судебныхъ уставовъ и другихъ законовъ, ни достаточною независимостью* по служебному положенію,—они могли бы быть отвлекаемы ордеромъ предсѣдателя отъ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей и командируемы въ уѣздныя сессіи окружнаго суда только *на казенный счетъ*, а казна, конечно, не обладаетъ для сего средствами, выходящими изъ смѣтныхъ назначеній. То же самое слѣдуетъ замѣтить и въ отношеніи *импровизированныхъ защитниковъ* (иначе ихъ и нельзя назвать) изъ постороннихъ лицъ, какъ бы они сами по себѣ ни были благонадежны по нравственнымъ качествамъ. Мы сказали, что такой разрядъ случайныхъ защитниковъ вводится безъ очевидной необходимости. Справедливость этого вывода опирается на такое, въ сущности весьма простое, соображеніе: не было бы надобности въ такихъ импровизированныхъ защитникахъ и quasi-юристахъ, еслибъ, какъ я указывалъ уже не разъ въ своихъ писаніяхъ, на государство была бы возложена, для обезпеченія правосудія и въ интересахъ равноправности сторонъ, нынѣ почему-то почти невыполняемая имъ, священная обязанность назначать защитника изъ патентованныхъ юристовъ для каждаго подсудимаго, независимо отъ того, совершеннолѣтній-ли онъ или несовершеннолѣтній, желаетъ-ли онъ имѣть казеннаго, государственнаго защитника или не желаетъ, съ допущеніемъ, впрочемъ, и защит-

ника по избранію и частному соглашенію, подобно тому, какъ по каждому дѣлу въ общемъ порядкѣ обвиненія обвинителемъ является отъ правительства же, ex officio, прокуроръ. Правда, что при осуществленіи проектированнаго мною порядка отъ казны потребовались бы значительныя матеріальныя жертвы на вознагражденіе адвокатовъ отъ правительства на оплачиваніе ихъ командировокъ на сессіи, но за то у насъ не хромало бы правосудіе и, притомъ, вслѣдствіе того только, что многіе изъ подсудимыхъ бѣдняковъ нынѣ не въ состояніи пользоваться услугами присяжной адвокатуры.

Крайне замедляетъ теченіе уголовнаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и затрудняетъ судебныхъ слѣдователей, прокуратуру и судъ, нынѣ установленная процедура съ неизбѣжными расходами для казны, хотя бы по причинѣ одного только вознагражденія экспертовъ, для выясненія вопроса: совершилъ ли преступленіе обвиняемый, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ, *съ разумѣніемъ* или *безъ разумѣнія.*

И прежній законъ допускалъ у юнаго преступника отсутствіе разумѣнія. Но *по прежнему закону* (ст. 137 улож. о нак.) у нѣкоторыхъ изъ такихъ обвиняемыхъ предполагалась и *неполнота разумѣнія* всей важности содѣяннаго зла, которое уголовнымъ закономъ подводится подъ извѣстное преступленіе или проступокъ съ большею или меньшею отвѣтственностью по степени разумѣнія. Нынѣ, по закону 2-го іюня 1897 г., судъ можетъ признать *одно изъ двухъ*: обвиняемый или подсудимый совершилъ преступленіе *съ разумѣніемъ* или же *безъ разумѣнія,* и нельзя уже признать, что преступленіе совершено безъ полнаго разумѣнія, хотя жизнь не знаетъ скачковъ и весьма часто, въ дѣйствительности, юный преступникъ хорошо понимаетъ все значеніе совершаемаго имъ зла, знаетъ, что извѣстное дѣяніе непохвально и даже прямо воспрещено и карается закономъ, но только иной разъ онъ дѣйствуетъ крайне легкомысленно, что называется, подѣтски, необдуманно, незрѣло, не придавая всей важности своему дѣянію, и легко выдаетъ самъ себя, поль-

зуясь подѣтски же плодами своего преступленія. Нынѣ для рѣшенія вопроса: совершилъ ли несовершеннолѣтній преступленіе съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія, съ логическимъ выводомъ отсюда: слѣдуетъ ли такого обвиняемаго предать суду или же только принять въ отношеніи его исправительныя мѣры?—установлена *сложная* и очень *длинная процедура* испытанія умственныхъ способностей, которая по своимъ результатамъ можетъ оказаться иногда и очень тягостною и безполезною и даже несправедливою для несовершеннолѣтняго, если начатое слѣдственное дѣло прекращается судомъ въ распорядительномъ засѣданіи. И какая польза для общества въ этомъ случаѣ отъ такого испытанія умственныхъ способностей юнаго преступника, признаннаго совершившимъ преступленіе безъ разумѣнія? Онъ остается почти полноправнымъ членомъ того же общества, и въ отношеніи его вѣдь не принимаются судомъ такія мѣры, какія установлены въ уложеніи о наказаніяхъ для сумасшедшихъ и безумныхъ, которые содержатся въ особыхъ больницахъ и домахъ подъ наблюденіемъ врачей и психіатровъ. Прежде существовавшая и нынѣ не отмѣненная, а только дополненная, процедура освидѣтельствованія умственныхъ способностей лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіи въ порядкѣ, указанномъ 353—356 ст. въ отношеніи ея смысла и результатовъ, представляется мнѣ неизбѣжною и полезною какъ въ интересахъ самихъ обвиняемыхъ, такъ и въ интересахъ общественной безопасности. Но такой необходимости вовсе нѣтъ въ установленіи процедуры только для выясненія вопроса: совершилъ ли несовершеннолѣтній (отъ 10 до 17 лѣтъ) преступленіе съ разумѣніемъ. А между тѣмъ, какъ я постараюсь доказать ниже, эта въ дѣйствительности *совсѣмъ ненужная процедура* нынѣ, по закону 2 іюня 1897 г., совершается дважды, если дѣло доходитъ до судебнаго разбирательства: 1) *при предварительномъ слѣдствіи*, обусловливая при утвердительномъ отвѣтѣ суда въ распорядительномъ засѣданіи, на основаніи показаній свидѣтелей, объясненій родителей, заключенія экспертовъ и другихъ данныхъ, самое преданіе суду и приводя къ

прекращенію дѣла судомъ при отрицательномъ отвѣтѣ, и 2) *на судебномъ слѣдствіи*, ибо не только присяжные засѣдатели могутъ признать преданнаго ихъ суду несовершеннолѣтняго (отъ 10 до 17 лѣтъ) совершившимъ преступленіе безъ разумѣнія, но этого права не могутъ быть лишены въ судебномъ засѣданіи и коронные судьи по дѣламъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей (ст. 759). Въ послѣднемъ случаѣ оказалось бы по самому исходу уголовнаго дѣла, что несовершеннолѣтній былъ преданъ суду по ошибкѣ коронныхъ судей въ распорядительномъ засѣданіи, когда обвиняемый былъ признанъ совершившимъ преступленіе съ разумѣніемъ. Но для совѣсти и достоинства коронныхъ судей всетаки будетъ легче признаться, хотя и поздно, въ послѣдующей стадіи уголовнаго процесса, въ ошибочномъ постановленіи такого опредѣленія, которое роковымъ образомъ повело за собою преданіе суду, чѣмъ доводить свою ошибку до конца, то есть обвинить подсудимаго во что бы то ни стало, лишь бы явно не компрометировать свою судейскую внимательность и опытность, признавъ наличность разумѣнія въ дѣяніи подсудимаго, хотя въ дѣйствительности, какъ оказалось въ судебномъ засѣданіи, это дѣяніе совершено имъ безъ разумѣнія. Процессуальныя *осложненія* могутъ возникнуть и вслѣдствіе того только, что въ судебномъ засѣданіи могутъ присутствовать *не тѣ судьи*, которые участвовали въ распорядительномъ засѣданіи, или же можетъ оказаться и такой судья, который остался въ распорядительномъ засѣданіи при особомъ мнѣніи. Тогда уже можетъ возникнуть и вопросъ о законности личнаго состава судебнаго присутствія.

Но нужна ли самая процедура испытанія умственныхъ способностей *при предварительномъ слѣдствіи* по вопросу о разумѣніи? Мнѣ, конечно, отвѣтятъ, не вдумавшись основательно въ этотъ вопросъ: „да, нужна, ибо отъ этой процедуры зависитъ—предать ли обвиняемаго несовершеннолѣтняго суду или же прекратить о немъ дѣло, такъ сказать, въ административномъ порядкѣ съ принятіемъ лишь извѣстныхъ исправительныхъ мѣръ и безъ особаго судебнаго разби-

рательства“. И на поверхностный взглядъ такой отвѣтъ можетъ показаться серьезнымъ и вѣскимъ. А я отвѣчу, что въ такой процедурѣ для правосудія нѣтъ *ни малѣйшей надобности*. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь на то и существуютъ полицейскія власти, производящія дознаніе, и судебныя власти въ лицѣ судебныхъ слѣдователей, прокуратуры и суда, чтобы по ихъ записаннымъ въ дѣлѣ даннымъ, личнымъ впечатлѣніямъ и письменной работѣ составить болѣе или менѣе вѣрное представленіе или *заключеніе, по самымъ обстоятельствамъ дѣла*,—совершено ли преступленіе съ разумѣніемъ. Не спорю: видѣть обвиняемаго, слышать объясненія его самого и его-же родителей, свидѣтелей и экспертовъ—все это въ совокупности можетъ дать болѣе основательный матеріалъ для правильнаго рѣшенія судьями вопроса о разумѣніи, чѣмъ когда судьи знакомятся съ этими же данными сперва только по дознанію и актамъ предварительнаго слѣдствія. Однако, *на основаніи того-же дознанія и тѣхъ-же слѣдственныхъ актовъ заглазно для судей предаютъ же обвиняемаго суду*, и нерѣдко судьи видятъ подсудимаго въ первый разъ только на скамьѣ подсудимыхъ въ судебномъ засѣданіи. Если возможно заглазно и все-таки основательно рѣшить очень важный вопросъ о преданіи суду, то почему-же нельзя заглазно и столь-же основательно рѣшить вопросъ и о томъ, обнаружилъ-ли обвиняемый несовершеннолѣтній своими дѣйствіями, самою своею личностью и поведеніемъ столько разумѣнія имъ содѣяннаго зла, что всего этого и прежде всего—разумѣнія достаточно для преданія суду. Зачѣмъ-же безъ крайней необходимости усложнять уголовный процессъ? А развѣ разрѣшеніе судомъ вопроса о разумѣніи въ распорядительномъ засѣданіи, хотя-бы и путемъ экспертизы, со всѣми нынѣ требуемыми формальностями, есть *нѣчто непреложное* и незыблемое по своей правильности? Развѣ утвердительный или отрицательный отвѣтъ суда на этотъ вопросъ въ распорядительномъ засѣданіи есть нѣчто безошибочное? Ничуть. Такая сложная процедура съ предварительными допросами чрезъ судебнаго слѣдователя, съ объясненіями самого обви-

няемаго и лицъ близкихъ къ нему, съ заключеніями экспертовъ и съ письменнымъ, а затѣмъ и съ словеснымъ заключеніемъ прокурора, по вопросу о разумѣніи, конечно, только до нѣкоторой степени гарантируютъ правильность или основательность преданія суду или прекращенія дѣла, а въ случаѣ *разномыслія судей съ прокуроромъ* и этотъ вопросъ окончательно разрѣшается, по 528 ст., въ распорядительномъ засѣданіи *судебной палаты* и, можетъ быть, даже съ такою же сложною процедурою, какая была произведена въ низшей инстанціи суда, въ періодъ нахожденія въ окружномъ судѣ дѣла, предложеннаго суду прокуроромъ съ письменнымъ заключеніемъ по вопросу о разумѣніи. А кромѣ того, въ случаѣ преданія суду, *провѣрка* правильности заключенія суда, выраженнаго въ распорядительномъ засѣданіи, по вопросу о разумѣніи, нынѣ *можетъ быть сдѣлана и въ судебномъ засѣданіи* въ присутствіи присяжныхъ, на разрѣшеніе которыхъ все-таки обязательно ставится вопросъ о разумѣніи (ст. 759). Тотъ же вопросъ обязаны разрѣшать въ судебномъ засѣданіи и сами коронные судьи по дѣламъ безъ присяжныхъ.

Положимъ, несовершеннолѣтній, въ возрастѣ отъ 10 или отъ 14 до 17 лѣтъ, совершилъ кражу или самовольную порубку, или оскорбилъ частное или должностное лицо. Неужели и при обвиненіи въ такихъ *простыхъ и всѣмъ понятныхъ преступленіяхъ* и даже *проступкахъ*, за которые иногда полагается только денежное взысканіе или выговоръ, нужна сложная процедура предварительнаго освидѣтельствованія по одному только вопросу: совершено ли это дѣяніе, проступокъ, съ разумѣніемъ и слѣдуетъ ли обвиняемаго предать суду? А если предварительное слѣдствіе по какимъ-либо случайнымъ, произвольнымъ или даже законнымъ, причинамъ замедлилось и между моментомъ совершенія преступленія и временемъ испытанія умственныхъ способностей обвиняемаго прошелъ *значительный промежутокъ времени*—полгода, годъ и больше, то заключеніе суда въ распорядительномъ засѣданіи по вопросу о разумѣніи можетъ оказаться и ошибочнымъ по

той въ сущности простой и естественной причинѣ, что къ моменту освидѣтельствованія несовершеннолѣтній можетъ обнаружить своею уже возмужавшею личностью и объясненіями достаточно разумѣнія, а преступленіе до возмужанія все-таки въ дѣйствительности было совершено имъ безъ разумѣнія. Какое же послѣ всего этого значеніе самой процедуры освидѣтельствованія по вопросу о разумѣніи? Въ большинствѣ случаевъ это только пустая и вредная для естественнаго теченія процесса *формалистика*. Да еще въ судебной практикѣ представляется спорнымъ и самый вопросъ: по дѣламъ *въ частномъ порядкѣ обвиненія* обязанъ-ли прокуроръ предлагать дѣло суду съ своимъ письменнымъ заключеніемъ по вопросу о разумѣніи? Но разъ уже такая процедура установлена, приходится восполнять пробѣлы и изыскивать способы къ наиболѣе правильному примѣненію закона.

Высказываясь вообще противъ этой процедуры, я все-таки держусь того мнѣнія, что и по дѣламъ *уголовно-частнымъ* прокуроръ обязанъ предлагать суду такое заключеніе, ибо вопросъ о разумѣніи на предметъ умѣстности и возможности преданія суду или прекращенія дѣла съ принятіемъ указанныхъ въ законѣ мѣръ долженъ выясняться и разрѣшаться въ интересахъ правосудія ex officio независимо отъ свойства и рода дѣлъ. Вѣдь и до изданія закона 2-го іюня 1897 г. прокуроръ предлагалъ суду заключеніе объ освидѣтельствованіи обвиняемаго въ психіатрическомъ отношеніи (ст. 353—356) и по дѣламъ уголовно-частнымъ. Но и безъ такой процедуры, до изданія новаго закона, судебные слѣдователи развѣ не выясняли этотъ же вопросъ показаніями родителей, родственниковъ и сосѣдей? Правда, врачи приглашались тогда только въ исключительныхъ случаяхъ, когда несовершеннолѣтній обвиняемый обнаруживалъ своими дѣйствіями признаки психическаго разстройства. Но я все-таки рѣшаюсь утверждать, что и тогда дознаніе и предварительное слѣдствіе въ мало-мальски опытныхъ и умѣлыхъ рукахъ всегда давали и безъ нынѣ установленной закономъ 2-го іюня

1897 г. процедуры достаточно полный матеріалъ для болѣе или менѣе вѣрнаго и безошибочнаго сужденія о разумѣніи и даже о самой степени разумѣнія (полное или неполное). Уголовный законъ о полномъ и неполномъ разумѣніи въ его прежней редакціи (ст. 137 улож.) совсѣмъ уже не такъ плохъ, чтобы его необходимо было измѣнить.

Да и зачѣмъ вся эта процедура, какъ скоро окружный судъ согласился бы въ распорядительномъ засѣданіи съ письменнымъ и словеснымъ заключеніемъ прокурора о прекращеніи дѣла въ отношеніи несовершеннолѣтняго безъ преданія суду и съ принятіемъ, однако, тѣхъ или другихъ законныхъ и необходимыхъ мѣръ въ видѣ отдачи несовершеннолѣтняго подъ отвѣтственный надзоръ родителей или попечителей, съ заключеніемъ въ исправительный пріютъ и т. д.

Въ судебной практикѣ представляется спорнымъ и такой вопросъ: предлагая дѣло суду съ письменнымъ заключеніемъ о необходимости испытанія умственныхъ способностей несовершеннолѣтняго обвиняемаго, вправѣ ли *прокуроръ* выразить въ этомъ заключеніи и свое *мнѣніе* по вопросу о разумѣніи. Г. Элленбогенъ отрицаетъ такое право прокурора, и доводы его по этому предмету не лишены основанія. Я же полагаю, что этотъ вопросъ самъ по себѣ не имѣетъ въ практикѣ важнаго значенія, какъ бы онъ ни былъ рѣшенъ. Скорѣе это вопросъ теоретическаго свойства, а съ этой точки зрѣнія прокуроръ не долженъ предрѣшать исходъ дѣла въ судѣ чрезъ подсказываніе суду своего мнѣнія. Онъ обязанъ только вкратцѣ изложить обстоятельства дѣла и основанія къ освидѣтельствованію умственныхъ способностей несовершеннолѣтняго обвиняемаго, уже привлеченнаго къ слѣдствію. По моему же мнѣнію, прокуроръ, какъ блюститель и экспертъ по части законовъ, вправѣ выразить и свое мнѣніе по вопросу о разумѣніи, вправѣ и не выражать его, будучи обязанъ только предложить дѣло суду съ письменнымъ заключеніемъ объ основаніяхъ къ производству означенной процедуры, ибо *мнѣніе прокурора*, еслибъ онъ и выразилъ его до процедуры освидѣтельствованія обвиняемаго въ распоря-

дительномъ засѣданіи суда, *для суда необязательно*, какъ и всякое другое заключеніе: изложено ли оно въ письменной формѣ или словесно. Иначе же судьи утратили бы свою независимость при обсужденіи дѣла, и было бы несовмѣстно съ ихъ достоинствомъ, еслибъ они постановляли рѣшеніе непремѣнно въ согласіи съ заключеніемъ прокурора. Вѣдь для судей необязательно и мнѣніе экспертовъ.

Для испытанія по вопросу о разумѣніи *обвиняемый обязанъ ли явиться лично въ судъ*, или же судъ вправѣ произвести эту процедуру и безъ вызова или, по крайней мѣрѣ, безъ бытности обвиняемаго налицо? Законъ объ этомъ умалчиваетъ, а по редакціи 356³ ст. можно было легко впасть въ ошибку и заключить, что судъ вправѣ произвести эту процедуру и въ отсутствіе обвиняемаго, не выслушавъ его объясненій, на основаніи того лишь матерала, который находится въ предложенномъ прокуроромъ слѣдственномъ производствѣ съ его же письменнымъ заключеніемъ, ибо въ этой статьѣ закона сказано, что, разсмотрѣвъ это производство въ распорядительномъ засѣданіи, судъ либо постановляетъ опредѣленіе о прекращеніи судебнаго преслѣдованія съ примѣненіемъ одной изъ мѣръ, указанныхъ въ 137 ст. улож., либо, въ противномъ случаѣ, возвращаетъ дѣло прокурору для дальнѣйшаго направленія. И въ практикѣ Пензенскаго окружнаго суда уже былъ такой случай, когда 17 января 1898 г. судъ призналъ одного мальчика, 13 лѣтъ, покусившагося на поджогъ сарая своего хозяина, совершившимъ это преступленіе съ разумѣніемъ, въ отсутствіе обвиняемаго и его отца, которые, своевременно получивъ повѣстку въ Инсарскомъ уѣздѣ, не явились въ Пензу, въ окружный судъ. Но я полагаю, что и по вопросу о разумѣніи *обвиняемый*, при освидѣтельствованіи его, *всегда долженъ находиться лично* для продставленія своихъ объясненій суду и для того, чтобы сами судьи видѣли, съ какимъ субъектомъ они имѣютъ дѣло, а по выслушаніи этихъ объясненій онъ долженъ быть удаленъ изъ залы суда (то есть изъ того помѣщенія, въ которомъ производится освидѣтельствованіе, ибо

распорядительныя засѣданія суда происходятъ обыкновенно не въ залѣ суда съ зерцаломъ, а въ кабинетѣ судей), какъ объ этомъ и сказано въ концѣ 356[4] ст., слѣдующей за статьею 356[3]. И это понятно: заглазное освидѣтельствованіе обвиняемаго по вопросу о разумѣніи сводилось бы только къ докладу членомъ суда или къ прочтенію актовъ слѣдственнаго производства, и такой порядокъ при рѣшеніи дѣла о человѣкѣ, не видя самого человѣка, противорѣчилъ бы даже и прежнему, и нынѣ не отмѣненному въ 353—356 ст. уст. угол. суд. порядку освидѣтельствованія обвиняемаго въ психіатрическомъ отношеніи, когда такой испытуемый субъектъ приводится въ судъ независимо отъ его воли и согласія на то. Другое дѣло: явка родителей или попечителей, которые обязаны явиться для присутствованія и объясненій въ судъ, когда судъ потребуетъ ихъ явку при обвиненіи несовершеннолѣтняго въ такомъ преступленіи, за которое полагается тюремное заключеніе или болѣе строгое наказаніе. Но объ этомъ я долженъ сказать особо, ибо и вызовъ въ судъ родителей и другихъ лицъ представляетъ въ практикѣ серьезныя затрудненія.

Для нынѣ установленной процедуры въ распорядительное засѣданіе суда вызываются *родители* или попечители (ст. 356[4]), которыхъ явка можетъ быть и обязательна, если несовершеннолѣтній обвиняется въ такомъ преступномъ дѣяніи, за которое полагается наказаніе не ниже тюремнаго заключенія, и если судъ потребуетъ такую явку. Такія лица, а равно и самъ обвиняемый, допускаются къ *объясненіямъ*. Конечно, такія объясненія, не имѣющія юридическаго значенія свидѣтельскихъ показаній, какъ матеріалъ для сужденія о разумѣніи, всетаки должны быть занесены секретаремъ въ протоколъ на случай провѣрки судебною палатою правильности опредѣленія суда. А по 356[5] ст., кромѣ родителей или попечителей и экспертовъ (врачи, воспитатели и учителя), вызываются еще и тѣ *изъ спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей*, допросъ которыхъ судъ най-

детъ необходимымъ для выясненія обстоятельствъ дѣла и умственнаго или нравственнаго развитія обвиняемаго.

Здѣсь уже неизбѣжно возникаютъ, какъ я предвижу въ качествѣ судьи, *процессуальные вопросы*, на которые почему то нѣтъ отвѣта въ законѣ. Означенные въ 356^5 ст. эксперты и свидѣтели должны ли быть спрошены въ распорядительномъ засѣданіи суда *подъ присягой* или *безъ присяги*, а если и въ распорядительномъ засѣданіи допускается или требуется допросъ ихъ подъ присягой, то участвующія въ дѣлѣ лица и стороны вообще вправѣ ли предъявлять *отводъ* отъ присяги,—конечно, по законнымъ причинамъ? Я полагаю, что и такіе свидѣтели и эксперты должны бы быть допрашиваемы подъ присягой съ допущеніемъ и отвода на томъ же основаніи, какъ и въ судебномъ засѣданіи, ибо иначе такихъ свидѣтелей и экспертовъ по вопросу о разумѣніи и вовсе не зачѣмъ было бы вызывать въ распорядительное засѣданіе, какъ уже спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи безъ присяги. Процедура освидѣтельствованія по вопросу о разумѣніи иногда имѣетъ *значеніе судебнаго приговора*, когда въ распорядительномъ засѣданіи постановляется опредѣленіе о прекращеніи судебнаго преслѣдованія по причинѣ отсутствія разумѣнія съ принятіемъ лишь указанныхъ въ законѣ мѣръ по отношенію къ несовершеннолѣтнему (ст. 137 улож. о нак.) въ видѣ юридическихъ послѣдствій его дѣянія. И уже по этому самому имѣется для суда *уважительное основаніе для допроса свидѣтелей и экспертовъ, хотя бы и въ распорядительномъ засѣданіи, подъ присягой*. Вѣдь показанія ихъ могли бы быть и прочтены, а между тѣмъ они всетаки вызываются лично и, притомъ, обязательно.

То же самое можетъ случиться, когда поднятъ вопросъ не о томъ только, совершено ли преступленіе съ разумѣніемъ, но и о томъ, *здоровъ ли психически* обвиняемый или онъ—душевнобольной (ст. 356^6 уст.)? И кто знаетъ?—не предстоитъ ли теперь въ судебной практикѣ печальная необходимость въ послѣднемъ случаѣ уже дважды производить про-

цедуру освидѣтельствованія умственныхъ способностей: сперва по общему вопросу о разумѣніи, а потомъ и по специальному вопросу о томъ: обвиняемый несовершеннолѣтній здоровъ ли психически или же онъ—душевнобольной? Я полагаю, что вообще незачѣмъ производить двукратное освидѣтельствованіе, ибо бо́льшее—душевная болѣзнь—обнимаетъ собою и меньшее—отсутствіе разумѣнія. Однако нельзя отвергать, что такое двукратное испытаніе умственныхъ способностей несовершеннолѣтняго можетъ быть умѣстно и даже неизбѣжно въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда сперва возникнетъ только вопросъ о разумѣніи, а затѣмъ, по уважительнымъ причинамъ, возникнетъ и сомнѣніе по вопросу о томъ, здоровъ ли онъ психически.

Законъ 2 іюня 1897 г. умалчиваетъ: на чьей обязанности лежитъ испытаніе умственныхъ способностей несовершеннолѣтняго *по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ и городскимъ судьямъ, уѣзднымъ членамъ и земскимъ начальникамъ*. Вѣдь и по дѣламъ *волостной юстиціи* могутъ оказаться такіе же юные преступники. Но на послѣднемъ случаѣ, чтобы не удлинять моихъ замѣтокъ и критики закона, мы уже не останавливаемся. Замѣчу только вскользь, что у крестьянъ, подъ надзоромъ и санкціей земскихъ начальниковъ, радикальнымъ средствомъ исправленія нравовъ, а, пожалуй, и лечебнымъ средствомъ, къ несчастью, до сихъ поръ еще служитъ порка... Я полагаю, что и по дѣламъ, неподсуднымъ окружному суду, процедуру освидѣтельствованія умственныхъ способностей, хотя-бы и по вопросу о разумѣніи, должны бы выполнять окружные суды, въ которыхъ и до изданія закона 2 іюня 1897 г. производилось же испытаніе умственныхъ способностей въ психіатрическомъ отношеніи и для мировой и военной юстиціи. Нынѣ же эту процедуру, по крайней мѣрѣ по вопросу о разумѣніи, должны производить мировые и городскіе судьи, уѣздные члены и земскіе начальники по дѣламъ, имъ подсуднымъ, какъ объ этомъ можно заключить изъ ст. 62[1], 178[1] и 189[1]. Но по силамъ ли имъ все это?

Важныя процессуальныя неудобства представляетъ и 207[1]

статья. Не говоря уже о томъ, что въ случаѣ *выдѣленія дѣла* о несовершеннолѣтнемъ въ особое производство, одно и то же дѣло будетъ разбираться на судѣ дважды,—весьма возможны будутъ и *противорѣчія* въ исходѣ дѣла. Напримѣръ, *главный подсудимый*, совершеннолѣтній, присяжными въ одномъ составѣ присутствія будетъ оправданъ, хотя бы потому, что присяжные признаютъ недоказаннымъ фактъ или отвергнутъ признаки и составъ преступленія, а присяжные въ другомъ личномъ составѣ, не видя главнаго подсудимаго и не зная объ оправдательномъ исходѣ дѣла въ отношеніи его, могутъ обвинить его же *соучастника—несовершеннолѣтняго* или же поступить наоборотъ. Правда, въ 207[1] ст. сдѣлана оговорка относительно выдѣленія дѣла въ особое производство: „если, по обстоятельствамъ дѣла, это представляется возможнымъ“. Говорятъ, что на свѣтѣ ничего нѣтъ невозможнаго, а потому и по вопросу о выдѣленіи дѣла можетъ играть роль и произвольное усмотрѣніе окружнаго суда или судебной палаты. Далѣе, не объяснено въ 207[1] ст., какое же судебное установленіе даетъ своимъ опредѣленіемъ санкцію на такое выдѣленіе. Я полагаю, что только одна *судебная палата*, какъ высшая инстанція и обвинительная камера, по всѣмъ дѣламъ, а въ особенности по дѣламъ съ присяжными, *правомочна* въ этомъ отношеніи. Вѣдь и по прежнему закону, нынѣ не измѣненному, судебная палата постановляетъ опредѣленія по заключеніямъ прокурора *о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія*, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ болѣе важнымъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (ст. 518 и 523). Иначе окружный судъ своимъ постановленіемъ о выдѣленіи производства могъ бы пойти въ разрѣзъ съ опредѣленіемъ судебной палаты о преданіи суду, если палата не сочла нужнымъ дробить дѣло на два производства: 1) о совершеннолѣтнихъ подсудимыхъ и 2) о несовершеннолѣтнихъ ихъ соучастникахъ. А произвольная возможность выдѣленія дѣла представляетъ еще и то важное неудобство, что совершеннолѣтній обвиняемый можетъ иногда напрасно просидѣть подъ стражей все то время, которое

потребуется на снятіе копій съ дознанія, съ протоколовъ и постановленій при выдѣленіи производства о несовершеннолѣтнемъ и на испытаніе его умственныхъ способностей. А такъ какъ, по разъясненіямъ кассаціоннаго сената, ранѣе *осужденныя лица* могутъ вызываться *въ качествѣ свидѣтелей* по отношенію къ ихъ еще неосужденнымъ *соучастникамъ*, напримѣръ, еслибъ одинъ изъ подсудимыхъ скрылся и лишь впослѣдствіи, послѣ судебнаго разбирательства дѣла, былъ задержанъ, то отнынѣ несомнѣнно увеличится число случаевъ, когда такіе осужденные преступники будутъ вызываемы и допрашиваемы на судѣ, какъ свидѣтели по дѣлу о несовершеннолѣтнемъ, что само по себѣ вовсе нежелательно и опасно для правосудія.

Законъ 2-го іюня 1897 г. допускаетъ, что обвиняемый можетъ совершить преступленіе безъ разумѣнія въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ, причемъ и этотъ *возрастъ* въ отношеніи уголовной репрессіи *подраздѣляется* на періодъ отъ 10 до 14 и отъ 14 до 17 лѣтъ. Такихъ преступниковъ новый законъ называетъ *и малолѣтними, и несовершеннолѣтними*, безъ надлежащей юридической отчетливости въ терминахъ, хотя и по старому, еще неотмѣненному, закону несовершеннолѣтними называются лица, не достигшія гражданскаго совершеннолѣтія, полной правоспособности, 21-го года (ст. 213 т. X ч. 1), именуясь такъ и по уложенію о нак. (ст. 139). Брачное совершеннолѣтіе для дѣвицъ, вообще, опредѣлено достиженіемъ шестнадцатилѣтняго возраста (ст. 3, 91 т. X ч. 1). Изъ сопоставленія законовъ гражданскихъ съ уголовными оказывается, что дѣвица, 16-ти лѣтъ, вправѣ выйти замужъ, рѣшивъ такимъ образомъ важнѣйшій вопросъ жизни („свою судьбу“, какъ выражаются наши простолюдины) и въ то же время она признается могущею дѣйствовать безъ разумѣнія, совершая какое либо преступленіе, хотя бы и мужеубійство. Если же это такъ, то, во избѣжаніе такого крупнаго противорѣчія по вопросу о разумѣніи, возрастъ въ отношеніи разумѣнія содѣяннаго или неразумѣнія слѣдовало бы опредѣлить отъ 10 до 16, а не отъ 10 до 17 лѣтъ.

Неявившіеся безъ законной причины въ распорядительное и въ судебное засѣданіе родители или попечители въ тѣхъ случаяхъ, когда явка ихъ обязательна для нихъ по требованію суда, подвергаются *взысканіямъ*, какъ свидѣтели (ст. 643[1], 189[1]). Такая *отвѣтственность*, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи *родителей* по меньшей мѣрѣ странна и *несправедлива*, если принять въ соображеніе, что родители обвиняемаго и подсудимаго вправѣ устранить себя отъ свидѣтельства (ст. 705), и, слѣдовательно, эти законы, не будучи между собою согласованы, нынѣ уже находятся во взаимномъ *противорѣчіи*.

Далѣе, въ новомъ законѣ не сказано: безусловно ли требуется въ засѣданіяхъ суда, распорядительномъ и судебномъ, присутствіе *обоихъ родителей* или же можно ограничиться выслушаніемъ объясненій отъ матери обвиняемаго или подсудимаго, когда отецъ не явился безъ законной причины, или отъ одного только отца при таковой же неявкѣ матери. Я полагаю, что нѣтъ надобности требовать присутствія и объясненія на судѣ непремѣнно отъ обоихъ родителей.

По 683[1] ст., явившіеся въ судебное засѣданіе родители или попечители „допускаются къ представленію объясненій на судѣ“. Въ чемъ именно заключаются эти *объясненія* и въ какой процессуальный моментъ они выслушиваются—въ законѣ не опредѣлено,—а потому съ одинаковою вѣроятностью можно полагать, что эти объясненія даются до обвинительной рѣчи прокурора или частнаго обвинителя, или же, что они даются и послѣ этой рѣчи, въ формѣ защиты, а пожалуй и въ формѣ послѣдняго слова, которое предоставляется всякому подсудимому, причемъ онъ могъ бы просить своихъ родителей сказать за него это послѣднее слово. Я думаю, что эти объясненія болѣе умѣстны во время или въ концѣ судебнаго слѣдствія для того, чтобы ихъ возможно было и провѣрить, и во всякомъ случаѣ—до заключительныхъ преній. А 749[1] статья повторяетъ почти буквально все, что сказано въ 683[1] ст., съ тою только разницею, что по 749[1] ст родители или попечители допускаются къ пред-

ставленію *заключительныхъ* объясненій. Опять таки, въ законѣ не объяснено, въ чемъ же должны состоять эти „заключительныя объясненія“ и когда они даются. Употребилъ ли здѣсь законодатель слово „заключительныхъ“ случайно, безъ всякаго особаго значенія, или же онъ придаетъ этому слову какой либо особый, намъ неизвѣстный, смыслъ, подобно тому, какъ законодатель неудачно употребилъ двусмысленное и темноватое выраженіе „по преимуществу“ въ 137 и въ 3 п. 138 ст. улож. о нак.? По всей вѣроятности, заключительныя объясненія, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, подвергаемыхъ провѣркѣ на судѣ, даются послѣ рѣчи обвинителя.

Какую же роль выполняютъ родители, опекуны или попечители, допускаемые къ объясненіямъ въ судебномъ засѣданіи? Самое выраженіе: „допускаются къ объясненіямъ“— неудачно уже и потому, что какъ будто отъ усмотрѣнія суда зависитъ—выслушать ли болтовню (объясненія) родителей или же прогнать ихъ изъ засѣданія, объявивъ, что нѣтъ никакой надобности въ ихъ объясненіяхъ, ибо дѣло ясно и само говоритъ за себя. Вправѣ ли родители и заступающія ихъ мѣсто лица *отводить* коронныхъ судей, присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей и экспертовъ? Пользуются ли они тѣми же правами, какъ и защитники несовершеннолѣтняго? Повидимому,—нѣтъ, ибо защитникъ назначается предсѣдателемъ даже и помимо просьбы о томъ самого подсудимаго или его родителей или попечителей (ст. 566[1]), и было бы *несправедливо* предоставлять *дважды право отвода*: и родителямъ, и защитнику. Но тогда зачѣмъ же эти „объясненія“ на судѣ? И ужъ если нельзя обойтись безъ нихъ, то почему же не прочитать въ судебномъ засѣданіи эти объясненія, занесенныя въ протоколъ секретаремъ суда еще въ распорядительномъ засѣданіи, когда тамъ происходила процедура испытанія умственныхъ способностей по вопросу о разумѣніи?

Цѣль законодателя, безъ всякаго сомнѣнія,—высокая и гуманная. Вотъ почему законъ 2 іюня 1897 г. встрѣтилъ, кажется, единогласное одобреніе и сочувствіе всей нашей періодической прессы. Но не слѣдуетъ забывать, что *похвалы*

новому закону идутъ, главнымъ образомъ, *не изъ компетентнаго лагеря,* не отъ юристовъ и судебныхъ дѣятелей, а изъ неспеціально-юридическихъ органовъ печати. И я сочувствую идеѣ и стремленіямъ законодателя, но рѣшительно и по совѣсти не одобряю ни редакціи закона, ни установленнаго имъ процессуальнаго порядка. Трудное дѣло—писать надлежащіе законы! Но однихъ добрыхъ намѣреній еще недостаточно. Законодатель всячески щадитъ, насколько возможно, несовершеннолѣтняго преступника въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ. Онъ всячески старается удалить его отъ развращающаго дѣйствія нашей старой тюрьмы и, оберегая его нравственность, нерѣдко закрываетъ даже двери засѣданія и изгоняетъ его изъ залы суда на время нѣкоторыхъ отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій и заключительныхъ преній (ст. 620^2, 736^1). Для такого юнаго преступника, отъ 14 до 17 лѣтъ, не существуетъ полнаго пораженія всѣхъ правъ состоянія даже за предумышленное убійство, ибо такой убійца вправѣ наслѣдовать родственнику, не потерпѣвшему отъ совершеннаго имъ преступленія (ст. 139^1 и 3 п. 27 ст. улож. о нак.), а нѣкоторыя изъ утраченныхъ имъ правъ, означенныхъ въ 43 ст., могутъ быть возстановлены судомъ по истеченіи пяти лѣтъ послѣ освобожденія изъ тюремнаго заключенія.

По закону 2-го іюня 1897 г., *тюрьма, какъ мѣра пресѣченія* по 416 ст. *и какъ наказаніе* по судебному приговору, примѣняется къ несовершеннолѣтнему въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда уже нѣтъ возможности отдать обвиняемаго или осужденнаго родителямъ или попечителямъ, въ пріютъ или въ колонію, или въ монастырь. Законодатель только намѣчаетъ такія мѣста заключенія, во многихъ мѣстностяхъ еще несуществующія, какъ убѣжища, азиліумы для несовершеннолѣтнихъ, а кѣмъ, какъ и на чьи средства они должны быть устроены—объ этомъ законъ умалчиваетъ. Все это, очевидно, предоставляется устроить съ теченіемъ времени какъ правительству, такъ и частнымъ лицамъ, обществамъ и благотворителямъ. Но пока почти нигдѣ, даже во

многихъ тюрьмахъ, нѣтъ отдѣльныхъ камеръ для несовершеннолѣтнихъ, и вслѣдствіе сего полицейскимъ и судебнымъ дѣятелямъ представляются почти на каждомъ шагу затрудненія по вопросу о томъ, куда-же слѣдуетъ помѣстить обвиняемаго или осужденнаго преступника.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ и характеренъ *отвѣтъ Пензенскаго Епископа* Павла на сдѣланное къ нему 24-го іюня и 18 августа обращеніе предсѣдателемъ Пенз. окр. суда. Сообщеніемъ, отъ 21-го августа 1897 г. за № 9440, Епископъ увѣдомилъ предсѣдателя, что онъ уже сдѣлалъ сношеніе съ высшею духовною властью за неимѣніемъ руководящихъ указаній по примѣненію закона отъ 2-го іюня 1897 г. и впредь до полученія руководящихъ указаній онъ, „отнюдь не уклоняясь отъ исполненія закона, согласенъ на помѣщеніе преступниковъ въ монастыри: Преображенскій (въ Краснослободскомъ уѣздѣ), Троицкій-Скановъ (въ Наровч.), Казанско-Ломовскій (въ Нижнелом.) и во Вьясскую пустынь (въ Саранскомъ)“, но при этомъ онъ, Епископъ, „не считаетъ себя вправѣ возлагать на означенные монастыри содержаніе помѣщаемыхъ въ нихъ преступниковъ на монастырскія средства, надзоръ за ихъ поведеніемъ и отвѣтственность въ случаѣ ихъ побѣга изъ монастыря или допущенія ими предосудительныхъ и преступныхъ дѣяній въ монастырскихъ стѣнахъ“. При этомъ архіерей не указалъ ни одного женскаго монастыря, хотя имѣется такой монастырь даже въ самой Пензѣ, а мужской монастырь находится за городомъ Пензой. Теперь, постановляя опредѣленіе или приговоръ въ отношеніи несовершеннолѣтняго въ Пензѣ, гдѣ можно встрѣтить наибольшее число преступной молодежи, чѣмъ въ отдаленныхъ уѣздахъ, окружный судъ лишенъ возможности заключить такого преступника въ монастырь.

Архіерей увѣдомляетъ судъ, что онъ отнюдь не уклоняется отъ исполненія закона. Но *такой отвѣтъ* изъ устъ Епископа по своимъ послѣдствіямъ почти *равносиленъ отказу*, ибо окружный судъ едва-ли рѣшится заключить юнаго

преступника въ монастырь чуть не на смерть отъ голода и когда самъ Епископъ, безъ указаній свыше, хотя имѣется прямой законъ, не считаетъ себя вправѣ возложить на монастырское начальство даже только отвѣтственность по надзору за юными преступниками. А между тѣмъ, казалось бы, кому-же и не взять на себя, въ виду даже закона 2-го іюня 1897 г., не только юридическую, но и нравственную отвѣтственность по надзору и за исправленіе юнаго грѣшника, помня заповѣдь Христову о любви къ дѣтямъ, къ „малымъ симъ", которымъ предназначено Царство Божіе.

Въ заключеніе два слова и о *юридической отвѣтственности родителей*, попечителей и вообще тѣхъ лицъ, на которыхъ возложенъ надзоръ, или которыя сами добровольно согласятся имѣть надзоръ за несовершеннолѣтнимъ преступникомъ (ст. 144[1]). Отвѣтственность эта въ отношеніи *личнаго взысканія* довольносерьезна: арестъ не свыше одного мѣсяца и денежное взысканіе не свыше ста рублей, смотря по важности новаго преступленія, совершеннаго лицомъ имъ поднадзорнымъ. Такая отвѣтственность, конечно, охладитъ желаніе какого-нибудь посторонняго благодѣтеля взять несовершеннолѣтняго подъ надзоръ на свой рискъ. Объ отвѣтственности надзирающихъ лицъ, по гражданскому иску потерпѣвшихъ отъ вновь содѣяннаго поднадзорнымъ лицомъ преступленія законъ 2-го іюня 1897 г. умалчиваетъ. Между тѣмъ, по 686 ст. X т. ч. 1, родители отвѣчаютъ и въ этомъ случаѣ за вредъ и убытки, причиняемые проживающими у нихъ малолѣтними. Мнѣ кажется, что надзоръ за несовершеннолѣтними преступниками будетъ болѣе дѣйствительнымъ въ томъ случаѣ, еслибы законъ 2-го іюня 1897 г., въ виду 686 ст. X т. ч. 1, независимо отъ личной отвѣтственности (наказанія), возложилъ бы и *имущественную отвѣтственность* на лицъ надзирающихъ за преступленія, вновь совершаемыя ввѣренными ихъ надзору несовершеннолѣтними. Кромѣ того, введеніемъ такого законоположенія въ текстѣ закона 2-го іюня 1897 г. уголовные законы объ отвѣтственности роди-

телей и лицъ, ихъ заступающихъ, по надзору были-бы согласованы съ нашими же гражданскими законами, хотя-бы и по вопросу объ удовлетвореніи гражданскаго иска лица, потерпѣвшаго отъ преступленія.

В. Волжинъ.

ХРОНИКА ГРАЖДАНСКАГО СУДА.

1) О разсмотрѣніи спора сонаслѣдниковъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, согласно ст. 1408 уст. гражд. суд.; 2) о юридической силѣ договора товарищества, не получившаго, въ установленномъ порядкѣ, утвержденія; 3) о правахъ кредитора-залогодержателя на имѣніе должника, согласно ст. 1171 уст. гражд. суд.; 4) разсмотрѣніе, въ кассаціонномъ порядкѣ, частной жалобы на опредѣленіе суда по просьбѣ объ обезпеченіи доказательствъ.

I. Согласно ст. 1408 уст. гражд. суд., на судъ, въ порядкѣ *охранительнаго* судопроизводства, возложена обязанность оказывать содѣйствіе явившимся наслѣдникамъ *для опредѣленія* ихъ правъ на наслѣдство. Но въ случаѣ предъявленія, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, нѣсколькими лицами *самостоятельныхъ*, одно другое исключающихъ, правъ на одно и то же наслѣдство,—можетъ ли судъ разсматривать права просителей въ томъ же охранительномъ порядкѣ, или же обязанъ предоставить просителямъ разбираться между собою въ порядкѣ *исковаго* судопроизводства? Этотъ интересный процессуальный вопросъ, имѣющій крайне существенное практическое значеніе, подвергся подробному обсужденію Правительствующаго Сената по слѣдующему поводу. Вслѣдствіе вызова наслѣдниковъ умершей въ 1894 году дочери помѣщика Викторіи Чарнецкой, многія лица заявили с.-петербургскому окружному суду, въ охранительномъ порядкѣ, о своихъ правахъ наслѣдованія. Окружный судъ по представленнымъ документамъ, въ охранительномъ порядкѣ, отказалъ уполномоченному управленія государственными иму-

ществами въ признаніи имѣнія Чарнецкой выморочнымъ и опредѣлилъ, что Моссаковскій, какъ сынъ единоутробнаго брата наслѣдодательницы, оказывается ближайшимъ наслѣдникомъ ея на основаніи 1140 и 1163 ст. 1 ч. X т. въ благопріобрѣтенномъ и родовомъ, доставшемся ей отъ матери, имѣніи, четыре же брата Коревицкіе, какъ двоюродные племянники наслѣдодательницы, состоятъ ближайшими ея (ст. 1135 и 1136 т. X. ч. 1) наслѣдниками въ родовомъ имѣніи, доставшемся ей изъ рода отца; остальныхъ лицъ, заявившихъ о своихъ правахъ наслѣдованія, окружный судъ призналъ недоказавшими своихъ правъ и состоявшими въ болѣе дальнихъ степеняхъ родства. По принесеніи судебной палатѣ 16 частныхъ жалобъ *судебная палата*, по соображеніи ст. 1222, 1224—1226, 1239, 1241, 1254 т. X ч. 1, ст. 1401—1408 уст. гражд. суд. и рѣшеній Правительствующаго Сената (сборн. гражд. касс. департ. 1867 г. № 177, 1868 г. № 822, 1869 г. № 15, 1871 г. №№ 115 и 1241, 1874 г. № 822, 1877 г. № 310 и 1880 г. № 101), пришла къ заключенію, что въ охранительномъ порядкѣ судопроизводства могутъ быть удовлетворены лишь одностороннія, никѣмъ неоспариваемыя ходатайства объ удостовѣреніи правъ законнаго наслѣдованія и что, при столкновеніи таковыхъ ходатайствъ съ противоположными заявленіями, то есть, съ притязаніями другихъ лицъ на то же наслѣдство, всѣмъ претендентамъ на наслѣдство долженъ быть закрытъ путь доказыванія своихъ правъ въ порядкѣ охранительнаго производства и уже отъ нихъ тогда зависитъ открыть споръ о наслѣдствѣ въ порядкѣ исковомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ для споровъ о правѣ гражданскомъ формъ и обрядовъ. Обращаясь засимъ къ фактическимъ даннымъ настоящаго дѣла, судебная палата усмотрѣла: а) что большинство изъ претендентовъ на наслѣдство Викторіи Чарнецкой о своихъ правахъ заявили въ охранительномъ порядкѣ и въ теченіи всего производства оспаривали взаимныя притязанія на наслѣдственное имущество, считая себя ближайшими по закону наслѣдниками умершей

владѣлицы; б) что нѣкоторые изъ претендентовъ возбудили даже особые иски о томъ наслѣдствѣ, какъ къ опекѣ надъ имуществомъ умершей Чарнецкой, такъ и къ признаннымъ окружнымъ судомъ наслѣдникамъ, и в) что сверхъ сего уполномоченнымъ отъ управленія государственными имуществами сдѣланы заявленія о подлогѣ въ метрическихъ актахъ, о незаконнорожденности Викторіи Чарнецкой и въ виду неоставленія ею ни нисходящихъ родственниковъ, ни духовнаго завѣщанія, уполномоченный отъ казны просилъ о признаніи всего наслѣдственнаго имущества выморочнымъ. Такимъ образомъ, для разрѣшенія возникшихъ при настоящемъ охранительномъ производствѣ между участвующими въ дѣлѣ лицами споровъ объ отдѣльныхъ частяхъ наслѣдства Викторіи Чарнецкой и даже объ исключительныхъ правахъ на все наслѣдственное имущество, пришлось бы войти въ обсужденіе цѣлой массы противоположныхъ документовъ, доводовъ и доказательствъ, представляющихъ огромный матеріалъ неоконченнаго производства объ охранительныхъ дѣйствіяхъ по открывшемуся наслѣдству. При такихъ условіяхъ въ охранительномъ порядкѣ производства не могутъ быть разрѣшены ни возникшіе въ дѣлѣ споры о правахъ законнаго наслѣдованія послѣ Викторіи Чарнецкой, ни возбужденный уполномоченнымъ отъ казны споръ о подлогѣ метрикъ, ибо споръ сего рода можетъ быть разрѣшенъ лишь при состязательномъ процессѣ въ порядкѣ ст. 555—565 уст. гражд. судопр. А потому судебная палата, находя, что нынѣ не можетъ подлежать удовлетворенію ни одно изъ ходатайствъ претендентовъ на наслѣдство Викторіи Чарнецкой, *опредѣлила*: отмѣнить опредѣленіе окружнаго суда въ той его части, которою къ имуществу Чарнецкой утверждены въ правахъ наслѣдства Моссаковскій и 4 брата Коревицкіе, въ прочихъ же обжалованныхъ частяхъ опредѣленіе это оставила въ силѣ, такъ какъ въ окончательномъ выводѣ судомъ отклонены просьбѣ жалобщиковъ о признаніи ихъ наслѣдниками послѣ Викторіи Чарнецкой, въ охранительномъ порядкѣ. По *кассаціоннымъ жалобамъ* Моссаковскаго и Коревицкихъ под-

вергнутъ былъ обсужденію *вопросъ:* при предъявленіи въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства нѣсколькими лицами самостоятельныхъ, одно другое исключающихъ, правъ на одно и то же наслѣдство, въ правѣ ли судъ разсматривать права просителей въ томъ же охранительномъ порядкѣ, или же обязанъ предоставить просителямъ разобраться между собою въ порядкѣ исковаго судопроизводства? Вопросъ этотъ не разрѣшается точнымъ постановленіемъ закона, а потому обращаясь, въ силу 9 ст. уст. гражд. суд., къ разрѣшенію вопроса по общему смыслу законовъ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой кончины владѣльца (1254 ст. 1 ч. X т.). Какъ признавалъ Государственный Совѣтъ (судебные уставы съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, изд. 1866 г. т. I, стр. 674), право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ уже просто въ силу событія смерти прежняго владѣльца и *обязательнаго утвержденія суда въ правахъ наслѣдства нашими законами не установлено.* Наслѣдство можетъ быть *фактически принято* на лицо находящимися при смерти владѣльца наслѣдниками, которые могутъ владѣть и пользоваться онымъ въ личную себѣ прибыль (ст. 1255, 1258 и 1261 1 ч. X т.), а равно наслѣдники и безъ утвержденія въ правахъ наслѣдства имѣютъ право отыскивать имѣнія изъ чужаго *владѣнія.* Когда при открытіи наслѣдства всѣ или нѣкоторые наслѣдники *отсутствуютъ,* производится *вызовъ* ихъ (1226 и 1239 ст. 1 ч. X т.) и принимаются мѣры охраненія наслѣдства (1403 ст. уст. гражд. суд.). Буде отсутствующіе наслѣдники не явятся въ теченіи *полугодія* со дня послѣдней публикаціи, то на лицо находящіеся наслѣдники вступаютъ *по истеченіи сего срока во владѣніе* оставшимся наслѣдствомъ; но симъ отсутствующіе наслѣдники не теряютъ своего права на открытіе спора установленнымъ порядкомъ и въ опредѣленные сроки (1241 ст. 1 ч. X т.). По ст. 1408 уст. гражд. суд. на судъ въ порядкѣ *охранительнаго* судопроизводства возложена обязанность *оказывать содѣйствіе явившимся* наслѣдникамъ *для*

опредѣленія ихъ правъ на наслѣдство. Эта обязанность возложена на судъ между прочимъ и *при взаимныхъ спорахъ сонаслѣдниковъ* (судебные уставы съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, изд. 1866 г. т. I, стр. 675). Слѣдовательно, взаимные споры сонаслѣдниковъ не изъемлютъ дѣла изъ охранительнаго судопроизводства, а, напротивъ, охранительный порядокъ установленъ съ цѣлью разсмотрѣнія судомъ этихъ споровъ. И дѣйствительно, въ охранительномъ порядкѣ нѣтъ такого спора о правѣ гражданскомъ, который подлежалъ бы разрѣшенію суда по 1 и 4 ст. уст. гражд. суд. въ порядкѣ состязательнаго процесса; судъ собственно никакого спора не разрѣшаетъ; судъ разсматриваетъ дѣло только *по предварительному*, возникающему изъ 1241 ст. 1 ч. X т. *вопросу*: что дѣлать съ наслѣдствомъ за *истеченіемъ полугодоваго срока*? Поэтому суду въ охранительномъ порядкѣ не предъявляется *иска*, нѣтъ *отвѣтчика*, и постановленіе суда въ этомъ порядкѣ не имѣетъ той силы, которая присвоена *рѣшеніямъ* по 893 ст. уст. гражд. суд. Напротивъ, что постановленіе не стѣсняетъ судъ при обсужденіи въ исковомъ порядкѣ дѣла о наслѣдствѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя участвовали въ томъ охранительномъ производствѣ, по коему это постановленіе состоялось. Указанное въ 1408 ст. уст. гражд. суд., *содѣйствіе* суда явившимся по *вызову* наслѣдникамъ *для опредѣленія правъ ихъ на наслѣдство* составляетъ только *необходимое*,— для осуществленія указаннаго въ 1241 ст. 1 ч. X т. послѣдствія этого вызова, *удостовѣреніе* судомъ дѣйствительнаго въ данномъ случаѣ существованія такой именно между просителями и наслѣдодателемъ родственной связи или брачнаго союза, которыя по закону даютъ или въ это уже время, т. е. по истеченіи 6 мѣсячнаго срока, права *вступить* по 1241 ст. во *владѣніе* оставшимся наслѣдствомъ, во всемъ ли наслѣдственномъ имѣніи или же въ части онаго. Это удостовѣреніе суда въ *частномъ опредѣленіи*, именуемомъ опредѣленіемъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, есть посему въ сущности ничто иное, какъ опредѣленіе въ охрани-

тельномъ порядкѣ *права на вступленіе во владѣніе* въ качествѣ наслѣдника по 1241 статьѣ. Въ силу той же 1241 статьи, неявка въ установленный полугодовой срокъ остальныхъ сонаслѣдниковъ, или явка ихъ безъ установленныхъ доказательствъ, или же явка многихъ лицъ съ претензіями на наслѣдство, взаимно себя исключающими, не имѣютъ еще рѣшающаго значенія въ отношеніи потери *вообще права* на наслѣдованіе. Взаимные же споры сонаслѣдниковъ въ охранительномъ производствѣ, прямо предусмотрѣнные, какъ выше приведено, въ 1408 ст. уст. гр. суд., вовсе не имѣютъ такого значенія, чтобы они устраняли возможность *предварительнаго* опредѣленія правъ *явившихся* наслѣдниковъ въ охранительномъ порядкѣ. Эти споры могутъ быть двоякаго рода. Могутъ быть споры, имѣющіе *фактическое* основаніе, т. е. касающіеся вопросовъ о томъ, представлены ли просителями полныя и законныя доказательства въ подтвержденіе родства съ наслѣдодателемъ или брачной съ нимъ связи. Но судъ, разсматривая подсудное ему по 1408 ст. уст. гражд. суд. дѣло, не лишенъ права разсмотрѣть эти возраженія, потому что, если бы оныхъ и не было, судъ, въ охранительномъ порядкѣ, не только имѣетъ право, но обязанъ, даже безъ всякихъ съ чьей либо стороны возраженій, а непосредственно отъ себя, отвергнуть представленныя ему ходатайства и доказательства, если они не основательны. Что касается взаимныхъ споровъ сонаслѣдниковъ, касающихся *юридической* стороны дѣла, толкованія закона, опредѣляющаго порядокъ наслѣдованія, то наличность такихъ споровъ еще менѣе можетъ останавливать судъ въ разсмотрѣніи дѣла, такъ какъ никакого различія въ дѣйствіи суда по примѣненіи закона о матеріальномъ правѣ при охранительномъ и исковомъ производствѣ нѣтъ; въ какомъ бы порядкѣ судъ не разрѣшалъ дѣло, онъ долженъ разрѣшить оное въ силу закона, а въ случаѣ сомнѣнія о примѣненіи или толкованіи закона судъ обязанъ истолковать точный смыслъ онаго. Такимъ образомъ въ результатѣ по разсмотрѣнію судомъ дѣла о наслѣдствѣ въ охранительномъ порядкѣ могутъ

оказаться: во 1-хъ) такіе просители, которые фактически доказали извѣстное родство свое съ наслѣдодателемъ или брачную съ нимъ связь и юридически подтвердили, что въ доказанныхъ ими отношеніяхъ къ нему законъ даетъ имъ право на наслѣдованіе, и во 2-хъ) такіе, которые этого не доказали. Обязанъ ли судъ въ такомъ положеніи, только потому, что существовали взаимные споры сонаслѣдниковъ и нѣкоторые изъ нихъ не доказали своихъ притязаній на наслѣдство, пріостанавливать или прекращать охранительное производство! Отвѣтъ на это даетъ 1241 статья 1 ч. X т.: она устанавливаетъ полугодовой срокъ для явки *только наслѣдниковъ*, а не кредиторовъ или другихъ какихъ бы то ни было лицъ, а слѣдовательно необходимо признать,—что статья эта устанавливаетъ означенный срокъ и *для представленія* явившимися въ судъ по 1408 ст. уст. гражд. суд. лицами *доказательствъ*,—потому, что иначе ихъ нельзя считать въ это время *наслѣдниками*. При исполненіи одними требованія этого закона и при неисполненіи онаго другими явившимися по вызову лицами судъ не имѣетъ законнаго основанія оставлять и *послѣ истеченія полугодоваго срока* наслѣдство въ неопредѣленномъ, лежачемъ положеніи, соединенномъ часто съ ущербомъ и вредомъ для наслѣдниковъ, а долженъ по доказаннымъ требованіямъ утвердить просителей въ правахъ наслѣдства, а въ недоказанныхъ требованіяхъ *отказать просителямъ*; засимъ уже отъ послѣднихъ зависитъ предъявить къ утвержденнымъ наслѣдникамъ искъ въ надлежащемъ судѣ, который не стѣсняется послѣдовавшимъ въ охранительномъ порядкѣ опредѣленіемъ суда объ утвержденіи наслѣдниковъ и можетъ принять мѣры къ обезпеченію иска противъ утвержденныхъ наслѣдниковъ (ст. 590 и слѣд. уст. гражд. суд.). Если же допустить, что взаимные споры сонаслѣдниковъ при производствѣ дѣла по 1408 ст. уст. гражд. суд. должны повлечь за собою пріостановленіе или прекращеніе охранительнаго производства и отсылку *всѣхъ явившихся* наслѣдниковъ къ исковому порядку, то, кромѣ нарушенія 1241 ст. 1 ч. X т. и 1408 ст. уст. гр. суд.,

не достигалась бы вовсе цѣль установленія охранительнаго производства, состоящая въ *обезпеченіи* и *охраненіи* правъ *дѣйствительныхъ* наслѣдниковъ: стоило бы только кому либо, хотя бы самое неосновательное заявленіе о своихъ наслѣдственныхъ правахъ *сдѣлать въ охранительномъ производствѣ*, чтобы права безспорныхъ наслѣдниковъ не были разсмотрѣны въ охранительномъ порядкѣ и чтобы дѣйствительные наслѣдники вынуждены были осуществлять свои права въ исковомъ порядкѣ судопроизводства, сопряженномъ съ напрасною проволочкою и излишними расходами. При томъ самое предъявленіе *иска* не соотвѣтствовало бы 1241 ст. 1 ч. X т. и 4 ст. уст. гражд. суд. Для предъявленія иска необходимъ *отвѣтчикъ*, а отвѣтчика нѣтъ на лицо, когда *всѣмъ* явившимся наслѣдникамъ отказано и никто *во владѣніе* имуществомъ не вступалъ. Предъявленіе *наслѣдникомъ* иска въ такомъ случаѣ къ опекѣ, назначенной по неявкѣ наслѣдниковъ, не могло бы быть приравнено къ предъявленію по 215 ст. уст. гражд. суд. иска *третьими лицами* къ лицу умершаго собственника; это противорѣчило бы основному взгляду закона на отвѣтчика, какъ на *нарушителя правъ истца*, но опека въ лицѣ умершаго собственника ничѣмъ не нарушаетъ правъ наслѣдника и правъ этихъ не оспариваетъ; напротивъ, наслѣдникъ продолжаетъ юридическую личность наслѣдодателя; поэтому статья 215 уст. гражд. суд. согласно съ 2141 ст. 1 ч. X т. указываетъ отвѣтчиками по иску наслѣдниковъ, *признанныхъ* или вступившихъ во владѣніе *наслѣдниковъ же*, и самое существованіе опеки, назначенной по неявкѣ наслѣдниковъ, имѣетъ мѣсто лишь въ интересахъ и въ охраненіе, а не въ опроверженіе правъ наслѣдниковъ. Наконецъ, что 1408 ст. уст. гражд. суд. не имѣетъ того смысла, который приданъ ей судебною палатою, явствуетъ и изъ того, что въ книгѣ V раздѣла 3-го уст. гражд. суд. о судопроизводствѣ въ губерніяхъ Прибалтійскихъ постановлено въ ст. 1799, что правила уст. гражд. суд. примѣняются въ этихъ губерніяхъ съ *дополненіями* и *измѣненіями*, изложенными въ этомъ раздѣлѣ, а въ числѣ

этихъ *особыхъ* правилъ постановлено въ 2021 статьѣ: если между лицами, предъявившими наслѣдственныя права, возникнетъ споръ о правѣ наслѣдованія, то лицамъ этимъ предоставляется доказывать свои наслѣдственныя права въ исковомъ порядкѣ. Это специальное постановленіе мѣстнаго закона находится въ связи съ законами о наслѣдствѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, которые несогласны съ тѣми, которые изложены въ 1 части X тома; въ означенныхъ губерніяхъ существуетъ производство о *понужденіи* наслѣдниковъ къ объявленію своей воли о принятіи или непринятіи ими наслѣдства (2015—2018 ст. уст. гражд. суд.) по X же тому (ст. 1241) такого *понужденія*, какъ выше указано, нѣтъ. По изложеннымъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ, прійдя къ заключенію, что при предъявленіи въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства нѣсколькими лицами самостоятельныхъ, одно другое исключающихъ, правъ на одно и тоже наслѣдство, судъ въ правѣ разсматривать права просителей въ томъ же охранительномъ порядкѣ, а не обязанъ предоставить просителямъ разобраться между собою въ порядкѣ исковаго судопроизводства, по дѣлу же о наслѣдствѣ послѣ Викторіи Чернецкой судебная палата отказалась отъ разсмотрѣнія правъ всѣхъ лицъ, заявившихъ себя ея наслѣдниками, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: отмѣнить опредѣленіе С.-Петербургской судебной палаты, по нарушенію 1241 ст. 1 ч. X т. и 1408 ст. уст. гр. суд.

II. Нельзя не отмѣтить рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу Лукаса съ заводомъ Беккера, въ которомъ весьма обстоятельно разъяснено существо договора товарищества и вытекающія изъ него юридическія послѣдствія въ томъ случаѣ, когда самый договоръ, почему либо, не получитъ, въ установленномъ порядкѣ, утвержденія или вообще совершенъ безъ соблюденія какой бы то ни было особой формы, въ которую обыкновенно такіе договоры облекаются. Обстоятельства дѣла, вызвавшаго упомянутое разъясненіе, заключаются въ слѣдующемъ. Истецъ Андрей Лукасъ прослужилъ на заводѣ Адольфа Беккера и К° съ 1 января 1882 г. по

21 августа 1895 года, въ теченіи каковаго срока заводъ удерживалъ у него изъ заработной платы ежемѣсячно отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к. больничныхъ денегъ; пособія же по случаю болѣзни оказано было ему, истцу, всего на 7 рублей. Исчисляя въ виду сего, общую сумму вычетовъ за время съ 31 августа 1885 г. по день увольненія въ 140 руб. и исключая изъ этой суммы 7 руб., полученныхъ на леченіе, истецъ просилъ присудить ему съ завода Беккера и К° 133 р. Не отрицая, что изъ жалованія истца дѣйствительно производились указанные имъ вычеты, и указывая, что истецъ въ видѣ пособія получилъ всего 21 р. 70 к., отвѣтчикъ объяснилъ слѣдующее. Вычеты изъ жалованія рабочихъ обращались не на расходы по леченію рабочихъ, каковые расходы, согласно закону, долженъ нести самъ заводчикъ, но поступали въ особую, учрежденную при заводѣ, съ согласія рабочихъ, кассу, цѣль которой заключается въ предоставленіи заболѣвшимъ рабочимъ и членамъ ихъ семьи пособій на случай болѣзни. Расходы на эти пособія покрываются отчасти добровольными взносами рабочихъ въ означенную кассу, отчасти же изъ средствъ самого Беккера, который, какъ видно изъ торговыхъ книгъ, израсходовалъ изъ собственныхъ средствъ на такія пособія болѣе 5,308 руб. Подобнаго рода касса закономъ не запрещена и, хотя касса на заводѣ Беккера правительствомъ не утверждена, но она существуетъ благодаря взаимному согласію рабочихъ и завода, съ вѣдома мѣстной административной власти. Въ послѣднее время существованіе такихъ кассъ правительствомъ признано цѣлесообразнымъ, и въ законодательномъ порядкѣ возбужденъ вопросъ объ обязаніи заводчиковъ учреждать при своихъ заводахъ подобныя кассы. Въ подтвержденіе изложеннаго отвѣтчикъ представилъ: 1) удостовѣреніе пристава 1 участка города Либавы въ томъ, что заводомъ Беккера были представлены отчеты кассы для вспомоществованія больнымъ рабочимъ за 1893 и 1894 г.г., каковые отчеты представлены по начальству и 2) объявленіе окружнаго фабричнаго инспектора отъ 1 декабря 1895 г. того содержанія, что „въ

виду того несомнѣнно полезнаго значенія, которое должна имѣть для служащихъ и рабочихъ завода Беккера больничная касса, и что касса эта уже ранѣе существовала съ вѣдома Курляндскаго губернатора, Беккеру разрѣшается, на основаніи 107 ст. фабричнаго устава, временно, до полученія утвержденія горнаго департамента руководствоваться тѣми правилами, которыя помѣщены въ представленномъ на утвержденіе проектѣ устава этой больничной кассы (тождественномъ съ утвержденнымъ уставомъ больничной кассы для горныхъ заводовъ Царства Польскаго), и поэтому производить вычеты изъ заработной платы рабочихъ и жалованія служащихъ и выдавать пособія этимъ лицамъ и ихъ семействамъ, въ предѣлахъ, указанныхъ въ проектѣ устава и въ смыслѣ пунктовъ а и б вышеозначенной статьи фабричнаго устава". Мировой судья нашелъ, что вопросъ о безмолвномъ согласіи истца на производство вычетовъ изъ заработной платы не имѣетъ значенія, такъ какъ самое соглашеніе это если бы даже оно состоялось, не можетъ считаться для истца обязательнымъ (ст. 2922 III ч. свод. мѣстн. узакон.), такъ какъ законъ въ 102 ст. уст. о пром. запрещаетъ взысканіе съ рабочихъ платы за врачебную помощь, что входитъ въ кругъ дѣйствій кассы, въ пользу которой производились заводомъ Беккера вычеты. На семъ основаніи мировой судья призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію. Газенпотъ-Гробинскій *мировой съѣздъ нашелъ*, что отвѣтчикъ призналъ, что удержанныя съ рабочихъ деньги поступили въ кассу, которая не была утверждена установленнымъ въ законѣ порядкомъ; что же касается частныхъ правилъ, установленныхъ для своихъ рабочихъ самимъ Беккеромъ, то, независимо отъ того, что отвѣтчикъ не доказалъ изъявленія истцомъ согласія имъ подчиниться (ст. 2936 ч. III свод. мѣстн. узак.), таковыя во всякомъ случаѣ не могутъ считаться для рабочихъ обязательными, такъ какъ, вопреки 102 ст. уст. фабричн., которою фабрикантамъ воспрещено дѣлать вычеты изъ заработка на леченіе и вообще на медицинское пользованіе рабочихъ, удерживаемыя, по правиламъ Беккера, съ рабочихъ суммы предназначались между прочимъ на ока-

заніе рабочимъ медицинскаго пользованія, а именно на содержаніе врача, плату за лѣкарства и проч. (параграфы 9, 10 и другіе устава кассы). Согласно же параграфа 2 правилъ всѣ рабочіе принуждаются подчиняться правиламъ о вычетахъ, которые запрещены 102 ст. изъ чего видно, что Беккеръ и не считалъ нужнымъ заручиться согласіемъ истца относительно желанія его подчиниться добровольно установленному имъ порядку относительно вычетовъ. Ссылка отвѣтчика на то, что нынѣ главнымъ инженеромъ округа разрѣшено временное пользованіе этими правилами впредь до утвержденія кассы является лишь доказательствомъ того, что Беккеръ не имѣлъ права принудительно производить вычеты изъ заработной платы своихъ служащихъ. Что же касается ссылки апеллятора на то, что истецъ не имѣетъ права обратнаго требованія удержанныхъ у него фабрикою денегъ въ виду того, что, сверхъ полученнаго имъ пособія, сдѣланные вычеты пошли на оказаніе медицинской и другой помощи остальнымъ рабочимъ, то таковая не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ вычеты производились принудительно, безъ согласія истца. Указаніе же апеллятора на то, что Беккеръ, являясь управляющимъ деньгами, удержанными съ рабочихъ, обязанъ дать отчетъ общему собранію кассы, а не каждому рабочему въ отдѣльности, а поэтому находясь какъ бы въ составѣ правленія кассы, является лично отвѣтственнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ употребилъ деньги въ свою пользу, не можетъ имѣть для дѣла значенія, такъ какъ не доказано, что касса и ея уставы разрѣшены правительствомъ и что самъ Беккеръ уполномоченъ собраніемъ членовъ распоряжаться деньгами кассы. Подобнаго рода касса могла возникнуть исключительно на почвѣ взаимнаго согласія самихъ рабочихъ, но никоимъ образомъ нельзя признать за однимъ Беккеромъ, какъ фабрикантомъ, право принудительно задерживать деньги изъ заработной платы рабочихъ на образованіе капитала для расходованія по его единоличному усмотрѣнію, хотя бы и на цѣли, указанныя въ изданныхъ имъ правилахъ. Въ виду сихъ соображеній и согласно мотивамъ,

изложеннымъ мировымъ судьей, съѣздъ нашелъ жалобу апеллятора незаслуживающею уваженія. Въ *кассаціонной жалобѣ* повѣренный Беккера изложилъ, что рѣшеніе съѣзда основано не на представленныхъ къ дѣлу доказательствахъ, а на однихъ только предположеніяхъ самого суда. Съѣздъ вышелъ изъ того предположенія, что вычеты изъ жалованія Лукаса дѣлались принудительно безъ его согласія. Между тѣмъ самъ истецъ призналъ, что при заводѣ онъ состоялъ съ 1882 г., что за все это время производились вычеты изъ его жалованія и что изъ кассы, въ пользу коей удерживались деньги, онъ получалъ пособія. Изъ сего ясно вытекаетъ безмолвное согласіе истца быть членомъ той кассы, иначе непонятно, почему въ теченіи болѣе 13 лѣтъ Лукасъ безпрекословно подчинялся вычетамъ, и въ полученіи имъ пособій изъ кассы выражается признаніе его, что касса была учреждена и дѣйствовала съ его согласія. Въ ст. 2, 26—33 устава кассы выражено, что всѣ рабочіе завода состоятъ членами кассы, что общее собраніе членовъ избираетъ совѣтъ для управленія кассою и т. д. Участвовавъ въ общихъ сораніяхъ и въ выборахъ правленія, Лукасъ, очевидно, изъявилъ согласіе на устройство кассы. Всѣ эти обстоятельства и представленный въ подтвержденіе оныхъ уставъ кассы съѣздомъ оставлены безъ надлежащаго вниманія, въ чемъ заключается нарушеніе 2936 и 2939 ст. III ч. мѣстн. узак. и 456 ст. уст. гражд. суд. Беккеръ, состоя лишь управляющимъ кассы, обязанъ только къ отчетности, но не къ возвращенію внесенныхъ въ кассу денегъ; съѣздъ оставилъ безъ обсужденія ходатайство просителя объ осмотрѣ торговыхъ книгъ Беккера, доказывающихъ, что послѣдній доплатилъ къ средствамъ кассы изъ собственныхъ денегъ значительныя суммы. Касса была учреждена въ 1882 г., а ст. 102 уст. о пром. была помѣщена въ этомъ уставѣ лишь въ изданіи 1893 г. и съ тѣхъ поръ изъ кассы никакихъ расходовъ на леченія и лѣкарства произведено не было, въ чемъ съѣздъ могъ бы убѣдиться осмотромъ торговыхъ книгъ. Указывая въ заключеніе на нарушеніе съѣздомъ 3703, 3717 и 3718 ст. III ч. свод. мѣстн.

узак., проситель ходатайствовалъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія. Сообразивъ вышеизложенное Правительствующій Сенатъ нашелъ, что если между Беккеромъ и служащими на его заводѣ лицами, или между этими послѣдними, по побужденію перваго, или безъ таковаго состоялось соглашеніе объ учрежденіи и содержаніи своими вкладами такъ называемой „больничной кассы", то это есть договоръ товарищества, на условіяхъ, въ уставѣ сей кассы изложенныхъ, въ силу коего всѣ участвующія въ томъ соглашеніи лица взаимно, другъ передъ другомъ, приняли на себя обязанность содѣйствовать достиженію цѣли договора исполненіемъ установленныхъ для сего, по договору, условій (ст. 4266, 4268, 4294 III ч. свод. мѣстн. узак.). Изъ одного того обстоятельства, что уставъ кассы не утвержденъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы это должно было имѣть необходимымъ послѣдствіемъ признаніе самого договора товарищества безусловно недѣйствительнымъ и для участвовавшихъ въ немъ лицъ необязательнымъ. Относительно соблюдаемыхъ при заключеніи подобнаго договора формальностей специальный законъ, регулирующій взаимныя отношенія между заводчикомъ и рабочими на фабрикахъ, уставъ о промышленности фабричной и заводской (т. XI ч. 2 свод. зак.), ни въ новѣйшемъ его изданіи 1893 г., ни въ прежнихъ его изданіяхъ никакихъ указаній въ себѣ не заключаетъ. Общій же мѣстный законъ исключая изъ своего дѣйствія лишь компаніи на акціяхъ, кредитныя общества и товарищества торговыя (прим. къ ст. 4266 III ч. свод. мѣстн. узак.), указываетъ, что особой формы для договора товарищества не требуется, и что ему даетъ дѣйствительную силу простое соглашеніе участниковъ, даже и безмолвное, если намѣреніе ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (ст. 4272). При отсутствіи, такимъ образомъ, закона, требующаго (независимо отъ вопроса о присвоеніи, составляющему цѣль договора учрежденію юридической личности) утвержденія подобнаго договора административною властію въ видѣ существенной и необходимой формы самого договора, безъ соблюденія которой договоръ

не можетъ вообще воспріять силы и значенія законно-заключенной юридической сдѣлки,—надлежитъ признать, что, при наличности остальныхъ къ тому законныхъ условій, состоявшееся между сторонами соглашеніе должно, на общемъ основаніи, считаться дѣйствительнымъ и для нихъ обязательнымъ и безъ особаго его утвержденія административною властью. Во всякомъ же случаѣ, если бы такое утвержденіе и представляло собою условіе вступленія договора въ силу и дѣйствіе, то и тогда, пока не будетъ извѣстно, осуществится ли это условіе, или нѣтъ, ни одна изъ участвовавшихъ въ договорѣ сторонъ не вправѣ односторонне отъ онаго отступиться подъ тѣмъ только продлогомъ, что условія договора (уставъ) еще не утверждены (ст. 3167, 3168 III ч. свод. мѣстн. узак.) и право на обратное требованіе исполненнаго уже по договору могло бы наступить только тогда, когда будетъ съ достовѣрностью извѣстно, что условіе это не осуществится (ст. 3172), т. е. когда въ утвержденіи устава надлежащею властью будетъ *отказано*. Въ данномъ же случаѣ уставъ кассы при заводѣ Беккера не былъ формально утвержденъ не потому, что въ утвержденіи онаго компетентною властью было отказано, а потому только, что участники договора не озаботились представленіемъ устава въ надлежащее мѣсто на утвержденіе, что впрочемъ, на сколько видно изъ дѣла, впослѣдствіи было сдѣлано; а посему одно то обстоятельство, что означенный уставъ до начатія настоящаго процесса между Беккеромъ и Лукасомъ еще не былъ утвержденъ, само по себѣ не можетъ считаться основаніемъ права послѣдняго признать самый договоръ недѣйствительнымъ и для себя необязательнымъ. Такое право принадлежало бы ему, на общемъ основаніи, лишь въ томъ случаѣ, если бы цѣль договора была противна закону (ст. 4271, 3214, 2922 III ч. св. мѣстн. узак.), или если бы дѣйствительно съ его стороны не было свободнаго изъявленія согласія на условія того договора (ст. 2936 слѣд. и 2953 и слѣд. того же закона). Въ этомъ отношеніи съѣздъ установилъ, что условія устава о производствѣ вычетовъ изъ заработной платы противорѣчитъ ст. 102 уст. о пром., такъ какъ эти вычеты

предназначались, между прочимъ, на оказаніе рабочимъ медицинскаго пользованія, а именно на содержиніе врача, плату за лекарства и проч. Это заключеніе съѣзда, какъ выводъ изъ принадлежащаго ему толкованія смысла условій договора, относится къ существу дѣла. Но противозаконнымъ и посему необязательнымъ означенное условіе договора можетъ считаться только со времени изданія противорѣчащаго ему закона. Заключающееся же въ 102 ст. уст. о пром. запрещеніе взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь установлено впервые по Высочайше утвержденному 3 іюня 1886 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта (собр. узак. 1886 г. іюля 15, ст. 639); въ дѣйствовавшихъ же до тѣхъ поръ правилахъ о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ (глава III разд. II ст. 50—60 уст. о пром., изд. 1879 г.) подобнаго запрещенія не заключалось. Посему, въ виду неприсвоенія означенному закону (ст. 102 уст. о пром., изд. 1893 г.) обратной силы, запрещеніе это не могло обеззаконить состоявшіяся въ 1882 г. договорныя отношенія, слѣдовательно, съѣздъ, распространяя силу ст. 102 на время, предшествующее ея изданію, допустилъ нарушеніе ст. 60 осн. зак.; того же, чтобы и послѣ изданія этого закона изъ средствъ кассы производились воспрещенные этимъ закономъ расходы, съѣздъ не установилъ. Заключеніе съѣзда о недоказанности согласія истца Лукаса подчиниться условіямъ договора, само по себѣ, также относится къ существу дѣла, но оно можетъ подлежать кассаціонной повѣркѣ съ точки зрѣнія 129 и 142 ст. уст. гражд. суд. Не объясняя вовсе, по какимъ основаніямъ онъ не придаетъ значенія указанію Беккера на безмолвное изъявленіе Лукасомъ своего согласія, выразившееся въ долголѣтнемъ участіи послѣдняго въ товариществѣ въ качествѣ плательщика, получателя пособій, участника въ собраніяхъ и выборахъ товарищества и т. п., хотя по закону (ст. 4272, 2937, 2939 III ч. св. мѣстн. узак.) подобныя дѣйствія несомнѣнно заключаютъ въ себѣ изъявленіе согласія,—съѣздъ означенное свое заключеніе основываетъ единственно на предположеніи, что вычеты Беккеръ производилъ принудительно. Между тѣмъ, судебное рѣ-

шеніе должно быть основано на представленныхъ сторонами доказательствахъ, а не на предположеніяхъ самого суда (рѣш. сената 1893 г. № 12, 1879 г. № 296 и мн. др.), а на то, чтобы онъ подвергся принужденію, самъ истецъ вовсе не указывалъ. Если бы даже приведенное съѣздомъ условіе § 2 устава кассы, что всѣ рабочіе „принуждаются“ вступить въ кассу, считать оправданіемъ заключенія съѣзда, что Лукасъ сдѣлался соучастникомъ товарищества не добровольно, а по принужденію, то, во всякомъ случаѣ, это отнюдь не могло повести къ признанію самой сдѣлки недѣйствительною (ст. 2986), а давало лишь Лукасу право требовать отмѣны сдѣлки. Между тѣмъ и Лукасъ требуетъ возвращенія задержанныхъ денегъ вовсе не потому, что его принуждали быть соучастникомъ кассы, а только потому, что по окончательному разсчету оказалось, что онъ внесъ въ кассу больше, чѣмъ получилъ изъ нея въ видѣ пособій. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Газенпотъ-Гробинскаго мироваго съѣзда отмѣнить по нарушенію 60 ст. I тома законовъ основныхъ и 129 и 142 статей устава гражданскаго судопроизводства.

III. Имѣніе мѣщанина Селецкаго, заложенное въ Одесскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ за ссуду 4700 р. и мѣщанину Лазаровичу по второй закладной въ 1500 р., было назначено въ публичную продажу, для которой этимъ послѣднимъ, какъ взыскателемъ, было оцѣнено въ 4000 р. На торгахъ, произведенныхъ при Одесскомъ окружномъ судѣ 28 мая 1894 г., высшую цѣну за это имѣніе (4500 р.) предложилъ залогодержатель Лазаровичъ, но такъ какъ онъ не внесъ задатка, то торгъ продолжался и имѣніе осталось въ суммѣ 4100 р. за крестьяниномъ Голиковымъ. Между тѣмъ Лазаровичъ прошеніемъ, поданнымъ въ окружный судъ, просилъ не утверждать торговъ въ виду того, что высшая, предложенная на торгахъ Голиковымъ сумма не покрываетъ его закладной. Судъ освободилъ Лазаровича отъ штрафа въ три процента, опредѣленнаго въ 1177 ст. уст. гражд. суд., оставивъ, однако, его ходатайство объ укрѣпленіи за нимъ иму-

щества безъ удовлетворенія, а торги утвердилъ, укрѣпивъ продажу за Голиковымъ. На это постановленіе суда принесли жалобы и собственникъ имущества Селецкій и залогодержатель Лазаровичъ, а покупщикъ Голиковъ противъ означенныхъ жалобъ подалъ объясненіе. Селецкій и Лазаровичъ просили торги признать несостоявшимися, а Голиковъ просилъ опредѣленіе суда, состоявшееся 13 іюня 1894 года, объ укрѣпленіи за нимъ проданнаго имущества, утвердить. Одесская *судебная палата*, обратившись къ оцѣнкѣ доводовъ суда въ отношеніи вопроса объ освобожденіи Лазаровича отъ взысканія съ него штрафа, опредѣленнаго въ ст. 1177 уст. гражд. суд., признала, что соображенія суда по этому вопросу положительно лишены всякаго законнаго основанія, ибо никакой статьей закона не предусмотрѣно, чтобы залогодержатель, разъ онъ сталъ въ ряду другихъ торгующихся на торгахъ, пользовался бы въ отношеніи несоблюденія какихъ либо правилъ, установленныхъ для торгующихся, какими либо преимуществами и привилегіями. Лазаровичъ, предложивъ высшую на торгахъ сумму 4500 р. и не внеся задатка, долженъ былъ подлежать штрафу опредѣленному въ 1177 ст. уст. гражд. суд., а потому въ этомъ отношеніи опредѣленіе суда отъ 13 іюня 1894 г. и должно считаться неправильнымъ и какъ таковое должно подлежать отмѣнѣ. Равно неправильно опредѣленіе суда и въ отношеніи того, что судъ оставилъ безъ удовлетворенія ходатайство Лазаровича, какъ залогодержателя, объ укрѣпленіи за нимъ имущества ему заложеннаго, такъ какъ при наличности того факта, что Лазаровичъ выбылъ изъ торговъ до ихъ окончанія и за неисполненіе своихъ обязанностей по взносу задатка и оштрафованъ, то онъ, Лазаровичъ, и долженъ считаться въ отношеніи торговъ, состоявшихся уже, совершенно постороннимъ лицомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и разсматриваться какъ лицо, имѣющее право залогодержателя, а потому въ отношеніи его должны быть соблюдены всѣ тѣ правила, которыя установлены въ 1187 и 1068 ст. уст. гражд. суд., по силѣ которыхъ торгъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, ибо высшая, предложенная на тор-

гахъ, цѣна менѣе суммы, слѣдующей ему по закладной. А такъ какъ Лазаровичъ, въ срокъ, установленный закономъ, т. е. до укрѣпленія торговъ, заявилъ ходатайство суду объ оставленіи заложеннаго ему имущества за нимъ, то судъ не имѣлъ ровно никакого основанія не удовлетворить этого ходатайства Лазаровича, вполнѣ законнаго и правильно заявленнаго. Въ виду таковыхъ данныхъ, признавая опредѣленіе Одесскаго окружнаго суда неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ, Одесская судебная палата, руководствуясь 9 и 712 ст. уст. гражд. суд. въ разрѣшеніе жалобъ Селецкаго и Лазаровича, опредѣлила: отмѣнивъ обжалованное опредѣленіе, предписать Одесскому окружному суду подвергнуть Лазаровича штрафу и укрѣпить за нимъ заложенное ему имѣніе, принадлежащее Селецкому. Въ *кассаціонной жалобѣ* Голиковъ ходатайствовалъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ опредѣленія судебной палаты по нарушенію палатою 9, 1068 и 1187 ст. уст. гражд. суд., а Лазаровичъ въ *объясненіи* на кассаціонную жалобу просилъ объ оставленіи оной безъ послѣдствій. По разсмотрѣніи сего дѣла Правительствующій Сенатъ нашелъ, что содержаніемъ кассаціонной жалобы Голикова возбуждался вопросъ о томъ: залогодержатель, предложившій за имѣніе на публичномъ торгѣ сумму, не покрывающую его залоговой претензіи, на удовлетвореніе которой продавалось заложенное имѣніе, и оштрафованный за невзносъ задатка, можетъ ли оставить имѣніе за собою по 2 пункту 1068 ст. уст. гражд. суд., если на новомъ торгѣ, въ которомъ залогодержатель уже не участвовалъ, высшая предложенная другимъ лицомъ цѣна будетъ ниже той, въ которую имѣніе заложено? По мнѣнію просителя, къ такому залогодержателю непримѣнимо правило 1187 и 1068 ст. уст. гражд. суд., ибо, какъ объясняетъ проситель: а) правило это постановлено на тотъ случай, когда заложенное имѣніе продается по частному взысканію и залогодержатель не участвуетъ въ торгѣ; б) разъ, что торгъ назначается по претензіи залогодержателя и онъ въ торгѣ участвуетъ, причемъ и оцѣниваетъ имѣніе и предлагаетъ за него сумму ниже залоговой, то этимъ

онъ ясно показываетъ, что не интересуется полной суммой закладной, и потому законъ перестаетъ заботиться о его интересахъ и не даетъ ему права разорять неповинныхъ покупщиковъ, требуя уничтоженія правильнаго торга; в) выбытіе залогодержателя изъ торговъ до окончанія оныхъ не производитъ перемѣны въ его положеніи, основанной на положительномъ законѣ. Эти сужденія просителя не могутъ быть признаны правильными. Правительствующимъ Сенатомъ уже разъяснено, что залогоприниматель имѣетъ право на утвержденіе за собою заложеннаго имѣнія не иначе, какъ въ суммѣ залога, безотносительно къ тому, будетъ ли залоговая сумма выше или ниже оцѣнки (рѣш. 1871 г. № 994, 1875 г. № 493, 1876 г. № 93, 1895 г. № 76, 1897 г. № 13 и др.). Такое право залогодержателя, выраженное въ 1187 и 1068 ст. уст. гражд. суд., не ставится въ зависимость отъ его участія или неучастія въ торгѣ и, при отсутствіи указанія на то въ законѣ, противоположное утвержденіе просителя лишено основанія и не заслуживаетъ уваженія. По ст. 1171 уст. гражд. суд., если торгъ на имѣніе должника не состоится, то кредиторы вообще имѣютъ право просить о производствѣ новаго торга, или удержать имѣніе за собою въ оцѣночной суммѣ. Тѣмъ неосновательнѣе было бы отвергать право кредитора-залогодержателя на оставленіе за собою заложеннаго имѣнія въ искъ по закладной въ томъ случаѣ, когда его залоговая претензія превышаетъ какъ оцѣночную, такъ и высшую, предложенную на торгахъ сумму, ибо заложенное имѣніе составляетъ единственный и исключительный источникъ удовлетворенія обезпечиваемаго имъ долга (рѣш. 1876 г. № 93 и др.). По приведеннымъ соображеніямъ, признавая, что возбужденный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и что засимъ въ объясненіяхъ просителя не оказывается законныхъ поводовъ къ отмѣнѣ обжалованнаго опредѣленія, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу Голикова оставить за силою 793 ст. уст. гражд. суд. безъ послѣдствій.

IV. Можетъ ли быть обжаловано, въ кассаціонномъ по-

рядкѣ, опредѣленіе мироваго съѣзда, состоявшееся по частной жалобѣ на опредѣленіе мироваго судьи, постановленное по просьбѣ объ обезпеченіи доказательствъ? Вышеозначенный вопросъ возникъ въ судебной практикѣ по слѣдующему поводу. Повѣренный мѣщанина Елисѣева подалъ мировому судьѣ прошеніе, въ которомъ, объясняя, что, въ виду предстоящаго дѣла о несостоятельности наслѣдниковъ купца Михаила Ѳомичева, ихъ торговыя книги имѣютъ для кредиторовъ особенное значеніе, какъ доказательство стоимости товара, количества долговъ и вообще всего хода торговаго дѣла, и что наслѣдники Ѳомичева предъявили судебному приставу ходатайство о выдачѣ имъ торговыхъ книгъ, находящихся въ ихъ арестованномъ магазинѣ, просилъ мироваго судью, на случай выдачи книгъ, произвести, на основаніи ст. 82^{1-8} уст. гражд. суд., осмотръ этихъ книгъ для обезпеченія доказательствъ по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ. Мировой судья оставилъ это прошеніе безъ послѣдствій. По частной жалобѣ повѣреннаго Елисѣева, разсмотрѣвъ дѣло, Харьковскій *мировой съѣздъ нашелъ*: 1) что въ ст. 82^{1} уст. гражд. суд., съ точностью указаны тѣ доказательства, обезпеченіе которыхъ допускается прежде, чѣмъ будетъ предъявленъ искъ, и въ числѣ этихъ доказательствъ письменные документы не указаны; 2) что и тѣ доказательства, требовать обезпеченія которыхъ законъ предоставляетъ право, могутъ быть обезпечиваемы не по всякой просьбѣ заинтересованнаго въ томъ лица, а лишь тогда, когда представляется основаніе опасаться, что допросъ свидѣтелей, осмотръ на мѣстѣ, или заключеніе свѣдущихъ людей сдѣлаются въ послѣдствіи невозможными или весьма затруднительными; 3) что, въ данномъ случаѣ, по малолѣтству нѣкоторыхъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Михаила Ѳомичева, все имущество послѣднихъ поступило въ вѣдѣніе сиротскаго суда, а потому не представляется основанія опасаться, что осмотръ торговыхъ книгъ, которыя вмѣстѣ съ имуществомъ должны также поступить въ вѣдѣніе опеки,—можетъ почему-либо сдѣлаться впослѣдствіи невозможнымъ или затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что тѣ данныя, констатированія которыхъ домо-

гается повѣренный Елисѣева торговыми книгами, всегда могутъ быть извлечены изъ дѣла того же сиротскаго суда; 4) что, независимо отъ сего, обозрѣніе торговыхъ книгъ судомъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 617 и 618 уст. торг. (изд. 1887 г.), и 5) что настоящій случай не можетъ быть подведенъ подъ тѣ случаи, которые предусмотрѣны въ приведенныхъ выше статьяхъ устава торговаго. По симъ соображеніямъ съѣздъ опредѣлилъ: частную жалобу повѣреннаго Елисѣева, на точномъ основаніи 82¹ ст. уст. гражд. суд., оставить безъ уваженія. Въ *кассаціонной жалобѣ* повѣренный Елисѣева ходатайствуетъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ опредѣленія мироваго съѣзда по слѣдующимъ приводимымъ имъ основаніямъ: 1) сужденіе съѣзда, что, по силѣ ст. 82¹ уст. гражд. суд., осмотръ книгъ допущенъ быть не можетъ, нарушаетъ эту статью, коею обезпеченіе доказательствъ „осмотромъ“ допущено. 2) Статьи 617 и 618 уст. торг., точно опредѣляя случаи, въ которыхъ допустимо предъявленіе купеческихъ книгъ въ судъ помимо воли хозяина, охраняютъ такъ называемую коммерческую тайну. Мировой съѣздъ примѣнилъ эти статьи къ данному дѣлу, не смотря на то, что торговля Ѳомичевыхъ перестала существовать, а стало быть и торговыя книги потеряли прежнее значеніе, и потому могутъ быть обозрѣваемы судомъ. 3) Выводъ съѣзда о томъ, что по нахожденію имущества Ѳомичевыхъ въ вѣдѣніи опеки, нѣтъ основанія опасаться, что осмотръ торговыхъ книгъ, которыя вмѣстѣ съ имуществомъ должны также поступить въ вѣдѣніе опеки, можетъ сдѣлаться въ послѣдствіи почему-либо невозможнымъ, основанъ, вопреки 129 ст. уст. гражд. суд., не на дѣйствительныхъ фактахъ, установленныхъ надлежащимъ образомъ въ процессѣ, а на предположеніи. По разсмотрѣніи сего дѣла Правительствующій Сенатъ остановился, прежде всего, на *вопросѣ* о томъ, можетъ ли быть обжаловано въ *кассаціонномъ* порядкѣ опредѣленіе мироваго съѣзда, состоявшееся по частной жалобѣ на опредѣленіе мироваго судьи, постановленное по просьбѣ объ обезпеченіи

доказательствъ. Въ семъ отношеніи Правительствующій Сенатъ нашелъ, что гражданскій кассаціонный департаментъ Сената, въ предоставленномъ ему кругѣ дѣятельности, разсматриваетъ дѣла лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, причемъ въ этомъ порядкѣ можетъ быть обжаловано, съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ, всякое постановленіе суда, хотя бы оно и не принадлежало къ числу рѣшеній въ строгомъ смыслѣ этого слова (ст. 705 уст. гражд. суд.), если этимъ постановленіемъ разрѣшается окончательно вопросъ о чьемъ либо правѣ и тѣмъ заканчивается судебное производство по данному вопросу; кассаціонныя жалобы не могутъ быть приносимы лишь на тѣ частныя опредѣленія, которыми разрѣшается какой-либо процессуальный вопросъ и за которыми слѣдуетъ рѣшеніе по существу или вообще окончательное постановленіе суда (рѣш. 1872 г. № 1137 и др.). По уставу гражданскаго судопроизводства, просьбы объ обезпеченіи доказательствъ допускаются въ мировыхъ и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ (ст. 29 п. 6, 82^{1-8} и 369^{1}), какъ во время производства дѣла, такъ и до предъявленія иска (ст. 82^{2}), когда имѣется основаніе опасаться, что допросъ свидѣтелей, осмотръ на мѣстѣ, или истребованіе заключенія свѣдущихъ людей сдѣлаются впослѣдствіи невозможными, или весьма затруднительными (ст. 82^{1}), удовлетвореніе просьбы объ обезпеченіи доказательствъ не предрѣшаетъ вопроса о допущеніи и силѣ ихъ по тому дѣлу, для котораго проситель ходатайствовалъ о принятіи мѣръ обезпеченія; тяжущійся, не вызванный къ производству объ обезпеченіи доказательствъ, или неполучившій повѣстки о вызовѣ, въ правѣ указывать, при производствѣ исковаго дѣла, на допущенныя при обезпеченіи доказательствъ отступленія отъ предписаннаго закономъ порядка (ст. 82^{8}). Изъ содержанія приведенныхъ узаконеній явствуетъ, что просьбы объ обезпеченіи доказательствъ составляютъ *отдѣльный* отъ исковаго производства *особый видъ частныхъ производствъ*, въ которомъ постановленіями судовъ, не принадлежащими къ числу рѣшеній въ строгомъ смыслѣ этого слова, заканчивается судебное производство по дан-

ному предмету; при чемъ могутъ быть случаи, въ которыхъ безъ своевременнаго обезпеченія доказательствъ самое предъявленіе иска дѣлается невозможнымъ или напраснымъ. Изъ сего, согласно съ принятымъ Правительствующимъ Сенатомъ началомъ для опредѣленія допустимости кассаціоннаго обжалованія,—слѣдуетъ прійти къ заключенію, что постановленный вопросъ относительно обжалованія въ кассаціонномъ порядкѣ постановленій судовъ по просьбамъ объ обезпеченіи доказательствъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію кассаціонной жалобы повѣреннаго Елисѣева, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что сущность этой жалобы сводится къ вопросу о томъ, распространяется ли допускаемый для обезпеченія доказательствъ осмотръ на мѣстѣ *на обозрѣніе купеческихъ книгъ*? По ст. 82[1] уст. гражд. суд., лица, имѣющія основаніе опасаться, что допросъ свидѣтелей, осмотръ на мѣстѣ, или истребованіе заключенія свѣдущихъ людей сдѣлаются впослѣдствіи невозможными, или весьма затруднительными, могутъ просить объ обезпеченіи сихъ доказательствъ. Законъ этотъ имѣетъ своею задачею облегчить точное установленіе доказательствъ, прежде чѣмъ они подвергнутся измѣненію или уничтоженію, но въ постановленіяхъ означеннаго закона не содержится указанія на то, чтобы съ изданіемъ этого закона расширялось примѣненіе принятыхъ въ уставахъ судопроизводства доказательствъ. Изъ статьи 82[8], предоставляющей тяжущемуся, не вызванному къ производству объ обезпеченіи доказательствъ, указывать, при производствѣ исковаго дѣла, на допущенныя при обезпеченіи доказательствъ отступленія отъ законнаго порядка, вытекаетъ прямо противоположный выводъ, состоящій въ томъ, что и въ этомъ производствѣ сохраняютъ силу существующія правила о судебныхъ доказательствахъ. Въ статьяхъ 617 и 618 уст. торг. (т. XI, ч. 2, изд. 1893 г.), указаны случаи, въ которыхъ допустимо предъявленіе купеческихъ книгъ въ судъ помимо воли хозяина, а именно: оно обязательно въ случаяхъ спора о наслѣдствѣ или по торговому товариществу, въ случаѣ объявленной несостоятельности хо-

зяина и при производствѣ предварительнаго слѣдствія, когда купеческія книги нужны въ качествѣ письменныхъ или вещественныхъ доказательствъ. Въ виду сихъ точныхъ указаній закона о доказательствѣ купеческими книгами и на основаніи изъясненныхъ соображеній, надлежитъ признать, что и въ производствѣ объ обезпеченіи доказательствъ не можетъ быть допущенъ осмотръ купеческихъ книгъ внѣ случаевъ, упоминаемыхъ въ ст. 617 и 618. Переходя къ обстоятельствамъ даннаго дѣла, оказывается, что ходатайство Елисѣева объ осмотрѣ торговыхъ книгъ наслѣдниковъ купца Ѳомичева послѣдовало въ виду предстоящаго дѣла о несостоятельности Ѳомичевыхъ и вызвано со стороны просителя опасеніемъ возможной утраты этого доказательства. Мировой съѣздъ въ обжалованномъ опредѣленіи отказалъ въ этомъ ходатайствѣ какъ потому, что за поступленіемъ торговыхъ книгъ и всего имущества наслѣдниковъ Ѳомичева въ вѣдѣніе сиротскаго суда, нѣтъ основанія опасаться, что осмотръ тѣхъ книгъ можетъ почему-либо сдѣлаться въ послѣдствіи невозможнымъ или затруднительнымъ, такъ и за силою 617 и 618 статей уст. торг., не предусматривающихъ случая обязательнаго предъявленія купеческихъ книгъ въ судъ помимо воли хозяина до объявленія несостоятельности его, лишь въ предвидѣніи предстоящаго открытія оной. Первое основаніе къ отказу въ просьбѣ Елисѣева относится къ фактической сторонѣ дѣла, не подлежащей повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, а второе основаніе представляется правильнымъ и согласнымъ съ вышеизложенными соображеніями Правительствующаго Сената. Вслѣдствіе сего, не усматривая въ обжалованномъ опредѣленіи нарушенія указываемыхъ просителемъ законовъ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Елисѣева оставить, за силою 186 ст. уст. гражд. суд., безъ послѣдствій.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Вторая половина 1897 года).

Точно подсчитанный урожай хлѣбовъ и травъ въ Европейской Россіи въ 1897 г. оказался весьма неудовлетворительнымъ. Главною причиною неурожая была засуха, господствовавшая почти въ теченіе всего лѣта въ юговосточныхъ и частію въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ. По довольно обстоятельнымъ даннымъ, собраннымъ Торговопромышленной газетой чрезъ спеціальныхъ корреспондентовъ, въ наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ урожай представлялся въ слѣдующемъ видѣ. Въ Тамбовской губ. урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ ниже средняго, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ плохъ, хотя яровые хлѣба нѣсколько лучше озимыхъ. Въ Тульской губерніи урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ вышелъ въ общемъ ниже средняго. Въ Рязанской губерніи сборъ ржи получился ниже средняго, во многихъ мѣстахъ собраны только сѣмена. Въ Курской губерніи урожай хлѣбовъ какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ получился ниже средняго. Въ Орловской губерніи урожай озимыхъ хлѣбовъ оказался ниже средняго, яровыхъ—частію ниже средняго, частію плохой, а по отношенію къ прошлому году урожай тѣхъ и другихъ хлѣбовъ вышелъ значительно хуже. Въ Полтавской губерніи урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ вышелъ немного ниже средняго и хуже, чѣмъ былъ въ прошломъ году. Въ Черниговской губерніи въ общемъ урожай средній, но

хуже, чѣмъ былъ въ 1896 году. Въ Харьковской губерніи сухая и жаркая погода неблагопріятно отразилось на созрѣваніи хлѣбовъ. Урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ въ землевладѣльческихъ экономіяхъ получился выше средняго, на крестьянскихъ же земляхъ ниже средняго. Сравнительно съ предъидущимъ годомъ урожай вышелъ хуже какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Въ Воронежской губерніи урожай озимыхъ и яровыхъ плохой, ячмень же почти повсемѣстно пропалъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ урожай получился пестрый. Въ Сѣверномъ Кавказѣ сборъ озимыхъ хлѣбовъ плохой, мѣстами ихъ совсѣмъ не убирали; особенно плохо въ Ставропольской губерніи, которая представляетъ собою житницу Кавказа, здѣсь и яровые плохи. Въ Тобольской губерніи наоборотъ частые дожди во многихъ мѣстахъ препятствовали созрѣванію хлѣбовъ. Урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ въ общемъ получился ниже средняго и хуже, чѣмъ въ 1896 году. Качество зерна плохое. Въ Калужской губерніи урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ плохой. Въ Калужскомъ уѣздѣ сборъ озимой ржи ниже средняго, яровыхъ—полный неурожай и не собрано даже сѣмянъ. Въ Астраханской губерніи озимые и яровые хлѣба въ большинствѣ случаевъ пропали, были скошены или стравлены на кормъ скоту; въ лучшемъ случаѣ урожай вышелъ около 20 пудовъ на десятину. Въ общемъ урожай былъ не только хуже прошлогодняго, но и совсѣмъ плохой. Травы родились только на низкихъ мѣстахъ и притомъ дали укосъ ниже средней нормы. Въ общемъ получается довольно безотрадная картина большаго неурожая, охватившаго почти двадцать губерній. При этомъ слѣдуетъ напомнить, что и въ благополучныхъ губерніяхъ далеко не всѣ продукты уродились одинаково хорошо. Такъ въ Таврической губерніи озимые уродились ниже средняго и дали плохое, легковѣсное зерно, въ Тверской губерніи получился мѣстами несовсѣмъ удовлетворительный урожай травъ, въ Костромской губерніи овсы пострадали отъ засухи и т. д. По даннымъ центральнаго статистическаго комитета весь урожай въ Европейской

и Азіатской Россіи составляетъ: озимой и яровой ржи 1054 мил. пудовъ противъ 1224 мил. урожая 1896 года, а пшеницы (также озимой и яровой) 564 мил. пудовъ противъ 684 мил. урожая 1896 года. Такимъ образомъ урожай 1897 года оказался менѣе предъидущаго года для ржи на 170 мил. и для пшеницы на 120 мил., а всего на 290 мил. пудовъ. По отдѣльнымъ губерніямъ эта разница была еще замѣтнѣе. Такъ яровой пшеницы родилось въ Курской губерніи въ 1897 году 786 тысячъ пудовъ, въ 1896 г.— 1085 тыс., въ Воронежской въ соотвѣтствующіе годы 7708 и 11,634 тысячи, въ Саратовской 14,764 и 29,539 тысячъ, въ Самарской 37,056 и 59,061 тысяча, въ Ставропольской 1532 и 4706 тысячъ пудовъ и т. д. Какъ обыкновенно всегда бываетъ во время большихъ неурожаевъ, больше всего пострадали крестьянскія хозяйства, изъ которыхъ многія не сняли даже сѣмянъ и уже раннею осенью оказались въ тяжеломъ положеніи. Причины этого явленія вполнѣ понятны. А именно: крестьяне повсемѣстно распахиваютъ всю владѣемую ими площадь земли, не оставляя ничего подъ лугами и другими угодьями, что исключаетъ возможность правильнаго плодосмѣннаго сѣвооборота и ведетъ къ постепенному и окончательному истощенію почвы. Затѣмъ и эта крестьянская земельная площадь въ виду невѣжества населенія и незнакомства его съ требованіями сельско-хозяйственнаго знанія обработывается первобытными способами и орудіями. Такимъ образомъ результатомъ хозяйственной рутины и умственнаго застоя является крайняя бѣдность, которая поддерживаетъ ихъ и закрѣпляетъ на будущее время. Получается крѣпкая круговая порука бѣдности и невѣжества, которыя вотъ уже цѣлыя столѣтія гнетутъ русскій народъ. Общество и государство напрасно стали бы тратить силы и средства, чтобы поднять экономическое положеніе невѣжественной народной массы, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ всѣ эти усилія разобьются о вѣковую косность народа и болѣе достаточныя средства исчезнутъ въ безолаберномъ хозяйничаньи и въ порокахъ. Иной характеръ можетъ принять культурная дѣя-

тельность правительства и общества, направленная на распространеніе грамотности и просвѣщенія. Эти высшія духовныя блага, столь свойственныя и необходимыя человѣку, могутъ серьезнымъ образомъ повліять на улучшеніе экономическаго положенія какъ путемъ созданія болѣе разумныхъ условій народнаго хозяйства, такъ и путемъ воспитанія добрыхъ нравовъ, бережливости, разумнаго отношенія къ своимъ правамъ и обязанностямъ и т. п. Средства, посѣянныя въ этой области, даютъ медленный, но несомнѣнно большой урожай, который долженъ благопріятно отразиться на сельскомъ хозяйствѣ и будетъ содѣйствовать устраненію его хроническихъ бѣдствій и все учащающихся голодовокъ. Продовольственныя мѣры и вѣдающая ихъ благотворная дѣятельность земства только временно ослабляютъ вредныя послѣдствія неурожаевъ. Широкое же и повсемѣстное распространеніе общаго и спеціальнаго образованія можетъ рѣшительнымъ и кореннымъ образомъ вліять на созданіе новыхъ благопріятныхъ условій сельскаго хозяйства, при которыхъ сдѣлается невозможнымъ появленіе недорода одновременно въ огромной части государства.

Тяжелыя послѣдствія неурожая 1897 года прежде всего отразились на наиболѣе слабыхъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Эти домохозяева за недостаткомъ сѣмянъ собственнаго урожая или вынуждены были оставить незасѣянными въ 1898 году озимыя поля, или для покупки сѣмянъ продали часть своего скуднаго инвентаря и домашняго скарба или сдали землю въ аренду за безцѣнокъ. Послѣдняя форма хозяйства является уже безповоротнымъ шагомъ къ полному разоренію, такъ какъ арендная плата быстро истрачивалась на пропитаніе семьи, а въ слѣдующемъ году крестьяне не могли уже ожидать никакого дохода за исключеніемъ заработной платы, которая за послѣдніе года въ черноземной и степной полосахъ Россіи становится все скуднѣе и ничтожнѣе въ силу сокращенія размѣровъ хозяйства, роста населенія и введенія въ употребленіе сельско-хозяйственныхъ машинъ, которыя въ нѣсколько разъ уменьшаютъ потребность въ рабочихъ рукахъ.

Затѣмъ для пропитанія семействъ крестьяне неурожайныхъ губерній, которыя имѣютъ исключительно сельско-хозяйственный характеръ и совершенно лишены кустарныхъ и иныхъ промысловъ, принуждены были продавать скотъ, орудія и другіе необходимые предметы или запродавать болѣе крупнымъ хозяевамъ трудъ на будущее лѣто. Но и этихъ средствъ хватило у многихъ не далѣе новаго года. Своевременная помощь ссудами, выданная земствами изъ мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ, значительно ослабила нужду, но не была достаточною. Ходатайства же земскихъ собраній предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о ссудахъ изъ имперскаго продовольственнаго капитала могли удовлетворяться только въ незначительной ихъ части. Если присоединить къ этому массу формализма, окружающаго наше продовольственное дѣло, безработицу, обыкновенно сопровождающую неурожайные годы, и то обстоятельство, что продовольственная помощь земства оказывается лишь населенію, входящему въ составъ сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ за поручительствомъ этихъ послѣднихъ, то является вполнѣ понятною тяжесть положенія населенія пострадавшихъ мѣстностей и настоятельная необходимость частной благотворительной помощи, которая остается во многихъ случаяхъ единственнымъ средствомъ спасенія отъ послѣдствій неурожая.

Изъ финансово-экономическихъ мѣропріятій второй половины 1897 года нельзя не остановиться на завершеніи денежной реформы и на дальнѣйшемъ расширеніи района казенной продажи вина. Эти двѣ грандіозныя финансовыя мѣры съ 1894 года настолько поглотили вниманіе министерства финансовъ, что оно, за исключеніемъ текущихъ вопросовъ, должно было оставить открытыми многіе другіе вопросы, которые давно уже ждутъ своего рѣшенія. Къ этимъ вопросамъ въ особенности принадлежатъ: повсемѣстное введеніе покрайней мѣрѣ начальнаго и спеціальнаго образованія, пересмотръ устарѣвшей и неравномѣрной податной системы, организація народнаго производительнаго и мелкаго кредита

и укрѣпленіе раціональными экономическими мѣропріятіями распатаннаго сельскаго хозяйства.

Еще въ началѣ 1897 года, именно 3 января, былъ изданъ законъ, составляющій коренной поворотъ въ дѣлѣ введенія денежной реформы и металлическаго обращенія. Имъ установлена была чеканка золотой монеты, на которой изображена была стоимость ея въ кредитныхъ рубляхъ, т. е. на полуимперіалъ поставлено было изображеніе семи руб. пятидесяти копѣекъ, а на имперіалъ пятнадцати рублей. Эта мѣра является крупнымъ событіемъ въ упорядоченіи внутренняго денежнаго обращенія, такъ какъ устраняетъ пріемъ золота по какому бы то ни было хотя бы и утвержденному курсу. Въ будущемъ, когда не останется во внутреннемъ обращеніи прежняго пятирублеваго золота, новая мѣра можетъ устранить обманы невѣжественныхъ и простодушныхъ людей, которые постоянно страдаютъ отъ измѣненія монетныхъ и фондовыхъ цѣнностей. Но одновременно съ удобствами законъ 3 января 1897 года имѣетъ большой недостатокъ, ибо создаваемыя имъ золотыя монеты непригодны для уплаты по заграничнымъ и вообще золотымъ займамъ, по таможеннымъ пошлинамъ и т. п. Здѣсь приходится выплачивать новою золотою монетою въ полтора раза большее количество золотыхъ рублей противъ суммы, причитающейся по нормальному разсчету. Эта двойственность золотой монеты: одной, годной только для внутренняго, а другой—для внѣшняго обращенія составляетъ большой недостатокъ реформы, который можетъ повлечь въ обыденной жизни къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ, а затѣмъ и къ значительнымъ потерямъ. Затѣмъ закономъ 29 августа 1897 года установлены предѣлы эмиссіонной операціи государственнаго банка, которомъ разрѣшено отнынѣ выпускать въ обращеніе кредитныхъ билетовъ до 600 милліоновъ рублей при обезпеченіи золотомъ на половину, т. е. до 300 мил., а при выпускѣ дальнѣйшихъ суммъ требуется обезпеченіе рубль за рубль. Послѣ изданія этого закона государственный банкъ, приступилъ къ изъятію изъ народнаго обращенія преимуще-

ственно болѣе мелкихъ кредитныхъ билетовъ и къ замѣнѣ ихъ металломъ болѣе энергичными мѣрами, которыя дали благопріятные результаты уже въ теченіе прошлаго года. Такъ по даннымъ, сообщеннымъ г. министромъ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1898 годъ, въ народномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ находилось въ концѣ 1896 года 981,7 милліоновъ, а въ концѣ 1897 г.—930 мил. Къ этимъ же срокамъ въ народномъ обращеніи находилось золота 37,5 и 155 мил. и серебра 50 и 99 мил. руб. Такимъ образомъ количество кредитныхъ билетовъ за годъ уменьшилось почти на 52 мил., а сумма золота увеличилась на 117 мил., а серебра на 49 мил. рублей. Дальнѣйшія мѣры къ распространенію металлическаго денежнаго обращенія принимаются и въ настоящемъ году. Наконецъ двумя Высочайшими указами 14 ноября 1897 года установлены съ одной стороны чеканка новой пятирублевой монеты, и съ другой опредѣленіе, что отнынѣ монетною единицею въ Россіи признается не серебряный, а золотой рубль, соотвѣтствующій $17^{224}/_{1000}$ долямъ чистаго золота и что государственный банкъ размѣниваетъ кредитные билеты на золото безъ ограниченія суммы. Соотвѣтственно этому послѣднему распоряженію, измѣнена и надпись на кредитныхъ билетахъ. Такимъ образомъ золотая валюта съ этого времени должна считаться законодательнымъ путемъ введенною въ Россіи, а серебряный рубль, какъ монетная единица, упраздненнымъ, послѣ чего серебро остается какъ бы разновидностью или суррогатомъ кредитныхъ билетовъ. По даннымъ министерства финансовъ наличность золота государственнаго банка и государственнаго казначейства, составлявшая въ концѣ 1896 года 1206 милліоновъ рублей, достигла къ 1 января 1898 года 1315 милліоновъ. Поэтому имѣется полное основаніе вѣрить, что металлическій размѣнный фондъ у насъ вполнѣ достаточенъ для совершенной денежной реформы, но представляется несовсѣмъ понятнымъ, почему финансовое вѣдомство слишкомъ энергическими мѣрами старается распространить золото и

серебро въ публикѣ, предписывая отдѣленіямъ государственнаго банка и казначейства обязательно выдавать ихъ вмѣсто кредитныхъ билетовъ низшихъ и даже высшихъ достоинствъ. Данное въ государственной росписи на 1898 годъ объясненіе, что это дѣлается для того, чтобы населеніе, въ случаѣ неблагопріятнаго разсчетнаго баланса, скорѣе почувствовало отливъ золота заграницу и приняло мѣры къ его возстановленію, едва ли основательно, такъ какъ оно не можетъ оправдывать экстраординарныхъ и стѣснительныхъ мѣръ по выдачѣ золота непремѣнно всѣмъ и повсемѣстно. Золото, удобное для крупныхъ промышленныхъ центровъ съ ихъ многотысячными разсчетами, не подходитъ въ особенности къ деревенскимъ нравамъ и средствамъ Россіи. Тамъ, въ селахъ,— грошевые интересы, заработки, оцѣниваемые гривенниками, продукты копѣечной цѣнности, а потому для деревни неудобны семирублевыя и пятнадцатирублевыя золотыя монеты. Но такъ какъ наша русская жизнь и народное хозяйство измѣряются потребностями деревни, то нельзя ожидать широкаго распространенія золота внутри страны. Да и едва ли нужно добиваться этого распространенія во чтобы то ни стало, такъ какъ для прочности денежнаго обращенія достаточно одного довѣрія, что кредитныя билеты могутъ быть во всякое время обмѣнены на золото и что его вполнѣ достаточно для этой цѣли въ кассахъ министерства финансовъ. Введенной денежной реформѣ опасность грозитъ не со стороны публики, предпочитающей золоту кредитные билеты, а со стороны общихъ народнохозяйственныхъ условій жизни. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ бѣдность населенія, шаткость его хозяйственныхъ основъ и непрочность разныхъ видовъ промышленности, которыя могутъ не оправдать возлагаемыхъ надеждъ, оказаться ниже сдѣланныхъ предположеній и тѣмъ поколебать финансовое равновѣсіе. Что касается государственнаго хозяйства, то главными источниками его средствъ у насъ являются не сборы, получаемые съ богатыхъ и достаточныхъ классовъ, а суммы, взимаемыя съ народа путемъ обложенія его потребленія косвенными налогами. Нынѣ тор-

говый балансъ клонится въ пользу Россіи: вывозъ ея составляетъ въ годъ до 850 мил. рублей, а ввозъ не болѣе 720 мил. Такимъ образомъ получается избытокъ въ 130 мил. Но этотъ выгодный балансъ не заключаетъ въ себѣ большой прочности, такъ какъ наибольшую часть русскаго вывоза заграницу составляютъ хлѣбъ и другіе сырые продукты, количество которыхъ сильно колеблется въ періоды урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ. При измѣненіи же торговаго баланса въ неблагопріятную сторону и при нашихъ значительныхъ платежахъ по заграничнымъ государственнымъ займамъ золото можетъ быстро уходить за границу, чѣмъ можетъ серьезно поколебаться успѣхъ денежной реформы. Не слѣдуетъ забывать, что благопріятный торговый балансъ, т. е. преобладаніе вывоза надъ ввозомъ, объясняются скорѣе русскою бѣдностью, чѣмъ избыткомъ привозимыхъ продуктовъ, такъ какъ богатыя страны обыкновенно болѣе покупаютъ, чѣмъ продаютъ. Такъ напримѣръ, въ Великобританіи средній годовой ввозъ достигаетъ 3750 мил. рублей, а вывозъ не болѣе 2000 мил., во Франціи ввозъ 1400 мил., а вывозъ 1100 мил. и т. д. Поэтому нашему финансовому вѣдомству, ради закрѣпленія результатовъ уже выполненной денежной реформы, нужно обратить вниманіе и направить свои средства на поддержаніе и дальнѣйшее развитіе экономическихъ и хозяйственныхъ силъ страны, на развитіе и укрѣпленіе земледѣльческой промышленности, на созданіе народнаго кредита, на распространеніе общаго и спеціальнаго образованія, другими словами, на созданіе тѣхъ основъ, безъ которыхъ невозможна прочная денежная система.

Казенная продажа вина въ теченіе 1897 года охватила еще новый районъ и съ 1 іюля была введена въ губерніяхъ: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, и Смоленской. Намъ приходилось уже много говорить о слабыхъ сторонахъ этой реформы, въ которой казна является предпринимательницею и хозяйкою въ одномъ изъ сложныхъ видовъ внутренней торговли. Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о выгодѣ и барышахъ, мы выражали сомнѣніе въ до-

стижимости интересовъ отрезвленія народа и улучшенія нравовъ, которые были выставлены, какъ главная побудительная причина и конечная цѣль монополіи. Повидимому, эти сомнѣнія появляются и у дѣятелей финансоваго вѣдомства. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того обстоятельства что въ началѣ 1897 года г. министръ финансовъ обратился къ губернаторамъ и другимъ представителямъ высшей мѣстной власти восточныхъ и южныхъ губерній, гдѣ дѣйствуетъ монополія, съ письмомъ, въ которомъ просилъ сообщить ему о томъ, насколько по личному наблюденію отвѣчающихъ лицъ или по находящимся у нихъ свѣдѣніямъ первые полученные отъ монополіи результаты соотвѣтствуютъ задачамъ правительства и цѣли предпринятаго преобразованія всего строя питейной торговли, а также г. министръ спрашиваетъ о томъ, какая система питейной торговли представляется въ общемъ болѣе предпочтительною—прежде дѣйствовавшая или нынѣ существующая. Всѣ полученные отвѣты сгруппированы и главнымъ управленіемъ казенной продажи питей напечатаны въ особой брошюрѣ, заключающей въ себѣ 120 страницъ. Многіе изъ этихъ отзывовъ, данныхъ въ началѣ 1897 года, весьма характерны и интересны. Такъ, г. генералъ-губернаторъ юго-западнаго края, гдѣ винная монополія введена съ 1 іюля 1896 года, въ отзывѣ отъ 1 марта 1897 года говоритъ: „можно уже съ полною безпристрастностью признать несомнѣнно установленными многія выгодныя стороны, представляемыя новою системою торговли крѣпкими напитками противъ прежде дѣйствовавшей: народъ пьетъ вино чистое, здоровое, отличнаго качества"... Затѣмъ, указавъ на отсутствіе у малороссовъ, привыкшихъ къ „горилкѣ", предубѣжденія противъ чистаго вина, отзывъ добавляетъ: „Что же касается вопроса объ огражденіи народа отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, то пока трудно еще установить положительныя по этому данныя: изъ различныхъ мѣстностей края получаются различныя свѣдѣнія". Архіепископъ Кишиневскій въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1897 года удостовѣряетъ что съ 1 іюля 1896 года продажа хлѣбнаго

вина сократилась почти наполовину, если не больше. У него же приводится отзывъ одного священника Оргѣевскаго уѣзда о томъ, что въ его приходѣ, состоящемъ изъ ста дворовъ, при прежнихъ шинкахъ выпивалось водки ежегодно на 6000 рублей и больше, но при казенной продажѣ два смежныхъ села не выпиваютъ даже на 800 руб. Интересно знать, откуда почерпнуты подобныя данныя, тѣмъ болѣе, что со времени начала монопольной торговли до составленія отзыва прошло менѣе года, всего девять мѣсяцевъ. Болѣе сдержанное мнѣніе высказываетъ г. Бессарабскій губернскій предводитель дворянства, въ особенности же въ слѣдующихъ словахъ: „Казенная продажа питей имѣла покуда два благодѣтельныхъ для населенія послѣдствія: качество потребляемой водки значительно улучшилось противъ прежняго, и прекратилось явно практиковавшееся въ прежнихъ питейныхъ заведеніяхъ обираніе народа посредствомъ принятія въ залогъ или скупки зерновыхъ продуктовъ и всякаго домашняго имущества въ уплату за водку, выдаваемую сидѣльцами въ кредитъ“. Но эти двѣ безспорныя выгоды казенной монополіи могли бы быть достигнуты и другими средствами, а именно мѣрами болѣе строгаго контроля за дѣятельностью занимающихся выдѣлкою и продажею вина частныхъ лицъ. Наконецъ, развѣ можно утверждать, что лицо, имѣющее не деньги, а какія либо вещи, не можетъ достать вина при казенной торговлѣ? Вѣдь и теперь при новой системѣ торговли это лицо можетъ продать свои вещи за безцѣнокъ своему сосѣду, какому либо скупщику или маклаку и уже съ вырученными наличными деньгами явиться въ казенную винную лавку. Теперь пропиваніе домашнихъ продуктовъ и необходимыхъ вещей раздѣлится на двѣ отдѣльныя операціи, совершаемыя въ различныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ. Подобные выводы подтверждаются, между прочимъ, мнѣніемъ г. Кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, который пишетъ: „По всѣмъ имѣющимся фактамъ и явленіямъ народнаго быта не замѣчается существеннаго вліянія новой системы на народную нравственность. Въ этомъ отношеніи

дурныя стороны неумѣреннаго потребленія вина только измѣнились въ своей формѣ". Въ другомъ мѣстѣ своего письма онъ добавляетъ: „Кромѣ того, недостатокъ въ трактирахъ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ отсутствіе даже винныхъ лавокъ способствовали открытію тайныхъ притоновъ, содержатели коихъ, подъ видомъ богатыхъ и хлѣбосольныхъ хозяевъ, угощаютъ будто-бы даромъ посѣтителей закуской и виномъ при картежной игрѣ, и тутъ то втайнѣ пріютились эксплоатація, спаиваніе и ростовщичество". Епископъ Оренбургскій указываетъ на значительные убытки, понесенные сельскими и волостными обществами отъ потери ими права взимать вознагражденіе съ частныхъ лицъ за разрѣшеніе заведеній на общественной землѣ, и объясняетъ, что эти общества „поставлены въ затрудненіе относительно содержанія школъ, учителей, духовенства и удовлетворенія другихъ общественныхъ нуждъ, покрывавшихся прежде изъ названнаго источника". Осторожность выводовъ составляетъ большое достоинство многихъ отзывовъ, напечатанныхъ въ разбираемой нами брошюрѣ. Такъ, въ письмѣ г. предсѣдателя Полтавской губернской земской управы категорически говорится: „Въ виду кратковременности существованія въ Полтавской губерніи казенной продажи вина, представляется весьма рискованнымъ высказывать какія либо общія сужденія о предпочтительности прежде дѣйствовавшей системы питейной торговли и нынѣ существующей".

Тѣмъ не менѣе многіе отзывы проникнуты большимъ оптимизмомъ: Такъ Епископъ Подольскій въ письмѣ отъ 4 марта приводитъ извлеченія изъ рапортовъ благочинныхъ Подольской Епархіи, которые къ казенной монополіи отнеслись болѣе чѣмъ сочувственно. Такъ благочинный 7 Каменецкаго округа пишетъ: „При казенной продажѣ вина, благосостояніе народа какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стало замѣтно улучшаться; пьяницъ въ селахъ стало значительно меньше; храмы Божіи въ праздничные и воскресные дни посѣщаются народомъ въ большемъ количе-

ствѣ, чѣмъ прежде. Народъ преданъ хозяйству". Могилевскій городской благочинный объясняетъ: „Усерднѣе стали посѣщать храмъ Божій. Даже въ судахъ замѣтно стало, что то зло и тѣ бѣдствія, которыя проистекали отъ чрезмѣрнаго пьянства, какъ то: буйства, воровства, лжесвидѣтельство и даже убійства значительно уменьшились. Открыты чайныя, которыя охотно посѣщаются народомъ. При чайныхъ имѣются читальни. Г. исправляющій должность николаевскаго губернатора въ письмѣ отъ 31 января сообщаетъ: „Что касается моего личнаго мнѣнія, то оно рѣшительно въ пользу новой питейной реформы. Казенная винная лавка и старый кабакъ—двѣ противоположности. Казенная виннная лавка отпускаетъ водку только на вынос, старый же кабакъ давалъ пріютъ пропойству и разгулу; въ казенной лавкѣ сидитъ лицо, не заинтересованное въ барышѣ отъ большаго количества проданной водки, въ кабакѣ же сидѣлъ жадный кабатчикъ, употреблявшій всѣ средства къ тому, чтобы народъ больше пилъ"... Г. черниговскій губернаторъ въ письмѣ своемъ отъ 25 января 1897 года говоритъ: „Живо интересуясь этимъ дѣломъ, я постоянно, при всякомъ случаѣ, разспрашиваю и представителей дворянства, и исправниковъ, и священниковъ, и судей, и земскихъ начальниковъ, и врачей, и купцовъ, и фабрикантовъ и крестьянъ; всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что не нарадуются, сколько благъ принесла эта реформа. Многія забитыя и захудалыя семьи какъ бы ожили, воспрянули духомъ и ликуютъ, видя быстрое прекращеніе кабацкаго пьянства; чаще другихъ свидѣтельствуютъ земскіе начальники и чины полиціи о томъ, что на перечетъ извѣстныя имъ сотни кабацкихъ завсегдатаевъ въ короткое время исправляются, дѣлаются исправными плательщиками, хорошими мужьями и отцами" (см. брошюру, стр. 116).

Для полноты изслѣдованія полезно привести здѣсь и нѣкоторые другіе отзывы. Такъ, Г. Екатеринославскій губернаторъ въ своемъ мнѣніи пишетъ: „проведенная реформа далеко еще не достигла тѣхъ результатовъ, которыхъ мы въ

правѣ ожидать отъ этой мѣры, имѣющей государственное значеніе. Очевидно, и не могло быть иначе. Введенъ новый порядокъ,—для него потребовались новые люди; съ другой стороны само общество призвано для борьбы съ прежнимъ зломъ; нужно перевоспитать населеніе, переродить его взгляды, стремленія, повліять на его духовный міръ, на самую жизнь его съ ея обычаями, обрядами, сложившимися изстари". Весьма интересенъ отзывъ епископа Уфимской епархіи, высказанный послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтней практики казенной винной торговли: „За послѣдніе два года, пишетъ онъ, не стало въ народѣ того разгула и тѣхъ послѣдствій пьянства, какія встрѣчались въ то время, когда виноторговля сосредоточена была въ частныхъ рукахъ. Это явленіе въ народѣ одними объясняется реформою казенной виноторговли, а другими—упадкомъ экономическаго благосостоянія населенія вслѣдствіе недорода хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи за послѣдніе годы и безденежьемъ народа вслѣдствіе крайнѣ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ родился въ избыткѣ". Приведемъ еще отзывъ г. предсѣдателя Черниговской губернской земской управы: „для Черниговской губерніи, говоритъ вышеназванный земскій дѣятель, нельзя сказать положительно, какъ отразится казенная монополія. Во всякомъ случаѣ пьянство сдѣлалось откровеннѣе. Высокая цѣна на водку не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ бытовымъ условіямъ. Затѣмъ, неимѣніе пріютовъ, гдѣ проѣзжающій могъ бы укрыться и обогрѣться, вызываетъ ропотъ въ населеніи. Вотъ тѣ первыя впечатлѣнія, которыя получаются отъ монополіи".

Изъ приведенныхъ нами отзывовъ видно, насколько суровая дѣйствительность далеко не оправдала иллюзій о нравственномъ возрожденіи, которыя ожидались отъ винной монополіи. Какъ извѣстно, не оправдались разсчеты на полученіе казною барышей, которые ранѣе расходились по карманамъ частныхъ виноторговцевъ. Такъ, по предварительнымъ

даннымъ о государственныхъ доходахъ за 1897 годъ оказывается, что въ районѣ казенной продажи вмѣсто ожидаемыхъ 24 мил. отъ виноторговли поступило всего 14 мил. рублей, т. е. на десять мил. менѣе.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. Геффдингъ. *Жанъ Жакъ Руссо и его философія. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Давыдовой.* Спб. 1898 г.

По словамъ Риля [1]) „Руссо—антиподъ и въ то же время духовный братъ Нитцше". Индивидуальность его крупна и сложна. Исторической критикѣ пришлось не мало повозиться съ случайными и намѣренными противорѣчіями, недоразумѣніями и пробѣлами въ матеріалахъ для его біографіи и характеристики. Идеи его и теперь понимаются весьма различно. Такъ, напр., въ самое послѣднее время возгорѣлся споръ у Эсмена съ М. М. Ковалевскимъ по вопросу о взаимоотношеніи ученій Монтескье и Руссо [2]). А между тѣмъ Руссо —одинъ изъ самыхъ выдающихся провозвѣстниковъ новой политической и національной жизни (155) и кромѣ того его идеи являются необходимымъ и важнымъ звеномъ между идеями XVII в., съ одной стороны, и идеями XIX в., съ другой. Глубина идей Руссо и роль ихъ въ формировкѣ міровоззрѣнія современнаго человѣка и заставляетъ насъ смотрѣть на него, какъ на своего современника. Въ Россіи тоже громко *имя* Руссо. Переводы его твореній до сихъ поръ находятъ у насъ и издателей и читателей. Обширна и литература о Руссо у насъ. Такой, напр., фактъ, что не дальше, какъ въ прошломъ году, нашего факультета студенты представили 13 медальныхъ сочиненій о Руссо, тоже говоритъ объ интересѣ, который до сихъ поръ возбуждаютъ у

---

[1]) Риль. „Ф. Нитцше, какъ художникъ и мыслитель" (82).

[2]) Ж. Юрид. Общ., 98, III, 20.

насъ его ученія. Но несмотря на то большинство нашей читающей публики о самой *дѣятельности* Руссо имѣетъ лишь смутное представленіе. Нуженъ, слѣдовательно, путеводитель, который далъ бы обыкновенному читателю цѣльное *популярное* понятіе о жизни, личности и идеяхъ этого писателя.

Такимъ путеводителемъ и является книжка Геффдинга, написанная имъ для серіи „Frommans Klassiker der Philosophie" [1]) съ обычными этому писателю талантливостью и увлекательностью, причемъ онъ всегда сопоставляетъ идеи Руссо съ одной стороны съ его жизнью, характеромъ и личностью, съ другой—съ идеями современныхъ ему, а также предшествующихъ и послѣдующихъ писателей [2]). Такимъ образомъ послѣ необыкновенно увлекательнаго и яснаго, оригинальнаго и талантливаго очерка жизни и личности Руссо (5—110) [3]) Геффдингъ даетъ не менѣе талантливое и остроумное изложеніе философіи Руссо, приводя въ стройную и цѣлостную систему его мысли и въ то же время выясняя роль ихъ въ дѣлѣ формировки современнаго міровоззрѣнія (111—172). Замѣтимъ также, что Геффдингъ считаетъ мышленіе Руссо дуалистическимъ (127), такъ какъ вся его жизнь прошла въ выясненіи противоположности между абсолютнымъ (природою) и относительнымъ (культурою, 112). Съ этой точки зрѣнія и стало возможнымъ объединеніе воззрѣній Руссо на культурно-историческій вопросъ, этику (110—131) и проблемы религіозную (131—144), соціально-политическую (144—155) и педагогическую (155—172) въ одно стройное цѣлое. Неясности же и кажущіяся противорѣчія въ ученіяхъ Руссо Геффдингъ объясняетъ съ одной стороны тѣмъ, что Руссо скрещивалъ и смѣшивалъ въ своихъ работахъ понятіе „природы" психологическое (преобладающее у него, 116), естественно-историческое и теологическое (113). Съ другой стороны и понятіе природы не менѣе относительно, чѣмъ понятіе культуры, равно какъ и культура можетъ быть истинной и ложной, что въ концѣ концовъ призналъ и самъ Руссо (127—128).

---

[1]) Ж. Юрид. Общ., 98, IV, 1.

[2]) Особенно любопытно у Геффдинга выясненіе отношенія взглядовъ Руссо къ взглядамъ Бейля (139), Бодена (147), Вольтера (75—89, 139), Кампанеллы (120, 134), Канта (130), Лессинга (170), Локка (158—160), Д. С. Милля (139, 172), Платона (139), соціалистовъ (152) и энциклопедистовъ (55—75).

[3]) Замѣтимъ только, что недавнее изслѣдованіе саркофаговъ Вольтера и Руссо вовсе не подтверждаетъ того, что Геффдингъ говоритъ объ ихъ пустотѣ (110).

Такъ, значитъ, если и признавать противоположность между абсолютнымъ и относительнымъ, то нельзя сводить эту противоположность къ противоположности между природой и культурой или, лучше сказать, цивилизацiею.

Въ общемъ книжка Геффдинга прочтется всякимъ съ удовольствiемъ и пользою. Даже несогласiя съ частностями Геффдинга пойдутъ въ пользу читателю, будя его мысль и заставляя ее работать. Поэтому переводъ книги Геффдинга на русскiй языкъ мы можемъ только привѣтствовать. Желаемъ ему самаго широкаго распространенiя, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ [1]).

С. Ш.

Н. И. Тиктинъ. *Византiйское право, какъ источникъ Уложенiя 1648 года и новоуказныхъ статей.* Одесса. 1898 г.

Эта книга—не столько сама наука, сколько болѣе или менѣе систематизированный матерiалъ для науки. Но, конечно, и этого одного вполнѣ достаточно, чтобы привѣтствовать ея появленiе. На сотню даровитыхъ тружениковъ науки, собирающихъ, очищающихъ и приводящихъ въ стройный порядокъ сырые факты, приходится развѣ по одному блестящему таланту, который одухотворяетъ эти сырые факты, связываетъ ихъ общимъ началомъ и воздвигаетъ на ихъ основѣ какое-нибудь богатое выводами самобытное ученiе. Фундаментъ великихъ открытiй составляютъ, однако, мелкiе опыты и наблюденiя. Великiе научные труды являются результатомъ скромныхъ, порою даже мелочныхъ изысканiй. Съ этой точки зрѣнiя изслѣдованiе г. Тиктина должно быть отнесено къ разряду весьма полезныхъ изданiй,—тѣмъ болѣе, что матерiалы, собранные и систематизированные авторомъ, относятся къ вопросу, очень мало разработанному, но въ высшей степени интересному.

Византiя дала намъ, славянамъ, вѣру, была для насъ первымъ источникомъ цивилизацiи, оказала сильное влiянiе на нашу нравственность и наше право. Это всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно. Но какова была сила, степень этого византiйскаго воздѣйствiя на насъ, было ли оно плодотворнымъ или вреднымъ, подчинялись ли ему славянскiя народности съ слѣпой, безусловной покорностью

[1]) Къ книгѣ приложенъ и портретъ Руссо.

или со стойкой самобытностью,—все это очень спорные и доселѣ неразрѣшенные вопросы. Во всякомъ случаѣ, эти вопросы не прежде будутъ рѣшены, какъ послѣ изученія и сопоставленія субъекта и объекта вліянія,—не ранѣе, чѣмъ будетъ изучена сама Византія въ тѣхъ ея отношеніяхъ, которыми она воздѣйствовала на сосѣднія государства. Въ послѣднее время вопросъ начинаетъ получать правильную постановку. Прежде чѣмъ дѣлать выводы о томъ или иномъ византійскомъ вліяніи и о размѣрахъ этого вліянія на другую народность, изслѣдователи изучаютъ Византію. На такую точку зрѣнія недавно всталъ, напримѣръ, В. М. Грибовскій въ своей диссертаціи: „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ".

Г. Тиктинъ, авторъ изслѣдованія, которое лежитъ теперь передо мной, точно также выбралъ вполнѣ вѣрную, прямую дорогу въ изученіи вопроса о вліяніи византійскаго права на русское. Въ своемъ изслѣдованіи онъ параллельно, шагъ за шагомъ, изучаетъ и то и другое право. Могущественное и обильное вліяніе греко-римскаго законодательства на нашъ законодательный сборникъ XVII в. доказано имъ вполнѣ. Но ему вовсе не удалось подробно развить и доказать ту, очевидно, излюбленную имъ мысль, которую онъ повторяетъ не одинъ разъ въ своемъ изслѣдованіи, что „Уложеніе—памятникъ строго національный, пополнившій и объединившій старыя постановленія, но не внесшій въ русскую жизнь ничего новаго, по крайней мѣрѣ, новаго настолько, чтобы стать въ разрѣзъ съ народными воззрѣніями и всѣмъ складомъ русской юридической жизни". Авторъ находитъ даже, что отъ византійскаго вліянія Уложеніе „не только не теряетъ своего характера національности, но, напротивъ, пріобрѣтаетъ еще болѣе силы, чтобы устоять предъ многочисленными попытками его ниспроверженія". Я не хочу сказать, что эти мысли невѣрны. Но они требуютъ тщательной провѣрки и многихъ доказательствъ. Нѣсколько слишкомъ общихъ историческихъ замѣчаній, сдѣланныхъ г. Тиктинымъ, ничего, строго говоря, не могутъ доказать. Тутъ нуженъ болѣе подробный анализъ; необходимо подробное, тщательное сопоставленіе Уложенія со всѣмъ предшествовавшимъ ему русскимъ законодательствомъ.

Трудно также согласиться съ изслѣдователемъ, когда онъ утверждаетъ, что „включеніе верховною властью византійскаго права въ число источниковъ Уложенія основывалось на стрем-

леніи дать русскому народу такое законодательство, въ которомъ не только былъ бы подведенъ итогъ прошедшему и не только была бы уложена вся русская жизнь, выработанная вѣками, но была бы уложена эта жизнь прогрессивно, и которое было бы въ состояніи съ извѣстнымъ видоизмѣненіемъ и развитіемъ своихъ началъ сохранять силу и для послѣдующихъ вѣковъ". Не слишкомъ ли много отводитъ здѣсь авторъ на долю правовыхъ стремленій русской верховной власти эпохи Уложенія? Составленія законодательнаго сборника потребовала въ то время скорѣе насущная практическая необходимость суда и администраціи, чѣмъ забота о подведеніи итога прошедшему или забота о юридической кристаллизаціи всей русской жизни. Стремленіе же создать въ Уложеніи такія будто бы начала, которыя, несмотря на нѣкоторое видоизмѣненіе и развитіе, могли бы сохраниться въ будущемъ,—это стремленіе слишкомъ отвлеченно для той эпохи, еще младенческой въ отношеніи пониманія сущности, цѣли и общихъ началъ права. Самому изслѣдователю совершенно ясна та слишкомъ незначительная ступень правоваго развитія, на которой стоялъ тогда русскій народъ (см. 31 стр. разбираемаго изслѣдованія). Наконецъ, мнѣ кажется туманнымъ выраженіе, что въ нашемъ законодательномъ памятникѣ была „уложена эта жизнь прогрессивно". Если изслѣдователь хочетъ сказать, что законодательныя нормы были составлены съ такимъ искусствомъ, что способны были развиваться въ одномъ опредѣленномъ направленіи, въ національномъ духѣ, въ духѣ началъ Уложенія,—то онъ припишетъ этимъ XVII вѣку непосильное для него кодификаціонное искусство. Итакъ, указанныя основныя идеи изслѣдованія не развиты и не обоснованы съ достаточной подробностью и силой. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что авторъ положилъ на свое сочиненіе много труда, терпѣнія, вниманія, даже увлеченія; нельзя сомнѣваться, что авторъ даровитъ и обладаетъ большой эрудиціей по избранному вопросу.

Планъ его сочиненія простъ и строенъ. Сначала излагается литература вопроса. Затѣмъ, авторъ даетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи, характерѣ и формѣ заимствованія Уложеніемъ нормъ византійскаго права. Далѣе, сопоставляя тексты греко-римскихъ законодательныхъ памятниковъ съ текстомъ Уложенія, онъ послѣдовательно разсматриваетъ византійское вліяніе на уголовныя, гражданскія, процессуальныя и государственныя законоположенія нашего кодекса XVII в. Подобнымъ же образомъ сопостав-

ляется византійское законодательство и съ новоуказными статьями 1669 года.

В. Голиковъ.

С. Шумаковъ. *Матеріалы для исторіи Рязанскаго края. Вып. 1. Обзоръ рязанскихъ актовъ 1356—1757 г.* Рязань, 1898 г.

Настоящее изданіе г. Шумакова, по его словамъ, представляетъ собою научную и систематическую опись актовъ, относящихся до Переяславль-Рязанскаго уѣзда, находящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, по коллегіи экономіи. Сперва авторъ перечисляетъ акты юридическіе (1536—1759 гг.): данныя, договорныя, духовныя, закладныя, купчія, мѣновныя, мировыя и поступныя. Затѣмъ—акты правительственные (1356—1757 гг.) по двумъ главнымъ отдѣламъ: грамоты и книги и выписи изъ книгъ. Въ приложеніи г. Шумаковъ приводитъ свѣдѣнія объ актахъ по другимъ уѣздамъ, попавшимъ въ Переяславль-Рязанскій уѣздъ благодаря несовершенству архивной классификаціи ихъ и, наконецъ, замѣчанія о формѣ рязанскихъ актовъ, причемъ сообщаетъ весьма интересный списокъ дьяковъ, скрѣпившихъ правительственные акты. Г. Шумаковъ по поводу каждаго документа сообщаетъ его содержаніе, имена лицъ участвовавшихъ въ сдѣлкѣ или которыхъ документъ касается, время его составленія и архивный номеръ. Кромѣ того, уважаемый авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о состояніи документа, даетъ нѣкоторыя примѣчанія о лицахъ, въ немъ участвовавшихъ, если они чѣмъ нибудь извѣстны, а, равнымъ образомъ, свои заключенія по поводу нѣкоторыхъ актовъ, касательно ихъ значенія для науки и толкованіе. Одинъ же документъ, именно мѣновную стольника Ивана Иванова сына Вердиревскаго Троицкому монастырю 16 января 1695 г., въ виду его интереса, напечаталъ почти полностью. Именно это мѣновная населенными мѣстами. Несомнѣнно, что новое изданіе неутомимаго автора представляетъ значительный интересъ для всѣхъ, желающихъ работать въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, облегчая имъ трудъ въ выборѣ пригодныхъ для ихъ цѣлей матеріаловъ. Надо только пожелать, чтобы достойное предпріятіе г. Шумакова не осталось безъ продолженія, а особенно безъ подражанія и помощи, такъ какъ выполнять одному предпринятый имъ трудъ представляется свыше человѣческихъ силъ.

Н. Дебольскій.

А. Лаппо-Данилевскій. *Собраніе и сводъ законовъ Россійской Имперіи, составленные въ царствованіе императрицы Екатерины II.* Спб. 1898 г.

За послѣднее время чистые историки, историко-филологи высказываютъ особенную склонность къ попутнымъ занятіямъ вопросами права. Нельзя сказать, чтобы право отъ этого всегда особенно выигрывало, такъ какъ вышеупомянутые юристы-любители не прочь усмотрѣть въ юриспруденціи подборъ условныхъ мертвыхъ формулъ, стѣсняющихъ жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Подобный взглядъ, конечно, имѣетъ своимъ основаніемъ слишкомъ поверхностное знакомство историко-филологовъ съ правовѣдѣніемъ и въ значительной степени родствененъ довольно распространенному смѣшенію судопроизводства съ крючкотворствомъ.

Заблужденія толпы объяснимы, если посмотрѣть съ точки зрѣнія состоянія просвѣщенія, заблужденія личности нуждаются въ болѣе глубокихъ объясненіяхъ. Несомнѣнно, что прежде всего ошибочнымъ воззрѣніямъ историко-филологовъ на право содѣйствуетъ схоластичная постановка нашихъ словесныхъ наукъ, съ одной стороны, и духъ времени, неблагопріятный законности и чувству права, съ другой. Подобно тому какъ иной администраторъ склоненъ обращаться съ просителями „по душѣ“ или „отечески“, точно также многіе историки-словесники склонны къ свободносемейственному отношенію къ вопросамъ права. Поэтому съ особымъ удовольствіемъ кровные юристы должны отмѣтить историкоправовыя работы г. Лаппо-Данилевскаго, который, не будучи сторонникомъ „упраздненій“, въ то же время не диллетантъ въ юриспруденціи. Всѣ его историческіе труды, постоянно затрагивающіе русское право въ прошломъ, свидѣтельствуютъ не только объ обстоятельности изслѣдованія, но и о пониманіи предмета. Выработанные вѣками категоріи, пріемы мышленія, не кажутся ему крючкотворными хитросплетеніями, разрѣшаемыми только ударомъ меча, наоборотъ, относясь съ уваженіемъ къ догмѣ права, при ея помощи авторъ легко разбирается въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ.

„Собраніе и сводъ законовъ“ не касаются догматической стороны русскаго права; брошюра уважаемаго ученаго всецѣло посвящена историческимъ справкамъ, но проникнута все тѣмъ же уваженіемъ къ юридической мысли. Это качество сообщаетъ труду

г. Лаппо-Данилевскаго цѣнность и обезпечиваетъ абсолютное значеніе, помимо интересовъ минуты, для которыхъ нерѣдко пишутся историческія работы.

„Потребность русскаго общества и правительства въ юридическомъ образованіи, говоритъ авторъ, по поводу екатерининскаго собранія законовъ, могла получить удовлетвореніе лишь по составленіи собранія или свода законовъ. Между тѣмъ кодификаціонныя работы, производившіяся въ законодательныхъ коммисіяхъ, накопили матерьялъ, пригодный для такого сборника. Правительство воспользовалось означеннымъ матерьяломъ для приготовленія „Описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходнаго съ полнымъ собраніемъ, въ другихъ—со сводомъ законовъ. Составители „описанія" положили въ основу его плана систему права, принятую въ другихъ современныхъ ему памятникахъ законодательства". Предпріятіе это однако не увѣнчалось успѣхомъ, по мнѣнію г. Лаппо-Данилевскаго, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: вслѣдствіе опалы князя Вяземскаго, подъ руководствомъ котораго составлялось „описаніе", и вслѣдствіе перемѣны взглядовъ императрицы на задачи внутренней политики. „Описаніе" должно было содѣйствовать упроченію юридическаго образованія среди русскихъ людей и способствовать возникновенію прочнаго общественнаго мнѣнія. Послѣдніе же годы царствованія Екатерины II оказались неблагопріятными какъ для одного, такъ и другого. „Описаніе" не получило возможности прямого воздѣйствія на общество и было забыто послѣдующими кодификаціонными коммисіями. Для нашего времени оно сохранило историческій интересъ какъ дополненіе къ полному собранію законовъ и какъ источникъ познанія о правѣ, дѣйствовавшемъ въ ту эпоху. Изслѣдованію „Описанія" предшествуетъ обстоятельный очеркъ состоянія русскаго образованія въ XVIII вѣкѣ.

Г.

И. М. Рабиновичъ. *Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ.* Изд. 2-ое Спб. 1898 г. Цѣна 4 рубля.

Второе изданіе труда г. Рабиновича вышло значительно исправленнымъ и дополненнымъ. Помимо цѣлаго ряда измѣненій въ за-

конодательствѣ, послѣдовавшихъ за семь лѣтъ со времени перваго изданія этой книги [1]) и нашедшихъ конечно полное изложеніе и разъясненіе въ настоящемъ изданіи, авторъ воспользовался накопившейся за это время громадной кассаціонной практикой сената для полнаго и всесторонняго освѣщенія вопроса. Характернымъ признакомъ настоящаго труда является его система, выгодно отличающая его отъ цѣлаго ряда справочныхъ изданій и придающая ему значеніе серьезной работы, которая и за предѣлами практическихъ цѣлей, можетъ имѣть весьма существенное значеніе. Вмѣсто того, чтобы ограничиться, какъ это обыкновенно дѣлаютъ въ справочныхъ изданіяхъ, системою комментарій къ общему уставу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, авторъ сдѣлалъ попытку свести въ юридическую систему всѣ наши разрозненные и разбросанные законы и правила о перевозкѣ, главымъ образомъ, грузовъ. Разработка вопросовъ, истекающихъ изъ договора перевозки грузовъ, занимаетъ болѣе всего мѣста въ трудѣ г. Рабиновича. Авторъ раздѣляетъ этотъ отдѣлъ собственно на четыре части. Въ первой онъ разсматриваетъ сущность и содержаніе самого договора перевозки. Здѣсь онъ подробно останавливается на юридической природѣ договора, выясняетъ значеніе и особый характеръ его документовъ (накладная, дубликатъ), послѣдствія утраты послѣдняго, разсматриваетъ весьма интересный вопросъ о моментѣ заключенія договора (ст. 61 уст. росс. жел. дор.), и, наконецъ, выясняетъ, какъ составъ, такъ и взаимныя правоотношенія между участвующими въ договорѣ лицами. Второй отдѣлъ занимается опредѣленіемъ обязанностей желѣзной дороги, вытекающихъ изъ договора. Въ этотъ отдѣлъ входятъ вопросы объ исполненіи порученія, даннаго дорогѣ (по перевозкѣ) и выясненіе условій и предѣловъ ея отвѣтственности за невыполненіе договора. Эти вопросы являются едва-ли не самыми сложными въ желѣзнодорожномъ правѣ. Срочность доставки, соблюденіе очереди, перерывъ сроковъ (ст. 53 уст.), опредѣленіе момента, съ котораго грузъ долженъ считаться доставленнымъ, право на вознагражденіе и опредѣленіе его размѣра за просрочку, и, наконецъ, отвѣтственность за цѣлость груза во всѣхъ его разновидностяхъ и съ массою различныхъ входящихъ условій, какъ-то vis major, вина

---

[1]) Первое изданіе вышло въ 1891 г.

грузоотправителя, упаковка etc.—все это сильно усложняетъ вопросъ и требуетъ детальнаго разсмотрѣнія.

Третья часть касается правъ желѣзной дороги, вытекающихъ изъ договора перевозки. И здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлою массою любопытныхъ и сложныхъ вопросовъ по законодательной нормировкѣ тарифовъ, толкованіи ихъ, примѣненіи относительно номенклатуры груза, выбора пути, примѣненіи измѣненій въ тарифахъ, спеціальныхъ тарифовъ и прямаго сообщенія, дополнительныхъ сборовъ и т. д. Сюда-же относится авторомъ и вопросъ о взысканіи слѣдуемыхъ дорогѣ платежей и о послѣдствіяхъ неисполненія договора со стороны контрагентовъ дороги (франкировка, закладное право на грузъ, продажа невостребованныхъ грузовъ), а также и послѣдствія ошибокъ въ договорѣ (переборы и недоборы). Въ этой части авторъ подробно останавливается на весьма интересныхъ вопросахъ, которые возникаютъ изъ сопоставленія спеціально желѣзнодорожнаго права съ общими положеніями гражданскаго права, а также и на систему порядка *исчисленія* слѣдуемой за перевозку груза платы. Выясненіе послѣдняго вопроса въ особенности важно, такъ какъ на немъ основана бо̀льшая часть судебныхъ дѣлъ по перевозкѣ.

Четвертая и послѣдняя часть, касающаяся перевозки грузовъ—занимается особыми условіями, осложняющими договоръ перевозки. Въ этой части разбираются вопросы прямаго сообщенія и соединенія операціи по перевозкѣ съ другими частно-правовыми операціями, не имѣющими прямаго отношенія къ основной цѣли договора. Первый вопросъ выдвигаетъ цѣлый рядъ интересныхъ подробностей, касающихся не только гражданскаго, но и международнаго права. Бернская конвенція и внесенныя ею начала заставили автора совершенно переработать настоящій отдѣлъ сравнительно съ первымъ изданіемъ, и внести въ него много новаго и любопытнаго съ точки зрѣнія какъ частнаго, такъ и публичнаго международнаго права. Остальныя части этого отдѣла, какъ мы уже говорили, занимаются тѣми случаями, когда договоръ о перевозкѣ соединяется съ дополнительными условіями. Сюда относятся—порученіе дорогѣ по исполненію таможенныхъ обрядностей, наложенный платежъ, ссуды дороги подъ грузъ, и, наконецъ, грузы „съ особыми условіями“.

Этимъ исчерпывается первая и самая важная часть труда г. Рабиновича, касающаяся перевозки грузовъ. Вторая часть разби-

раетъ вопросъ о перевозкѣ пассажировъ и багажа. Этотъ вопросъ, весьма интересный самъ по себѣ, не выдвигаетъ однако такой массы юридическихъ опредѣленій и тонкостей, и казуистика его не представляетъ столько разнообразія, какъ мы это видимъ въ первомъ вопросѣ. Здѣсь договоръ и его исполненіе слишкомъ очевидны и легко опредѣляемы для того, чтобы они могли дать много матерьяла для законодательной или судебной нормировки съ точки зрѣнія гражданскихъ правоотношеній. Большой интересъ представляетъ здѣсь вопросъ о вознагражденіи со стороны дороги за личный вредъ пассажирамъ (смерть и увѣчья), но этотъ вопросъ возникаетъ не изъ договора перевозки [1]), и поэтому авторомъ въ настоящемъ трудѣ не разсматривается.

Наконецъ, послѣдняя часть занимается общими положеніями желѣзнодорожнаго права и процессуальными правилами.

Всѣ перечисленные нами вопросы разработаны авторомъ съ тонкимъ знаніемъ дѣла и далеко незаурядной талантливостью. Въ особенно сложныхъ вопросахъ авторъ наряду съ русскимъ законодательствомъ приводитъ примѣры и изъ иностраннаго, что часто значительно облегчаетъ должное пониманіе и отношеніе къ вопросу. Въ концѣ книги прибавлены два указателя—предметный и постатейный, а также и №№ кассаціонныхъ рѣшеній сената.

Въ общемъ книга составлена прекрасно для той цѣли, для которой она предназначается, и остается пожелать, чтобы она получила вполнѣ заслуженное широкое распространеніе.

О. Вертъ.

В. В. Пржевальскій. *Борьба съ бродяжничествомъ и нищенствомъ въ современной Бельгіи.* Спб. 1897 г.

Въ своей небольшой брошюрѣ авторъ знакомитъ читателя съ бельгійскимъ закономъ 27 ноября 1891 г. о репрессіи бродяжничества и нищенства. Этотъ законодательный актъ представляетъ стройную и продуманную систему борьбы съ бродяжничествомъ и нищенствомъ во всѣхъ главнѣйшихъ ихъ разновидностяхъ. Раз-

[1]) По смыслу нашего законодательства дорога обязана вознаградить пассажира, и не вошедшаго съ нею въ соглашеніе относительно перевозки (напр., без билетнаго).

сматриваемая нами статья посвящена преимущественно репрессивной сторонѣ бельгійской системы. Законъ 1891 г. исходитъ изъ того принципа, что исправительныя мѣры оправдываются лишь по отношенію къ тѣмъ, кто возстаетъ противъ закона труда, кто по привычкѣ и добровольно предается праздности, и что общество, наказывая нежелающихъ работать, должно приходить на помощь тѣмъ, кому случайныя и отъ нихъ независящія обстоятельства не позволяютъ трудиться. Законъ поэтому и создалъ для профессіональныхъ бродягъ и нищихъ рабочіе дома, а для несчастныхъ—этихъ же категорій—пріюты. Каждый бродяга арестуется полиціей и приводится къ мировому судьѣ. По удостовѣреніи личности приведеннаго, виновный передается въ распоряженіе администраціи для заключенія въ рабочій домъ на время отъ 2 до 7 лѣтъ. Мировые судьи могутъ передавать въ распоряженіе правительства бродягъ и нищихъ также и для заключенія въ пріюты. Сюда могутъ быть помѣщаемы, по ихъ ходатайству, всѣ нуждающіеся, однако не моложе 18 лѣтъ; никто не можетъ быть удерживаемъ въ пріютѣ, безъ его на то согласія, долѣе одного года. Министръ юстиціи имѣетъ право освобождать лицъ, заключенныхъ какъ въ рабочіе дома, такъ и въ пріюты. Правительство же бельгійское можетъ высылать изъ предѣловъ Бельгіи всѣхъ лицъ иностранной національности, переданныхъ въ его распоряженіе для помѣщенія въ рабочій домъ или пріютъ. Со времени введенія новаго закона, бродяжничество и нищенство не составляютъ проступка или нарушенія и не наказываются тюрьмою. Заключеніе же въ рабочій домъ или пріютъ разсматривается только какъ полицейская мѣра. Въ виду этого рѣшенія мироваго судьи относительно бродягъ и нищихъ не подлежатъ ни апелляціонному, ни кассаціонному обжалованію.

Лица, подлежащія заключенію, могутъ приносить жалобы на неправильные приговоры только въ порядкѣ административнаго обжалованія, а именно, министру юстиціи. Для разсмотрѣнія подобныхъ жалобъ въ министерствѣ учреждено спеціальное бюро. Жалобъ приносится, конечно, много, но рѣшенія судей отмѣняются очень рѣдко. Всѣ здоровые, заключенные въ рабочемъ домѣ и пріютѣ, цѣлый день работаютъ, за что и получаютъ поденную плату, установляемую министромъ юстиціи. Расходъ одного заключеннаго—здороваго (въ рабочемъ домѣ) опредѣляется въ 66 сант., а больнаго въ $1^1/_2$ фр. Чистый дневной заработокъ въ пріютѣ

достигаетъ 50 сант., а въ рабочемъ домѣ 11—21 сант. Четверть заработка идетъ на руки заключенному, а $^{3}/_{4}$ образуетъ его запасный фондъ. Всѣ работы производятся хозяйственнымъ путемъ. Заключенные могутъ содержаться въ одиночныхъ камерахъ. Число содержащихся въ рабочихъ домахъ и пріютахъ довольно значительно. Напр., въ рабочемъ домѣ Мерксплаcа можетъ быть помѣщено до 4 тыс. чел., въ Вортелѣ и Хогстратенѣ до $2^{1}/_{2}$ тыс. Расходы по содержанію въ рабочихъ домахъ падаютъ въ равныхъ доляхъ на государство, общину и провинцію. Законъ 1891 г. содержитъ особыя постановленія и о малолѣтнихъ. Въ исправительные пріюты и колоніи помѣщаются: 1) привычные нищіе и бродяги въ возрастѣ менѣе 18 лѣтъ; 2) лица того же возраста, по опредѣленію ихъ общинной власти и съ согласія ихъ родителей или опекуновъ и министра юстиціи, до совершеннолѣтія; 3) по опредѣленію мироваго судьи малолѣтніе, не достигшіе 16 лѣтъ, обвиняемые въ проступкахъ и нарушеніяхъ, караемыхъ тюрьмою на срокъ менѣе 8 дней; 4) всѣ суды, приговаривая къ тюремному заключенію несовершеннолѣтняго, могутъ постановлять, чтобы онъ, по отбытіи наказанія, былъ помѣщенъ въ исправительный пріютъ до совершеннолѣтія. Въ пріютахъ и колоніяхъ несовершеннолѣтніе распредѣляются по 3 категоріямъ, никогда не сообщающимся другъ съ другомъ. Исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ въ Бельгіи четыре. По ст. 39 (закона 1891 г.) караетъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 8 дней до 3 мѣс., а въ случаѣ рецидива—до 6 мѣс. 1) того, кто постоянно заставляетъ нищенствовать ребенка, не достигшаго 16 лѣтъ, и 2) того, кто завѣдомо отдалъ ребенка моложе 16 лѣтъ или больного человѣка нищему, который воспользовался этимъ ребенкомъ или больнымъ для возбужденія общественнаго состраданія. Въ заключеніе, г. Пржевальскій сообщаетъ статистическія данныя, которыя свидѣтельствуютъ о результатахъ дѣйствія новаго закона. Въ 1860 г. было осужденій за бродяжничество и нищенство—3,431, въ 1870 г.—4,836, въ 1891—около 16 тыс., въ 1892 г.—12 тыс., въ 1893 г.—7 тыс. Иностранные бродяги и нищіе изъ Бельгіи бѣгутъ. Изъ этого видно, что новый бельгійскій законъ приноситъ не малую пользу въ борьбѣ съ бродяжничествомъ и нищенствомъ.

М. К.

Дѣятельность Плоцкаго окружнаго суда по упорядоченію нотаріальнаго дѣла въ округѣ суда (1892—1897 г.г.). Плоцкъ. 1898 г.

Въ 1892 г. Плоцкій окружный судъ слушалъ отчеты о произведенныхъ ревизіяхъ книгъ и дѣлъ нотаріусовъ и изъ этихъ отчетовъ были усмотрѣны различныя неправильности, какъ въ отношеніи дѣлопроизводства у нотаріусовъ, такъ и въ отношеніи веденія ими отчетности. По отношенію къ дѣлопроизводству оказалось, что содержаніе совершенныхъ нотаріусами актовъ, въ большинствѣ случаевъ, неудовлетворительно. Напр., въ громадномъ большинствѣ актовъ прописываются и зачеркиваются не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя строки, причемъ никакихъ оговорокъ не дѣлается. Относительно составленія протестовъ векселей у нотаріусовъ существуетъ различная практика. Далѣе, къ нотаріальнымъ актамъ часто пріобщаются документы, неимѣющіе оффиціальнаго значенія, напр., краткія метрическія свидѣтельства, справки письмоводителей, коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ и т. д. Во всѣхъ нотаріальныхъ актахъ о продажѣ земельныхъ участковъ у всѣхъ нотаріусовъ мѣра ихъ показана только на уволоки, морги и пренты, безъ перевода на десятины и квадр. сажени. Наконецъ, въ храненіи совершенныхъ нотаріусами актовъ не соблюдаются установленныя правила, и у большинства нотаріусовъ книги, въ которыя вкладываются акты, не прошнурованы и не скрѣплены. Канцелярскаго порядка у нотаріусовъ почти не существуетъ; переписка же или вовсе не подшивается или подшивается къ одному наряду, безъ всякой системы, такъ что представляется весьма затруднительнымъ навести справки по предметамъ, требующимъ провѣрки.

Что касается веденія нотаріусами отчетности, то и здѣсь ревизія обнаружила различныя неправильности. Такъ, напр., книги сборовъ и реестровъ ведутся вообще очень небрежно. Въ актахъ о переходѣ права собственности на недвижимое имущество для опредѣленія размѣра крѣпостной и актовой (пропорціональной гербовой) пошлины нотаріусы не соблюдаютъ постановленій закона объ оцѣнкѣ имущества. Было также замѣчено, что у многихъ нотаріусовъ гербовая бумага остается непогашенною и безъ всякихъ отмѣтокъ, даже карандашемъ, къ какому акту относится тотъ или другой листъ гербовой бумаги. Сборы же наличными деньгами въ государственный доходъ, а также по мѣсту соверше-

нія акта, вносятся въ казначейство и кассы несвоевременно, причемъ съ заемныхъ писемъ и долговыхъ обязательствъ не подлежаще взыскивается сборъ по мѣсту совершенія актовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ неправильностей окружный судъ постановилъ преподать нотаріусамъ разъясненія и формулировать требованія суда относительно правильнаго исполненія ими, возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей. Разъясненія окружнаго суда, какъ и слѣдовало впрочемъ ожидать, сдѣланы такъ ясно, что не понять ихъ, конечно, нѣтъ никакой возможности. Однако, г.г. нотаріусы ихъ не поняли, или, что ближе къ истинѣ, не хотѣли понять по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Судъ, въ виду этого, долженъ былъ вторично въ 1893 году указать нотаріусамъ на тѣ недостатки ихъ дѣятельности, которые уже въ 1892 г. были перечислены въ опредѣленіи суда. Въ слѣдующемъ году опять всѣ нотаріальныя конторы были обревизованы, и ревизія установила, что надзоръ суда благопріятно отразился на дѣятельности нотаріусовъ, хотя и на этотъ разъ были замѣчены нѣкоторыя отступленія отъ разъясненій, преподанныхъ въ 1892 г.

Напр., у нѣкоторыхъ нотаріусовъ имѣлось на храненіи значительное количество невыданныхъ сторонамъ выписей, совершенныхъ въ ихъ конторахъ актовъ; у иныхъ оказались чистые листы актовой бумаги на выписи актовъ съ помѣтками на нихъ, къ какимъ актамъ таковые листы относятся; у одного же нотаріуса оказались даже такіе чистые листы безъ всякой на нихъ помѣтки, къ какому акту такой листъ относится, вслѣдствіе чего „по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію нотаріуса такіе листы могутъ быть отнесены къ тому или другому акту“ (стр. 31). Были ревизіею замѣчены еще и другія неправильности; окружный судъ опять нашелъ необходимымъ указать на нихъ нотаріусамъ и 5 марта 1894 г. изложилъ свои требованія. Затѣмъ, въ 1895 г. и въ 1896 г. суду приходилось подтверждать свои разъясненія и требованія не отступать отъ постановленій существующихъ законовъ. Судъ между прочимъ постановилъ, что усмотрѣнное, при ревизіяхъ нотаріальныхъ конторъ, разнообразіе въ веденіи книгъ, реестровъ и т. д., въ видахъ объединенія дѣлопроизводства нотаріусовъ, должно быть устранено. Вмѣстѣ съ этимъ судъ установилъ однообразныя формы для веденія книгъ, реестровъ, алфавитовъ, вѣдомостей и проч. Формы эти приведены въ концѣ книги въ видѣ печатныхъ бланокъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятельность суда въ этомъ направленіи оказалась весьма плодотворною, и можно только пожелать, чтобы и другіе окружные суды почаще и построже ревизовали нотаріусовъ, потому что многіе изъ нихъ не совсѣмъ точно слѣдуютъ существующимъ законамъ.

М. К.

К. И. Туръ. *Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ.* (*По поводу работъ, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммисіи по пересмотру крестьянскаго законодательства*). Спб. 1898 г.

Въ 1861 году великимъ законодательнымъ актомъ 19 февраля было освобождено отъ крѣпостной зависимости крестьянское населеніе Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать семь лѣтъ. Жизнь за это время естественно двигалась впередъ; появлялись новые факторы, создавались новыя условія и новыя направленія для различныхъ видоизмѣненій въ соціальной группировкѣ общественныхъ силъ, нарождались, наконецъ, и новыя вѣянія, новыя требованія. Сѣть желѣзныхъ дорогъ покрыла Россію, вовлекая ея земледѣльческую промышленность въ общую систему міроваго рынка; вмѣстѣ съ товарнымъ производствомъ продуктовъ сельскаго хозяйства образовались и значительные центры крупной фабричной промышленности, во имя развитія которой наша финансовая и экономическая политика не щадила ни силъ, ни средствъ, ни, даже, крупныхъ жертвъ со стороны всего населенія, въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, системы налоговаго обложенія, государственнаго и частнаго кредита и различныхъ мѣропріятій внѣшней политики. И вотъ, среди этой кипучей жизненной дѣятельности, совершенно видоизмѣнявшей внутреннее содержаніе жизни, внѣшнія формы нашей сословной организаціи большей части населенія оставались застывшими и неизмѣнными. Не то, чтобы жизнь оставляла ихъ въ сторонѣ и безъ вліянія; нѣтъ, жизнь, которая въ сильной степени нивеллировала всѣ наши сословныя различія, и безъ того непрочныя и искусственныя, и замѣнила ихъ болѣе серьезными и твердыми различіями классовыхъ интересовъ на экономической почвѣ,—жизнь оказала весьма замѣтное вліяніе и на крестьянское населеніе. Внутреннее содержаніе его соціаль-

ныхъ интересовъ уже давно не соотвѣтствуетъ его внѣшней организаціи, и если послѣдняя до сихъ поръ сохранилась, то произошло это вслѣдствіе искусственныхъ мѣропріятій къ ея поддержанію, съ одной стороны, и неподвижности нашего законодательства съ другой. И, дѣйствительно, если мы возьмемъ тѣ, наиболѣе рѣзкія внѣшнія проявленія разложенія прежней организаціи, которыя лучше всего характиризуютъ вліяніе новыхъ требованій жизни, то мы увидимъ, что какъ разъ на регулированіи этихъ стремленій и была направлена законодательная дѣятельность пореформенной эпохи. Въ чемъ-же заключались эти проявленія? Раньше всего выражались они въ стремленіи освободиться отъ опеки экономической, сословной и имущественно-семейной, въ стремленіи пойти навстрѣчу новымъ условіямъ экономической жизни, въ разложеніи устарѣвшихъ формъ производства и взаимоотношеніи между трудомъ и капиталомъ. Однако, едвали эти стремленія встрѣтили поддержку въ законѣ о неотчуждаемости земельныхъ надѣловъ, во введеніи института земскихъ начальниковъ, въ законѣ о переселеніяхъ, въ законѣ о семейныхъ раздѣлахъ, въ положеніи о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, въ законѣ о передѣлахъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ отдѣльныхъ узаконеній по крестьянскому вопросу. Напротивъ, эти узаконенія имѣли въ виду заключить жизнь крестьянскаго населенія въ узкія, заранѣе опредѣленныя, рамки со сложной и всеобъемлющей опекой государственной власти надъ всѣми дѣйствіями и жизненными проявленіями какъ общественной, такъ и частной жизни крестьянъ и не уничтожили, однако, той вѣковой неурядицы, въ которой находится наше мѣстное управленіе. Вопросъ реформы всего мѣстнаго управленія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ, требуя скорѣйшаго разъясненія того хаотическаго состоянія, которое одинаково сознается и правительствомъ, и обществомъ. Но раньше всего, намъ кажется, слѣдовало-бы установить ту точку зрѣнія, внѣ которой и новая реформа наврядъ-ли можетъ внести порядокъ въ крестьянское управленіе—слѣдуетъ *вопросъ о пересмотрѣ положенія о крестьянахъ разсматривать въ связи съ болѣе общимъ вопросомъ реформы всего мѣстнаго управленія.* Къ сожалѣнію, этого взгляда не держится книжка К. И. Тура. Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ въ общей довольно стройной симфоніи, прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ, именно въ этомъ самомъ важномъ вопросѣ. Но раньше всего мы установимъ одно принци-

ціальное разногласіе, которое заставляетъ насъ, несмотря на интересное содержаніе, отрицательно отнестись къ книжкѣ г-на Тура. Едва ли не самымъ большимъ несчастіемъ значительной части русской мысли считаемъ мы вѣру въ какія-то „особенныя свойства" русскаго народа, которыя открываютъ для него какіе-то новые пути и горизонты въ его будущемъ развитіи. Этими „особыми свойствами" объяснялись у насъ всѣ препятствія, которыя искусственно воздвигались нами на пути къ прогрессу въ сферѣ крестьянской жизни. И вотъ теперь, когда на очереди стоитъ вопросъ о реформѣ положенія о крестьянахъ, когда слѣдовательно представляется случай поднять свой голосъ за сравненіе ихъ передъ закономъ со всею остальною частью населенія,—является г. Туръ и многіе его единомышленники и заявляютъ, что у крестьянъ существуютъ какія-то особыя свойства, благодаря которымъ необходимы имъ особое устройство, особая опека, особыя права, какъ личныя такъ и имущественныя—однимъ словомъ необходимъ для нихъ особый мірокъ, въ которомъ они варятся въ своемъ собственномъ соку безъ надежды выйти изъ періодическихъ голодовокъ и хроническаго недоѣданія, безъ надежды расширить свои умственные горизонты за высокія стѣнки нынѣшняго невѣжества. Книга г. Тура полна очень хорошихъ мыслей; онъ совершенно правильно намѣчаетъ цѣлый рядъ недостатковъ въ современномъ положеніи крестьянъ. Въ цѣломъ рядѣ статей, талантливо написанныхъ, онъ указываетъ на неправильность государственной политики въ отношеніи отдѣльныхъ частей крестьянскаго самоуправленія; со многимъ, что онъ говоритъ, нельзя не согласиться—но, тѣмъ не менѣе, его основная мысль приводитъ его въ концѣ къ такому выводу, который лишаетъ его книгу совершенно всякаго значенія. Особая крестьянская совѣсть, благодаря которой „*быть можетъ именно русскому народу суждено повѣдать новое слово въ области правового творчества*" (курс. нашъ), заставляетъ автора придти къ тому выводу, что „*судья-администраторъ—это нашъ національный и вполнѣ законный* (?) типъ (!). Если къ этому „новому слову правового творчества", благодаря которому „въ такъ называемомъ административномъ порядкѣ разбирается значительная часть возникающихъ въ Россіи судебныхъ споровъ", благодаря которому, личность человѣка является необезпеченной въ самыхъ интимныхъ сторонахъ ея жизни,—если къ этому „новому слову" приглашаетъ міръ авторъ, то мы полагаемъ, что нѣтъ осно-

ванія бояться, что міръ соблазнится его приглашеніемъ. Мы не понимаемъ только, какимъ образомъ можно сопоставить этотъ, въ сущности далеко не новый, взглядъ на „правовой геній“ русскаго народа съ указаніемъ на то, что слишкомъ „широкій просторъ открывается для личнаго усмотрѣнія всѣхъ должностныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ крестьянскаго самоуправленія“. Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ и мировымъ судьею, и земскимъ начальникомъ. Ему, слѣдовательно, должно быть извѣстно, что административный произволъ—такъ будетъ короче и и прямѣе назвать „широкій просторъ для личнаго усмотрѣнія“—идетъ всегда рядомъ съ отсутствіемъ совершенно независимой судебной власти, дѣйствующей на точномъ основаніи положительныхъ законовъ, а не въ „такъ называемомъ административномъ порядкѣ“ на основаніи личнаго усмотрѣнія (см. 31. Пол. о зем. нач.). Правда, онъ говоритъ, что „печальный опытъ мировыхъ учрежденій слишкомъ ясно показалъ, что хорошіе суды прекрасно могутъ уживаться у насъ съ общей неурядицей въ деревнѣ“. Намъ совершенно непонятно, какъ можетъ говорить подобныя вещи г-нъ Туръ послѣ того, какъ за нѣсколько страницъ до этого онъ самъ сказалъ, что всѣ подобныя нападки на мировой институтъ совершенно лишены основанія, что значительная часть неурядицы „произошла въ области тѣхъ правоотношеній, которыя цѣликомъ были изъяты изъ вѣдѣнія мироваго суда, какъ то: крестьянское землевладѣніе, опеки, податное дѣло и т. д.“ Мы не понимаемъ, къ чему было ляганіе этого учрежденія, упраздняя которое, само правительство оффиціально признало, что оно дѣйствовало весьма удовлетворительно „какъ въ смыслѣ правильности постановляемыхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты судопроизводства“. (Прав. вѣст. см. перепечатку въ „Русскихъ вѣдом.“ 1889 г. № 241). Между тѣмъ гораздо легче объясняется эта неурядица тѣмъ, что всесословному и, въ извѣстной степени, по крайней мѣрѣ, независимому суду совершенно не соотвѣтствовалъ весь остальной строй крестьянскаго управленія, что функціи этого суда были съужены, что наряду съ нимъ дѣйствовали постоянно другія силы, оказывавшія большее вліяніе на условія народной жизни. И если мировой судъ получилъ со стороны правительства, а тѣмъ болѣе и со стороны народа признаніе въ своей полной судебной пригодности, то „національный типъ“ судьи-администратора еще не дождался этой чести,

и въ словахъ покойнаго Императора Александра III: *„чтобы было наконецъ установлено правосудіе въ Россіи"*, сказанныхъ при учрежденіи коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, едва-ли не звучитъ нотка сомнѣнія въ этомъ.

Указывая на необходимость особаго крестьянскаго устройства, обыкновенно ссылаются на систему общиннаго землевладѣнія. Это дѣлаетъ и г-нъ Туръ. Мы не будемъ входить въ настоящемъ случаѣ въ обсужденіе стараго и избитаго вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли поддерживать общину или содѣйствовать ея распаденію, полезна-ли она, гарантируетъ-ли она населеніе отъ образованія пролетаріата, является-ли она однимъ изъ устоевъ русской жизни и т. д. Всѣ эти вопросы уже настолько часто разъяснялись въ ту и другую сторону, что, кажется, только жизнь дастъ правильный отвѣтъ въ будущемъ, а въ *настоящемъ*, съ несомнѣнной достовѣрностью можно только сказать, что теоретически правильной общины у насъ нѣтъ, а въ существующей крестьянскому населенію живется также плохо, какъ и при подворномъ владѣніи. При томъ-же вопросѣ, который теперь подлежитъ обсужденію, думается намъ, что крайне необходимо *выдѣлить общину, какъ союзъ частноимущественный изъ сельскаго общества, какъ союза административнаго и общественно-хозяйственнаго.* Этого-же мнѣнія совершенно правильно придерживается авторъ, но и здѣсь онъ подчеркиваетъ въ общинѣ ея специфически-сословное значеніе, благодаря чему, его мысль опять-таки лишается твердой почвы.

Воззрѣнія автора на крестьянскій вопросъ ставятъ его въ число защитниковъ существующей формы сельскаго самоуправленія съ нѣкоторымъ, правда, расширеніемъ состава и компетенціи сельскаго схода и съ приданіемъ ему, даже, судебныхъ функцій надъ сельскими обывателями. Что касается вопросовъ самоуправленія, то мы думаемъ, что нельзя не согласиться съ авторомъ, что большимъ зломъ является теперь оторванность земства отъ крестьянскаго самоуправленія. Какъ логическое послѣдствіе этого положенія мы должны были-бы ожидать предложеніе установить эту связь путемъ созданія посредствующихъ органовъ земскаго самоуправленія, въ видѣ всесословной волости, общества или прихода. И это рѣшеніе вопроса, думаемъ мы, является единственно правильнымъ и возможнымъ при условіи расширенія области самоуправленія вообще и согласованія съ его принципами всей системы мѣстнаго управленія. Но передъ этимъ логическимъ выводомъ

авторъ останавливается, такъ какъ онъ противорѣчитъ воззрѣніямъ автора на „особыя свойства“ крестьянъ.

Далѣе, какъ мы уже говорили выше, авторъ высказываетъ много дѣльныхъ и здравыхъ мыслей о современномъ положеніи состава и дѣятельности сельскаго самоуправленія, о крестьянскихъ опекахъ, о раздѣлахъ, о податной неурядицѣ и соединеннымъ съ ней произволомъ полицейскихъ органовъ и т. д.

Не можемъ мы съ нимъ согласиться только въ вопросѣ о сельскомъ судѣ. Уже слишкомъ исполненъ онъ вѣры въ „крестьянскую совѣсть“, отличную отъ совѣсти другихъ людей, слишкомъ вѣритъ онъ въ особыя свойства крестьянскихъ правовыхъ понятій, что къ своему судьѣ-администратору и къ волостному суду онъ еще хочетъ прибавить сельскій судъ. Мы полагаемъ, что практика всѣхъ этихъ органовъ достаточно убѣдила въ ихъ судебной несостоятельности. Пора дать крестьянину настоящую судебную охрану его правъ, пора влить въ его жизнь настоящія начала законности и гражданственности, основанныя на началѣ всесословности, а не искусственно охранять отжившія нормы—остатокъ прежнихъ дней и темнаго времени крѣпостничества. Вотъ куда долженъ звать крестьянина „голосъ жизни“, и совершенно иначе прозвучитъ для него этотъ голосъ, чѣмъ тотъ, которымъ взываетъ г-нъ Туръ.

О. Вертъ.

К. Гуго. *Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею Д. Протопопова.* Спб. 1898 г.

Цѣль интересной и поучительной книги Гуго, изданной въ Штутгартѣ въ 1897 г., заключается въ изложеніи постепеннаго роста функцій англійскаго городскаго самоуправленія (а въ англійскихъ городахъ, замѣтимъ, по переписи 1891 г. живетъ 71.7 % англійскаго народонаселенія), начиная со времени изданія городоваго положенія 1835 г., кореннымъ образомъ реформировавшаго насквозь прогнившіе старые муниципальные порядки, и до послѣднихъ частныхъ актовъ въ этой области (5—32). При этомъ для изображенія принциповъ и стремленій городовъ авторъ ссылается, главнымъ образомъ, на Лондонъ (33—72), только въ 1888 г. добившійся улучшеннаго самоуправленія, и на знаменитую Лондонскую

программу, а при изложеніи фактовъ онъ обращаетъ, главнымъ образомъ, вниманіе на другіе города, особенно же на большіе города сѣвера и Шотландіи, такъ какъ тамъ (напр., въ Глазго, 379) уже достигнуто многое, даже большинство того, изъ за чего въ Лондонѣ еще приходится бороться.

По вполнѣ справедливому мнѣнію автора задача управленія большими городами въ общемъ сводится къ созданію здоровыхъ условій жизни для ихъ обитателей и къ организаціи и къ облегченію совершающихся въ нихъ процессовъ производства и распредѣленія продуктовъ. Но, прежде чѣмъ пробудилось сознаніе о задачахъ городскаго самоуправленія, частная предпріимчивость всецѣло въ своихъ, а не въ общественныхъ интересахъ успѣла монополизировать въ Англіи (да и въ одной ли Англіи?) въ своихъ рукахъ снабженіе городовъ водой и газомъ, городскіе трамваи, базары, бани, прачешныя и т. д. Такимъ образомъ прежде всего англійскому городскому самоуправленію пришлось вытѣснять частныхъ предпринимателей изъ этихъ, монополизированныхъ ими, отраслей общественной дѣятельности. Когда же англійскіе города покончили съ этой задачей, то они вступили въ борьбу съ частной предпріимчивостью и въ другихъ областяхъ ея дѣятельности и стали своими собственными архитекторами, инженерами, фабрикантами и купцами (322—336). Авторъ и показываетъ намъ все это на исторіи городскаго водоснабженія (158—201), газоснабженія (222—237) и снабженія городовъ гидравлической силой (249—252), а также и на исторіи телефоновъ (277—279) и электрическаго освѣщенія (238—248); излагаетъ книга и исторію попеченія объ оздоровленіи городовъ (73—158) [1]); говорится въ ней и о содѣйствіи городскаго самоуправленія образованію городскаго населенія и знакомству его съ искусствомъ (280—304). [2]). Но, ставши собственными производителями, англійскіе города необходимо должны были вступить на путь урегулированія и рабочаго вопроса, особенно въ тѣхъ производствахъ, гдѣ процвѣтаетъ система прижимки, и при-

---

[1]) Болѣе подробное содержаніе этой части книги таково: удаленіе нечистотъ (76—92), жилища трудящихся классовъ (92—140), постройка и содержаніе бань и прачешныхъ (145—149), парки (150—158) и т. д.—Есть и главы, посвященныя рынкамъ (208—221), и пожарному, и страховому дѣлу (202—207).

[2]) Такимъ образомъ въ книгѣ говорится о народныхъ библіотекахъ (280—288), о музеяхъ, галлереяхъ и художественныхъ школахъ (289—293) и о техническихъ школахъ (294—304).

нять на себя заботы о жизненныхъ условіяхъ занятыхъ у нихъ рабочихъ путемъ увеличенія заработной платы, сокращенія рабочаго времени и назначенія пенсій, о чемъ и говорится на стр. 305—322 книги; страницы же 336—337 ея говорятъ и о биржахъ труда. За послѣднее время англійское городское самоуправленіе съ своими сооруженіями начинаетъ выходить и за предѣлы города.

Обращаютъ на себя вниманіе и еще двѣ стороны англійскаго городскаго самоуправленія. Это, во первыхъ, борьба въ немъ съ принципомъ единаго органа городскаго самоуправленія принципа спеціальныхъ коммисій, развитіе которыхъ въ области городскаго самоуправленія обусловливалось подкупностью старыхъ городскихъ корпорацій. При этомъ система спеціальныхъ коммисій рѣшительно преобладала до послѣднихъ десятилѣтій, а потому и достигла очень высокой степени развитія, весьма усложнивъ и удороживъ городское самоуправленіе. Но съ учрежденіемъ городскихъ совѣтовъ партикуляристическимъ тенденціямъ спеціальныхъ комитетовъ была объявлена война, не закончившаяся и до сихъ поръ. По мнѣнію же автора, съ выходомъ дѣятельности городскаго самоуправленія за предѣлы города, эти два теченія соединятся и примирятся, хотя и очень неясно изложено въ книгѣ, какъ это сдѣлается (373—375).

Во вторыхъ, важна и финансовая сторона городскаго самоуправленія. Если муниципализація частныхъ монополистическихъ предпріятій и ведетъ необходимо къ задолженности мѣстныхъ органовъ самоуправленія, то въ то же время она должна облегчать налоговое бремя горожанъ и въ этомъ отношеніи Глазго опять можетъ служить хорошимъ примѣромъ, такъ какъ этотъ городъ заботится не о несправедливыхъ барышахъ, а объ интересахъ общества (379). Реформѣ городскаго обложенія и посвящена послѣдняя глава книги (338—368), которая, впрочемъ, тоже насъ не совсѣмъ удовлетворила.

Таково богатое содержаніе книги Гуго. Еще бо́льшую же цѣнность ей придаетъ то, что авторъ ея пользовался при ея составленіи отчетами городскихъ совѣтовъ и спеціальныхъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, газетой „London“, поставившей своей главнѣйшей задачей слѣдить за развитіемъ городскаго самоуправленія, монографіями по исторіи отдѣльныхъ городовъ и книгой Клиффорда „Private Bill Legislation“.

Но для Россіи книга Гуго имѣетъ еще особый спеціальный интересъ. Какъ это особенно обнаружено послѣднею переписью,

и въ Россіи растетъ городское населеніе. Именно, за послѣдніе 12 лѣтъ въ Европейской Россіи сельское населеніе увеличилось на 14%, а городское на 18.7% и такимъ образомъ послѣднее составляетъ теперь 12.5% всего населенія Европейской Россіи противъ 12.2% его въ 1885 году [1]). Въ Привислянскомъ же краѣ городское населеніе опредѣляется въ 21.7%, а для всей Россіи % его равенъ 12.8. Въ связи съ этимъ и у насъ быстро образуются большіе города и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и въ Англіи, частная предпріимчивость начинаетъ захватывать и у насъ въ свои руки удовлетвореніе городскихъ потребностей съ цѣлью извлеченія изъ нихъ возможно большихъ выгодъ для себя. Начинается и у насъ борьба въ этой области городскаго самоуправленія съ частными предпринимателями. Но у насъ этотъ процессъ теперь еще въ самомъ началѣ. Такимъ образомъ на этомъ пути опытъ другихъ странъ можетъ очень облегчить и нашимъ городамъ осуществленіе задачъ городскаго самоуправленія и предостеречь ихъ здѣсь отъ ложныхъ шаговъ. Поэтому переводъ книги Гуго на русскій языкъ (не смотря на всѣ его недостатки и опечатки) можно только привѣтствовать и пожелать ему какъ можно болѣе широкаго распространенія.

С. Ш.

Jahrbuch der internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswissenschaftlehre zu Berlin. III Jahrgang Ers. und Zw. Abtheilung. 1897—1898.

Въ началѣ 1894 г. въ Берлинѣ по образцу парижскаго Société de legislation comparée основано общество сравнительнаго правовѣдѣнія и науки о народномъ хозяйствѣ. Уже въ изданіи своихъ первыхъ трудовъ (1 и 2 вып. Ежегодника) Общество широко намѣтило свою задачу: оно имѣетъ въ виду сравнительное изученіе юридическихъ нормъ и институтовъ въ трехъ разновидностяхъ, выражаясь словами проф. Бернгёфта—въ направленіяхъ этнологическомъ, историческомъ и догматическомъ. Но этого мало: общество вводитъ въ кругъ своего изученія и занятій и науку о народномъ хозяйствѣ, какъ бы указывая тѣмъ, что судьба юридическихъ институтовъ можетъ быть правильно понята и достаточно изслѣдована

[1]) Рус. Вѣдом., 1898 г., № 60.

лишь при изученіи экономическаго быта народовъ. Въ настоящее время Общество насчитываетъ до 800 членовъ и на земномъ шарѣ почти нѣтъ страны, которая не была бы въ немъ представлена въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Члены дѣлятся на три категоріи: обыкновенныхъ, корреспондентовъ и почетныхъ. Въ качествѣ почетныхъ членовъ избираются лица, оказавшія Обществу особыя заслуги на научномъ поприщѣ. Каждый членъ, живущій въ Берлинѣ и окрестностяхъ, уплачиваетъ ежегодный членскій взносъ въ 15 марокъ, а иногородніе и иностранцы 12 марокъ, считая годъ съ 1 апрѣля и по 31 марта. Органами Общества являются: председатель, комитетъ и общее собраніе членовъ. Комитетъ избирается на три года и состоитъ изъ 5 членовъ: перваго и втораго председателя, перваго и втораго секретаря и казначея. Засѣданія Общества для чтенія докладовъ, рефератовъ происходятъ ежемѣсячно въ Westminster-Hotel на Unter den Linden, причемъ для иногороднихъ на повѣсткѣ, приглашающей ихъ къ засѣданію, довольно обстоятельно пропечатывается содержаніе прочитаннаго реферата, чѣмъ дается возможность и иногороднимъ членамъ слѣдить за научною дѣятельностью Общества. Ежегодно въ концѣ марта происходитъ общее собраніе членовъ, которое: a) выбираетъ членовъ комитета; b) избираетъ почетныхъ членовъ; c) возбуждаетъ и рѣшаетъ вопросы объ измѣненіяхъ устава Общества; d) контролируетъ кассу; e) исключаетъ членовъ; f) рѣшаетъ вопросы о дальнѣйшемъ существованіи Общества. Рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, а измѣненія устава большинствомъ $^2/_3$ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ.

Въ вышедшемъ послѣднемъ Ежегодникѣ обращаютъ на себя вниманіе статьи: фонъ-деръ-Борхта объ Амстердамскомъ банкѣ, въ которой авторъ слѣдитъ за его любопытной исторіей и современной организаціей; извѣстнаго Конрада Борнгака о новѣйшихъ формахъ колоніальныхъ пріобрѣтеній. Исторію колоніальныхъ владѣній Борнгакъ дѣлитъ на три періода: a) испанско-португальскій (15 и 16), b) германскій (пріобрѣтенія послѣ реформаціи германцевъ, голландцевъ и англичанъ) и c) третій періодъ культурнаго и экономическаго господства европейскихъ народовъ (?). Формами этихъ новѣйшихъ пріобрѣтеній являются: оккупація, протекторатъ, цессія (т. е. уступка) и завоеваніе. Авторъ вполнѣ стоитъ на высотѣ pia desideria современныхъ нѣмецкихъ патріотовъ и утверждаетъ,

что право низшихъ расъ должно погибнуть (unterliegen) вмѣстѣ съ ихъ національностью, религіей, культурой для того, чтобы очистить мѣсто цивилизаторской миссіи (um Raum zu schaffen für die civilisatorische Mission) арійскихъ христіанскихъ народовъ, призванныхъ къ господству на земномъ шарѣ! Въ сборникѣ отведено мѣсто и изученію права славянскихъ народовъ. Акимовичъ помѣстилъ очеркъ семейственнаго права сербовъ, Е. Милеръ описываетъ „задругу" (семейную общину) у южныхъ славянъ. Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе перваго выпуска, второй посвященъ хроникѣ законодательства отдѣльныхъ государствъ (за 1896 г.) и литературному обозрѣнію важнѣйшихъ юридическихъ сочиненій. Въ концѣ Ежегодника помѣщенъ краткій отчетъ о научной дѣятельности Общества (Ф. Мейера) и наконецъ (на стр. 909—930) приведенъ списокъ всѣхъ членовъ Общества по 31 марта 1898 г.

Проф. В. Александренко.

Internationale Vereinigung für gewerblichen Rechtschutz. I Jahrgang. Berlin. 1898.

Международное общество для защиты промышленныхъ правъ дебютируетъ передъ публикой весьма удачно. Цитированный первый томъ его протоколовъ, дающій отчетъ о работахъ общества за истекшій 1897 годъ, составляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ литературу вопросовъ о промышленной „собственности". Въ этихъ протоколахъ читатель найдетъ не только подробное изображеніе всего того, что было говорено и рѣшено на первомъ конгрессѣ общества, устроенномъ прошлой осенью въ Вѣнѣ,—но еще и воспроизведеніе всѣхъ тѣхъ докладовъ, которые были представлены со всѣхъ концовъ Европы для обсужденія на только что упомянутомъ съѣздѣ. Можно сказать, что никакой ученый трактатъ не будетъ въ состояніи дать такой яркой картины о желаніяхъ и стремленіяхъ заинтересованныхъ классовъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ,—какъ эти отрывочные, ничѣмъ между собой не связанные „доклады", составленные спеціалистами каждой страны по каждому отдѣльному вопросу. Насколько протоколы самыхъ преній конгресса носятъ характеръ недостаточной дѣловитости (неизбѣжный недостатокъ всѣхъ такихъ сборищъ, гдѣ всякій старается „блеснуть") настолько полны фактическаго, научно-цѣн-

наго матеріала именно эти доклады, занимающіе много больше половины книги.

Въ краткой замѣткѣ мы не можемъ изложить даже и поверхностно содержанія этихъ докладовъ. Но мы позволимъ себѣ отмѣтить, для руководства тѣмъ изъ читателей, которые спеціально интересуются этими вопросами,—заглавія главнѣйшихъ изъ работъ, отпечатанныхъ въ разбираемомъ изданіи. Первое мѣсто принадлежитъ, безусловно, работѣ парижскаго адвоката Maillard'a, коему поручено было „свести“ воедино все то, что разбросано по отдѣльнымъ докладамъ. Эта работа можетъ служить, до извѣстной степени, хорошимъ комментаріемъ извѣстной промышленной конвенціи 20 марта 1883 года. Отмѣтимъ затѣмъ: докладъ секретаря Бернскаго международнаго бюро Frey-Godet о международной регистраціи марокъ; инженера V. Schütz—о необходимости отмѣнить обязательную эксплуатацію патентованныхъ изобрѣтеній; патентнаго агента R. Wirth—о защитѣ патентовъ на изобрѣтенія; лондонскаго адвоката Iselin—о ложныхъ указаніяхъ на мѣсто происхожденія продукта; вѣнскаго адвоката Wechsler и парижскаго адвоката Allart—о нечестной конкурренціи; брюссельскаго адвоката Wauwermans—о фабричныхъ рисункахъ и т. д.

Остается только пожелать, чтобы обществу удалось издать столь же богатый содержаніемъ Ежегодникъ и послѣ втораго своего конгресса, бывшаго въ Лондонѣ съ 1-го по 3-е іюня этого года.

Ал. Пиленко.

Б. Ф. Брандтъ. *Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. Теоретическія основанія. Опытъ иностранныхъ государствъ.* Спб. 1898 г. 312 стр. Цѣна 2 р.

Книга г. Брандта распадается на десять главъ, въ которыхъ послѣдовательно разсматриваются причины современнаго движенія капиталовъ изъ странъ съ болѣе развитой культурой въ страны менѣе культурныя (глава I и II), значеніе этого движенія для странъ капиталистическихъ (глава III) и для странъ, бѣдныхъ капиталами (глава IV), вліяніе иностранныхъ капиталовъ въ Аргентинѣ, Мексикѣ, австралійскихъ колоніяхъ Англіи, Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки, балканскихъ государствахъ (глава V—IX); въ концѣ подводится общее заключеніе всему изслѣдованію (глава X).

Такимъ образомъ, въ этой I части авторъ изслѣдуетъ вопросъ о вліяніи иностранныхъ капиталовъ сначала теоретически, а затѣмъ исторически на примѣрѣ нѣсколькихъ странъ. Вторая часть будетъ посвящена спеціально вопросу о значеніи прилива иностранныхъ капиталовъ для экономическаго развитія нашего отечества.

Г. Брандтъ затронулъ чрезвычайно интересный и теоретически, и практически вопросъ. Вопросъ этотъ мало разработанъ въ спеціальной литературѣ. Для Россіи онъ представляется въ настоящую минуту однимъ изъ жгучихъ вопросовъ экономической политики. Какъ смотрѣть на неудержимое стремленіе иностранныхъ капиталовъ въ Россію, на переходъ въ иностранныя руки естественныхъ богатствъ и крупныхъ промышленныхъ предпріятій? Съ этой точки зрѣнія, мы должны быть весьма благодарны автору разбираемой книги. Онъ не мало потрудился надъ рѣшеніемъ вопроса и изложилъ результаты своего изслѣдованія въ формѣ вполнѣ литературной.

Книга г. Брандта написана при помощи и на основаніи нѣсколькихъ, преимущественно иностранныхъ, экономическихъ изслѣдованій и сборниковъ, далеко не всегда удачно подобранныхъ. Онъ самъ это показываетъ въ своихъ цитатахъ, всегда очень точныхъ. Почти вовсе не обращается онъ къ оффиціальнымъ актамъ и документамъ, донесеніямъ консуловъ, отчетамъ торговыхъ палатъ, протоколамъ парламентовъ и парламентскихъ коммисій и т. д. Конечно, это весьма умаляетъ значеніе его труда. Жаль также, что онъ мало обратилъ вниманія на періодическую прессу тѣхъ странъ, гдѣ вопросъ объ иностранныхъ капиталахъ сильно волновалъ общественное мнѣніе. Онъ цитируетъ, правда, кое-что и изъ парламентскихъ дебатовъ, и изъ разсужденій печати разныхъ странъ, но только то, что и до него было уже отмѣчено, притомъ лицами, вовсе не изучавшими спеціально вопросъ объ иностранныхъ капиталахъ. Онъ, навѣрное, добылъ бы немало интересныхъ данныхъ прямо на свою тему и могъ бы избавить работу отъ многихъ подробностей, прямо къ ней не относящихся, если бы пошире воспользовался также спеціальной экономической литературой. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы авторъ хотѣлъ дать намъ полную картину передвиженія капиталовъ изъ страны въ страну. Онъ и самъ говоритъ, что это превысило бы его силы. Онъ хотѣлъ, очевидно, сообщить только нѣкоторыя свѣдѣнія на сей счетъ, преимущественно тѣ, которыя онъ нашелъ у другихъ

изслѣдователей. Иначе, трудно было бы понять, почему онъ ввелъ въ свое изслѣдованіе однѣ страны и оставилъ въ сторонѣ другія, часто болѣе интересныя въ данномъ отношеніи. Изъ европейскихъ странъ онъ взялъ только балканскія государства (за исключеніемъ Турціи и Греціи), хотя иностранные капиталы играли или играютъ крупную роль и въ другихъ государствахъ нашей части свѣта.

Авторъ, какъ кажется, убѣжденный поклонникъ той пользы, которую должны приносить иностранные капиталы каждой странѣ. Это отражается даже чисто внѣшнимъ образомъ на его работѣ. Онъ гораздо внимательнѣе останавливается на благомъ вліяніи ихъ на экономическое состояніе бѣдныхъ странъ, чѣмъ на противоположной сторонѣ дѣла. Но совсѣмъ не интересуетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ бѣдная страна, въ которую приливаютъ иностранные капиталы, можетъ извлечь изъ нихъ наиболѣе пользы для себя и предохранить себя отъ экономической эксплуатаціи со стороны международныхъ капиталистовъ. Свою работу авторъ начинаетъ, положимъ, съ нѣсколькихъ общихъ фразъ объ экономической борьбѣ народовъ, но за симъ объ этой борьбѣ уже нигдѣ далѣе не упоминаетъ. Думается, что онъ не сдѣлалъ бы ошибки, еслы бы выяснилъ читателю болѣе глубоко законъ международной экономической борьбы и показалъ бы, въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ растущей экономической солидарности народовъ. Авторъ самъ отмѣчаетъ что обыкновенно не бѣдная страна ищетъ иностранныхъ капиталовъ, а эти послѣдніе стремятся въ бѣдныя страны. Это что нибудь да значитъ. Доводы, которыми онъ доказываетъ, что бѣдная страна оказывается въ результатѣ всегда въ выигрышѣ, далеко не такъ убѣдительны, какъ хотѣлось бы. Думается, что онъ не сдѣлалъ нѣкоторыхъ различій, которыя слѣдовало бы сдѣлать, говоря о вліяніи иностранныхъ капиталовъ. Если бы оно было только благое, то зачѣмъ же было стремиться „освободиться отъ ихъ вторженія“, „ассимилировать себѣ чужіе элементы“? И послѣ книги г. Брандта нельзя быть увѣреннымъ, что иностранный капиталъ и его носитель иностранецъ капиталистъ-предприниматель всегда только желанныя гости въ бѣдной странѣ.

Подлежитъ, напримѣръ, большому сомнѣнію, чтобы крупныя промышленыя предпріятія, основанныя на иностранные капиталы и работающія при помощи иностранцевъ, могли только содѣйствовать возникновенію и развитію мѣстной промышленности, скорѣе

они должны убить ее какъ экономически менѣе сильную. Столь же сомнительно, что бы страна оказалась непремѣнно въ выигрышѣ, если ея естественныя богатства будутъ извлекаться изъ нѣдръ земли при помощи иностранныхъ капиталовъ для вывоза заграницу. Еще болѣе сомнительно, что населенію бѣдной страны слѣдуетъ радоваться въ томъ случаѣ, когда наплывъ иностранныхъ капиталовъ сопровождается наплывомъ иностранцевъ, являющихся въ роли господъ въ страну, коренное населеніе которой превращается въ слугъ и рабовъ. Вообще, приливъ иностранныхъ капиталовъ надо встрѣчать далеко не однимъ „добро пожаловать". Народъ-бѣднякъ долженъ бороться за свою національную и экономическую личность въ столкновеніи съ народами капиталистами, принимать мѣры для того, чтобы сохранить себя отъ эксплуатаціи съ ихъ стороны и извлечь изъ предлагаемыхъ ему капиталовъ, возможно больше пользы для себя. Передвиженіе капиталовъ изъ богатыхъ странъ въ бѣдныя есть проявленіе не только растущей экономической солидарности народовъ, но и экономической борьбы между ними. Иностранные капиталы могутъ, конечно, принести, при извѣстныхъ условіяхъ, большую пользу бѣдной странѣ. Намъ кажется только, что г. Брандтъ придаетъ ихъ благому вліянію слишкомъ большое значеніе.

Согласованіе интересовъ промышленниковъ и потребителей, подъемъ рабочей платы и пр. могутъ быть достигнуты и безъ содѣйствія иностранныхъ капиталовъ. Это очень малая заслуга послѣднихъ, если только эта заслуга дѣйствительно имѣется на лицо.

Усиленіе денежныхъ средствъ страны при приливѣ иностранныхъ капиталовъ также не должно чрезмѣрно увлекать насъ. Деньги ввозятся въ страну, конечно, въ разсчетѣ вернуть ихъ обратно въ возможно скоромъ времени и съ возможно большими процентами.

Развитіе экономической самостоятельности страны можетъ быть результатомъ прилива капиталовъ только въ такомъ случаѣ, если они обращаются на промышленность обрабатывающую, а не добывающую, на средства сношеній и сообщеній, а не на банковое дѣло и т. п. Около основнаго иностраннаго предпріятія, естественно, группируются также иностранцы и иностранныя вспомогательныя предпріятія. Поэтому никакъ нельзя утверждать, что бѣдная страна, теряя за границу прибыль иностраннаго предпріятія, должна непремѣнно получать выигрышъ отъ доходовъ,

которые получаются массою лицъ и предпріятій, работающихъ благодаря существованію иностраннаго предпріятія. Эти доходы должны очень часто уходить также за границу.

Словомъ, благотворное вліяніе иностранныхъ капиталовъ для странъ бѣдныхъ капиталами далеко не такъ безусловно, какъ кажется г. Брандту. Онъ находитъ вреднымъ только исскуственный и чрезмѣрный приливъ иностранныхъ капиталовъ, именно, посредствомъ заключенія иностранныхъ займовъ, мы склонны видѣть нѣкоторыя нежелательныя, съ національно-экономической точки зрѣнія, явленія и въ томъ случаѣ, когда капиталы сами приходятъ въ страну. Думается, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ законъ международной экономической борьбы и особенно отношеніе странъ капиталистическихъ къ странамъ рабочихъ рукъ. Желательно, чтобы во второй части труда онъ болѣе углубилъ свое разсужденіе, взглянулъ на международный капиталъ не только какъ на всесвѣтнаго благодѣтеля, но и какъ на могучаго эксплуататора, и показалъ намъ какимъ образомъ бѣдныя страны могутъ спасти себя отъ экономическаго рабства странамъ богатымъ и воспользоваться иностранными капиталами для своего экономическаго и національнаго укрѣпленія.

Проф. П. Казанскій.

Проф. Н. П. Яснопольскій. *О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ.* Кіевъ. 1897 г.

Недавно появившійся въ печати трудъ проф. Яснопольскаго является продолженіемъ предпринятой имъ большой научной работы, касающейся финансовой географіи Россіи, съ первымъ томомъ которой о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ общество уже достаточно знакомо. Благодаря новому сочиненію, представляющему опытъ финансово-статистическаго изслѣдованія, становится совершенно яснымъ участіе каждой губерніи въ доставленіи государственному казначейству денежныхъ средствъ, а также значеніе ея въ общемъ государственномъ финансовомъ бюджетѣ. На основаніи тщательно разработаннаго обильнаго статистическаго матеріала, проф. Яснопольскій пришолъ къ крайне интереснымъ выводамъ, касающимся финансово-экономи-

ческаго состоянія Россіи, и распредѣлилъ губерніи Россіи на районы по степени „финансовой производительности".

Въ своемъ трудѣ проф. Яснопольскій подробно изслѣдовалъ географическое распредѣленіе расходовъ Россіи по всѣмъ статьямъ нашего бюджета и, благодаря искусной группировкѣ статистическихъ данныхъ, далъ точные и обстоятельные отвѣты на массу вопросовъ нашего государственнаго хозяйства, вытекающихъ изъ изслѣдованія нашего расходнаго бюджета. Въ книгѣ почтеннаго профессора находимъ не только участіе каждой губерніи въ расходованіи денежныхъ средствъ (абсолютно), но и указано— сколько каждая губернія расходуетъ на оборону страны, на народное образованіе, на медицинскую часть, на пути сообщенія, на почты и телеграфы, на церковь и духовныя потребности населенія, на военную и гражданскую юстиціи, на мѣры хозяйственной политики, на администрацію и проч. Главнѣйшими показателями автору служатъ не столько абсолютныя среднія величины, сколько отношеніе этихъ величинъ къ пространству губерніи и ея населенію, а также процентныя отношенія къ итогамъ. Такимъ образомъ выводы г. Яснопольскаго, какъ результатъ статистическихъ изслѣдованій, характеризуютъ законосообразность изслѣдуемыхъ явленій и представляютъ поэтому глубокій научный интересъ и въ высшей степени цѣнны, какъ для спеціалиста, такъ для всякаго интересующагося вопросами нашего государственнаго хозяйства.

Однако трудъ г. Яснопольскаго не исключительно статистическій и въ немъ, какъ и во всякомъ экономическомъ изслѣдованіи, статистикѣ хотя и удѣлено первое мѣсто, тѣмъ не менѣе она служитъ лишь вѣрнымъ средствомъ для полученія извѣстныхъ выводовъ. Такъ, г. Яснопольскій не ограничивается однимъ констатированіемъ фактовъ, но подробно выясняетъ причины и послѣдствія для хозяйственной жизни Россіи характера географическаго распредѣленія государственныхъ расходовъ, обнаруженнаго при помощи эмпирическихъ обобщеній изъ статистическихъ данныхъ. Для надлежащаго освѣщенія и оцѣнки характера распредѣленія расходовъ, г. Яснопольскій сопоставляетъ ихъ съ распредѣленіемъ избытковъ доходовъ въ однихъ частяхъ Россіи и недостаткомъ доходовъ для покрытія расходовъ въ другихъ. Путемъ такихъ сопоставленій ясно обнаруживается неравномѣрное распредѣленіе у насъ государственныхъ расходовъ. Считая для полноты своей работы необходимымъ сравнительное финансово-статистическое изслѣ-

дованіе данныхъ по возможности къ большему числу государствъ, почтенный профессоръ однако отказывается отъ этого по причинѣ отсутствія не только статистическихъ изслѣдованій государственныхъ расходовъ въ другихъ странахъ, но даже опубликованныхъ матеріаловъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Франція, географическое распредѣленіе которой, вслѣдствіе большаго сходства, подробно сравнивается авторомъ съ аналогичнымъ явленіемъ въ нашемъ отечествѣ. Основаніемъ труда проф. Яснопольскаго послужили, главнымъ образомъ, отчеты государственнаго контроля за время съ 1868 года по 1893 годъ. Выдѣливъ однородныя по назначенію расходы, оказавшіеся разбросанными по смѣтамъ разныхъ министерствъ, авторъ смогъ сгруппировать ихъ по категоріямъ, которыя были указаны нами выше, и привелъ ихъ въ своей книгѣ въ видѣ таблицъ, картограммъ, а также пояснительныхъ выводовъ. Къ сожалѣнію такая детальная разработка могла быть сдѣланною лишь по даннымъ одного 1887 года, причемъ авторъ указываетъ на всѣ трудности подобной работы, потребовавшей трудовъ 14 лицъ въ продолженіи двухъ недѣль. Соглашаясь съ мнѣніемъ автора—нельзя однако не замѣтить, что данныя одного 1887 года, помимо того, что носятъ характеръ случайнаго явленія, являются для нашего времени слишкомъ уже устарѣвшими.

Главнѣйшіе выводы г. Яснопольскаго заключаются въ слѣдующемъ: Россія, подобно Франціи, принадлежитъ къ странамъ чрезмѣрно въ финансовомъ отношеніи централизованнымъ, съ расходами, сосредоточенными, главнымъ образомъ, въ столицѣ, что очень неблагопріятно отражается на экономическомъ благосостояніи страны. Эта невыгода для Россіи гораздо значительнѣе, чѣмъ для Франціи, въ виду большаго удаленія нашей столицы отъ центра государства. Слишкомъ большой приливъ денежныхъ средствъ въ столицу, усиливая спросъ и предложеніе на услуги, крайне тяжело ложится на производителей отдаленныхъ отъ центра мѣстностей, равно какъ и на мѣстныхъ потребителей. Не вполнѣ благопріятное, съ экономической точки зрѣнія, географическое положеніе Россіи влечетъ за собою невыгодное географическое распредѣленіе государственныхъ расходовъ, съ чрезмѣрно большимъ тяготѣніемъ ихъ къ нашимъ окраинамъ: южнымъ и восточнымъ въ особенности, живущимъ исключительно на счетъ среднихъ и центральныхъ болѣе производительныхъ раіоновъ нашего отечества.

Въ сравненіяхъ бюджета Россіи съ главнѣйшими западно-европейскими государствами проф. Яснопольскій не пользуется подлинными бюджетами и самостоятельными вычисленіями сопоставляемыхъ имъ расходовъ, а лишь книгою прусскаго ученаго Рихарда фонъ-Кауфмана [1]). Въ этой книгѣ г. Кауфманъ дѣлаетъ, между прочимъ, выводъ, что Германія менѣе Россіи расходуетъ денежныхъ средствъ на оборону страны. Этотъ выводъ нельзя обойти молчаніемъ уже въ виду того, что г. Кауфманъ сравненіемъ родной ему Пруссіи съ Россіею, Франціею, Англіею, Австро-Венгріею и Италіею сдѣлалъ крупное для конца вѣка открытіе, признавъ свое отечество за первоклассное государство съ бюджетомъ, выдерживающимъ такое смѣлое сравненіе. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что Пруссія такое же союзное государство, составляющее часть Германской имперіи, какъ Саксонія, Баварія, Виртембергъ и другія и, хотя обладаетъ самостоятельнымъ бюджетомъ, (какъ и всѣ союзныя государства), тѣмъ не менѣе, не можетъ никогда быть сравниваемо съ цѣлыми государствами. Сравненіе это однако дало возможность г. Кауфману вывести заключеніе, что Пруссія очень мало, сравнительно съ прочими странами, расходуетъ денежныхъ средствъ на оборону страны, менѣе обременяетъ населеніе налогами и во всемъ находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели всѣ прочія государства. Если даже этотъ выводъ и вѣренъ по отношенію одной Пруссіи и если дѣйствительно тамъ мало сравнительно расходуется средствъ на оборону страны (вызывая тѣмъ справедливый ропотъ во всѣхъ прочихъ союзныхъ странахъ Германіи), то во всякомъ случаѣ Пруссія не выражаетъ своимъ бюджетомъ всей Германской имперіи, и не можетъ быть сравниваема съ прочими европейскими государствами. Если руководствоваться подлиннымъ бюджетомъ Германіи [Reichshaushalts-Etat für Etatshähr 1895—1896] или офиціальнымъ статистическимъ изданіемъ Statistisches-Jahrbuch für das deutsche Reich 1895, то найдемъ, что Германія расходуетъ 44,33% всего своего бюджета на сухопутныя войска и 6,33% на флотъ, занимая въ Европѣ первое мѣсто по расходамъ на оборону страны. Далѣе идутъ: Великобританія, Россія, Франція, Австрія и Италія. Этого примѣра, полагаемъ, достаточно, чтобы указать насколько пред-

[1]) Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ Европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ.

почтительнѣе руководствоваться подлинными офиціальными источниками и съ какою осторожностью слѣдуетъ относиться къ частнымъ изслѣдованіямъ прусскихъ ученыхъ.

Въ трудѣ г. Яснопольскаго находимъ не мало картограммъ и карто-діаграммъ, наглядно иллюстрирующихъ сдѣланные имъ въ текстѣ книги выводы, но помимо того, что наиболѣе интересныя картограммы съ детальной разработкой данныхъ (по вышеуказаннымъ категоріямъ расходовъ) картографированы по даннымъ одного 1887 года и, строго говоря, не могутъ выражать законосообразности явленія, онѣ не снабжены цифровыми данными для указанія предѣловъ статистическихъ рядовъ.

Вслѣдствіе этого немаловажнаго недостатка картограммъ, онѣ не могутъ давать отвѣтовъ безъ параллельнаго сравненія ихъ съ цифровыми таблицами, что въ высшей степени затрудняетъ пользованіе ими, отнимая притомъ много времени и труда.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что почтенный профессоръ въ своемъ капитальномъ трудѣ очень мало удѣляетъ мѣста сравненію государственныхъ расходовъ съ мѣстными, между тѣмъ какъ народное образованіе, медицинская часть, пути сообщенія и проч. составляютъ главнѣйшіе статьи бюджетовъ нашихъ земствъ и, оставивъ въ сторонѣ эти мѣстные расходы, нельзя дать вѣрной характеристики географическаго распредѣленія всего, что расходуется въ странѣ при участіи государственнаго и земскихъ финансовыхъ бюджетовъ.

П. Антроповъ.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Обычное право наслѣдованія по даннымъ практики волостныхъ судовъ Лужскаго уѣзда [1]).

Въ виду появленія за послѣднее время нѣкоторыхъ признаковъ, оживающаго среди юристовъ, интереса къ вопросу объ обычномъ правѣ русскаго народа, мы рѣшились изложить въ настоящемъ очеркѣ результатъ наблюденій за дѣятельностью, реформированнаго по закону 12 іюля 1889 г., волостнаго суда, произведенныхъ нами за періодъ послѣднихъ шести лѣтъ на пространствѣ Лужскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи. Нельзя сказать, чтобы матеріалъ, бывшій предметомъ наблюденія, въ области, предпринятаго нами, изслѣдованія, именно въ области наслѣдственнаго права, отличался изобиліемъ. Бытовыя условія нашего крестьянства таковы, что споры о наслѣдованіи сравнительно рѣдко могутъ быть предметомъ судебнаго разсмотрѣнія. Все имущество крестьянскаго двора составляетъ общее достояніе семьи, какъ хозяйственнаго союза, распоряженіе же этимъ имуществомъ сосредоточивается въ рукахъ домохозяина, старшаго члена семьи. При нераздѣльности семьи о переходѣ имущества въ порядкѣ наслѣдованія, какъ мы его понимаемъ, не можетъ быть и рѣчи: субъектъ правъ-семья не умираетъ, происходитъ лишь замѣна одного домохозяина другимъ, требующая не судебнаго опредѣленія, а распоряженія со стороны сельскаго схода; въ тѣхъ же случаяхъ, когда сама семья

[1]) Докладъ, читанный въ отдѣленіи обычнаго права Юридическаго Общества 28 апрѣля 1898 г.

распадается, опредѣленіе правъ отдѣльныхъ членовъ семьи на общее имущество происходитъ въ порядкѣ имущественнаго раздѣла и почти всегда заканчивается на сельскомъ сходѣ. Вслѣдствіе сего на разсмотрѣніе волостнаго суда, строго держащагося въ предѣлахъ своей компетенціи, могутъ попадать споры о наслѣдствѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда къ имуществу даннаго крестьянскаго двора заявляются притязанія со стороны лицъ, принадлежащихъ къ другимъ дворамъ, а это, преимущественно, бываетъ при отсутствіи въ томъ дворѣ лицъ, къ которымъ могло бы перейти оставшееся имущество, или же при заявленіи притязаній на это имущество со стороны членовъ, ранѣе отдѣлившихся отъ семьи. Поэтому за шестилѣтній періодъ дѣятельности 25 волостныхъ судовъ возникло лишь около 400 дѣлъ о наслѣдствѣ, причемъ въ производствѣ нѣкоторыхъ судовъ наслѣдственныхъ дѣлъ вовсе не было, а въ другіе суды нерѣдко вторгались въ предѣлы вѣдомства сельскаго схода, беря на себя раздѣлъ членовъ семьи, почему-либо не могшихъ уживаться другъ съ другомъ.

I.

Наиболѣе характерная особенность крестьянскаго быта заключается въ томъ, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ главнымъ факторомъ служитъ не капиталъ, а личный трудъ, семья же, по понятіямъ крестьянъ, представляетъ собою не только личный союзъ родства, но и рабочій хозяйственный союзъ, которому и принадлежитъ имущество семьи, какъ общій хозяйственный инвентарь, состоящій въ распоряженіи старшаго члена семьи, какъ домохозяина. Въ такой семьѣ право наслѣдованія, очевидно, есть не что иное, какъ право на полученіе изъ общенажитаго достоянія части, соотвѣтствующей труду каждаго изъ членовъ, отсюда же явствуетъ, что право наслѣдованія обусловливается, прежде всего, принадлежностью къ этой семьѣ. Выводъ этотъ, сдѣланный еще на основаніи наблюденій надъ бытомъ государственныхъ крестьянъ въ 1848—1849 гг. (Барыковъ: Обычаи наслѣдованія у госуд. кр. 1862 г. стр. 7—12), остается безусловно вѣрнымъ и для настоящаго времени. Исторически сложившаяся внутренняя жизнь крестьянскаго сословія, и по изданіи Положеній 19 февраля 1861 г., осталась тою же и законодательство не ввело въ нее ни-

какихъ измѣненій. До изданія этихъ законовъ сельское общество составлялось изъ отдѣльныхъ семействъ, между которыми распредѣлялась мірская земля, причемъ хозяйство каждой семьи составляло нераздѣльную принадлежность всего семейства, подъ управленіемъ старшаго (Св. зак. изд. 1857 г. т. XII, ч. 2, ст. 35, 79, 165—168 Уст. благоустр. каз. сел.), семейство проживало въ совокупности въ одномъ дворѣ; тотъ же порядокъ сохраненъ и въ законахъ, опредѣлявшихъ бытъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости. Въ порядкѣ наслѣдованія крестьянамъ предоставлено было и впредь руководиться мѣстными обычаями (ст. 38 общ. пол.), а по 110 ст. мѣст. пол. Великор. усадебная осѣдлость каждаго крестьянскаго двора должна оставаться въ потомственномъ пользованіи, проживающаго въ томъ дворѣ, семейства и переходить къ наслѣдникамъ согласно, существующему въ каждой мѣстности, обычному порядку наслѣдованія. Эта послѣдняя статья закона, если можно такъ выразиться, консолидировала, уже существовавшій, обычай и придала послѣднему особенную устойчивость, такъ какъ, наблюдавшія за крестьянскимъ самоуправленіемъ, административныя и судебно-административныя инстанціи настаивали на соблюденіи этого закона въ тѣхъ случаяхъ, когда волостные суды допускали уклоненія отъ него.

Благодаря такому согласію обычая съ закономъ, въ практикѣ волостного суда по вопросу о наслѣдованіи вполнѣ ясно и послѣдовательно проводится начало семейное въ противоположность родовому началу X-го тома. При опредѣленіи наслѣдственныхъ правъ волостнымъ судомъ принимается въ основаніе, прежде всего, не степень близости кровнаго родства, а принадлежность къ той семьѣ, въ которой открылось наслѣдство, и, потому, неотдѣленный членъ семейства устраняетъ собою отъ наслѣдованія отдѣленныхъ членовъ, хотя бы послѣдніе приходились ближайшими родственниками наслѣдодателя. Вслѣдствіе сего волостные суды почти всегда (за весьма рѣдкими исключеніями) отказываютъ отдѣленнымъ сыновьямъ въ искахъ родительскаго (главнымъ образомъ отцовскаго) имущества отъ сыновей неотдѣленныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ рѣшеній по такимъ дѣламъ выражены и мотивы ихъ. Основаніемъ, такъ сказать юридическимъ, является предшествовавшій выдѣлъ, имѣющій въ крестьянскомъ быту огромное значеніе. Въ то время, какъ, по законамъ общегражданскимъ, сынъ, получившій выдѣлъ, можетъ впослѣдствіи поровнять свою долю

съ долями другихъ равноправныхъ наслѣдниковъ путемъ наслѣдованія (ст. 997 и 998 X т. ч. 1), въ крестьянскомъ быту отдѣленный сынъ представляется отрѣзаннымъ ломтемъ. Въ одномъ изъ рѣшеній суда говорится: „нельзя искать выдѣла въ другой разъ". Это положеніе прямо вытекаетъ изъ указаннаго нами выше характера наслѣдованія у крестьянъ, какъ полученія доли, вложенной въ общее достояніе. Въ другомъ изъ рѣшеній поясняется, что „истецъ не ходатайствовалъ при жизни отца", т. е., другими словами, удовлетворился размѣрами, выдѣленной ему, части, призналъ таковую справедливой. Указывая на фактъ выдѣла, волостной судъ нерѣдко употребляетъ выраженіе: „истецъ былъ выдѣленъ и награжденъ сполна", хотя бы, повидимому, доля его и представлялась меньшею по сравненію съ той, которая доставалась отвѣтчику. Напр. въ одномъ изъ такихъ случаевъ отвѣтчику, неотдѣленному сыну, доставалось излишне противъ истца (отдѣленнаго сына): изба, сѣни, дворъ, хлѣвъ, 2 коровы, нетель, лошадь и 2 овцы,—имущество, составлявшее по раздѣльному акту долю отца, оставшагося жить съ отвѣтчикомъ; въ другомъ случаѣ истецъ имѣлъ по выдѣлу: усадьбу въ 4 саж. шириною амбаръ, сѣнной сарай, корову и овцу, а отвѣтчикъ: усадьбу въ 9 саж. съ половиною, избу съ дворомъ, гумно, лошадь, 2 коровы и 2 овцы. По иску отдѣленнаго брата отъ неотдѣленныхъ, касавшемуся части гумна, послѣ умершей матери, жившей съ отвѣтчиками, причемъ истецъ опирался на словесное завѣщаніе наслѣдодательницы,—судъ, отказывая въ искѣ, пояснилъ, что мать не могла завѣщать общаго имущества. Такимъ образомъ, отдѣленный сынъ становится совершенно чужимъ человѣкомъ по отношенію имущества родителей, при наличности у послѣднихъ неотдѣленныхъ сыновей, и никакихъ правъ на это имущество, ставшее достояніемъ другой семьи не имѣетъ. Къ выдѣлу, какъ основанію юридическому, волостной судъ, весьма нерѣдко, присоединяетъ въ пользу, оставшихся при родителяхъ, дѣтей и нравственное основаніе, указывая на то, что эти дѣти „покоили старость родителей, имѣли за ними уходъ и похоронили ихъ"; основаніе это имѣетъ для волостного суда весьма серьезное значеніе при разрѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ. Въ отношеніи дочерей выходъ ихъ въ замужество имѣетъ одинаковое значеніе для наслѣдованія, какъ и выдѣлъ въ отношеніи сыновей: отказывая замужнимъ дочерямъ въ искахъ родительскаго имущества, волостной судъ указываетъ, или на то,

что онѣ были награждены при выходѣ въ замужество, или на то, что онѣ принадлежатъ къ другимъ семействамъ. Чтобы показать, съ какою послѣдовательностію волостной судъ держится въ спорахъ о наслѣдствѣ семейнаго начала, я приведу нѣсколько типическихъ рѣшеній суда. Такъ, волостной судъ отказалъ отдѣленному брату въ искѣ съ другого брата, имѣвшемъ своимъ предметомъ часть имущества 3-го брата, жившаго съ отвѣтчикомъ; другой судъ отказалъ отдѣленному брату въ искѣ имущества роднаго брата, жившаго съ своимъ племянникомъ, который и признанъ единственнымъ наслѣдникомъ своего дяди; отказано въ искѣ отдѣленному брату умершаго, наслѣдницею котораго признана падчерица, съ нимъ проживавшая; отказано, отдѣлившимся отъ семьи, дочерямъ въ искахъ отцовскаго имущества отъ двоюроднаго дяди, двоюроднаго брата и пасынка умершихъ наслѣдодателей (т. е. отцовъ истицъ), остававшихся въ семействахъ послѣднихъ; послѣ тетки признана наслѣдницею племянница, жившая при ней, покоившая ея старость и ее похоронившая, отказано же въ искѣ племяннику умершей и двоюродному брату ея мужа, жившимъ отдѣльно, а, потому,—какъ выразился судъ: „косвеннымъ родственникамъ"; признаны наслѣдниками послѣ дяди, жившіе при немъ, племянники, сыну же, отъ него отдѣленному, отказано; такому же сыну отказано въ пользу вотчима, женившагося на матери истца и вошедшаго къ ней въ домъ; отказано въ искѣ отцовскаго имущества отдѣленнымъ сыновьямъ, наслѣдницами же признаны вдова и дочь; отказано отдѣленному сыну въ пользу мачихи (до ея смерти, какъ сказано въ рѣшеніи). Благодаря строгому проведенію въ практикѣ волостного суда по наслѣдованію семейнаго начала, и положеніе вдовы, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, оказывается весьма выгоднымъ для нея при столкновеніи ея правъ съ правами родственниковъ ея мужа, жившихъ съ нимъ въ раздѣлѣ. Чтобы показать нагляднѣе сравнительное значеніе кровнаго родства и проживанія въ одной семьѣ (т. е. участія въ общемъ трудѣ ея), мы приведемъ три рѣшенія различныхъ волостныхъ судовъ. Однимъ изъ этихъ рѣшеній признано право на усадебную осѣдлость за незаконнымъ сыномъ дочери наслѣдодателя противъ роднаго брата послѣдняго (отдѣленнаго). Другое рѣшеніе состоялось по иску, отдѣленнаго отъ дяди, племянника отъ лица женатаго на дочери наслѣдодателя и проживавшаго въ его семействѣ, но безъ приписки къ сельскому обще-

ству,—усадебной земли; принадлежность отвѣтчика къ другому сельскому обществу имѣло въ данномъ случаѣ то значеніе, что, ни отвѣтчикъ, ни его дѣти, въ силу закона, не могли имѣть права на участіе во владѣніи мірскою землею общества, къ которому не принадлежали, волостной же судъ, признавая истца наслѣдникомъ по 110 ст. мѣст. пол., тѣмъ не менѣе отказалъ ему въ искѣ на томъ основаніи, что отвѣтчикъ жилъ 20 лѣтъ при покойномъ и имѣетъ дѣтей,—внуковъ наслѣдодателя. По третьему дѣлу, кр. М. А—въ искалъ имущество покойнаго брата своего Ф. А—ва, жившаго въ раздѣлѣ съ нимъ; имущество это, по смерти Ф. А—ва, въ 1879 г. перешло во владѣніе вдовы его, умершей въ 1894 г. и оставившей духовное завѣщаніе въ пользу своей воспитанницы К. П—вой, не приписанной къ семейству, но долгое время проживавшей при покойной. Завѣщаніе это окружный судъ не утвердилъ къ исполненію, а за послѣдовавшею вскорѣ смертію П—вой, имущество осталось въ пользованіи мужа послѣдней, къ которому М. А—въ и предъявилъ искъ, объясняя, что онъ не препятствовалъ вдовѣ брата владѣть пожизненно его имуществомъ, но не согласенъ допустить переходъ этого имущества къ человѣку совершенно чужому. Отвѣтчикъ представилъ на судъ приговоръ сельскаго схода, признавшаго его, отвѣтчика, наслѣдникомъ къ имуществу Ф. А—ва, въ виду раздѣла послѣдняго съ истцомъ и проживанія П—выхъ въ домѣ вдовы Ф. А—ва для поддержанія хозяйства и судъ рѣшилъ дѣло въ пользу отвѣтчика. Не только выдѣлъ, совершенный въ порядкѣ формальнаго раздѣла, но и просто фактическій раздѣлъ, и даже самовольный уходъ оказываетъ вліяніе на право наслѣдованія. Въ рѣшеніи, состоявшемся по иску такого, самовольно отдѣлившагося, сына, просившаго о выдѣлѣ ему отъ брата, оставшагося при отцѣ, части отцовскаго имущества, судъ призналъ за истцомъ право на часть усадебной земли (это право истецъ имѣлъ и по закону, такъ какъ раздѣла между братьями не было), но отказалъ въ остальномъ имуществѣ на томъ основаніи, что истецъ самовольно ушелъ, „не желая кормить отца“ и „не помогалъ въ хозяйствѣ“.

Все вышеизложенное даетъ твердое основаніе признать, что первымъ и главнымъ условіемъ для наслѣдованія по обычаю служитъ принадлежность къ семьѣ умершаго, проживаніе въ ней. Исключенія изъ этого правила встрѣчаются, какъ мы уже замѣтили выше, крайне рѣдко; въ иныхъ случаяхъ эти исключенія

представляются ничѣмъ не мотивированными, въ другихъ же волостной судъ даетъ нѣкоторыя указанія на мотивъ: такъ, напр., признавая за отдѣленнымъ сыномъ право на усадьбу отца, находившуюся по смерти послѣдняго во владѣніи его пасынка и незаконнаго сына его второй жены (мачихи истца), проживавшихъ съ покойнымъ, судъ поясняетъ, что отвѣтчики имѣютъ свою усадьбу. По этому примѣру можно предположить, что судъ отступаетъ отъ общаго правила въ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ это болѣе справедливымъ; ниже мы еще будемъ имѣть поводъ указать на эту сторону рѣшеній волостного суда.

II.

Указавъ на значеніе раздѣла для наслѣдованія, перейдемъ къ значенію родственной связи, останавливаясь на тѣхъ особенностяхъ, которыя представляетъ въ этомъ отношеніи практика волостного суда. Нечего говорить о томъ, что къ наслѣдованію послѣ отца (мать въ рѣдкихъ случаяхъ обладаетъ какимъ либо имуществомъ, кромѣ спеціально бабьяго, которое и переходитъ обыкновенно къ дочерямъ: это сундуки съ женской одеждой, холсты и т. п.) прежде всего призываются сыновья и внуки по праву представленія. Наряду съ ними выступаютъ и боковые: племянники и ихъ потомство, если наслѣдство идетъ изъ той, не оставившей въ самой себѣ наслѣдниковъ, семьи, къ которой принадлежали до раздѣла тѣ и другіе (т. е. сыновья и племянники наслѣдодателя): въ этихъ случаяхъ положеніе сыновей и племянниковъ аналогично съ положеніемъ ихъ въ семьѣ при раздѣлѣ: какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ права ихъ на полученіе долей изъ нажитаго общимъ трудомъ одинаковы, такъ и въ томъ между ними распредѣляется нажитое ихъ отцами и предками во время существованія общей семьи.

Въ отношеніи дочерей слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что, при наличности у нихъ братьевъ, не отдѣленныхъ отъ семьи, о наслѣдованіи ихъ въ отцовскомъ имуществѣ не можетъ быть и рѣчи. По поводу предъявляемыхъ ими исковъ волостной судъ предлагаетъ истицамъ жить при братьяхъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда жизнь сестеръ съ братьями становилась тяжелою вслѣдствіе ихъ несогласій, волостные суды,—вторгаясь уже въ сферу дѣятельности сельскаго схода, выдѣляли истицамъ нѣкото-

рую часть имущества, не по праву наслѣдованія, а на содержаніе ихъ, обязанность доставить каковое, конечно, лежала на братьяхъ. Такъ, въ одномъ случаѣ волостной судъ присудилъ истицамъ (двумъ сестрамъ) по 3 овчины, по курицѣ и по 4 цыпленка, по одной третьей части шерсти и обязалъ брата выдѣлить имъ по 25 кв. саж. земли подъ избы; въ другомъ случаѣ судъ назначилъ сестрѣ изъ имущества, перешедшаго къ брату отъ отца, старую избу, корову, одну яблоню и 8 мѣръ ржи. Вообще доли, назначаемыя въ такихъ случаяхъ дочерямъ,—незначительны, причемъ опредѣляются по усмотрѣнію суда, глядя по дѣлу и по лицамъ: судъ бываетъ щедрѣе въ назначеніи доли, если братья видимо притѣсняютъ сестеръ. По смерти матери къ дочерямъ поступаютъ ихъ сундуки, холсты. При отсутствіи въ семьѣ братьевъ дочери пользуются правами наслѣдованія послѣ родителей; такъ, напр. волостной судъ отказалъ въ искъ двумъ отдѣленнымъ сыновьямъ, признавъ право наслѣдованія послѣ ихъ отца за вдовою и дочерью его, призналъ дочь наслѣдницею послѣ отца противъ вдовы его, вступившей во второй бракъ; присудилъ дочери усадьбу ея отца отъ дяди, жившаго въ раздѣлѣ съ покойнымъ. Изъ изложеннаго можно видѣть, что наслѣдованіе дочерей при братьяхъ по „обычаю" поставлено въ менѣе благопріятныя для первыхъ условія. Но практика волостного суда по этому вопросу представляетъ уже существенныя, и не совсѣмъ рѣдкія, уклоненія, очевидно подъ вліяніемъ, постепенно проникающаго въ крестьянскую массу, сознанія о законной долѣ; уклоненія эти преимущественно встрѣчаются въ дѣлахъ, по которымъ суду приходится раздѣлять наличныя деньги или купчія земли. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ рѣшенія прямо основанныя на X томѣ, и даже со ссылкою на 1130 ст. ч. 1, по которой рѣшеніями суда опредѣляются дочерямъ восьмыя доли въ капиталѣ и вообще движимости и четырнадцатыя въ недвижимости; въ другихъ рѣшеніяхъ такого опредѣленія долей нѣтъ, а, повидимому, за братьями и сестрами признается одинаковое право наслѣдованія; такъ напр. оставшіеся послѣ матери 200 руб. судъ присуждаетъ 3 братьямъ и 3 сестрамъ безъ опредѣленія долей, слѣд. поровну. Понятіе о законной долѣ все болѣе и болѣе начинаетъ входить въ сознаніе крестьянъ подъ вліяніемъ практики общихъ судовъ. Причина этого въ томъ, что параллельно съ дѣятельностью волостныхъ судовъ разрѣшеніемъ наслѣдственныхъ дѣлъ, касающихся крестьянскаго имуще-

ства, занимаются и общіе суды въ предѣлахъ ихъ подсудности и, если бы сравнить количество дѣлъ, разрѣшаемыхъ тѣми и другими судами, то возможно, что перевѣсъ, если не по числу, то по цѣнности, оказался бы не на сторонѣ дѣлъ волостной подсудности. Само собою разумѣется такое взаимодѣйствіе судовъ не можетъ остаться безъ результата и однообразная и устойчивая практика общихъ судовъ должна колебать неустойчивую практику волостного суда; чѣмъ чаще общіе суды будутъ напоминать о законной долѣ дочерей, тѣмъ легче народное сознаніе будетъ свыкаться съ нею и этому будетъ помогать то обстоятельство, что право дочери на нѣкоторое участіе въ наслѣдованіи вовсе и не противорѣчитъ понятію семьи, какъ трудоваго союза.

То, что мы сказали выше о совмѣстномъ наслѣдованіи сыновей и племянниковъ, слѣдуетъ сказать и по отношенію дочерей и племянницъ. Внучки, по праву представленія, наслѣдуютъ дѣдамъ.

Говоря выше о назначеніи волостнымъ судомъ доли дочерямъ, мы замѣтили, что эта доля дается послѣднимъ, не по праву наслѣдованія, а въ видѣ содержанія. Это соображеніе до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ, что иногда въ рѣшеніяхъ суда прямо оговаривается, что имущество выдѣляется дочерямъ пожизненно, или до ихъ замужества.

Положеніе пасынковъ и падчерицъ, проживающихъ въ семьѣ наслѣдодателя, аналогично съ положеніемъ сыновей и дочерей. Такъ рѣшеніями суда признаны: пасынокъ, жившій въ семьѣ вотчима 17 лѣтъ,—наслѣдникомъ, отдѣленной же дочери наслѣдодателя отказано; послѣ смерти матери-домохозяйки наслѣдникомъ признанъ пасынокъ, дочери же и падчерицѣ присуждены поровну одежда, холсты и сундуки; падчерица признана наслѣдницею вотчима противъ его отдѣленнаго брата; по иску двоюродныхъ внуковъ (дѣти племянника) умершаго отъ падчерицы послѣдняго судъ призналъ наслѣдницею падчерицу, такъ какъ она поддерживала хозяйство и содержала вотчима до его смерти; за падчерицею признано право на избу, усадебную землю и часть урожая, послѣ мачихи, отдѣленному же зятю послѣдней (собственно ея дочери) дана лишь часть посѣва.

Незаконнорожденные, приписанные къ семейству, пользуются правами наслѣдованія; такъ наслѣдникомъ послѣ матери-домохозяйки признанъ ея незаконный сынъ, законной же дочери,

отдѣленной, отказано; незаконный сынъ признанъ наслѣдникомъ отца своей матери.

Правами наслѣдованія наравнѣ съ сыновьями пользуется и зять, принятый въ семейство.

III.

Въ отношеніи наслѣдованія вдовы послѣ мужа слѣдуетъ различать семьи простыя отъ сложныхъ. Въ простыхъ семьяхъ вдова послѣ мужа-домохозяина признается волостнымъ судомъ наслѣдницею совмѣстно съ дѣтьми, причемъ судъ не отдѣляетъ доли ея отъ доли дѣтей, предполагая, совершенно основательно, что въ семьѣ, составляющей одно цѣлое, имущество дробить не приходится; притомъ въ весьма многихъ случаяхъ, и не только при малолѣтствѣ дѣтей, ко вдовѣ переходятъ и права домохозяйки. Въ опредѣленіе вдовьей доли судъ входитъ лишь, когда въ семьѣ, потерявшей домохозяина, возникаютъ несогласія и раздоры и приходится принять мѣры къ устраненію столкновеній; такъ напр. для того, чтобы развести мачиху и падчерицу, судъ присудилъ первой двѣ трети имущества ея покойнаго мужа, а падчерицѣ (дочери мужа отъ перваго брака) одну треть; въ другомъ случаѣ, по просьбѣ опекуна малолѣтнихъ дѣтей умершаго, чтобы оградить имущество отъ расточительности ихъ матери, судъ опредѣлилъ вдовѣ пожизненно одну четырнадцатую движимаго имущества и нѣкоторую часть двора и огорода. Въ опредѣленіи вдовьей доли волостной судъ поступаетъ, повидимому, совершенно произвольно, за отсутствіемъ, вѣроятно, точно установившагося обычая, хотя въ мотивахъ рѣшенія иногда и прописывается шаблонная фраза по мѣстному обычаю; такъ мы имѣемъ въ виду случаи, что доля вдовы опредѣлялась, то въ двѣ трети, то въ одну четырнадцатую, то въ одну четвертую, то въ одну седьмую, безотносительно къ роду имущества. Очевидно, и тутъ сказывается вліяніе писаннаго закона, примѣняемаго, однако, по слуху и памяти, а, потому, не всегда точно. Но, беря на себя выдѣленіе вдовьей доли, волостной судъ, въ сущности, вторгается въ сферу дѣятельности сельскаго схода, которому предоставлено закономъ (ст. 51 общ. пол.) совершать семейные раздѣлы; при наличности у вдовы дѣтей не можетъ быть и рѣчи объ отдѣльномъ наслѣдованіи вдовы, но происходитъ лишь замѣна домохозяина для общаго семейнаго иму-

щества; въ тѣхъ же случаяхъ, когда вдова бываетъ вынуждена удалиться изъ дома дѣтей, возникаетъ вопросъ или о семейномъ раздѣлѣ, или объ обезпеченіи матери средствъ къ отдѣльному существованію на счетъ дѣтей, обязанныхъ доставлять ей эти средства.

При **бездѣтности** вдовы (мы говоримъ все о семьѣ простой) волостному суду приходилось разрѣшать споры о наслѣдованіи, возникавшіе по искамъ со стороны различныхъ родственниковъ покойнаго мужа, жившихъ съ нимъ въ раздѣлѣ, и, преимущественно, братьевъ его (деверьевъ); дѣла послѣдней категоріи весьма многочисленны. Иски эти, за крайне рѣдкими исключеніями, разрѣшались всѣми судами въ пользу вдовъ, которыя признавались единственными, полными наслѣдницами послѣ мужей. Подобнаго рода рѣшенія состоялись по искамъ: родныхъ и двоюродныхъ братьевъ мужа, его сестеръ, племянниковъ, дядевей, отца его (свекра). Въ одномъ изъ рѣшеній въ числѣ мотивовъ, принятыхъ судомъ въ основаніе рѣшенія въ пользу вдовы, указано было на продолжительность брачной жизни, но, вообще, эта продолжительность не имѣетъ, повидимому, значенія для наслѣдованія, такъ какъ мы не встрѣчали обратныхъ рѣшеній, т. е. такихъ, гдѣ непродолжительность брачной жизни служила аргументомъ противъ права вдовы; въ одномъ случаѣ истецъ настойчиво указывалъ суду, что отвѣтчица большую часть времени прожила въ разлукѣ съ мужемъ, не присутствовала при его смерти и не хоронила его, а слѣдовательно „была мужу не совсѣмъ близка", тѣмъ не менѣе волостной судъ высказался въ пользу вдовы. Даже вступленіе вдовы во второй бракъ не умаляетъ ея правъ на наслѣдованіе послѣ перваго мужа; въ случаяхъ выхода замужъ за члена другого сельскаго общества вдова, конечно уже въ силу закона, не можетъ наслѣдовать усадебную землю. Рѣшая спорныя дѣла въ пользу вдовъ волостные суды часто употребляютъ въ рѣшеніяхъ фразу: „по закону и обычаю".

За вдовою, какъ имѣющею дѣтей, такъ и за бездѣтною, признается волостными судами и право наслѣдованія послѣ свекра и свекрови, по праву представленія за мужа, конечно при томъ условіи, что послѣдній не находился въ раздѣлѣ съ наслѣдодателями. Такъ, волостной судъ призналъ вдову (сноху) наслѣдницею послѣ свекра, жившаго съ покойнымъ ея мужемъ, и отказалъ въ искѣ ея деверю, т. е. другому сыну наслѣдодателя, жившему съ нимъ

врозь; въ другомъ случаѣ вдовѣ съ сыномъ присуждена, наравнѣ съ деверемъ, половина имущества свекрови; въ третьемъ случаѣ за вдовою признано право на усадьбу, оставшуюся послѣ свекра, деверю же, жившему съ отцомъ въ раздѣлѣ, отказано въ искѣ части этой усадьбы. Свекоръ не пожелалъ выдѣлить бездѣтной вдовѣ (ссылаясь именно на ея бездѣтность) всего, предназначеннаго имъ на долю сына имущества (сынъ умеръ ранѣе, чѣмъ проектированный раздѣлъ осуществился), но судъ обязалъ свекра выдать снохѣ все сполна; этотъ послѣднiй случай, не будучи собственно примѣромъ „наслѣдованiя" снохи послѣ свекра, иллюстрируетъ тѣмъ не менѣе право снохи на общее имущество семьи, находящееся въ распоряженiи свекра, какъ домохозяина. Практика волостного суда по наслѣдованiю вдовъ вообще очень устойчива, какъ вытекающая также изъ семейнаго начала, значенiе коего было уже указано выше. Конечно, встрѣчаются и исключенiя, но очень рѣдкiя и не особенно рѣзкiя. Такъ, по иску вдовы съ неотдѣленнаго деверя судъ присудилъ ей лишь одну четвертую (?) часть движимости, отказавъ въ усадьбѣ по бездѣтности истицы (въ данномъ случаѣ судъ и не вправѣ былъ дѣлить усадьбу помимо сельскаго схода, да и раздѣлъ движимости выходилъ изъ вѣдомства волостного суда); въ другомъ случаѣ судъ отказалъ вдовѣ въ искѣ съ деверьевъ, нераздѣльныхъ съ ея мужемъ, въ виду того, что мужъ истицы, имѣя заработокъ въ Спб. отъ 180—300 р. въ годъ, высылалъ въ семью лишь по 15 р. и что истица получила 180 р., причитавшихся ея мужу въ видѣ награды, а также и его одежду; по третьему дѣлу, вдова получила лишь половину усадьбы мужа, остальная же половина предоставлена была сестрѣ наслѣдодателя. Въ этихъ случаяхъ вдова получила, повидимому, меньше, чѣмъ имѣлъ ея покойный мужъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ ограниченiи, которое судъ налагаетъ на вдову въ отношенiи, присуждаемаго ей, имущества. Во многихъ случаяхъ, при наличности другихъ, близкихъ по родству съ умершимъ, лицъ (дѣтей, братьевъ), судъ присуждаетъ вдовѣ имущество лишь пожизненно или до замужества (тоже случается иногда и при присужденiи части имущества дочерямъ). Это ограниченiе можетъ быть мотивировано взглядомъ крестьянъ на имущество, какъ на достоянiе, главнымъ образомъ, мужского элемента семьи, какъ главной рабочей силы, но еще болѣе оно вытекаетъ изъ тѣсной связи имущества

съ семьей, его накоплявшей, и служитъ средствомъ къ удержанію имущества за этою же семьей (хотя уже въ ея послѣдующихъ развѣтвленіяхъ) и къ воспрепятствованію перехода имущества въ постороннія семьи. Этотъ взглядъ на пожизненность права вдовы въ пользованіи имуществомъ мужа часто высказывается и въ словесныхъ объясненіяхъ тяжущихся; имъ же объясняется рядъ судебныхъ рѣшеній о возвратѣ отдѣленнымъ братьямъ имущества ихъ умершихъ братьевъ, находившагося во владѣніи ихъ бездѣтныхъ вдовъ и затѣмъ попавшаго въ руки родственниковъ послѣднихъ.

Итакъ, въ семьѣ простой (отдѣленной) за вдовою бездѣтной вообще признается волостными судами право наслѣдованія послѣ мужа преимущественно предъ его отдѣленными родственниками, а вдова съ дѣтьми остается при томъ же обще-семейномъ имуществѣ, какъ и до смерти мужа и объ отдѣльномъ ея наслѣдованіи собственно и рѣчи быть не можетъ. Иное положеніе вдовы въ семьѣ сложной, гдѣ домохозяиномъ является свекоръ или свекровь. Въ такой семьѣ вдова бездѣтная, повидимому, не имѣетъ права требовать чего либо отъ свекра по праву наслѣдованія; она, конечно, можетъ остаться въ семьѣ, рискуя нерѣдко оказаться лишнимъ ртомъ и подвергаясь болѣе или менѣе серьезнымъ непріятностямъ со стороны прочихъ членовъ семьи, но въ большинствѣ случаевъ ей ничего не остается какъ возвратиться въ домъ родителей лишь съ тѣмъ имуществомъ, которое составляло ея личную собственность. Если у вдовы есть дѣти, то о наслѣдованіи обыкновенно говорить не приходится, такъ какъ въ этихъ случаяхъ и вдова и ея дѣти остаются членами одной и той же нераздѣльной семьи, а раздѣлъ семьи составляетъ предметъ вѣдомства сельскаго схода. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ волостному суду приходилось разрѣшать иски такихъ вдовъ, когда послѣднія не могли имѣть надежды на разрѣшеніе схода, а, между тѣмъ, совмѣстная жизнь съ семьею свекра оказывалась тяжелою. Изъ рѣшеній по этого рода искамъ приходится вывести, что за вдовою собственно судъ не признаетъ права наслѣдованія и выдѣленная судомъ часть присуждалась обыкновенно на дѣтей. Такъ, по иску вдовы съ сыномъ отъ свекрови земли присуждена была часть таковой сыну истицы; по другому иску такой же вдовы судъ присудилъ съ свекра на сына истицы одну четвертую часть имущества, причемъ въ этомъ дѣлѣ интересны возраженія отвѣтчика: не признавая за вдовою никакого права на его имущество и указывая, что она могла всту-

пить въ новый бракъ, отвѣтчикъ настаивалъ, чтобы внукъ остался у него на воспитаніи, какъ его наслѣдникъ; въ третьемъ случаѣ вдовѣ присуждено съ свекра на дочь корова, или ея стоимость—25 руб.

Въ отношеніи правъ мужа на наслѣдованіе имущества, оставшагося послѣ жены, практика волостного суда, и не многочисленна, и крайне неопредѣленна, а, потому, весьма трудно сдѣлать изъ нея какіе либо, болѣе или менѣе точные, выводы. Изъ мотивовъ въ пользу мужа приводятся продолжительность брачной жизни, уходъ за больною женой и расходы на ея погребеніе; противъ мужа служатъ: непродолжительность брачныхъ отношеній, бездѣтность, принятіе родными умершей на себя расходовъ по погребенію. Но, и при одинаковыхъ, повидимому, условіяхъ, рѣшенія волостного суда не всегда одинаковы: иногда вещи жены возвращаются ея отцу или братьямъ, кромѣ той части, которая оставляется мужу въ возмѣщеніе расходовъ по погребенію, иногда наоборотъ, взыскивается съ мужа въ пользу родственниковъ жены за похороны, а имущество остается мужу. Такъ, по одному дѣлу судъ присудилъ братьямъ умершей съ мужа 5 руб. за похороны, а вещи оставилъ мужу, объяснявшему, что жена его болѣла 4 года и лечилась на его счетъ; по другому дѣлу судъ призналъ, что истецъ, отецъ умершей вознагражденъ за расходы по погребенію дочери частью ея вещей, а потому остальное ея имущество оставилъ за мужемъ, хотя брачная жизнь продолжалась лишь одинъ годъ и дѣтей у супруговъ не было; въ третьемъ случаѣ отецъ искалъ отъ зятя, жившаго съ дочерью истца лишь 11 мѣсяцевъ и бездѣтнаго, приданое дочери (сундукъ съ одеждой на 40 руб.), отвѣтчикъ ссылался на то, что онъ лечилъ и содержалъ больную жену, и судъ присудилъ съ него въ пользу истца лишь 6 руб. за похороны дочери; брату, искавшему отъ зятя вещи его бездѣтной сестры, судъ присудилъ все, кромѣ 2 подушекъ, постели и занавѣси, которыя истецъ добровольно оставилъ отвѣтчику; матери, искавшей отъ зятя вещи ея бездѣтной дочери и, положенный на ея имя, капиталъ въ 300 руб., судъ присудилъ все сполна. Точнаго вывода изъ такой практики сдѣлать нельзя, но, повидимому, болѣе основаній предположить, что за мужемъ признается не право наслѣдованія послѣ жены, но право на возмѣщеніе тѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ на леченіе и на погребеніе ея; но, во всякомъ случаѣ, при разрѣшеніи подобныхъ дѣлъ судъ, вѣроятно,

сообразуется съ индивидуальными обстоятельствами каждаго отдѣльнаго дѣла, а не съ какимъ либо, твердо установившимся и сознаваемымъ судьями, обычаемъ.

IV.

Въ отношеніи наслѣдованія боковыхъ родственниковъ слѣдуетъ, прежде всего, имѣть въ виду, что при условіи нераздѣльности съ семьею наслѣдодателя боковые родственники имѣютъ преимущество предъ нисходящими отдѣленными отъ той семьи. Изъ изложеннаго выше мы уже видѣли нѣкоторые примѣры этого наслѣдованія. Такимъ образомъ, оставшіеся въ семействѣ, братья, племянники наслѣдодателя устраняютъ отъ наслѣдованія отдѣленныхъ его сыновей и дочерей; точно также, брату наслѣдуютъ тѣ боковые родственники, которые проживали въ его семействѣ, а не братья, жившіе съ покойнымъ въ раздѣлѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ наслѣдодателя не осталось наслѣдниковъ, проживавшихъ въ его семействѣ, его дворѣ, какъ выражается законъ, дальнѣйшій переходъ его имущества отчасти находится въ зависимости отъ свойства имущества. Такъ, по закону, усадебная осѣдлость не можетъ перейти къ тѣмъ, хотя бы ближайшимъ по крови, родственникамъ, которые принадлежатъ къ составу другихъ сельскихъ обществъ, нежели наслѣдодатель. Кромѣ того, въ отношеніи усадебной земли сталкиваются интересы наслѣдниковъ и интересы сельскаго общества, въ распоряженіе коего, по ст. 111 мѣст. полож., поступаютъ выморочныя усадебныя земли и въ интересахъ котораго волостной судъ проявляетъ наклонность съуживать кругъ боковыхъ родственниковъ, могущихъ наслѣдовать; такъ напр. судъ не призналъ наслѣдникомъ двоюроднаго племянника по женскому колѣну и усадьбу, какъ выморочную, передалъ въ распоряженіе сельскаго общества. Въ отношеніи движимаго имущества, къ которому причисляются и строенія, возведенныя на надѣльной землѣ, право наслѣдованія зависитъ исключительно отъ семейной и родственной связи и не подлежитъ никакимъ дальнѣйшимъ ограниченіямъ: переходя, прежде всего, къ родственникамъ, проживающимъ въ одномъ семействѣ съ наслѣдодателемъ, а затѣмъ къ отдѣленнымъ, въ порядкѣ близости родства, имущество это можетъ доставаться, одинаково, и тѣмъ, которые принадлежатъ къ составу другихъ сельскихъ обществъ. При

опредѣленіи правъ на это имущество волостной судъ не останавливается ни предъ какою отдаленностью родственной связи, присуждая нерѣдко имущество лицамъ, не имѣвшимъ никакой родственной связи съ наслѣдодателемъ, но не совершенно чуждымъ ему; такъ присуждено было имущество различнымъ свойственникамъ, воспитанницѣ наслѣдодателя, наконецъ лицамъ, которыя сами не могли разъяснить суду своихъ родственныхъ отношеній къ наслѣдодателю, заявляя лишь, что ихъ дѣды жили съ родителями наслѣдодателя въ одномъ домѣ. При такой свободѣ въ опредѣленіи наслѣдственныхъ правъ волостной судъ совершенно не знаетъ выморочности движимыхъ имуществъ. При столкновеніи многихъ претендентовъ на наслѣдованіе въ практикѣ волостного суда замѣчается не малая путаница и противорѣчія: повидимому, суду не легко разбираться въ вопросѣ объ относительной близости каждаго изъ претендентовъ къ наслѣдодателю. Разрѣшая искъ племянника наслѣдодательницы (по мужской линіи) къ зятю ея, судъ отказалъ истцу на томъ, между прочимъ, основаніи, что сестра-ближайшая наслѣдница; также было отказано племянницамъ въ искѣ имущества тетки отъ зятя, у котораго послѣдняя жила (судъ между прочимъ привелъ противъ истицъ соображеніе, что онѣ не кормили наслѣдодательницу); по иску племянниковъ съ дяди, имѣвшему предметомъ усадьбу другого дяди истцовъ (брата отвѣтчика) и разбиравшемуся послѣдовательно двумя разными судами, одинъ изъ судовъ призналъ тяжущихся равноправными наслѣдниками, а другой присудилъ истцамъ часть вдвое меньшую противъ отвѣтчика, пояснивъ, что отвѣтчикъ наслѣдодателю приходится братомъ, а истцы *только племянники*; другими рѣшеніями признается равноправность въ наслѣдованіи за родственниками и за свойственниками, напр. имущество наслѣдодательницы дѣлится между: сестрами ея мужа, двоюродными племянниками ея по мужскому колѣну (дѣти двоюроднаго ея брата) и по женскому колѣну (дѣти двоюродной сестры). Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ смѣшенія понятій родства и свойства, какъ основанія наслѣдованія, замѣчается и отступленіе отъ принципа, лежащаго въ основаніи 1135 ст. X т. ч. 1, по которому сестра при братѣ не наслѣдница. Повидимому, принципъ этотъ не выдерживается волостнымъ судомъ: встрѣчаются случаи признанія брата и сестры одинаковыми наслѣдниками послѣ сестры ихъ; одинаковыя права были признаны за: сестрою умершей, дѣтьми ея брата и дѣтьми ея сестры. От-

ступленіе это допускается волостнымъ судомъ и въ первой боковой линіи, и въ другихъ, и во всѣхъ степеняхъ линій, причемъ имущество распредѣляется между всѣми линіями поровну, а въ каждой степени отдѣльной линіи наслѣдство назначается братьямъ и сестрамъ въ совокупности, слѣд. также въ равныхъ частяхъ; напр. опредѣлена треть имущества наслѣдодательницы—сестрѣ ея, другая треть дѣтямъ ея брата (2 мужч. 1 женщ.) и третья треть дѣтямъ ея сестры—6 лицъ обоего пола. Выше мы сказали, что въ опредѣленіи близости родства въ практикѣ волостного суда наблюдается нѣкоторая спутанность и противорѣчіе. Явленіе это объясняется тѣмъ, что въ иныхъ судахъ близость родства опредѣляется степенями, а въ другихъ линіями, съ допущеніемъ права представленія; поэтому въ то время, какъ одни суды проводятъ различіе между правами одного брата и потомствомъ другого, въ другихъ наслѣдство дѣлится по линіямъ и въ каждой линіи дальнѣйшая степень пользуется правомъ представленія; послѣднее явленіе можно смѣло приписать вліянію общегражданскихъ законовъ, или точнѣе знакомству съ ними со стороны дѣлопроизводителя суда,—волостного писаря.

Рѣшеній, которыя бы касались права восходящихъ родственниковъ на наслѣдованіе послѣ нисходящихъ, встрѣчается мало, но имѣющіяся въ виду рѣшенія признаютъ, повидимому, и за восходящими это право. Такъ однимъ рѣшеніемъ волостной судъ распредѣлилъ 258 р., оставшіеся послѣ дочери, между ея матерью, на долю коей опредѣлено 78 р., братомъ и 2 сестрами, по 60 руб. каждому лицу; другимъ рѣшеніемъ раздѣлено имущество, оставшееся послѣ сына (на 181 руб.), причемъ на долю его матери, брата и 2 сестеръ опредѣлено судомъ пять восьмыхъ, а на долю вдовы съ сыномъ три восьмыхъ (въ этомъ случаѣ судъ совершенно неправильно взялъ на себя семейный раздѣлъ); по третьему дѣлу отецъ желалъ получить 45 руб. причитавшіеся его умершему сыну за службу на желѣзной дорогѣ, но судъ призналъ право на эти деньги за вдовою, такъ какъ она не получила другого имущества.

V.

Но принадлежность къ семьѣ и родство не служатъ только единственнымъ основаніемъ для разрѣшенія волостнымъ судомъ вопроса о правѣ наслѣдованія того или другого лица. Мы уже

выше упомянули, что, кромѣ этого, юридическаго, основанія играетъ немалую роль основаніе нравственное въ видѣ ухода за больнымъ наслѣдодателемъ, похороны его, т. е. обстоятельства, свидѣтельствующія въ пользу того, что между наслѣдодателемъ и претендентомъ на его имущество, въ дѣйствительности, существовала нравственная связь. Въ дѣлахъ о наслѣдованіи вдовы послѣ мужа принимаются иногда во вниманіе продолжительность супружеской жизни, бездѣтность, вступленіе вдовы во второй бракъ,—но вообще эти обстоятельства, какъ было уже сказано выше, не имѣютъ большого значенія. Нельзя пройти молчаніемъ еще одного условія, неоднократно указаннаго въ рѣшеніяхъ волостного суда и имѣющаго, повидимому, не маловажное для суда, значеніе,—это сравнительная обезпеченность претендентовъ въ имущественномъ отношеніи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Вдова одного изъ братьевъ искала отъ вдовы другого части полевой прирѣзки къ усадьбѣ, данной обществомъ обоимъ братьямъ во время ихъ совмѣстной жизни; судъ отказалъ истицѣ на томъ основаніи, что она не имѣетъ дѣтей (у отвѣтчицы таковыя были) и что ей достаточно того, что у нея есть. По иску братьевъ съ вдовы ихъ брата 200 руб., уплоченныхъ ей должникомъ мужа, судъ отказалъ истцамъ на томъ основаніи, что деньги нужны отвѣтчицѣ, какъ женщинѣ одинокой и имѣющей болѣе 70 лѣтъ, на пропитаніе. По смерти одного изъ братьевъ два другіе, жившіе въ раздѣлѣ между собою, подѣлили усадьбу умершаго; затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, одинъ изъ нихъ умеръ, оставивъ послѣ себя бездѣтную вдову, а, оставшійся въ живыхъ, предъявилъ къ вдовѣ искъ о той половинѣ усадьбы, которая досталась ея мужу; повидимому, для удовлетворенія подобнаго иска не было никакихъ основаній, но судъ уважилъ его по тому соображенію, что отвѣтчица безсемейна, а имѣетъ столько же земли, какъ и истецъ, почему и справедливо отнять у нея часть земли въ пользу истца. По раздѣлѣ двухъ братьевъ на два семейства и, затѣмъ, смерти обоихъ, въ семействѣ одного изъ нихъ остались 3 сына, а въ семействѣ другого—дочь; братья предъявили къ своей двоюродной сестрѣ искъ, объясняя, что она, будучи одна въ семействѣ, пользуется половиною усадьбы ихъ дѣда, въ то время, какъ имъ троимъ, распавшимся на 3 семейства, досталась такая же половина, и просили отобрать отъ отвѣтчицы половину ея усадьбы; судъ уважилъ ихъ просьбу по изложеннымъ основаніямъ. Братъ умершаго искалъ отъ племянни-

ковъ своей невѣстки (вдовы брата) усадьбу брата, доказывая, что вдова была лишь пожизненною владѣлицею таковой; отвѣтчики ссылались на то, что они содержали покойную, ухаживали за нею больною 40 недѣль и похоронили ее, свидѣтели признавали за истцомъ право на усадьбу брата; судъ отказалъ истцу на томъ основаніи, что у него есть достаточно усадьбы, что ему 70 лѣтъ и онъ бездѣтенъ. Всѣ эти рѣшенія принадлежатъ различнымъ судамъ, хотя и смежнымъ въ территоріальномъ отношеніи.

VI.

Въ отношеніи наслѣдованія по завѣщанію практика волостного суда представляетъ совершенный хаосъ и не представляется рѣшительно никакой возможности сдѣлать опредѣленный выводъ, какія завѣщательныя распоряженія могутъ служить основаніемъ для наслѣдованія; противорѣчія по этому вопросу существуютъ не только между различными судами, но и между рѣшеніями однихъ и тѣхъ же судовъ.

Завѣщанія, составленныя на осн. примѣч. къ 91 ст. общ. полож., встрѣчаются рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать, благодаря сравнительной простотѣ этой формы и отсутствію необходимости въ сложной процедурѣ представленія духовнаго завѣщанія къ утвержденію. Большинство, попадающихъ на разсмотрѣніе волостного суда, завѣщаній—домашнія и сравнительно гораздо рѣже нотаріальныя. Изъ сопоставленія 1012, 1015, 1060 и посл. ст. X т. ч. 1 слѣдуетъ, собственно говоря, заключить, что дѣла о наслѣдованіи по завѣщанію не должны были бы поступать на волостной судъ, такъ какъ въ исключеніе изъ общаго порядка для населенія крестьянскаго установленъ особый порядокъ посредствомъ записки завѣщанія въ книгу волостного правленія, причемъ въ дальнѣйшемъ судебномъ утвержденіи такого завѣщанія надобности не представляется. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ выражено прямое запрещеніе относительно завѣщаній словесныхъ (ст. 1023 т. X ч. 1). Но, такъ какъ о постановленіяхъ X тома волостному суду знать не полагается, а въ временныхъ правилахъ о вол. судѣ 1889 г. суду предоставлено разбирать дѣла о наслѣдованіи крестьянъ и прямого запрещенія, касающагося завѣщаній нѣтъ въ этихъ правилахъ, то, само собою разумѣется, волостные суды и не уклоняются отъ разсмотрѣнія духовныхъ завѣщаній. Но тутъ то и

начинается путаница. Прежде всего, судьямъ не знакомы въ точности всѣ требованія закона въ отношеніи дѣйствительности завѣщаній, а съ другой стороны и судьи, и, близко къ нимъ стоящее, волостное начальство знаютъ, что во многихъ случаяхъ завѣщанія утверждаются окружными судами; нерѣдко и на волостной судъ спорящія стороны представляютъ завѣщанія съ надписями окружнаго суда объ утвержденіи ихъ или о неутвержденіи. Вслѣдствіе сего иногда волостной судъ не приметъ во вниманіе завѣщанія, не бывшаго въ окружномъ судѣ, иногда тотъ же самый волостной судъ не задумается признать и за такимъ завѣщаніемъ силу. Вообще волостные суды разсматриваютъ, предъявляемыя имъ, завѣщанія и на основаніи ихъ разрѣшаютъ споры о наслѣдствѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на завѣщаніи имѣется надпись окружнаго суда объ оставленіи завѣщанія безъ утвержденія: въ этихъ случаяхъ волостной судъ также признаетъ завѣщаніе негоднымъ. Противъ нотаріальныхъ завѣщаній волостной судъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и принимаетъ ихъ за доказательство, независимо отъ предварительнаго утвержденія ихъ окружнымъ судомъ къ исполненію. Отъ домашнихъ завѣщаній волостной судъ не требуетъ соблюденія формъ, предписанныхъ X томомъ и, какъ бы ни серьезны были отступленія отъ этихъ формъ, признаетъ завѣщанія правильными. Изъ завѣщаній, разсмотрѣнныхъ волостными судами, рѣдкое удовлетворяло требованіямъ закона, несмотря на то, что въ составленіи многихъ изъ нихъ принимали участіе мѣстные священники. Но кромѣ завѣщаній, каковы бы они ни были, для волостного суда доказательствомъ завѣщательныхъ распоряженій служатъ иногда и письменныя удостовѣренія священника, напутствовавшаго умирающаго, о выраженной имъ волѣ, и словесное удостовѣреніе сельскаго старосты о послѣднихъ распоряженіяхъ наслѣдодателя, и свидѣтельскія показанія лицъ, присутствовавшихъ при послѣднихъ его минутахъ, и, даже, показанія свидѣтелей, слышавшихъ на сходѣ о предположеніяхъ наслѣдодателя касательно отказа имущества на случай смерти.

В. Ефимовъ.

Отмѣна вреднаго обычая нашей судебной практики.

I.

Въ нашей судебной практикѣ установился обычай въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ требовать отъ врачей, кромѣ разрѣшенія медицинскихъ вопросовъ, классификаціи тѣлесныхъ поврежденій по уложенію: отнесенія даннаго поврежденія къ неизгладимому обезображенію лица, истязаніямъ и разнымъ видамъ увѣчій, ранъ и побоевъ. Противъ этого обычая, возлагающаго на врачей несвойственную ихъ наукѣ задачу, возражали отдѣльные врачи, но ихъ возраженія не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій. Масса врачей, въ силу оффиціальнаго своего положенія, безропотно исполняетъ такое требованіе судебныхъ властей во избѣжаніе вредныхъ для ихъ служебнаго положенія столкновеній.

Судебные дѣятели требуютъ у насъ отъ врачей категорической классификаціи тѣлесныхъ поврежденій по уложенію въ виду того, что нашъ законъ, предоставляя право суду разрѣшать вопросъ о тяжести или легкости даннаго поврежденія, не даетъ ему точнаго критеріума для разрѣшенія этого вопроса. Между тѣмъ вопросъ этотъ, обусловливающій опредѣленія подсудности дѣла и его дальнѣйшее направленіе, каждому юристу-практику нужно разрѣшить не только при разсмотрѣніи дѣла въ судебномъ засѣданіи, но и въ предшествующихъ стадіяхъ уголовнаго процесса. Подъ этимъ предлогомъ, судебные дѣятели въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ обыкновенно самостоятельно опредѣляютъ, было-ли данное поврежденіе нанесено по неосторожности, въ дракѣ, въ состояніи запальчивости и съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ; всѣ же другіе вопросы они разрѣшаютъ заключеніемъ врачей. Классифицируя данное поврежденіе по уложенію, врачи подобными своими опредѣленіями устанавливаютъ составъ преступленія въ дѣлахъ *объ умышленныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ*; юристы-же практики, обращая вниманіе *на указанное врачемъ послѣдствіе дѣйствій подсудимаго*, игнорируютъ обстановку даннаго случая и не уясняютъ по этой обстановкѣ *направленія воли преступника*. Поэтому въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ составъ преступленія опредѣляется у насъ *преимущественно* заключеніями врачей, а не юристами.

Выяснить составъ преступленія и выработать цѣлесообразный

къ тому пріемъ обязанность юриста, а не врача. Въ нашемъ законодательствѣ, признающему это разумное положеніе, судебные дѣятели не могли найти оправдывающаго основанія трактуемаго имъ пріема къ опредѣленію состава преступленія по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ [1]. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда врачи

---

[1]) Для ознакомленія съ характеристическими чертами этого пріема и подтвержденія послѣдующихъ положеній моей статьи, я приведу три примѣра изъ нашей судебной практики:

1) 7 августа 1894 года полевой сторожъ Зяткинъ, преслѣдуя верхомъ на лошади женщинъ, рвавшихъ горохъ, догналъ крестьянку Ракову и, нанося ей удары по спинѣ путомъ, два раза попалъ ей путомъ въ лицо. Отъ этихъ ударовъ у Раковой произошло воспаленіе сосудистой оболочки праваго глаза и соска зрительнаго нерва, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ полную потерю зрѣнія на этотъ глазъ.

2) 11 іюня 1895 года крестьянинъ Иванъ Подовинниковъ, преслѣдуя мальчиковъ, бросилъ на разстояніи шести саженъ въ бѣжавшаго къ нему на встрѣчу семилѣтняго мальчика Тихона Подовинникова бывшую у него въ рукахъ ручку отъ граблей. Ручка эта, попавъ острымъ концомъ въ правый глазъ Тихона Подовинникова, разорвала бѣлочную оболочку глаза и Тихонъ отъ этого лишился зрѣнія.

По обоимъ этимъ дѣламъ врачъ отнесъ причиненныя потерпѣвшимъ поврежденія къ тяжкимъ увѣчьямъ. По опредѣленіямъ судебной палаты Зяткинъ и Иванъ Подовинниковъ были преданы суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что они, „будучи въ состояніи раздраженія, но неслучайно, а сознавая, что причиняютъ *тѣлесный вредъ*, нанесли потерпѣвшимъ *тяжкія увѣчья*, лишивъ ихъ зрѣнія на правый глазъ. Дѣянія эти судебная палата подвела подъ преступленіе, предусмотрѣнное 1480 ст. улож. о наказ., т. е. подъ *умышленное* причиненіе тяжкаго поврежденія (непрямой умыселъ).

3) 16 февраля 1892 года крестьянинъ Фурсинъ ударилъ, безъ всякой причины, во время бывшей между другими лицами драки, коломъ по головѣ крестьянина Силиченкова, 75 лѣтъ. Отъ этого удара у Силиченкова послѣдовалъ параличъ праваго лицеваго нерва и отчасти праваго глазодвигательнаго, съ потускненіемъ праваго хрусталика. Поврежденіе это, какъ вызвавшее ослабленіе зрѣнія и могущее усилить глухоту Силиченкова, происшедшую отъ бывшаго у него катарра барабанной полости, врачъ отнесъ къ *менѣе тяжкимъ увѣчьямъ*. Поэтому дѣлу Фурсина по той же 1480 ст. улож. о нак. было дано дальнѣйшее движеніе въ порядкѣ частнаго обвиненія, но судебная палата потребовала дополненія слѣдствія провѣркою заключенія врача врачебнымъ отдѣленіемъ. Врачебное отдѣленіе и медицинскій департаментъ признали причиненное Силиченкову поврежденіе тяжкимъ. По обвинительному акту Фурсинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что будучи въ состояніи запальчивости и раздраженія, нанесъ Силиченкову коликомъ по головѣ ударъ, послѣдствіемъ коего было: 1) поврежденіе лицеваго и слуховаго нервовъ, повлекшее за собою

отказывались исполнять ихъ требованія о классификаціи тѣлеснаго поврежденія по уложенію, они не могли доказать своего на это права и привлечь врачей за неисполненіе подобнаго требованія къ законной отвѣтственности. Нашъ-же медицинскій департаментъ, ссылаясь на обычай судебной практики, допускалъ возможность для врача, *по своему усмотрѣнію*, дать опредѣленіе поврежденія въ смыслѣ уложенія (тяжкаго или легкаго) только въ случаяхъ, не вызывающихъ въ немъ никакихъ сомнѣній (рѣш. общ. собр. прав. сен. 28 апрѣля 1886 г. № 17) [1]).

Противъ принятаго въ судебной практикѣ обычая, основаннаго даже не на законѣ, никто-бы не сталъ спорить, если-бы онъ достигалъ цѣли и не вызывалъ вредныхъ для интересовъ правосудія и гражданъ послѣдствій. Практикуемый же нашими судебными

полный параличъ лицевыхъ мышцъ правой половины лица и глухоту на правое ухо, и 2) расширеніе праваго зрачка съ дрожаніемъ наружной оболочки и съ частичнымъ помутнѣніемъ хрусталика, вызвавшія ослабленіе зрѣнія на правый глазъ, каковыя поврежденія представляются тяжкими". Дѣяніе это въ обвинительномъ актѣ было подведено подъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 1480 ст. улож. о нак. На предложенный-же судомъ вопросъ суда: „виновенъ-ли Фурсинъ въ томъ, что безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, но и не случайно, а въ раздраженіи, съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія, нанесъ Силиченкову ударъ, послѣдствіемъ коего были тяжкія увѣчья—потеря слуха на правое ухо и потеря зрѣнія на правый глазъ", присяжные засѣдатели отвѣтили: „да виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія; *дѣйствовалъ безъ сознанія послѣдствій своего дѣянія*".

[1]) Въ этомъ рѣшеніи сенатъ, разсматривая вопросъ, обязаны или необязаны врачи давать заключеніе о томъ, относятся-ли поврежденія къ легкимъ или тяжкимъ, разрѣшилъ его слѣдующимъ постановленіемъ „въ разрѣшеніе возникшаго вопроса разъяснить, что судебные врачи обязаны давать заключеніе о свойствѣ тѣлеснаго поврежденія и о вліяніи его на здоровье потерпѣвшаго съ надлежащею опредѣлительностью". Въ данномъ же случаѣ сенату надлежало постановить свое рѣшеніе по содержанію опредѣленія общаго собранія Костромскаго окружнаго суда. По поводу отказа городоваго врача исполнить требованіе судебнаго слѣдоваателя объ отнесеніи причиненной крестьянину Румянцеву раны къ легкой или тяжкой, этотъ окружный судъ, вопреки мнѣнія врачебнаго отдѣленія и медицинскаго департамента, въ своемъ опредѣленіи призналъ, что „судебные врачи, приглашаемые для судебно-медицинскаго освидѣтельствованія тѣлесныхъ поврежденій. обязаны въ своихъ заключеніяхъ указывать, какъ виды поврежденія, т. е., составляетъ-ли данное повреждение увѣчье или рану, такъ и степень его важности въ смыслѣ уложенія о наказаніяхъ, т. е., относится-ли оно къ разряду тяжкихъ или легкихъ". Дѣйствія городоваго врача, предложенные на разсмотрѣніе суда прокуроромъ въ порядкѣ, установленномъ для привлеченія врачей къ отвѣтственности за упущенія по слѣдственной части, сенатъ призналъ правильными.

мѣстами пріемъ къ опредѣленію состава преступленія по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ не можетъ быть признанъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнымъ.

По уложенію составъ преступленій противъ тѣлесной неприкосновенности опредѣляется направленіемъ воли преступника и оказавшимися на тѣлѣ потерпѣвшаго поврежденіями. Опредѣляя, при освидѣтельствованіи потерпѣвшаго, видъ поврежденія по объекту преступленія, врачъ, если-бы онъ и обладалъ достаточными юридическими познаніями, долженъ впадать въ ошибки. Какія-же ошибки въ этомъ отношеніи должны допускать наши врачи, необладающіе юридическими познаніями, недостаточно подготовленные съ медицинской точки зрѣнія къ исполненію обязанности судебнаго врача и неимѣющіе въ своей наукѣ и въ уставѣ врачебномъ никакихъ данныхъ для классификаціи преступленій по уложенію? Отъ нашихъ врачей можно только ожидать неправильнаго опредѣленія состава преступленія по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и таковыми они бываютъ у насъ въ дѣйствительности. Разные врачи признаютъ одну и ту же рану то легкою, то тяжелою; одно и то же поврежденіе—то поврежденіемъ, то увѣчьемъ; одни и тѣ же побои то легкими, то тяжкими. Чѣмъ большее количество дѣлъ вы разсмотрите, тѣмъ вы усмотрите и большее разнообразіе въ подведеніи врачами однохарактерныхъ поврежденій подъ различные виды преступленій противъ тѣлесной неприкосновенности.

Подобная квалификація преступленій, очевидно, не есть законная ихъ квалификація, а квалификація произвольная. Въ рѣдкихъ случаяхъ неправильное опредѣленіе врачемъ состава преступленія по дѣламъ о телѣсныхъ поврежденіяхъ исправляется у насъ вліяніемъ опытныхъ судебныхъ дѣятелей, неотносящихся къ исполненію своего служебнаго долга формально, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ такая его квалификація опредѣляетъ подсудность, направленіе и иногда исходъ уголовныхъ дѣлъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Дѣлъ объ этихъ преступленіяхъ въ Россіи не малое количество. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы Императора Александра II, въ 1893 году общими судебными мѣстами, было разсмотрѣно дѣлъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ 16932; илъ нихъ 11881 дѣло прекращены и пріостановлены по неподсудности, а остальные разсмотрѣны по существу. И по такому значительному количеству дѣлъ наши судебныя мѣста,

благодаря установившемуся въ нашей практикѣ обычаю, должны въ большинствѣ случаевъ принимать за основаніе своихъ опредѣленій и приговоровъ не законную, а произвольную квалификацію преступленій! Сколько при этомъ общественныхъ и частныхъ интересовъ должно нарушаться если принять во вниманіе, что отъ правильнаго опредѣленія состава преступленія зависитъ законность дѣйствій судебныхъ властей и правильность назначенія подсудимымъ наказанія! Противъ моего утвержденія, основаннаго на близкомъ знакомствѣ съ дѣятельностью судебныхъ мѣстъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что принятый нашею судебною практикою пріемъ къ опредѣленію состава преступленія по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ долженъ вызывать лишь пагубныя для правосудія послѣдствія, мнѣ могутъ возразить, что такія послѣдствія устраняются дѣятельностью обвинительныхъ камеръ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Дѣятельность нашихъ обвинительныхъ камеръ, какъ это всѣми признано, неудовлетворительна; окружные же суды не всегда устраняютъ и могутъ устранить эти послѣдствія. Отдѣльные члены судовъ, при выработанномъ обычаемъ судебной практики пріемѣ къ опредѣленію состава преступленія, должны примѣнять его въ своихъ опредѣленіяхъ и приговорахъ, Дѣятельность окружныхъ судовъ, направленная къ устраненію вредныхъ послѣдствій такого пріема, сводится лишь къ тому, что они, по своему произволу, относятъ тяжкое поврежденіе къ легкимъ, или къ тому, что они, имѣя право выбора наказанія, назначаютъ подсудимому наказаніе, соотвѣтствующее не закону, а личному убѣжденію судей. Но спрашивается, какія мѣры могутъ предпринять окружные суды, неимѣющіе даже права вызвать въ судебное засѣданіе, по собственной инициативѣ, свѣдущаго врача, противъ вреднаго вліянія такого пріема на присяжныхъ засѣдателей, разрѣшающихъ вопросъ о виновности подсудимыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ? Если коронные судьи, знакомые съ законами и приведенные долговременною службою по судебному вѣдомству до сознанія несостоятельности этого пріема, могутъ отнестись къ заключенію врача критически и оцѣнить его по достоинству, то это не всегда могутъ сдѣлать присяжные засѣдатели. Несвѣдущіе въ законахъ, не имѣя опыта судебнаго дѣятеля и зная врача, какъ добросовѣстнаго человѣка, присяжные засѣдатели, вопреки даже основательнымъ разъясненіямъ предсѣдателя, на мнѣніи врача, опредѣлившаго ошибочно составъ преступленія въ

своемъ заключеніи, основываютъ иногда свой обвинительный приговоръ, налагающій на коронный судъ обязанность назначить подсудимому, вмѣсто незначительнаго исправительнаго наказанія, каторжныя работы за тяжкое преступленіе имъ въ дѣйствительности несовершенное. Вотъ къ какимъ пагубнымъ для правосудія послѣдствіямъ привелъ насъ недостигающій цѣли и не основанный на законѣ практикуемый еще и нынѣ обычай опредѣлять составъ преступленій по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ заключеніемъ врачей!

При примѣненіи закона къ ошибочному вердикту присяжныхъ засѣдателей у судьи, постановившаго хотя разъ въ жизни неправильный приговоръ, совѣсть не можетъ быть покойной, и онъ, въ предупрежденіе этого, можетъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о помилованіи преступника или признать, что присяжными засѣдателями осужденъ невинный. Отдѣльные члены суда эти свои права, основанные на 755 и 818 ст. уст. угол. суд., осуществляютъ по большинству голосовъ присутствія суда и, въ случаѣ осужденія невиннаго, только единогласнымъ его постановленіемъ. Тотъ, кто своимъ личнымъ опытомъ убѣдился, съ какими затрудненіями сопряжено примѣненіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ въ огражденіи интересовъ подсудимаго, тотъ не признаетъ, чтобы онѣ гарантировали всегда справедливость и правильность судебнаго приговора. Да, неужели, можно эти чрезвычайныя мѣры, установленныя законодателемъ для выдающихся по своимъ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ, примѣнять къ послѣдствіямъ ошибочнаго пріема къ опредѣленію состава преступленій въ многочисленныхъ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ [1])?

---

[1]) При грубости нашихъ нравовъ, случаи нанесенія смертельныхъ побоевъ у насъ весьма часты. Тяжкіе побои, опасные для жизни, съ смертельнымъ исходомъ наказуются у насъ (1489 и 2 ч. 1490 ст. улож. о наказ.) каторжными работами отъ 8 до 10 лѣтъ и суды, при пониженіи наказанія, могутъ назначить подсудимому каторжныя работы лишь на четыре года. По этому серьезному обвиненію всѣ судебные дѣятели обыкновенно стараются облегчить участь обвиняемыхъ предъявленіемъ къ нимъ менѣе тяжкихъ обвиненій, тяжкихъ но неопасныхъ для жизни смертельныхъ побоевъ (1464 ст. улож. о наказ.), смертельныхъ поврежденій (1484 ст. улож. о наказ.) и даже убійства въ дракѣ (1465 ст. улож. о наказ.) или постановкою дополнительныхъ по этимъ же обвиненіямъ вопросовъ. Но эти стремленія иногда не могутъ быть осуществлены по обстановкѣ даннаго случая. Мнѣ думается, что случаи ошибочныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей по этого

II.

Существующій въ Россіи пріемъ къ опредѣленію состава преступленій по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ—наслѣдство, доставшееся судебнымъ дѣятелямъ отъ дореформеннаго строя. При этомъ строѣ врачъ былъ единственной силою, на добросовѣстность и разумность которой можно было положиться въ области слѣдственнаго труда. На врача и возложили обязанность опредѣлять видъ тѣлеснаго поврежденія по уголовнымъ дѣламъ, изслѣдуемымъ чинами полиціи при его участіи. По тогдашнимъ понятіямъ, конечно, этотъ пріемъ удовлетворялъ потребностямъ правосудія. Нѣкоторые черты дореформеннаго строя у насъ остались и теперь, благодаря многочисленному количеству лежащей на судебныхъ дѣятеляхъ работы и слабыхъ проявленій къ упорядоченію дѣятельности судебныхъ органовъ путемъ освобожденія ихъ отъ непроизводительныхъ занятій. Поэтому, какъ въ дореформенное время, такъ и въ послѣдующее, министерству юстиціи и всѣмъ должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства приходилось заботиться не объ улучшеніи качества работъ судебныхъ дѣятелей, а о предупрежденіи накопленія дѣлъ. Опредѣленіе врачами вида тѣлесныхъ поврежденій по уложенію соотвѣтствовали такимъ заботамъ: пріемъ этотъ, облегчая нелегкую задачу юриста, ускорялъ движеніе уголовныхъ дѣлъ въ предшествующихъ судебному разсмотрѣнію стадіяхъ уголовнаго процесса. Этой же практической цѣли у насъ придавали столь серьезное значеніе, что, ради ея осуществленія, считали возможнымъ нарушать гуманныя и справедливыя начала судебныхъ уставовъ. Домогаться отъ врачей офиціальными воздѣйствіями отвѣтовъ на такіе вопросы, на которые они, какъ эксперты, отвѣчать не могли и заставлять ихъ нести предъ собою нравственную отвѣтственность за опредѣленное судомъ наказаніе! Преданіемъ суду держать продолжительное время частныхъ лицъ въ страхѣ предъ грозящимъ имъ наказаніемъ за тяжкое преступленіе, ими въ дѣйствительности несовершенное и юристами-практиками точно неопредѣленное! При такихъ принципахъ, игнорирующихъ вліяніе нехорошихъ сторонъ судебной практики на единичные случаи жизни, у насъ не могло быть правильной оцѣнки

рода дѣламъ, вслѣдствіе неосновательныхъ заключеній врачей, должны быть у насъ нерѣдки. Мнѣ лично извѣстны два такихъ случая, происшедшихъ въ округѣ одного изъ судовъ въ теченіи одного года.

качествъ судебныхъ дѣятелей и регламентирующихъ ихъ дѣятельность правилъ. Не по исходу заурядныхъ дѣлъ, а по исходу дѣлъ, требующихъ особаго вниманія къ огражденію общественныхъ и частныхъ интересовъ, должны опредѣляться эти качества. Такой же способъ, въ особенности въ области слѣдственнаго труда-фундамента послѣдующихъ работъ всѣхъ судебныхъ органовъ и учрежденій по уголовнымъ дѣламъ у насъ не примѣнялся. При этомъ, конечно, судебные дѣятели должны были практиковать пріемы полезные для нихъ, но неполезныя для достиженія цѣлей правосудія. Правило: „чѣмъ легче и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ лучше" дѣлало всѣ работы по подготовкѣ дѣлъ къ судебному разсмотрѣнію, по содержанію дѣла, неудовлетворительными и не допускало мысли проявленія общаго стремленія судебныхъ дѣятелей къ затруднительнымъ для нихъ въ исполненіи въ этихъ работахъ усовершенствованіямъ [1]). Благодаря такому правилу врачи, по требованію судебныхъ дѣятелей, продолжали бы еще долгое время въ своихъ заключеніяхъ опредѣлять видъ тѣлесныхъ поврежденій по уложенію, если бы г. министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ не принялъ мѣръ къ прекращенію такого обычая нашей судебной практики. По предложенію оберъ-прокурора, основанному на его ордерѣ, сенатъ отмѣнилъ этотъ вредный обычай своимъ постановленіемъ.

Какъ судебный дѣятель, неудовлетворенный результатами своей служебной дѣятельности по дѣламъ о преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности, я съ удовольствіемъ прочелъ состоявшееся въ 1896 году рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената за № 20. Сенатъ въ этомъ рѣшеніи нашелъ, что наличность понятія „истязанія" устанавливается не свойствами причиненнаго насильственными дѣйствіями поврежденія здоровья, ихъ относительною тяжестью и возможными послѣдствіями, а наличностью такихъ обстоятельствъ, при которыхъ медицинскія данныя о свойствѣ и характерѣ поврежденія могутъ служить лишь пособіемъ къ правильной оцѣнкѣ возникающихъ по дѣлу частныхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ при помощи

---

[1]) По моей статьѣ „Къ вопросу объ улучшеніи положенія слѣдственной части въ Россіи (Журн. Юрид. Общ. 1897 г. кн. 3 и 4) можно судить, правъ или неправъ я, опредѣляя въ такихъ выраженіяхъ характеръ отношеній къ дѣятельности нашихъ органовъ судебной власти.

специальныхъ медицинскихъ познаній. Терминъ „истязанія“ соотвѣтствуетъ понятію не медицинскому, а юридическому, выводимому судомъ изъ цѣлой совокупности фактическихъ признаковъ. Поэтому и въ виду существующихъ въ нашемъ законѣ указаній (349 ст. уст. угол. суд. и т. XIII уст. врач. изд. 1892 г. ст. 1439 и 1440) слѣдуетъ признать, что по уголовнымъ дѣламъ, а въ томъ числѣ въ дѣлахъ объ истязаніяхъ, врачи-эксперты должны высказать свое мнѣніе о свойствѣ съ медицинской точки зрѣнія причиненныхъ потерпѣвшему тѣлесныхъ поврежденій, о вліяніи ихъ на здоровье потерпѣвшаго, о средствахъ употребленныхъ при насиліи или поврежденіи, о времени продолжительности ихъ причиненія и вообще по всѣмъ вопросамъ, для правильнаго разрѣшенія коихъ, необходимы медицинскія познанія, но не должны быть спрашиваемы о томъ: имѣли ли насильственныя дѣйствія характеръ истязанія *или иного преступленія*, так какъ разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса относится исключительно къ обязанности суда. Изъ смысла этого рѣшенія, такимъ образомъ, явствуетъ, что судебнымъ дѣятелямъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ запрещается, для опредѣленія состава преступленія, домогаться отъ врачей отвѣтовъ, называемыхъ ими „безсодержательными словами роняющими достоинство эксперта“. Составъ преступленій о тѣлесныхъ поврежденіяхъ по нашему уложенію опредѣляется не одними медицинскими данными, а совокупностью признаковъ, входящихъ въ ихъ составъ. Слѣдовательно юристы практики, а не врачи, должны будутъ опредѣлять нынѣ виды тѣлесныхъ поврежденій по уложенію.

Примѣненіе этого рѣшенія къ нашей судебной практикѣ, усвоившей себѣ рутинный пріемъ къ опредѣленію состава преступленій по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, кромѣ устраненія вызванныхъ имъ пагубныхъ послѣдствій, долженъ пробудить въ юристахъ-практикахъ стремленіе *къ самостоятельной* практической разработкѣ вопросовъ права по дѣламъ этого рода. При такой разработкѣ судебные дѣятели выяснятъ, съ точки зрѣнія достиженія цѣлей правосудія, удобства и неудобства нашего уложенія и какъ мнѣ думается, докажутъ въ самомъ непродолжительномъ времени несомнѣнныя, сравнительно съ проектомъ уложенія редакціонной коммисіи, практическія достоинства главы 3 его X раздѣла. Польза, которую должно принести Россіи примѣненіе на практикѣ состоявшагося въ 1896 году рѣшенія сената, вызываетъ во мнѣ

надежду, что это рѣшеніе, напечатанное лишь въ сборникѣ сенатскихъ рѣшеній, будетъ у насъ правительствующимъ сенатомъ и министерствомъ юстиціи примѣнено къ жизни путемъ энергическихъ мѣръ. Я же осмѣливаюсь увереждать, что тѣ положенія, которыя установилъ въ этомъ рѣшеніи сенатъ, не исключаютъ для каждаго юриста практика возможности правильно опредѣлить самому, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, составъ преступленія по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Такія понятія, какъ увѣчье, неизгладимое обезображеніе лица, поврежденіе, разстройство здоровья, истязаніе и побои, понятія обыденныя, опредѣляемые тѣмъ умысломъ, которымъ руководился преступникъ, посягая на тѣлесную неприкосновенность потерпѣвшаго. При примѣненіи нашего уложенія къ единичнымъ случаямъ, юристъ-практикъ можетъ встрѣтить затрудненіе только въ опредѣленіи понятія тяжести или легкости поврежденія; но это опредѣленіе разъясняется точно Неклюдовымъ въ его руководствѣ къ особенной части русскаго уголовнаго права (т. 1). Неклюдовъ относитъ: къ тяжкимъ увѣчьямъ—окончательное уничтоженіе отправленія функціи органовъ, упомянутыхъ въ 1477 ст. улож. о наказ.; къ тяжкимъ ранамъ—раны неизлечимыя; къ тяжкимъ побоямъ—удары, имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ опасность для жизни, болѣзнь или прекращеніе занятій. Въ уставѣ судебной медицины, опредѣляющемъ порядокъ дѣйствій врача при освидѣтельствованіяхъ, врачу предписывается поступать различнымъ образомъ, смотря по тому, живъ ли потерпѣвшій или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, врачъ обязанъ опредѣлить: излечимо ли поврежденіе или неизлечимо, вредъ имъ причиненный, и угрожаетъ ли оно опасностью для жизни; во второмъ онъ долженъ доказать причинную связь поврежденія со смертью и отнести поврежденіе къ категоріи неизбѣжно-смертельныхъ или случайно-смертельныхъ. Разъясняя эти медицинскіе вопросы отвѣтами врача, юристъ-практикъ, по толкованіямъ Неклюдова и соотвѣтствующимъ рѣшеніямъ правительствующаго сената, установитъ составъ преступленія. Достоинство этихъ толкованій заключается въ томъ, что ими согласованы статьи нашего уложенія съ уставомъ врачебнымъ и преподаются общія руководящія начала къ установленію единообразныхъ опредѣленій состава поступленій въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Царствующее въ нашей судебной практикѣ объективное направленіе въ опредѣленіи этого состава, установленное заключеніями врачей,

при этомъ искоренится и смыслъ законовъ, вошедшихъ въ главу 3 раздѣла X нашего улож. о наказ., станетъ для каждаго юриста-практика яснымъ. Если же толкованія Неклюдова не соотвѣтствуютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніямъ правительствующаго сената, не выработавшаго до сихъ поръ общихъ правилъ для установленія состава преступленій по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, то еще не доказываетъ ихъ несостоятельности. Лучше по толкованіямъ Неклюдова, хотя бы нѣсколько ошибочнымъ, установить въ судебной практикѣ однообразное опредѣленіе состава преступленія по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, чѣмъ принимать за основаніе этого опредѣленія разнообразныя, ни на чемъ не основанныя заключенія врачей.

III.

Самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ, вызваннымъ обычаемъ нашей судебной практики классифицировать тѣлесныя поврежденія по уложенію заключеніемъ врачей, слѣдуетъ несомнѣнно признать ошибочные приговоры присяжныхъ засѣдателей. Въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ присяжнымъ засѣдателямъ предлагаются обыкновенно вопросы не по фактическимъ признакамъ преступленій, а по признакамъ, указаннымъ въ законѣ. Не понимая серьезнаго значенія юридическихъ тонкостей, включаемыхъ въ вопросы, присяжные засѣдатели, разрѣшая вопросъ о виновности подсудимыхъ по имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ, не придаютъ этимъ тонкостямъ никакого значенія. Если у насъ не измѣнятъ принятой системы въ постановкѣ вопросовъ по этимъ дѣламъ, то присяжные засѣдатели будутъ выносить ошибочные обвинительные вердикты. Случаи эти должны у насъ повторяться также и потому, что въ Россіи контингентъ врачей, занимающихъ должности городовыхъ и уѣздныхъ врачей и членовъ врачебныхъ отдѣленій, пополняются людьми неподготовленными съ медицинской точки зрѣнія къ исполненію обязанностей судебнаго врача. Поэтому профессоръ Казанскаго университета Гвоздевъ, въ своемъ трудѣ „Къ ученію о тѣлесныхъ поврежденіяхъ (1885 г.)“ находилъ необходимымъ присутствіе въ обвинительныхъ камерахъ судебныхъ палатъ особыхъ врачей-ассистентовъ. Приведеніе въ осуществленіе этой мѣры, при нахожденіи почти всѣхъ нашихъ судебныхъ палатъ въ университетскихъ городахъ, не можетъ

встрѣтить затрудненій, ибо, для исполненія обязанности врача-ассистента, судебные палаты могутъ въ этихъ городахъ приглашать въ свои распорядительныя засѣданія не только свѣдущихъ для даннаго случая врачей, но и профессоровъ судебной медицины, оплачивая трудъ врачей незначительнымъ вознагражденіемъ. Предполагаю, что, при измѣненіи системы постановки вопросовъ по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и разсмотрѣніи этихъ дѣлъ въ обвинительныхъ камерахъ въ присутствіи врачей-ассистентовъ, никто изъ нашихъ гражданъ не былъ-бы неправильно преданъ суду и осужденъ за тяжкое преступленіе, точно недоказанное или ошибочно къ тяжкому преступленію отнесенное. Можетъ быть полезность рекомендуемой профессоромъ Гвоздевымъ мѣры приведетъ насъ къ сознанію необходимости измѣненія существующаго у насъ, во время производства предварительнаго слѣдствія, порядка провѣрки заключенія врачей заключеніями медицинскихъ учрежденій и производства химико-микроскопическихъ изслѣдованій, въ отсутствіе судебныхъ властей при врачебныхъ отдѣленіяхъ. Только при хорошихъ экспертахъ и основательной ихъ работѣ можно ожидать отъ этихъ слѣдственныхъ мѣръ полезныхъ результатовъ. Эти-же слѣдственныя мѣры предпринимаются обыкновенно въ рѣдкихъ дѣлахъ и важныхъ преступленіяхъ для установленія факта преступленія и виновности подсудимыхъ. Провѣрка заключеній врачей и производство химико-микроскопическихъ изслѣдованій врачебными отдѣленіями, какъ это доказалъ опытъ нашей практики, неудовлетворяютъ цѣлямъ правосудія. Только одинъ медицинскій департаментъ, дающій всегда основательныя заключенія, удовлетворяетъ этимъ цѣлямъ; но судебнымъ дѣятелямъ, въ виду многочисленности занятій этого департамента, предписывается воздерживаться отъ истребованія его заключеній, какъ мѣры, замедляющей движеніе дѣлъ во время производства предварительнаго слѣдствія и для медицинскаго департамента крайне обременительной. Провѣрка заключеній врачей и производство химико-микроскопическихъ изслѣдованій, подъ наблюденіемъ прокуратуры, въ мѣстѣ нахожденія судебныхъ палатъ, обезпечивало-бы вполнѣ успѣшные результаты предварительныхъ слѣдствій о важнѣйшихъ преступленіяхъ, нерѣдко недостигающихъ такихъ результатовъ, благодаря неудовлетворительнымъ качествамъ этихъ работъ нашихъ врачебныхъ отдѣленій.

Г. Ѳедотовъ-Чеховскій.

Учредительская спекуляція и борьба съ нею закона.

(По поводу предстоящаго пересмотра акціонернаго законодательства).

„Einzeln und insgesammt muessen die an Actienunternehmen Betheiligten und Betheiligungslustigen ihr Interesse ueberwachen, die Verhältnisse pruefen und auch diejenige Personen ins Auge fassen, welche dem Unternehmen nahe-oder Vorstehen und duerfen sich dabei nicht durch verlockende Aussichten auf leichten Gewin Henden lassen".

Dr. W. Auerbach.

Если въ самомъ процессѣ учрежденія акціонерныхъ предпріятій реформированное законодательство приняло рѣшительныя и строгія мѣры противъ безцеремонныхъ учредительскихъ дѣйствій, которыя не совсѣмъ, но отчасти ограничили такъ называемые учредительскіе „захваты" при образованіи компаній, то не смотря на это учредители находятъ для себя свободное поле дѣйствій въ сферѣ игры акціями, гдѣ имѣютъ полную возможность, не опасаясь безсильнаго въ отношеніи ихъ закона, вознаградить себя съ избыткомъ за всѣ стѣсненія дѣлаемыя имъ при самомъ учрежденіи предпріятія [1]).

Даже установленіе минимума цѣны акцій, величины (предѣльной) основнаго капитала или проектъ запретить совершенно небольшимъ акціонернымъ компаніямъ котировку своихъ цѣнныхъ бумагъ на биржѣ [2]), въ отношеніи совершеннаго прекращенія акціонерной спекуляціи и ажіотажа, не всегда дѣйствительны. Задача акціонерной спекуляціи состоитъ въ томъ, чтобы при самомъ выпускѣ новыхъ акцій, разными биржевыми и иными маневрами, (всегда расчитанными на обманъ легковѣрной публики) въ родѣ искусственнаго спроса на акціи чрезъ посредство „соломенныхъ людей", публикацію заманчивыхъ рекламъ и тенденціозныхъ газетныхъ статей, вообще чрезъ распусканіе не менѣе обманчивыхъ

---

[1]) Hessberger, Die volkswirthschaftligen Wirkungen der Aktiengesetznovelle vom 18 Juli 1884 auf die Gruendungen von Aktiengeselschaften, Fulda, 1889, стр. 44 и слѣд.

[2]) Ibid., стр. 49: таково было, между прочимъ, предложеніе Берлинской биржевой коммисіи.

слуховъ и т. п. [1]), постараться быстро поднять курсъ этихъ акцій, а затѣмъ, воспользовавшись такимъ искусственнымъ результатомъ и не имѣющимъ ничего общаго съ предполагаемымъ „процвѣтаніемъ" самого предпріятія (которое, собственно говоря, еще не начало „произрастать") повышеніемъ курса бумагъ его, во время бросить сказанныя цѣнности на биржу и выручить сразу при этомъ большіе (не оправданные дѣятельностью учредителей) барыши. Извѣстно, какъ осторожно и умѣло учредители выжидаютъ удобное для себя время, стараясь на первыхъ порахъ даже изо всѣхъ силъ придать самому предпріятію видъ надежнѣйшаго и необыкновенно прочнаго. Сами акціонеры въ это время (т. е. въ первое время существованія предпріятія), дѣйствуя за одно съ ними, не жадничаютъ по своему обыкновенію, предоставляя даже нерѣдко часть своихъ прибылей въ распоряженіе учредителей на усиленіе общественныхъ средствъ. Обдуманно составленная публикація отчетовъ, скрывающихъ гдѣ слѣдуетъ истинное состояніе основнаго капитала компаніи, акціонеры которой получаютъ высокій дивидендъ и проч., даютъ возможность котировать акціи на биржѣ al pari въ виду блестящихъ надеждъ на будущее, основанныхъ на кратковременныхъ результатахъ молодаго предпріятія. Такимъ образомъ подготовляется спросъ публики на тѣ акціи, которыя должны послужить предметомъ ожидаемыхъ биржевыхъ операцій и игры. Продавая затѣмъ повышающіяся въ цѣнѣ акціи, учредители главную массу акцій не выпускаютъ изъ своихъ рукъ, допуская настоящихъ (а не подставныхъ) покупщиковъ въ самомъ ограниченномъ числѣ. (Извѣстно, что на первыхъ порахъ учредители обыкновенно выступаютъ въ роли управителей дѣлами предпріятія). Для того, чтобы дѣйствовать подобнымъ образомъ и добиться приведенныхъ результатовъ, которыми богато оплачиваются учредители, послѣдніе не задумываются въ средствахъ, разнообразіе которыхъ поистинѣ достойно удивленія и дѣлаетъ честь учредительской изобрѣтательности, широко приводимой въ современной акціонерной литературѣ [2]).

---

[1]) Напр., когда публикуются отчеты о томъ, что подписка на акціи покрылась нѣсколько разъ, что сильно дѣйствуетъ на искусственное повышеніе курса бумагъ (срав. Jannet, Le capital, la spéculation et la finance, Paris, 1892, стр. 173).

[2]) Max Wirth (Geschichte der Handelskrisen) приводитъ примѣры удивительнаго и ничѣмъ не оправдываемаго довѣрія публики въ этомъ отношеніи въ извѣстный спекуляціонный періодъ 70-хъ годовъ въ Германіи. По поводу тѣхъ же явле-

Случается при этомъ даже, что чѣмъ несбыточнѣе учредительскій проектъ, чѣмъ съ другой стороны онъ эффектнѣе и чѣмъ ярче въ немъ изображена будущая, необыкновенно большая, доходность заманчиваго предпріятія, обѣщающаго своимъ участникамъ золотыя горы и всякій фантастическій вздоръ, какъ говорятъ французы „chateaux en Espagne“, тѣмъ больше за такими разсказами обезпечивается среди публики успѣхъ задуманнаго дѣла, которое само собою облегчается въ исполненіи авторами всѣхъ этихъ слуховъ и проектовъ. Л. Петражицкій въ недавно изданномъ по предмету акціонернаго дѣла трудѣ своемъ приходитъ къ заключенію, подтверждаемому громадной массой фактовъ, о томъ, что, заботясь о благообразіи и заманчивости своихъ проектовъ, учредители „для редакціи ихъ и программъ дутыхъ предпріятій отыскиваютъ и подчасъ дорого оплачиваютъ подходящія *литературныя силы*, и произведенія этого рода творчества подчасъ представляютъ замѣчательные образцы виртуозности изложенія, красоты и эффектности стиля и т. п. А тѣ особенности, которыя теоретики считаютъ признакомъ небрежности, обыкновенно, именно, и являются доказательствомъ старательности и болѣе тонкаго пониманія акціонернаго дѣла нежели то, которое содержится въ обычныхъ научныхъ теоріяхъ по этому отдѣлу соціальныхъ явленій. Въ частности, оставленіе или включеніе разныхъ Х—овъ въ проекты, что съ точки зрѣнія поверхностной теоріи должно вести къ подозрѣніямъ и дискредитированію акцій, является часто, именно, доказательствомъ тонкаго психологическаго (психическаго?) расчета“ [1]). Однимъ сло-

---

ній во Франціи, въ началѣ настоящаго десятилѣтія, тотъ же авторъ приводитъ примѣръ того, какъ предсѣдатель Union Générale разсказами невѣроятнаго содержанія о предпріятіяхъ въ Сербіи и объ участіи французскихъ капиталовъ въ прибыльныхъ финансовыхъ операціяхъ на Востокѣ, совершенно успѣлъ убѣдить акціонеровъ, не смотря на явно фантастическое представленіе будущихъ оборотовъ и соединенныхъ съ ними барышей. Результатомъ такого безцеремоннаго надувательства легковѣрной французской публики, вообще отличающейся своей наклонностью ко всякаго рода увлеченіямъ, часто самыми несбыточными росказнями (въ чемъ имъ наша русская не только провинціальная, но и столичная публика не уступитъ), было несоразмѣрное съ настоящимъ положеніемъ дѣла повышеніе курса акцій предпріятія, сомнительная доходность котораго выяснилась лишь впослѣдствіи.

[1]) Л. Петражицкій. Акціонерная компанія; акціонерныя злоупотребленія и роль акціонерныхъ компаній въ народномъ хозяйствѣ. По поводу предстоящей реформы акціонернаго права. С.-Петербургъ, стр. 97, 107 и сл.

вомъ, въ сказанномъ явленіи, столь часто наблюдаемомъ въ публикѣ, слѣдуетъ искать, какъ причину сказанной несообразности его съ развитіемъ цивилизованныхъ массъ, скрывающуюся въ каждомъ человѣкѣ страсть къ наживѣ и игрѣ, которая спитъ въ цѣломъ обществѣ и при малѣйшемъ шорохѣ тотчасъ пробуждается. Примѣръ игорнаго дома въ Монте-Карло, приводимый тѣмъ же авторомъ, въ данномъ случаѣ дѣйствительно весьма характеренъ и поучителенъ для акціонернаго законодателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что современная цивилизація еще не достигла той высоты, при которой сказанная необъяснимая страсть, безразсудство и легковѣріе публики побѣждаются разсудкомъ и привычкою соображать представляемыя на ея судъ учредительскія коньектуры съ реальной точки ихъ осуществимости и убѣдить себя въ ихъ несбыточности если она не подлежитъ сомнѣнію: въ такомъ только культурномъ обществѣ акціонерная форма предпріятій могла бы принести ту дѣйствительную экономическую и цивилизаторскую пользу, къ которой по существу своему призвано акціонерное соединеніе мелкихъ капиталовъ и обойтись безъ тѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя форма эта до сихъ поръ взамѣнъ приносимыхъ неоспоримыхъ заслугъ, не перестаетъ поглощать на подобіе сказочнаго дракона.

Извѣстно какіе „заработки“ получаютъ учредители при оцѣнкѣ своего труда, положеннаго въ пользу компаніи и при переуступкѣ пресловутыхъ „аппортовъ“: разница курса выпускаемыхъ учредителями акцій даетъ имъ баснословные барыши [1]). Они тѣмъ больше, чѣмъ больше колебаніе курса; а послѣднее въ свою очередь вліяетъ на увеличеніе биржевой игры и ажіотажа, которые вмѣстѣ взятые,

---

[1]) Perrot, 148, 149, согласно Прудону (Proudhon Manuel du spéculateur à la bourse) приводитъ примѣръ по которому 21,900 акцій Версальской желѣзной дороги были распредѣлены между 8-ю учредителями въ видѣ такъ называемыхъ „промессъ“ (Promesses, Promessen Interimsscheine) включающихъ обязанность уплаты номинальной стоимости акціи, причемъ въ тотъ же день вслѣдствіе быстраго повышенія ихъ курса владѣльцами была реализована прибыль въ 547.000 франк., изъ которыхъ однимъ Ротшильдамъ досталось барыша 175.000 фр.! И это впродолженіе нѣсколькихъ часовъ! Курсъ такимъ образомъ повысился болѣе чѣмъ на 3%. У насъ при выпускѣ акцій Учетнаго и Международнаго банковъ въ С.-Петербургѣ по акціямъ перваго публика уплачивала 100%, а по акціямъ втораго—150% преміи по каждой акціи! Чрезъ это другая половина непроданныхъ акцій досталась учредителямъ даромъ... Перротъ говоритъ, что въ 50-хъ годахъ французскіе желѣзнодорожники на разницѣ курса нажили громадную сумму въ 400.000.000 франковъ!

при большой интенсивности, въ концѣ концовъ должны привести къ разоренію. Постоянно измѣняя причитающійся дивидендъ на акціи (а это всегда во власти учредителей, участвующихъ въ правленіи), этимъ же самымъ измѣняется и безъ того колеблющійся курсъ акцій, такъ что, напр., акціи Credit Mobilier въ 500 фр. номинальной стоимости, въ 1856 году имѣли курсъ въ 1997 фр., а въ 1870 году—всего 87 фр.; курсъ акцій Oesterreichische Credit-Anstalt въ 1856 г. составлялъ 205%, а три года спустя, всего 42% и т. д. [1]). Это неиссякаемый источникъ игры... Вредное и опасное вліяніе такихъ колебаній на усиленіе спекуляціи усматривается еще изъ того, что кромѣ спеціалистовъ по этой части, т. е. самихъ учредителей, оно начинаетъ обыкновенно проникать и въ кругъ акціонеровъ, распространяясь, какъ пожаръ, даже въ самыхъ бѣдныхъ сферахъ, раззоряя мелкихъ капиталистовъ, поставившихъ на игру послѣдніе свои незначительные заработки [2]). У насъ спекуляція эта если велась, то въ незначительномъ противъ указаннаго на западѣ размѣрѣ; однако, если бы въ виду ожидаемаго въ Россіи въ недалекомъ будущемъ экономическаго движенія, долженствующаго усилиться съ открытіемъ чрезъ великій Сибирскій путь дальняго Востока, спекуляція эта загнѣздилась на нашихъ биржахъ, то опасность для мелкихъ капиталистовъ и вообще для публики, весьма падкой у насъ на игорныя приманки, могла бы быстро возрости, угрожая бѣднымъ людямъ обширнаго нашего отечества возможностью лишиться и тѣхъ незначительныхъ, почти ничтожныхъ средствъ, которыми, какъ показали недавно собранныя статистическія для Россіи данныя, она пользуется. Какъ изъ этихъ данныхъ оказывается, людей имущихъ въ Россіи весьма мало. На вопросъ, какъ группируются въ Россіи частныя имущества, первый отвѣтилъ Рихтеръ въ „Русскомъ экономическомъ обозрѣніи“. При изслѣдованіяхъ своихъ онъ принялъ за исходную точку подать отъ наслѣдственныхъ имуществъ (при переходѣ наслѣдствъ) за періодъ времени 1885—1890 г.г., принявъ за норму, что имущества эти въ средней мѣняютъ владѣльцевъ каждые 41 годъ. Переходя къ результатамъ его выводовъ, оказывается, что въ Россіи частное имущество зажиточныхъ (богатыхъ) классовъ составляетъ стоимость въ 12.237.000.000 руб. Изъ этой суммы слѣдуетъ вычесть

[1]) Петражицкій, 132 примѣч.
[2]) Ehrenberg, Fondsspeculation, 206.

2.060.000.000 руб. долговъ, вслѣдствіе чего чистаго имущества остается въ 10.177.000.000 руб., распредѣленныхъ въ отношеніи вида цѣнностей слѣдующимъ образомъ:

въ помѣстіяхъ	4.018.000.000 руб.
въ городскихъ недвижимостяхъ . .	2.523.000.000 „
въ наличныхъ	5.005.000.000 „
въ товарахъ	691.000.000 „

От суммъ этихъ четырехъ группъ авторъ отбрасываетъ 870 милл., которыхъ распредѣленіе онъ не въ состояніи объяснить.

Такимъ образомъ оказывается, что капиталы въ Россіи составляютъ 48,4% недвижимости 45,4% и товары 6,2%. Что касается распредѣленія этихъ капиталовъ по группамъ народонаселенія, то авторъ дѣлитъ послѣднее на 5 группъ, смотря по величинѣ получаемыхъ наслѣдствъ. Слѣдующая таблица представляетъ распредѣленіе это по группамъ и получаемымъ ими наслѣдствамъ:

Группы	Число семействъ:	Число душъ:	Количество получаемыхъ наслѣдствъ въ рубляхъ:
I	273,000	1,500,000	1000 — 20,000
II	57,810	290,000	20,000—100,000
III	14,063	70,300	100,000—500,000
IV	1,476	7,400	500,000—1,000,000
V	992	5,000	1,000,000—5,000,000
VI	82	400	5,000,000 и свыше

Средняя состоятельность лицъ второй группы составляетъ на семейство около 56,000 руб., третьей—200,000 руб., четвертой—660,000 руб. и пятой 2,300,000 руб. Къ группѣ милліонеровъ причислено 82 семейства, составляющихъ 400 душъ съ наслѣдственнымъ имуществомъ въ 7,500,000 руб. въ средней на одно семейство, или на всѣ 82 семейства, 618,000,000 р. Всѣ эти цифры касаются исключительно двухъ милліоннаго населенія, изъ числа 130 милліоновъ, населяющихъ согласно послѣдней народной переписи Россію, т. е. всего 1,5% этого населенія... Другими словами, въ Россіи живетъ 128 милліоновъ душъ, семейства которыхъ не обладаютъ даже 1000 руб. состоянія! Это—бѣдность, чтобы не сказать, *нищета*, такъ какъ за средними числами скрываются минимальныя и изъ числа этихъ 128 милліоновъ, вѣроятно больше половины, не имѣютъ и ста рублей... Такой бѣдности западная Европа не знаетъ. Вотъ почему законодатель долженъ

при обдумываніи акціонерныхъ мѣропріятій имѣть всегда въ виду это серьезное обстоятельство, ставящее русскую публику въ отношеніи акціонерныхъ предпріятій въ положеніе исключительное. Разъ учредители обладаютъ акціями—игра акціями неизбѣжна, такъ какъ извѣстно, что она въ большинствѣ случаевъ является единственною цѣлью учредительства. Акціи же всегда останутся въ рукахъ учредителей, будь самый способъ учредительствъ симультанный (разборъ всѣхъ акцій между ними), либо сукцессіонный (разборъ учредителями части акцій съ предоставленіемъ остальныхъ публичной подпискѣ) и такимъ образомъ отъ нихъ всегда зависитъ допустить къ нимъ публику, насколько они сочтутъ это удобнымъ для себя. Значительную часть пріобрѣтателей всегда составятъ соломенные люди. Законъ въ состояніи единственно „ослабить" спекуляцію разными разумными и предусмотрительно расчитанными мѣрами въ другомъ направленіи: прямое запрещеніе биржевой спекуляціи недѣйствительно и даже могло бы вредно отразится на развитіи народнаго хозяйства, какъ всякое стѣсненіе оборотовъ вообще [1]).

Цѣль эта можетъ быть имъ достигнута при внимательной передѣлкѣ установившагося законнымъ путемъ и обычаемъ способа *подписки на акціи*. Моментъ собиранія основнаго капитала предпріятія, какъ самый важный во всемъ процессѣ его учрежденія, *долженъ обратить на себя особенное вниманіе законодателя*. Согласно существующимъ узаконеніямъ, по полученіи разрѣшенія на учрежденіе предпріятія, производится объявленіе о подпискѣ съ обозначеніемъ въ немъ срока подписки, число, количество, цѣна акцій и порядокъ взносовъ по нимъ (ст. 2166, ч. 1 т. X). Совершая подписку на акціи, подписчикъ вступаетъ съ имѣющею быть окончательно образованною компаніею въ договорныя отношенія и обязывается внести извѣстную сумму денегъ [2]). Согласно 2165 ст. у насъ учрежденіе компаніи должно быть производимо порядкомъ (сукцессивнымъ), при которомъ *подписка на акціи обязательна*; на самомъ же дѣлѣ это условіе исполняется весьма рѣдко, на что, между прочимъ, указываетъ проф. Цито-

---

[1]) Срав. Л. Петражицкій, стр. 144 и сл., Wirth, Geschichte der Handelskrisen; Матеріалы Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра узаконеній о биржахъ и акціонерныхъ компаніяхъ.

[2]) Шершеневичъ, Курсъ торг. права, I ч., стр. 284.

вичъ [1]). Подписка ввѣряется учредителямъ и въ этомъ заключается одна изъ отрицательныхъ чертъ стараго нашего закона, предоставляющаго столь важный моментъ—составленіе основнаго капитала, безъ всякаго серьезнаго (за исключеніемъ поверхностнаго административнаго) контроля. Въ виду прохожденія, такимъ образомъ, чрезъ руки учредителей громадныхъ суммъ и приведеннаго отсутствія при этомъ надлежащаго наблюденія за поступленіемъ ихъ и правильно установленной (какъ напр. въ Германской Новеллѣ 1884 г.) провѣрки учредительскихъ дѣйствій, проф. Шершеневичъ считаетъ, что „въ этомъ отношеніи гораздо благоразумнѣе было бы предоставить все веденіе процесса подписки на акціи административнымъ органамъ". Какіе бы однако органы ни наблюдали за ходомъ подписки, административные или судебные, слѣдуетъ признать необходимымъ установить этотъ контроль при указанномъ способѣ учрежденія предпріятій, если не желать покровительствовать злоупотребленіямъ, не только болѣе утонченнаго, „финансоваго" свойства, но самымъ грубымъ хищеніямъ, которыми полна земля русская... Сказанный способъ собиранія предпринимательскаго капитала, хотя и рѣдко практикуемый [2]), между тѣмъ оказывается самымъ дѣйствительнымъ для противо-

---

[1]) Учебн. торг. права, стр. 138, прим. 4. Согласно объяснительной запискѣ къ предварительному проекту объ акціонерныхъ предпріятіяхъ, стр. 10—въ Россіи „сукцессивный" способъ учрежденія акціонерныхъ компаній (Successivgruendung) вовсе не примѣняется. У Вредена (Курсъ политической экономіи, стр. 182, 183) приводится статья безыменнаго автора п. з. „Нынѣшній биржевой погромъ" помѣщенная въ № 284, 1869 г., С.-Петербургскихъ вѣдомостей, въ которой между прочимъ говорится слѣдующее: „Въ концессіи на постройку Либавской желѣзной дороги было сказано съ полной ясностью—время и условія публичной подписки на акціи подлежатъ утвержденію министра финансовъ. Однако Либавскія акціи были распроданы *безъ открытія на нихъ публичной подписки, но чрезъ коммиссіонеровъ* и съ чудовищной преміей. Эти акціи, которыхъ номинальная цѣна составляла 100 руб. и по коимъ первый взносъ былъ назначенъ въ размѣрѣ 20 руб., были предлагаемы чрезъ коммиссіонеровъ прямо съ преміей въ 30 руб., а какъ только публика и спекуляція поддалась на эту удочку, премія въ слѣдующіе дни была постепенно повышаема до 40 и 50 руб., что составляло отъ 30 до 50% преміи на первый 20-ти рублевый взносъ!! Было ли испрошено однако на такое распоряженіе согласіе г. министра финансовъ, это осталось неизвѣстнымъ для публики, съ нетерпѣніемъ ожидавшей открытія публичной подписки на акціи, согласно съ Высочайше утвержденными условіями концессіи на Либавскую желѣзную дорогу".

[2]) Петражицкій, стр. 162.

борствованія учредительскимъ захватамъ и спекуляціи уже по тому одному, что онъ не отдастъ въ руки учредителей (какъ при симультанномъ способѣ) всѣхъ акцій предпріятія въ руки учредителей, а лишь часть этихъ акцій (у насъ 1/5 часть всѣхъ акцій). Этимъ также объясняется то явленіе, что съ изданіемъ въ Германіи закона 1884 года объ акціонерныхъ компаніяхъ, большая часть учрежденій перебросилась отъ сукцессивнаго *къ самультанному* (одновременному) разбору акцій учредителями, совершенно замѣнивъ первый способъ составленія основнаго капитала. Учредителямъ, понятно, удобнѣе въ случаѣ одновременнаго распредѣленія между собою всѣхъ акцій, такъ сказать, монополизировать въ своихъ рукахъ все предпріятіе, избѣгая невыгодныхъ послѣдствій, выражающихся при подпискѣ на акціи въ предоставленіи большей части акцій публикѣ и поставленіи своихъ дѣйствій въ зависимость отъ рѣшенія перваго общаго собранія акціонеровъ (Constituirende Generalversammlung), которое можетъ неутвердить (къ регистраціи какъ въ Германіи) учрежденіе компаніи и тѣмъ разрушить всѣ расчеты и планы учредителей, наносятъ такимъ образомъ матеріальный ущербъ. Рискуя въ этомъ случаѣ остаться безъ ожидаемыхъ выгодъ и неся при этомъ строгую учредительскую отвѣтственность—учредителямъ гораздо удобнѣе найти вокругъ себя сотоварищей по учрежденію, чѣмъ рисковать работою и затратами въ чужую пользу [1]). По этому поводу особенно рѣшительно высказался Гехтъ [2]), полагающій, что симультанное (одновременное) учредительство составляетъ тайный ходъ для всѣхъ тѣхъ, кто опасается строгихъ условій акціонернаго учредительства чрезъ подписку на акціи и кто исключительно стремится къ незаконнымъ учредительскимъ захватамъ. Но съ другой стороны, если симультанный учредительскій способъ одновременнаго распредѣленія всѣхъ акціи между первыми подписчиками (они же учредители) и даетъ значительную свободу учредителямъ, то съ своей стороны сукцессивный способъ подписки на акціи *тяжелъ и неудобенъ въ качествѣ спорной и затруднительной по своей медленности и неповоротливости процедуры* для образованія основнаго капитала. Поэтому, если для составленія его учредителями въ большинствѣ случаевъ играютъ роль вышеприведенныя соображе-

---

[1]) Hessberger, стр. 30.

[2]) Hecht—Das Boersen—und Aktienwesen.

нія, то въ остальныхъ случаяхъ, выборъ учредителей падаетъ на одновременный разборъ всѣхъ акцій, какъ на самый для нихъ удобный и соотвѣтствующій быстрому и современному условію составленія основнаго капитала. Вотъ почему, несмотря на все, слѣдуетъ ожидать и въ нашемъ будущемъ акціонерномъ законѣ постепеннаго перехода къ этому, болѣе новому для насъ способу учредительства. Для избѣжанія однако образованія слишкомъ незначительныхъ акціонерныхъ капиталовъ, что могло бы подорвать существо этого рода предпріятій (т. е. соединеніе малыхъ капиталовъ для образованія большихъ), и повліять на все народное хозяйство—весьма важно предполагаемое въ сказанномъ законѣ установленіе извѣстной предѣльной нормы акціонернаго капитала (минимума его), какъ проектировали, напр. отъ 150 до 200,000 руб.

Затѣмъ, что касается самой уплаты по акціямъ, то частичная уплата съ выдачею временныхъ росписокъ или свидѣтельствъ и промессъ (Interimsscheine) является также въ рукахъ учредителей однимъ изъ многочисленныхъ предметовъ акціонерной спекуляціи. Дабы хотя отчасти оградить третьи лица и предотвратить котировку на биржѣ цѣнностей, имѣющихъ слишкомъ малую стоимость и необезпеченныхъ относительно полной платы, законодательства устанавливаютъ обязательный процентъ первыхъ по нимъ взносовъ, колеблющейся между 25 и 40% номинальной стоимости акцій. Несмотря на то, что эти свидѣтельства непремѣнно должны быть именныя (срав. запрещеніе ст. 2163, ч. 1 т. X, Германская новелла, 1884 г. ст. 219е) и тутъ учредители подставляютъ нерѣдко соломенныхъ людей для того, чтобы заручиться такими свидѣтельствами. Весьма часто подписка, такимъ образомъ, получаетъ кажущійся только видъ и законъ обязанъ строжайшимъ образомъ преслѣдовать подобный образъ учредительскихъ дѣйствій, расплату за который многіе писатели видятъ только въ уголовномъ законѣ [1]). Нашъ законъ предоставляетъ при самомъ утвержденіи устава рѣшить вопросъ о допущеніи раздробительныхъ или полныхъ взносовъ по акціямъ (ст. 2161), причемъ полные взносы номинальной стоимости акціи опредѣляются тамъ „гдѣ весь складочный капиталъ необходимъ при самомъ началѣ для успѣха предпріятія и для возможности точнаго и своевременнаго исполненія обязанностей компаніи предъ публикой во всемъ ихъ пространствѣ“.

[1]) Auerbach—Das Actienwesen, стр. 62—64.

Срокъ взносовъ и высота послѣднихъ зависятъ также отъ опредѣленія уставовъ или правленій (ст. 2162). Такимъ образомъ, наряду съ нормальной подпиской, которую имѣлъ въ виду нашъ законъ, *въ большинствѣ случаевъ ее замѣнила въ Россіи подписка спекулятивная*, цѣли и пріемы которой совершенно иныя [1]).

Кромѣ указанныхъ, особый родъ учредительской спекуляціи при самой подпискѣ на акціи—составляетъ подписка (очевидно фиктивная) на большее число акцій, чѣмъ послѣднихъ предлагается, дабы выручить, вслѣдствіе искусственно и обманнымъ способомъ созданнаго спроса на эти акціи—большіе барыши при разверсткѣ акцій. Такимъ образомъ, громко и нарочно распускаемые учредителями слухи о покрытіи подписки нѣсколько разъ, хотя съ внѣшней стороны, казалось бы, правдивы, такъ какъ на дѣлѣ они же сами способствовали этому покрытію, подписавшись на большое число акцій, съ дѣйствительностью, очевидно, не имѣетъ ничего общаго. Такимъ маневромъ публика самымъ предательскимъ и непреодолимымъ образомъ вводится совершенно открыто въ заблужденіе насчетъ настоящаго положенія подписки и, что связано съ нею,—насчетъ заслуженной славы предпріятія и многообѣщающей его будущности, изъ котораго вывести ее едва ли кто либо въ состояніи. Даже законъ тутъ до сихъ поръ оказывается совершенно безсильнымъ. Вреденъ, въ видѣ совѣта въ этомъ отношеніи, полагаетъ правиломъ, что для открытія дѣйствительной цифры спроса на акціи во время подписки на нихъ, нужно все число подписки на послѣднія уменьшить въ пять разъ (?). Совѣтъ этотъ хотя можетъ быть и имѣетъ большое практическое значеніе, но теоретически онъ не выдерживаетъ критики, какъ само собой понятно: во всякомъ случаѣ такое вычисленіе бросаетъ свѣтъ на характеръ этого рода спекуляціи [2]).

---

[1]) Вреденъ, стр. 186: „отъ нормальной подписки слѣдуетъ отличать спекулятивную; послѣдняя сочиняется, чтобы вводить публику въ заблужденіе въ томъ случаѣ, когда учредители, оставивъ акціи за собой, предлагаютъ на нихъ подписку по возвышенной цѣнѣ, съ преміей чрезъ посредство банкирскихъ конторъ и банковъ“.

[2]) Цѣхановецкій (Желѣзныя дороги и государство, Кіевъ, 1869, стр. 8) приводитъ слѣдующіе примѣры, изъ исторіи англійской желѣзнодорожной спекуляціи (railway mania) въ періодъ 1836—1898 г.г.: „Спекулянты эксплоатировали безпощадно всеобщее увлеченіе, набравши подписей на акціи отъ подставныхъ лицъ (men of straw), составляли компаніи и собирали съ публики значительные капиталы. Впослѣдствіи были обнаружены случаи, что лица, получавшія по 60 фун-

Гораздо серьезнѣе другой совѣтъ того же автора—съ цѣлью избѣжать подписки чрезъ подставныхъ лицъ, *удалить подписку изъ большихъ центровъ*, т. е., распредѣлить ее на провинцію, съ каковой мѣрой нельзя не согласиться въ душѣ, присовокупивъ, однако, что на практикѣ такой образъ дѣйствій представилъ бы большія трудности и расходы (дешевизна проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ сильно облегчаетъ въ настоящее время сообщеніе съ центрами). Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что увеличеніе предѣльной (минимальной) стоимости акцій, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Германская Новелла 1884 года (въ ст. 207a), а затѣмъ, что весьма важно, такое же увеличеніе неполной (частичной) оплаты по акціямъ, т. е. первыхъ взносовъ, даже свыше 50% и совершенное запрещеніе выдачи не сполна оплаченныхъ акцій (временныхъ записокъ) и продажи ихъ помимо подписки, воспрепятствовало бы уже существующей и сильно повліяло бы на уменьшеніе ожидаемой спекуляціи у насъ акціями. Высокая сравнительно номинальная цѣна ихъ—явилась бы серьезной помѣхой легкому ихъ обращенію на биржѣ и переходу изъ рукъ въ руки. Одновременно подобныя рѣшительныя и первостепенной важности законодательныя мѣры предотвратили бы опасность участія большей части мелкихъ нашихъ капиталистовъ въ убыточныхъ хотя и громкихъ предпріятіяхъ и помѣшали бы имъ превратиться въ послушное орудіе и жертву безсовѣстной спекуляціи. Не слѣдуетъ законодателю забывать ни на минуту, что публика слишкомъ

товъ годовыхъ заработковъ, подписывались на 35,000: одна компанія покупала подписи, платя по 4—10 шиллинговъ за подпись. Разныя подставныя лица имѣли акцій на 100,000—200,000 фунт. стерл. (т. е. на наши деньги—на 1,000,000 до 2,000,000 руб.!); даже носильщики и мальчики разсыльные подписывали обязательства на 30—40,000 фунтовъ. Въ одномъ обязательствѣ 500,000 фунтовъ было подписано на вымышленныя имена. Вооруженная такой призрачной подпиской, компанія получала парламентскій актъ и, основываясь на немъ—извлекала уже дѣйствительные капиталы отъ довѣрчивой публики. Одна компанія, напр., получила актъ, собравши на самомъ дѣлѣ всего только 235 фунт. Разумѣется, что акціонеры подобныхъ компаній не увидѣли ни желѣзной дороги, ни денегъ. Чтобы поднять искусственно цѣну акцій, директоры покупали на срокъ большее число акцій, чѣмъ было выпущено и потомъ перекупали для общества собственныя свои акціи на счетъ денегъ своихъ вкладчиковъ". Срав. у Петражицкаго, стр. 145, примѣч.: основной капиталъ компаніи 1,200,000 руб., а въ кассу попадаетъ всего 11,000 руб. (Матер. Высоч. учрежден. коммисіи для пересмотра узаконеній о биржахъ и акціонерныхъ компаніяхъ).

охотно набрасывается на игру, въ какомъ бы видѣ игру эту ей ни преподносили вслѣдствіе чего она жадно покупаетъ, не обращая вниманія на то, позволяютъ ли это средства покупщика, и безъ разбора билетъ тотализатора на скаковомъ полѣ, лотерейный билетъ или дешевую акцію предпріятія, предметъ котораго ей часто даже неизвѣстенъ или которымъ она мало интересуется [1]). Главная цѣль такой покупки, испытать свое счастье и, хоть короткое время, льстить себя надеждою крупнаго выигрыша: экономическія же соображенія принимаются во вниманіе при покупкѣ акцій самымъ ничтожнымъ числомъ покупателей [2]).

Единственно цѣлесообразными законодательными мѣрами, имѣющими въ виду огражденіе имущества мелкихъ капиталистовъ отъ грабительскихъ и спекулятивныхъ поползновеній вредныхъ для народнаго хозяйства элементовъ, были бы тѣ, которымъ удалось бы достигнуть дѣйствительнаго способа соединить въ одномъ неразрывномъ цѣломъ—учрежденіе компаніи съ самимъ предпріятіемъ въ отношеніи тождества цѣлей обоихъ, т. е интересы учредителей и акціонеровъ (подписчиковъ), исходя изъ принципа, высказаннаго Курсель-Сенейлемъ о противоположности послѣднихъ [3]). Не слѣдуетъ при этомъ обманывать себя и не сознавать на основаніи всего добытаго въ этомъ отношеніи наукой и практикой матеріала, что средство къ изысканію такихъ мѣропріятій не всегда лежитъ во власти законодателя, попытки котораго не разъ оказывались недѣйствительными и даже совсѣмъ тщетными [4]).

Мало ошибется тотъ, кто еще отрицательнѣе и скептически выскажется въ этомъ направленіи, такъ какъ человѣческая природа содержитъ въ себѣ качества и недостатки, мало способствующіе единодушнымъ стремленіямъ, направляемымъ къ общей имущественной выгодѣ, а болѣе созданные къ преслѣ-

---

[1]) Срав. у Петражицкаго, стр. 63, 66, 74, 75; тамъ же Ehrenberg, I, с., 206.

[2]) Перротъ полагаетъ, что „акція есть игорная ставка, акціонеръ — азартный игрокъ, дивидендъ — выигрышъ“.

[3]) „Le problème posè au législateur consiste en ceci: que l'interêt des fondateurs des sociétés par actions est tout autre que celui de ces sociétés, c'est a dire de leurs actionnaires, qui est l'interêt public“ (Courcelle-Seneuil, De la législation rélative aux sociétes par actions).

[4]) Срав. Goldschmidt, Die Reform des Aktiengesellschaftsrechts, 27, 28.

дованію и выполненію отдѣльныхъ сепаративныхъ и эгоистическихъ цѣлей и дѣйствій и взаимной борьбѣ въ сферѣ экономическихъ отношеній. Поэтому, сказанную задачу, не выходя за предѣлы возможныхъ требованій, слѣдуетъ въ сильной степени съузить и ограничить. Результатъ несомнѣнно былъ бы уже достигнутъ, если бы законодателю удалось, если не соединить, то по крайней мѣрѣ, сблизить эти интересы такъ, чтобы противоположныя дѣйствія двухъ элементовъ предпріятія, его учредителей и дѣйствительныхъ (твердыхъ) участниковъ, въ виду этого сближенія, не могли быть направлены непосредственно другъ противъ друга, а нашли бы себѣ какой-нибудь другой исходный путь. Сближеніе это по возможности должно имѣть мѣсто въ то первоначальное и самое опасное для предпріятія время, когда съ одной стороны, учредители яростно набрасываются на спекуляцію акціями при подпискѣ на нихъ, производятъ дружно свои захваты при утвержденіи устава и когда съ другой—предпріятіе является еще далеко не окрѣпшимъ, иными словами, просто еще на дѣлѣ не существуетъ. Необходимо отдѣлить время, когда акціонерная компанія еще не находится въ полномъ ходу своей дѣятельности, отъ того времени, когда она уже окончательно окрѣпла и, такъ сказать, дѣйствуетъ самостоятельно. Въ первое время этой самостоятельности еще нѣтъ, поэтому весь успѣхъ дѣла находится въ рукахъ учредителей, которые могутъ при удобномъ для себя случаѣ оставить дѣла компаніи въ плачевномъ состояніи и сбросить съ себя всякую затѣмъ отвѣтственность, хорошо устроивши личныя свои дѣла. Въ виду этого слѣдуетъ на учредителей возлагать отвѣтственность до того самого времени когда станетъ извѣстно, что компанія дѣйствуетъ хорошо и безъ нихъ [1]). На первомъ мѣстѣ такихъ цѣлей законодателя должно стоять обязательное участіе учредителю въ самомъ предпріятіи (т. е. пребываніи) въ продолженіи всего сказаннаго времени, пока не выяснится, можетъ ли предпріятіе существовать и впредь т. е., когда акціи его пріобрѣтутъ на денежномъ рынкѣ ту основательность (stabilité), которая затираетъ у нихъ всякій слѣдъ азартной бумаги [2]).

---

[1]) В. Бѣлинскій, Органы управленія акціонерныхъ компаній. 1891. Варшава, стр. 3.

[2]) Петражицкій, 87: „Когда доходность предпріятія уже выяснилась и установилась... и нѣтъ особыхъ причинъ ожидать перемѣнъ въ будущемъ, то акція

Какого рода должна быть эта отвѣтственность и гражданскія ея опредѣленія, не составляютъ пока задачу настоящаго очерка и потому ограничимся общимъ этимъ замѣчаніемъ. Акціонерная литература неоднократно указывала на роль учредителей въ правленіи и совѣтѣ компаніи и стремленіе ихъ, изъ корыстныхъ цѣлей, къ достиженію этихъ доходныхъ мѣстъ: раціонально было бы поэтому, во избѣжаніе всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонъ учредительскихъ посягательствъ на имущество акціонеровъ, закрѣпить изъ удобной матеріальной обстановкой въ сказанныхъ должностяхъ, дабы тѣмъ парализовать ихъ аппетиты на спекуляцію и захваты, во сто кратъ болѣе раззорительные для предпріятія, нежели самое высокое директорское жалованіе. Россіи предназначено въ недалекомъ будущемъ играть выдающуюся международную экономическую роль. Роль эта обезпечена ей не столько внутренними успѣхами по части промышленности, торговли, открытій и техническихъ усовершенствованіи всякаго рода, которыя развиваются значительно быстрѣе на западѣ и въ преобладающемъ числѣ наводняютъ наше отечество, а исключительно ея географическомъ положеніемъ и естественными богатствами земли. Поэтому, такъ какъ, по выраженію историка Никитскаго „*исторія не ждетъ*" и намъ ждать своихъ Эдиссоновъ, Уаттовъ, Рэнтгеновъ, Лессепсовъ ждать некогда, а время для Россіи составляетъ валюту, дороже ея теперешняго золота, то необходимо ей будетъ обратиться *къ единственному двигателю* нужныхъ ей въ будущемъ грандіозныхъ предпріятій, *акціонернымъ капиталамъ*, помощью которыхъ разрѣшены будутъ важнѣйшія народныя задачи, и съ которыми найдутся наемныя на первыхъ порахъ силы, предназначенныя быть руководителями этого движенія. Важно лишь то при этомъ, чтобы капиталы эти были не иностранные, а наши, русскіе и потому слѣдуетъ поспѣшить, пока есть еще время и пока вся Россія еще не расхи-

изъ цѣнной бумаги съ шансами крупныхъ капитальныхъ и процентныхъ (положительныхъ и отрицательныхъ) премій, превращается въ весьма мирную и чуждую элемента азарта процентную бумагу, не представляющую никакого интереса для представителей игры въ акціонерномъ дѣлѣ и экономически годную хоть для помѣщенія вдовьихъ, сиротскихъ капиталовъ и т. п... Въ такихъ стадіяхъ и при такихъ условіяхъ своей жизни акціи обыкновенно размѣщаются по твердымъ рукамъ, перестаютъ быть объектомъ игры, перестаютъ мчаться изъ однѣхъ рукъ въ другія, а избираютъ себѣ мѣсто отдыха и служатъ только средствомъ помѣщенія капитала для rentiers, которые чужды спекулятивныхъ стремленій".

щена англичанами, американцами, нѣмцами, французами и бельгійцами, съ помощію русскому обществу, снабдивъ его удобнымъ для необходимой конкуренціи орудіемъ. Послѣднее можетъ быть дано разумнымъ акціонернымъ законодательствомъ, *возможно скорѣйшее явленіе на свѣтъ коего-должно быть „pium desiderium“ каждаго русскаго государственнаго человѣка и патріота.* Законодателю, кромѣ подробнаго и тщательнаго изученія всѣхъ проявленій русской акціонерной жизни надлежитъ вникнуть въ характеръ нашей публики, взвѣсить, на основаніи серьезнаго матеріала, степень ея довѣрчивости и любовь риска, т. е. всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ акціонернаго дѣла. Въ этомъ случаѣ должно быть обращено (насколько это конечно возможно) вниманіе на качественный и имущественный цензъ людей, могущихъ у насъ въ будущемъ выступить въ роли серьезныхъ предпринимателей, гражданкое, народное и даже релегіозное ихъ отличіе (придерживаясь относительно послѣдняго строгаго антисемитизма и даже національно-русской исключительности) не упуская при этомъ изъ виду умственнаго и нравственнаго развитія современнаго нашего общества, средней состоятельности мелкихъ нашихъ капиталистовъ, качественныя ихъ способности, приблизительно цифры участія ихъ въ предпріятіяхъ, даже—сообразуясь съ укоренившимися при настоящемъ акціонерномъ режимѣ привычками и обычаями. Какъ не лучшій образецъ въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ указать на германскую акціонерную Новеллу 1884 г. цитируемую нами выше, какъ на одинъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ по части акціонерныхъ предпріятій законовъ. Главныя нововведенія и требованія его для образованія компаніи въ отношеніи личности учредителей, способовъ учрежденія, составленія устава, контроля учредительства, отвѣтственности учредителя и т. п., весьма поучительны и обдуманы, отличаясь той практичностію, которая составляетъ выдающуюся черту германскаго законодательства вообще, какъ плодъ всесторонняго, добросовѣстнаго и ученаго обсужденія [1]). Какую разницу въ этомъ отношеніи составляетъ наше старое Положеніе объ акціонерныхъ компаніяхъ 1836 года вошедшее въ основаніе статей I ч. X тома и которое старше указаннаго законодательства на цѣлыхъ 48 лѣтъ! Уже эта одна разница во времени краснорѣчиво указываетъ на отдаленную отъ насъ эпоху 30-хъ и 40-хъ

---

[1]) В. Е. Бѣлинскій, Органы управ. акціонерн. комп., предисловіе.

годовъ, въ которую оно было создано, вслѣдствіе чего современная русская акціонерная жизнь, уже сильно измѣнившаяся съ тѣхъ поръ (все идетъ впередъ), не можетъ имѣть общихъ чертъ съ тѣми постановленіями нашего закона, которыя относились, можетъ быть и съ большой пользой, къ прабабкамъ настоящихъ нашихъ компаній! Будемъ же надѣяться, что предстоящія работы Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра узаконеній о биржахъ и объ акціонерныхъ компаніяхъ вскорѣ увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и даруютъ Россіи законъ, который принесетъ отечеству неоспоримую экономическую пользу, увеличивая его народное богатство и не ударитъ въ грязь лицомъ предъ учеными юристами и законодателями другихъ странъ, зорко слѣдящими за каждымъ движеніемъ русской мысли въ области его законодательныхъ трудовъ.

В. Бѣлинскій.

Психіатрическая экспертиза на уголовномъ судѣ и ученіе о вмѣняемости.

Вопросъ о значеніи психіатрической экспертизы на судѣ—вопросъ удивительный; заключается онъ вотъ въ чемъ: обязательны ли для судьи научные выводы психіатра или нѣтъ? Это не значитъ, что судья можетъ иногда не вѣрить психіатру-эксперту, что показанія послѣдняго могутъ быть ненаучными (никто не мѣшаетъ тогда, замѣчаетъ проф. Духовской [1]), потребовать новой экспертизы); нѣтъ: судья убѣжденъ въ научности данныхъ выводовъ психіатріи, они—внѣ всякаго его сомнѣнія и всетаки, говорятъ, эти научные выводы для судьи не обязательны: „если-бы, замѣчаетъ проф. Фойницкій [2]), мнѣніе экспертовъ было сдѣлано обязательнымъ для суда, то мы возвратились бы къ формальной теоріи доказательствъ“. „Послѣ реформы суда, говоритъ Глязеръ [3]), не оставалось также сомнѣнія относительно главнаго пункта спора: взаимныхъ отношеній свѣдущихъ людей и судьи: на почвѣ свободной оцѣнки доказательствъ уже нельзя было допустить, чтобы

---

[1]) Русскій уголовный процессъ, изд. 1897 г. стр. 142.
[2]) Курсъ уголовнаго судопроизводства стр. 327.
[3]) Handbuch, русскій переводъ Лихачева стр. 266.

заключеніе свѣдущихъ людей могло связывать судью". И дѣйствительно, таково мнѣніе большинства криминалистовъ русскихъ и иностранныхъ и оно же принято всѣми цивилизованными законодательствами, такъ что его необходимо признать господствующимъ; мнѣніе удивительное: признать обязательность научныхъ выводовъ, значитъ возвратиться къ теоріи формальныхъ доказательствъ: наука—формальное доказательство. Но тогда, обязательна ли для судьи таблица умноженія? Сознавая невозможность такого положенія, высказаннаго безъ оговорокъ, стараются обойти затрудненіе: научные выводы, говорятъ, обязательны для судьи; необязательно то ихъ примѣненіе, которое экспертъ дѣлаетъ къ данному конкретному случаю: „отъ свѣдущихъ лицъ, говоритъ Глязеръ, судья долженъ безпрекословно принимать изъясненіе законовъ природы и правилъ науки или искусства, провѣряя только примѣнимость этихъ законовъ и правилъ къ обстоятельствамъ разсматриваемаго дѣла".

„Какимъ образомъ говорятъ, замѣчаетъ проф. Духовской [1]), судья неспеціалистъ будетъ оцѣнивать, критиковать спеціальный вопросъ? Конечно это невозможно, но, требуя для судьи права обсуждать дѣло въ полной его совокупности, а слѣдовательно обсуждать и показаніе эксперта, мы вовсе не ходимъ дать ему право разбирать, съ точки зрѣнія невѣдомой ему науки, спеціальный вопросъ или критиковать научный выводъ, какъ таковой. Этого судья не можетъ и не станетъ дѣлать, но у него должно быть право сопоставить показаніе эксперта со всѣми другими обстоятельствами дѣла и, если онъ найдетъ несогласіе между ними, то право отвергнуть его и рѣшить дѣло по другимъ доказательствамъ или потребовать новой экспертизы". „Такимъ образомъ, говоритъ Глязеръ [2]), свидѣтельство и мнѣніе свѣдущихъ людей, по отношенію къ приговору, имѣютъ значеніе, одинаковое съ другими матеріалами слѣдствія: свѣдующее лицо призывается въ судъ для разъясненія обстоятельствъ дѣла". Такъ разсуждаетъ F. Helie [3]).

Такія соображенія представляются мнѣ однако лишь искус-

---

[1]) Ibid. стр. 142.

[2]) Ibid.

[3]) Даже слѣдуя за мнѣніемъ психіатра, говоритъ Helie, судья дѣлаетъ его оцѣнку. Traité de l'instr. crimin.

ственнымъ обходомъ затрудненія, лишь остроумной уловкой, лишь злоупотребленіемъ аналогіей.

Развѣ не заключается главная трудность психіатрической экспертизы именно въ оцѣнкѣ даннаго конкретнаго случая? Развѣ діагнозъ не является самымъ труднымъ вопросомъ медицины? Развѣ для діагноза не принимаются въ разсчетъ всѣ детали событія, всѣ черты характера преступника [1]), которыя такъ часто ускользаютъ отъ вниманія неспеціалиста? Неужели въ этомъ діагнозѣ долженъ принять участіе судья и притомъ съ тѣмъ, чтобы съ нимъ не согласиться? „Судья, говоритъ проф. Духовской [2]), не долженъ слѣдовать за экспертомъ", какъ слѣпой за своимъ провожатымъ, „если онъ найдетъ въ показаніяхъ эксперта несогласіе съ обстоятельствами дѣла, то онъ долженъ или отвергнуть мнѣніе эксперта, рѣшить дѣло по другимъ доказательствамъ или потребовать новой экспертизы". Также разсуждаетъ Глязеръ, F. Hélie. Но въ томъ-то и дѣло, что первыя положенія этого разсужденія и послѣднее далеко не тождественны: можно не только не повѣрить психіатру, но заподозрить его въ недобросовѣстности, его мнѣніе въ ненаучности [3]); но тогда необходимо устранить эти недостатки и устранить ихъ никакъ невозможно тѣмъ, что отбросить экспертизу и рѣшить дѣло самому „по другимъ матеріаламъ слѣдствія": это значило-бы еще болѣе увеличить ошибку, а не поправить ее; поправить же ее можно только приглашеніемъ другого психіатра, консиліума психіатровъ и если судья не можетъ сомнѣваться въ научности ихъ мнѣнія, то не согласиться съ нимъ значитъ поступить ненаучно.

И такое приравненіе мнѣнія психіатра [4]) къ „другимъ мате-

---

[1]) Объ этомъ у F. Helie. Traité de l'instr. crimin., хотя и смотрящаго на эксперта, какъ на помощника судьи.

[2]) Ibid.

[3]) Отсюда понятна важность для юриста изученіе судебной медицины. См. Даневскій, статью въ Журналѣ Юридическаго Общества за 1896 г.

[4]) Я именно говорю о психіатрической экспертизѣ, гдѣ эксперту приходится рѣшать особенно сложные вопросы, требующіе спеціальныхъ знаній чисто научнаго характера; вотъ почему вопросъ значенія экспертизы для суда наиболѣе обостряется по поводу психіатрической экспертизы; споры существуютъ главнымъ образомъ относительно послѣдней. Противъ обязательности мнѣнія психіатра возражаютъ указаніемъ на необязательность для суда мнѣнія эксперта вообще, такъ какъ, говорятъ, экспертомъ можетъ явиться ремесленникъ, сапожникъ. Но раз-

ріаламъ слѣдствія“ (Глязеръ) представляется намъ злоупотребленіемъ аналогіей. Аналогія сама по себѣ служить доказательствомъ не можетъ [1]), съ помощью этого метода можно лишь отыскивать доказательства: найдя сходство между явленіями въ какихъ-нибудь отношеніяхъ, еще нельзя заключить о сходствѣ ихъ въ другихъ отношеніяхъ, но за то это послѣднее сходство часто можно найти путемъ перваго, при чемъ нельзя только забывать о существующемъ различіи. Схоластическій методъ въ юриспруденціи часто злоупотреблялъ аналогіей: между данными юридическими явленіями находили сходство, а искусстной діалектикой старались затемнить различіе; такъ создавалось уподобленіе одного другому двухъ различныхъ институтовъ и все, что примѣнялось къ одному считалось примѣнимымъ къ другому. И упомянутое употребленіе научнаго діагноза другимъ матеріаламъ слѣдствія на самомъ дѣлѣ является лишь далеко не полной аналогіей: сходство между ними въ томъ, что и къ первому и ко вторымъ судья не долженъ относиться слѣпо, что онъ можетъ не довѣрять имъ, но и различіе въ томъ, что въ то время, какъ судья не можетъ сдѣлать свидѣтельскія показанія достовѣрными, онъ не только можетъ, но обязанъ довести психіатрическую экспертизу, до той точности, чтобы въ правильности ея не оставалось сомнѣнія: не сдѣлать этого—все равно, что не вызвать свидѣтеля, знающаго истину, а потому не согласиться съ экспертизой—все равно, что не сдѣлать необходимой экспертизы.

Но анологіей пользуются гораздо шире [2]): эксперта приравниваютъ къ свидѣтелю (таково мнѣніе дѣйствующаго нѣмецкаго и англійскаго права [3]). Не смотря на случаи сходства между тѣмъ и другимъ слишкомъ прозрачно различіе: свидѣтель передаетъ

ница между обоими видами экспертизы такая же, какъ между шитьемъ сапоговъ и изученіемъ психо-физіологіи человѣка и трудности именно потому и возникаютъ, что эксперту предлагаютъ рѣшить вопросъ о вмѣняемости.

[1]) Ст. Милль, Система логики. Т. I, русскій переводъ.

[2]) И еще шире пользовались въ старой юриспруденціи: сравнивали экспертовъ съ микроскопами, съ зрительными трубами; но эта аналогія, такъ обезличивающая эксперта, все же говоритъ въ пользу обязательности его мнѣнія для судьи. Объ этой аналогіи см. у Глязера и проф. Фойницкаго.

[3]) § 85 устава германскаго судопроизводства, примѣчаніе. Изъ русскихъ криминалистовъ этого мнѣнія держался Баршевъ.

факты, которые онъ видѣлъ или о которыхъ слышалъ. Экспертъ [1]) этихъ фактовъ не видѣлъ и слышитъ о нихъ лишь во время экспертизы; свидѣтель передаетъ свѣдѣнія о событіи, экспертъ высказываетъ свое мнѣніе о немъ; одинъ не можетъ быть замѣненъ, другой замѣнимъ [2]).

Возставая противъ того-же положенія—„признанія экспертовъ полномочными судьями отведенныхъ имъ фактовъ (judices facti) (Фойницкій) признаютъ въ нихъ лишь „помощниковъ судьи"; [3]) но помощникъ судьи является все-же судьею. Признаютъ далѣе экспертизу видомъ судебнаго осмотра, [4]) забывая, что этотъ медицинскій осмотръ тѣмъ и отличается отъ *судебнаго*, что запечатленъ особыми спеціальными знаніями, отсутствующими у судьи.— Глязеръ, методъ котораго мѣстами носитъ чрезвычайно схоластическій характеръ и который чрезвычайно увлекается праздными аналогіями, пытается провести параллель между экспертизой и заключительнымъ словомъ предсѣдателя: [5]) но предсѣдатель не высказываетъ собственнаго мнѣнія о событіи преступленія, а экспертъ утверждаетъ всѣ тѣ факты, которые относятся къ его спеціальности.

И вотъ новѣйшіе криминалисты оставляютъ аналогію и признаютъ экспертизу „особымъ, самостоятельнымъ видомъ доказательствъ", [6]) особенность-же его заключается въ томъ, что судья приглашаетъ свѣдующее лицо для объясненій явленій, въ которыхъ самъ не свѣдущъ, съ тѣмъ однако, чтобы въ концѣ концевъ не согласиться съ дѣлаемыми имъ научными выводами: да, это дѣйствительно совершенно особенный видъ доказательствъ.

Такъ создалось мнѣніе объ обязательности психіатрической [7])

---

[1]) Если, конечно, экспертъ не является въ тоже время свидѣтелемъ.

[2]) По крайней мѣрѣ долженъ быть замѣнимъ, въ случаѣ надобности.

[3]) Такого мнѣнія F. Hélie, отчасти Глязеръ, стр. 263.

[4]) Значительную аналогію съ тѣмъ и другимъ находитъ Глязеръ. стр. 263 Возраженія у пр. Фойницкаго стр. 329.

[5]) Стр. 263.

[6]) „Экспертизу, говоритъ пр. Духовской, нельзя отнести ни къ какому-либо изъ существующихъ доказательствъ. Это нечто иное, какъ особый, самостоятельный видъ доказательствъ; если такъ, то слѣдовательно къ нему нельзя примѣнять правила и условія, установленныя для другихъ доказательствъ" (стр. 143). Также разсуждаютъ Глязеръ, Фойницкій, Случевскій и друг.

[7]) Повторяю, что я именно имѣю въ виду экспертизу психіатрическую.

экспертизы для суда. Въ нашей литературѣ такое мнѣніе высказано Владиміровымъ [1]), Дрилемъ, [2]) д-ромъ Пеликаномъ и юристами, Фуксомъ [3]) и Зубовымъ. Въ подтвержденіе своей мысли сторонники этого направленія приводятъ „изъ судебной практики примѣры того смѣшного положенія, въ которое ставятъ себя люди не свѣдующіе, когда они, желая опровергнуть или ослибить мнѣніе спеціалистовъ, задаютъ имъ нелѣпые вопросы, обнаруживающіе ихъ полное невѣжество и ставящіе экспертовъ въ тупикъ“ [4]). Этотъ наиболѣе затруднительный и спорный вопросъ предлагаемый на судѣ психіатру, вопросъ, который судья безсиленъ рѣшить самостоятельно“ (Фойницкій), есть вопросъ о томъ, находился-ли преступникъ въ моментъ совершенія преступленія въ состояніи болѣзни, исключающей вмѣняемость? Упомянутые авторы и представляютъ эксперту рѣшить не только вопросъ о томъ, боленъ-ли субъектъ или здоровъ, но также о томъ *вмѣняемъ-ли* онъ или нѣтъ, ибо для вмѣняемости требуется наличность опредѣленныхъ психическихъ способностей, а существуютъ-ли онѣ у подсудимаго или нѣтъ, это вопросъ, на который можетъ отвѣтить только врачъ-спеціалистъ.

Но и съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно: конечно, если врачъ говоритъ, что субъектъ боленъ, судья не можетъ признать его здоровымъ; но когда у врача спрашиваютъ, вмѣняемъ-ли этотъ субъектъ то онъ вправѣ отвѣтить; „не знаю, это выходитъ изъ предѣловъ моей компетенціи; вмѣняемость понятіе юридическое; мнѣ неизвѣстно, что будетъ утверждать мой приговоръ; если принудительную дисциплину, если попытку обезопасить общество отъ опаснаго члена, то я готовъ признать и съ медицинской точки зрѣнія цѣлесообразность такой мѣры; если вы хотите карать, причинять страданіе, мстить, то для медицины, врачующей немощи и честнаго и негодяя, ваши мѣры непонятны, вы несете за нихъ отвѣтственность“. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ обсуждался этотъ запутанный вопросъ о положеніи эксперта психіатра на судѣ то въ концѣ продолжительныхъ преній, я помню, психіатрамъ былъ предложенъ

---

[1]) О значеніи врачей экспертовъ. Изд. 2-е.
[2]) О положеніи врача эксперта на судѣ, статья въ Юр. Вѣстн. за 1879 г.
[3]) О значеніи экспертизы въ уголовномъ процессѣ, Юр. Вѣстн. за 1887 г.
[4]) Фойницкій, стр. 327.

вопросъ, склоняются-ли они къ тому, чтобы имъ было предостав лено право рѣшать на судѣ вопросъ о вмѣняемости? И всѣ единогласно отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно. И къ такому-же выводу приходитъ большинство выдающихся психіатровъ: таково мнѣніе Крафта Эббинга [1]), Скржечки [2]), Фрезе [3]), Ковалевскаго [4]) Бехтерова, [5]) Тарновскаго [6]), Кандинскій [7]) даже Маудсли [8]) въ сторонѣ стоятъ итальянскіе врачи криминалисты, которые ставятъ уголовному праву иныя задачи; и всѣ они приходятъ къ тому выводу, что мнѣніе психіатра не обязательно для судьи: [9]) выводъ, несостоятельность котораго мы старались доказать.

И такъ, вопросъ остается нерѣшеннымъ. Мнѣ кажется однако, что недоразумѣніе устранить весьма нетрудно. Вѣдь всѣ согласны, что если врачъ признаетъ подсудимаго больнымъ, то судья не можетъ признать его здоровымъ; слѣдовательно вопросъ идетъ не объ обязательности для судьи мнѣнія врача, а о томъ долженъ-ли это мнѣніе судья принимать въ разсчетъ при постановленіи приговора или онъ можетъ не обращать на него вниманія? Какъ мы уже видѣли, вопросъ этотъ ставится совершенно иначе: Глязеръ спрашиваетъ, долженъ-ли судья согласиться съ мнѣніемъ психіатра, или онъ можетъ его отбросить и рѣшить дѣло по другимъ обстоятельствамъ; такъ, что какъ мы видѣли, результаты психіатрической экспертизы сравниваются съ другими обстоятельствами дѣла, съ другими доказательствами. Но доказательствами чего? Разумѣется, если дѣло идетъ о событіи преступленія, то

---

[1]) Такого мнѣнія Крафтъ Эббингъ держался въ старой своей книжкѣ: О болѣзненныхъ настроеніяхъ души" 1862 г.; такое-же мнѣніе высказываетъ онъ въ другой книжкѣ: „Судебная психологія" 1870 г., рус. переводъ Чацкина; затѣмъ въ переведенной также на русскій языкъ книгѣ: „Половая психопатія"; затѣмъ въ послѣднемъ большомъ своемъ сочиненіи по судебн. психопатологіи Das gerichtliche Psichopathologie.

[2]) Handbuch v. Holtzendorff'a (отдѣльная монографія).

[3]) Судебная психологія.

[4]) Судебно-медиц. анализы 2 тома.

[5]) О Вмѣняемости.

[6]) Вмѣняемость.

[7]) Статья о полов. психопатіи въ Психіатрич. Вѣстн. Ковалевскаго.

[8]) Вмѣняемость при душ. бол., русск. перев.

[9]) Также на этотъ вопросъ смотрятъ и законодательства; вопросъ о вмѣняемости рѣшаютъ судьи, рѣшающ. дѣло по существу; кассаціонной повѣркѣ ихъ рѣшеніе не подлежитъ.

затрудненій не представляется: совершенно соглашаясь съ психіатрическими выводами эксперта, судья можетъ не согласиться съ его мнѣніемъ о томъ, что преступленіе дѣйствительно совершено, т. к. этотъ выводъ можетъ выходить изъ области вѣдѣнія психіатра; да и не долженъ ему предлагаться, т. к. является вопросомъ совѣсти, вопросомъ, рѣшаемымъ по внутреннему убѣжденію судьи. Но если такой выводъ будетъ совершенно противорѣчить даннымъ науки, то, какъ нелогичный, какъ лишенный смысла, онъ долженъ подлежать кассаціонной отмѣнѣ, какъ и всякій другой приговоръ, противорѣчащій здравому смыслу.

Тоже самое нужно сказать по интересующему насъ вопросу о вмѣняемости. Когда психіатръ говоритъ, что подсудимый психически ненормаленъ, то судья не можетъ признать его нормальнымъ, ибо это былъ-бы обвинительный приговоръ не только надъ подсудимымъ, но и надъ психіатріей. Но должно ли такое признаніе ненормальнаго состоянія душевныхъ способностей оказывать вліяніе на приговоръ судьи и если должно, токакое? Значитъ-ли что этотъ ненормальный подсудимый невмѣняемъ?

Теорія свободной воли именно и утверждаетъ послѣднее: ея формула такова: для того, чтобы субъектъ могъ подлежать отвѣтственности, онъ долженъ обладать свободой воли, [1]) онъ долженъ свободно, по собственной волѣ опредѣляться къ дѣйствію; если-же данный волевой актъ произошелъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія субъекта, то о вмѣняемости рѣчи быть не можетъ; и если субъектъ проявляетъ болѣзненное разстройство духа, то необходимо рѣшить, является-ли преступленіе результатомъ это болѣзненнаго состоянія или нѣтъ? И если является результатомъ, то настолько-ли сильно психическое разстройство, чтобы подавить свободу воли?

Такъ эти вопросы обыкновенно предлагаются психіатру. Признаетъ-ли психіатръ свободу воли или нѣтъ; разъ онъ признаетъ психическое разстройство, то и отвѣчаетъ на первый вопросъ всегда утвердительно, такъ какъ знаетъ, что всѣ явленія психической

---

[1]) Такова формула вмѣняемости дѣйствующаго германскаго права. Таково мнѣніе даже такихъ прогрессирующихъ криминалистовъ, какъ Garraud (Precis du droit criminel изд. 1892 г.), не говоря уже о болѣе старыхъ криминалистахъ, какъ Бернеръ, Ортоланъ, Росси, Шаперъ, Шварце. У насъ особенно ярымъ индетерминистомъ является пр. Вульфертъ. Напр., его Антропологo-позитивная школа угол. права т. 1.

жизни являются выраженіемъ характера, всей совокупности психофизическихъ состояній образующихъ въ данный моментъ наше я, нашу личность [1]). Вопросъ-же о силѣ и степени психической ненормальности, поставленнаго вышеуказаннымъ образомъ, т. е. съ т. 3 индетерминизма, онъ вправѣ не понять, такъ какъ разъ поступокъ обусловленъ ненормальнымъ состояніемъ организма, онъ былъ достаточно „силенъ“ для того, чтобы явиться „опредѣлителемъ“ воли, т. е. чтобы сдѣлать ее несвободною. Съ этой точки зрѣнія уже незначительнаго психическаго разстройства достаточно для того, чтобы найти физіологическій факторъ воли, признать ея свободу уничтоженной. Но такъ какъ судья сознавалъ совершенную невозможность освобождать такихъ преступниковъ отъ наказанія, признавая несомнѣнную ихъ соціальную опасность и такъ какъ для наказанія требовалась свобода воли, то судьѣ оставалось только не согласиться съ мнѣніемъ психіатра, мнѣніемъ, принятіе котораго влечетъ къ отрицанію этой свободы. Такъ на почвѣ детерминизма создалась идея о необязательности для судьи мнѣнія психіатра.

За послѣднее время идея индетерминизма вступила въ новый фазисъ своего развитія. Криминалисты уже не признаютъ свободы воли, какъ свободы этого психическаго явленія отъ причинной связи, какъ независимости этой формы нашего разума отъ логическихъ формъ мысли. Но такъ какъ наши нравственныя идеи выросли на почвѣ невѣдѣнія обусловленности психическихъ явленій, то имъ кажется, что психо-физіологическое ихъ объясненіе разрушаетъ эти идеи; тогда какъ это знаніе психическихъ явленій разрушаетъ только тѣ факты, которые лежали въ основѣ этихъ идей, замѣняя ихъ дѣйствительностью; только очищаетъ наши нравственныя понятія отъ предразсудковъ, дѣлая ихъ чище [2]) и жизненной. Но все-же большинство ученыхъ считаютъ совершенно

---

[1]) См. Вундтъ Психологія, переводъ Викторова; Рибо: Болѣзни воли. Его-же Болѣзни личности.

[2]) Не признавая напр. идею справедливости чѣмъ-то мистическимъ, усматривая въ ней элементъ возмездія, мести (Бэнъ, Милль, Спенсеръ), этимъ детерминизмъ указываетъ на несовершенство современной идеи справедливости съ ея возмездіемъ, идея которую индетерминизмъ готовъ принять за идеалъ; идеалъ детерминизма чище, но онъ далекъ, онъ лишь освѣщаетъ путь дальнѣйшему поступательному движенію идеи долга.

необходимымъ, если и не для науки, [1]) то для своего міровоззрѣнія, сохранить этотъ до сихъ поръ увлекательный идеалъ психической свободы (они забываютъ, что эта свобода ничто иное, какъ свобода отъ логики). „Послѣдовательныхъ детерминистовъ", говоритъ Милль [2]) нѣтъ; но вѣдь детерминизмъ есть логическій законъ и правильное объясненіе психическихъ явленій есть послѣдовательное проведеніе этого принципа; всякій научно психо-физіологическій трактатъ есть трактатъ психологическаго детерминизма; поскольку авторъ покидаетъ почву детерминизма, постольку же покидаетъ почву науки, постольку оставляетъ явленія безъ объясненія; но къ счастью для науки мы должны сказать, что многіе остаются вполнѣ послѣдовательными детерминистами: иначе мы не имѣли-бы ни одного научнаго объясненія психическихъ явленій [3]). Иное дѣло поведеніе: вліяніе идей на наши инстинкты созданные наслѣдственной эволюціей милліонами лѣтъ, въ значительной степени часто сохранявшіе черты наслѣдства полученнымъ отъ нашего почтеннаго прародителя орангъ-гутанга весьма ограничено; но въ этомъ смыслѣ и послѣдовательныхъ индетерминистовъ нѣтъ: наиболѣе послѣдовательные индетерминисты каждую минуту являются самыми ярыми даже фаталистами не говоря уже о детерминизмѣ: отправляясь куда нибудь они думаютъ, что придутъ туда куда

---

[1]) Какова-бы не была метафизическая свобода воли, говоритъ Листъ (Lehrbuch d. deutschen Strafrechts 5-te Aufl. 1892 J.), наука имѣетъ дѣло съ явленіями, подчиняющимися закону причинной связи. Выбрасывая идею свободы воли изъ области науки, Листъ однако допускаетъ „метафизическую свободу воли" для человѣческаго міросозерцанія, что, разумѣется, не можетъ не отразиться на его отношеніи къ нравственнымъ явленіямъ.

[2]) Система логики, т. II.

[3]) Вѣдь научно объяснить психическое явленіе, значитъ найти его связь съ другими явленіями, гдѣ порывается эта связь, порывается нить изслѣдованія, оканчивается знаніе: вѣдь познать, значитъ только опредѣлить условія явленія: вотъ почему детерминизмъ есть синонимъ знанія, индетерминизмъ—незнанія Метафизическое изслѣдованіе воли есть вопросъ о томъ, существуетъ-ли въ области воли элементъ, который не опредѣляется своими условіями, т. е. лежитъ внѣ области человѣческаго знанія? Изслѣдованіе всякаго явленія можетъ быть доведено до этихъ своихъ послѣднихъ элементовъ, когда человѣкъ говоритъ: не знаю; при несовершенствѣ знанія человѣкъ раньше говоритъ это „не знаю", чѣмъ это возможно на самомъ дѣлѣ; такъ было съ индетерминизмомъ; детерминизмъ доводитъ изученіе воли до того момента, когда начинаются метафизическіе вопросы о самостоятельномъ бытіи духа и т. п. Если такіе вопросы могутъ интересовать метафизика, то никакого вліянія на поведеніе имѣть не могутъ.

отправляются; они вѣрятъ что будутъ жить, чувствовать, любить и ненавидѣть, они задаются цѣлями, которыя собираются осуществить: увѣренность, что они непремѣнно достигнутъ цѣли—развѣ это не вѣра въ фатализмъ событій? Развѣ безъ этого фатализма возможно было-бы что-нибудь предпринять, къ чему-нибудь стремиться? Вѣрятъ и другимъ, разсчитываютъ, что ихъ поведеніе будетъ такимъ, а не другимъ: развѣ это не детерминизмъ? И развѣ возможно-бы было безъ этого детерминизма дѣленіе людей на хорошихъ и дурныхъ, честныхъ и безчестныхъ? Мы были-бы должны лишь признавать, что данные люди не дѣлали до сихъ поръ дурнаго или хорошаго, но и въ первомъ случаѣ нельзя вѣрить, а во второмъ не довѣрять человѣку, который можетъ *безпричинно* измѣниться.

Но если идея можетъ вліять на наше поведеніе, реформировать наши инстинкты, является силой (idée force, какое значеніе Фулье придаетъ идеѣ свободы воли) [1]), то такой силой является великая идея психическаго детерминизма, этого синонима науки, знанія (ибо знать значитъ опредѣлять условія), этого источника гуманности (ибо понять мотивы поступка), значитъ отнестись къ человѣку съ меньшей ненавистью и злобой; [2]) этотъ факторъ соціальныхъ реформъ на почвѣ пониманія, познанія души ближняго; этого реформатора соціальныхъ чувствъ, выросшихъ на почвѣ невѣжества. И какой идеалъ свобода воли можетъ противопоставить этому детерминистическому идеалу соціальнаго прогресса? Эта идея говоритъ Милль, болѣе питаетъ духъ самодѣятельности, чѣмъ идея детерминизма [3]). Но это вовсе не такъ: человѣкъ обыкновенно рано узнаетъ свои силы задается соотвѣтствующими ими задачами; но, разумѣется, только детерминизмъ, только точное сознаніе, что изъ собственной шкуры не вылезешь, что мозгъ измѣнишь лишь до извѣстной степени, только правильный психологическій діагнозъ можетъ создать ту здравую вѣру въ себя, которая приведетъ къ достиженію поставленныхъ себѣ цѣлей и исключитъ стремленія къ недостижимымъ задачамъ, иллюзіямъ эгоистическаго и альтруистическаго характера, разбившимъ столько жизней. Или идея свобо-

---

[1]) La liberté et le déterminisme.—Также Критика современ. сист. морали.

[2]) Несомнѣнно, что идея всепрощенія есть идеалъ детерминизма, его религія, а не религія свободы воли.

[3]) Логика, т. II.

ды воли противопоставитъ тотъ принципъ отвѣтственности за совершенное, который уголовное право отстаивало тысячилѣтія? Ту идею, которая оправдывала смертную казнь, „потому-что“, говоритъ Руссо, „не мы тебя убиваемъ, а самъ ты себя казнишь, такъ какъ ты зналъ, что совершая преступленіе ты подлежишь смертной казни, а ты *могъ* не совершать этого преступленія“. А каковы результаты уголовнаго права, которое столѣтія служило идеѣ свободы воли отъ условій и только теперь постепенно стало вступать на почву знанія этихъ условій? Каковы эти результаты были говоритъ исторія звѣрскихъ, кровавыхъ преступленій, которыя назывались наказаніемъ возводились въ правовой институтъ; а каковы эти результаты теперь, это говоритъ статистика рецидива, который даже въ культурной Пруссіи все возрастая съ года на годъ, достигъ къ концу 80-хъ годовъ 85%; что во всякомъ случаѣ доказываетъ то обстоятельство, что нужно не только карать человѣка, если при современной культурѣ его и нужно дѣйствительно карать, но и нужно измѣнять условія, которыя вызвали преступленіе. Разбираемое нами процессуальное недоразумѣніе въ вопросѣ о вмѣняемости, какъ мы уже упоминали, вызвано тою-же идеей индетерминизма, т. е. незнанія. Какъ я уже упоминалъ, идея эта измѣнилась: говорятъ, что волевые акты обусловлены, но обусловленность принимаетъ здѣсь особый видъ психической причинности, обусловленности путемъ мотивовъ; это, говорятъ, особый видъ причинной связи, отличный отъ причинной связи другихъ явленій природы, такая обусловленность все же оставляетъ человѣку способность измѣнять свой собственный характеръ [1]). Такъ получается компромиссъ индетерминизма и детерминизма, полупризнаніе свободы, компромиссъ знанія съ атавистическими идеями и атавистическими инстинктами; такой характеръ компромисса получила вся современная система уголов-

---

[1]) Эта идея Милля принимается почти всѣми криминалистами русскими и иностранными (ее держится и современный корифей уголовнаго права Францъ Листъ) и многими психологами, а между тѣмъ ея невозможность ясна при самомъ поверхностномъ взглядѣ: развѣ можно раздѣлять „я“ и „мой характеръ“: и то и другое понятіе тождественны и означаютъ совокупность психическихъ признаковъ, образующихъ личность. Или Милль говоритъ, что отличіе психической причинности, мотиваціи, отъ физической то, что условія необходимо опредѣляютъ явленіе, а за данными мотивами дѣйстве не слѣдуетъ съ необходимостью: но вѣдь это только означаетъ, что данныи мотивы и не явились условіями дѣйствія. Идею особеннаго характера психической причинности признаетъ и Шопенгауэръ: О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія (пер. Фета).

наго права (хотя замѣтимъ, это нѣкоторое признаніе свободы воли, какъ я въ этомъ увѣренъ, вовсе ненужно ни для человѣческаго міросозерцанія, ни для классической системы уголовнаго права, этого юридическаго института кары-возмездія). Характеръ такого же компромисса получило и разсматриваемое нами ученіе о вмѣняемости

Вопросы, которые предлагаютъ эксперту психіатру эти новѣйшіе криминилисты таковы: опредѣлился ли преступникъ къ преступленію вслѣдствіе нормальныхъ мотивовъ или мотивы преступленія были ненормальны?

Но и здѣсь то, что выходитъ изъ *нормы* физіологической жизни далеко не всегда выходитъ изъ тѣхъ нормъ, которыя отводитъ человѣку общежитіе: ненормальные, съ медицинской точки зрѣнія, остаются полноправными членами общества, пользуются правами наравнѣ съ другими; служатъ, пользуются благами любви [1]) и т. п., а потому и должны нести обязанности, т. е. отвѣчать по закону, должны подлежать наказанію. На такихъ людей, говорятъ сторонники упомянутаго компромисса, *можетъ* вліять мотивъ наказанія. Имъ возражаютъ: но человѣкъ боленъ, ненормаленъ, какъ же можно его наказывать, его необходимо лѣчить; на это отвѣчаютъ: мнѣніе психіатра для судьи не обязательно, такъ какъ думать иначе значило бы возвратиться къ теоріи формальныхъ доказательствъ.

И вотъ возникаетъ около 20 лѣтъ тому назадъ замѣчательное научное движеніе, зародившееся главнымъ образомъ на почвѣ ученія о вмѣняемости. Я говорю о новой итальянской школѣ, именующей себя громкими названіями невсегда логичными [2]), часто хвастливыми [3]), но проливающая такой яркій свѣтъ на явленія преступленія. Это—великое научное движеніе, это—новая эра въ области уголовнаго права, необходимо преклониться передъ нимъ прежде чѣмъ возражать или порицать его, но отдавъ эту дань справедливости необходимо отдать послѣдней и другую дань; необходимо казать на удивительныя заблужденія многихъ послѣдователей раз-

---

[1]) Таковъ недавній процессъ Ольги Палемъ: психіатры признали ее больною, присяжные (при вторичномъ разборѣ дѣла) однако признали подсудимую вмѣняемой, хотя и дѣйствовавшей въ аффектѣ; благодаря Высочайшему манифесту, суду удалось довольно удачно комбинировать наказаніе (ссылка въ Архангельскую губернію съ непродолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ); каторжныя работы однако были бы въ данномъ случаѣ вопіющей несправедливостью.

[2]) Напр., уголовная антропологія: антропологія не можетъ быть уголовной.

[3]) „Позитивная школа": какая же школа не считаетъ себя позитивной?

личныхъ оттѣнковъ этой доктрины; но особенно велики заблужденія этой школы въ области современного культурнаго процесса, которому удалось цѣною вѣковыхъ усилій создать чрезвычайно важныя, процессуальныя гарантіи справедливости, охраны личности отъ произвола и общество отъ преступленія.

Идея, вызвавшая къ жизни новое научное движеніе есть собственно идея детерминизма. Мы можемъ назвать это движеніе взрывомъ детерминизма, какимъ то фейерверкомъ, который загорѣлся отъ искры научнаго знанія, освѣтившаго тайники темнаго, грубаго, звѣрскаго преступленія; въ той области, гдѣ мы давали просторъ своей злобѣ, ненависти и мести, намъ указали болѣзнь, вырожденіе: такъ сдѣлалъ Ломброзо и повидимому все перевернулось: въ классической системѣ все-же господствовало полупризнаніе свободы, здѣсь взглянули прямо въ лицо явленію и показалось, что рушатся устои правовыхъ институтовъ, нравственныхъ идей [1]). Больше всего были ослѣплены своимъ открытіемъ самые ихъ виновники, они уже не въ состояніи были замѣчать истинъ, созданныхъ вѣками и величайшія заблужденія были высказаны ими же; не отъ такого ли ослѣпленія одной истиной до забвенія другой, не отъ такого ли увлеченія знаніемъ и происходитъ обстоятельство давно указанное, что наука движется скачками.

Выводы этихъ криминалистовъ-психіатровъ, антропологовъ, соціологовъ, даже зоологовъ поражаютъ своими крайностями и противорѣчіями; противорѣчіями съ ихъ же выводами и съ современными понятіями справедливости и правовой цѣлесообразности. Они признаютъ врача судьею преступленія и даже не преступленія, а личности, попавшейся благодаря преступленію къ нимъ въ руки. И этотъ приговоръ то является источникомъ не обыкновенной гуманности, равной съ безнаказанностью, такъ какъ наказаніе рекомендуютъ замѣнить лѣченіемъ; то столь же необыкновенной жестокостью, такъ какъ предлагаютъ пожизненно ссылать,

[1]) Замѣтимъ, что такая революція умовъ всегда являлась результатомъ важнаго открытія: тоже было съ теоріей Дарвина: при ея появленіи явилось мнѣніе, что она разрушаетъ нравственность, религію. Вспомнимъ нашъ старый цензурный уставъ, запрещавшій писать о дикомъ состояніи нашихъ предковъ. Происходитъ такая пертурбація умовъ вслѣдствіе того обстоятельства, что наши эмоціи не всегда правильно объясняются нами и часто срастаются съ невѣрными идеями; съ замѣной же этихъ идей болѣе правильными чувство вовсе не рушатся, а или болѣе прегриссируютъ, или значительно измѣняются въ своемъ характерѣ.

заключать, казнить того, кого признают неисправимым; хотя бы он совершил самый незначительный поступок; таковы прямолинейные выводы этого клиническаго и амбулаторнаго уголовнаго права, этой уголовной медицины, сказавшей однако столько поразительныхъ, для классической доктрины, истинъ въ области психологіи преступника и соціологіи наказанія.

Намъ однако вопросъ о вмѣняемости и о значеніи для этого юридическаго понятія мнѣнія психіатра представляется такимъ. Для отвѣтственности за совершенное виновный долженъ обладать наличностью психическихъ способностей, дающихъ ему возможность нести гражданскія обязанности и пользоваться правами; при этомъ виновный или отвѣчаетъ передъ закономъ или нѣтъ, или вмѣняемъ или нѣтъ, средняго здѣсь быть не можетъ (итальянская школа забыла это: у ней лѣченіе и пенетенціарныя мѣры, больница и тюрьма отождествились); сознавая эту истину и требуютъ, чтобы человѣкъ былъ или психически здоровъ, для того, чтобы подлежать наказанію или боленъ, чтобы подвергнуться лѣченію: tertium non datur у врача поэтому спрашиваютъ, боленъ ли подсудимый или здоровъ; но получается слѣдующее: врачъ говоритъ, что субъектъ психически ненормаленъ, а криминалистъ-судья видитъ что, такого человѣка невозможно оставить безнаказаннымъ, что есть множество людей съ такими же психическими аномаліями для которыхъ однако угроза закона является сдерживающимъ мотивомъ [1]), что такіе субъекты должны подлежать уголовной реакціи, что оставить ихъ на произволѣ нельзя: возьмемъ напримѣръ, извращеніе половаго инстинкта, педерастію: что въ громадномъ большинствѣ случаевъ это—результатъ болѣзненнаго состоянія, извращеннаго направленія инстинкта, наслѣдственнаго или пріобрѣтеннаго, полученнаго въ школѣ, но во всякомъ случаѣ чрезвычайно сильнаго, какъ указываютъ психіатры, иногда непреодолимаго, обстоятельство это лежитъ внѣ сомнѣнія; таковы же многія извращенія на почвѣ алкоголизма и вырожденія и что же. Оставить эти случаи безнаказанными? Но тогда напр. упомянутый порокъ можетъ достигнуть чрезвычайныхъ размѣровъ, угрожающихъ вырож-

[1]) См. напр. указанныя сочиненія Крафта Эббинга: Особен. половая психопатія. Также интересную статью пр. Тарновскаго въ Вѣстн. психіатріи. Къ сожалѣнію эти авторы не приходятъ къ отстаиваемымъ нами выводамъ относительно наказанія.

деніемъ массъ, развращеніемъ несовершеннолѣтнихъ? Лѣчить такихъ субъектовъ? И разумѣется никто не мѣшаетъ такому или иному больному прибѣгнуть добровольно къ лѣченію, къ тому или другому собственному режиму; правительство должно всѣми способами содѣйствовать устройству такихъ sustitutivi penali которые, по справедливымъ указаніямъ итальянской школы, лучше всякой угрозы предупреждаютъ преступленіе; но если бы такого патологическаго субъекта задумали подвергнуть принудительному лѣченію, если-бы его осудили въ его поступкахъ не путемъ суда, обставленнаго всѣми гарантіями судопроизводства, а вслѣдствіе административно-медицинскаго діагноза, да если-бы подвергли лѣченію или изоляціи, сопряженнымъ съ лишеніемъ его службы, отрывающимъ отъ обыденныхъ занятій, то это было-бы величайшая несправедливость, противъ которой возсталъ-бы прежде всего самъ объектъ полицейской опеки, самъ просилъ-бы привиллегій здороваго человѣка—суда, суда присяжныхъ, экспертизы.

Но если въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства такого патологическаго субъекта признаютъ виновнымъ; если врачъ однако заявитъ, что это человѣкъ не нормальный, какъ тогда поступить?

Обставленное всѣми условіями правильнаго судопроизводства, такое мнѣніе психіатра должно быть непремѣнно принято судомъ; но какое должно оказать оно вліяніе? Мнѣ кажется вотъ какое: *признаннаго психически больнымъ субъекта нѣтъ возможности подвергать тому-же наказанію*, какъ здороваго, (разъ, разумѣется, судъ не находитъ возможнымъ освободить такого человѣка отъ наказанія, хотя-бы при условіи больничнаго лѣченія); для него необходимъ особый пенетенціарный режимъ, совершенно аналогичный съ тѣмъ, какой примѣняется къ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ [1]) и при томъ по тѣмъ-же самымъ мотивамъ субъективнаго характера: ненормальной волѣ преступника. Простыя практическія соображенія указываютъ на невозможность такихъ ненормальныхъ преступниковъ подвергать наказанію одинаковому съ здоровыми: они быстро сходятъ съ ума, попадая въ среду обыкновенныхъ преступниковъ [2]) и путемъ такого печальнаго доказательства

---

[1]) Это должны быть колоніи, преимущественно на свѣжемъ воздухѣ; съ здоровымъ физическимъ трудомъ и т. п.

[2]) Громадныя цифры помѣшательства въ тюрьмѣ приводитъ и нашъ изслѣдователь, докторъ Бѣляковъ въ Архивѣ психіатріи пр. Ковалевскаго.

приводятъ къ мысли о невозможности или вовсе карать такого преступника и если ничего иначе не подѣлаешь; къ невозможности карать путемъ практикующихся способовъ [1]).

Но для криминалиста, привыкшаго къ установленнымъ современнымъ правомъ выраженіямъ, странно слышать о „наказаніи ненормальнаго человѣка"; но зачѣмъ лицемѣрить? Этого ненормальнаго человѣка мы караемъежедневно подъ убѣжденіемъ, что, караемъ только здоровыхъ, потому что мнѣніе психіатра о его болѣзни необязательно для судьи, потому что судья (что, конечно, совершенно справедливо) охраняетъ общественные интересы и во имя ихъ часто не можетъ отпустить ненормальнаго субъекта на свободу. Будемъ-же знать, что если во имя общественнаго интереса мы караемъ человѣка ненормальнаго, то мы и должны относиться къ нему, какъ ненормальному, подвергая его иному наказанію. Слѣдовательно лѣченіе психіатра будетъ тогда обязательно для суда и обязательность эта будетъ заключаться въ томъ, что психіатръ признаетъ преступника или здоровымъ, или совершенно больнымъ, подлежащимъ больничному лѣченію, или-же ненормальнымъ, но могущимъ подлежать особому пенетенціарному режиму, если послѣдній по мнѣнію суда, констатирующаго преступность, необходимъ и при сохраненіи гарантій правосудія возможенъ. Преступники-же слѣдовательно будутъ раздѣлены на категоріи, съ болѣе или менѣе дробной классификаціей [2]).

Но все-же скажутъ: уголовное право караетъ преступленіе, а какъ-же карать больнаго? Но если этотъ пенетенуціонный режимъ

---

[1]) Въ литературѣ мы не встрѣчаемъ мнѣнія о необходимости подобнымъ образомъ измѣнить отвѣтственность этихъ сомнительныхъ видовъ преступниковъ, только въ послѣднемъ съѣздѣ уголовной антропологіи въ Парижѣ было сдѣлано на этотъ счетъ нѣсколько неясныхъ намековъ. Мысль эта, впрочемъ, не чужда была нѣкоторымъ психіатрамъ: напр. Балинскій въ своей экспертизѣ по дѣлу Семеновой, обвинявшейся въ убійствѣ Сарры Беккеръ, говоритъ: «Семенова больна, не клеймите ее позоромъ, но удалите изъ общества людей, поставьте ее въ невозможность вредить». Архивъ психіатріи Ковалевскаго. Объ экспертизѣ Балинскаго см. также статью Dubuisson'a въ Archyves de l'Anthropologie criminelle за 1889 г.

[2]) Эта веобходимость классифицировать преступниковъ и примѣнять къ различнымъ ихъ видамъ особые способы наказаній все болѣе и болѣе проникаютъ въ сознаніе современныхъ криминалистовъ; эта идея вполнѣ соотвѣтствуетъ детерминистической идеѣ кары, какъ борьбѣ съ условіями, вызвавшими преступленіе, замѣняющей таксу страданія, налагаемаго на преступника въ отплату за степень возбужденнаго чувства мести.

имѣетъ своею цѣлью не столько кару, сколько, лѣченіе, какое-же это наказаніе, какъ юридическій институтъ? Но во 1-хъ: пенетенціарныя мѣры, относительно малолѣтнихъ преступниковъ примѣняются въ уголовномъ порядкѣ и какъ-бы ихъ не называли (наказаніемъ или принудительнымъ воспитаніемъ) являются уголовными мѣрами по отношенію *къ преступнику*; 2-хъ: какъ и эти послѣднія, онѣ могутъ быть примѣнены только за преступленіе и только соразмѣрно съ преступленіемъ: нельзя задаваться широкими пенетенціарными задачами при небольшихъ проступкахъ, хотя-бы въ нихъ и обнаружилась крайняя порочность; [1]) наконецъ, въ 3-хъ: разъ детерминизмъ воли признанъ, разъ всякій волевой актъ можетъ быть объясненъ, сведенъ къ условіямъ, вопросъ о вмѣняемости при психической ненормальности сводится къ вопросу о томъ, какую роль среди другихъ условій волевой дѣятельности, среди соціальныхъ, экономическихъ ненормальностей, играетъ эта ненормальность физіологическая? Мы уже пытались отвѣтить этотъ вопросъ, такъ поставленный.

А наказаніе, какъ возмездіе, какъ кара, какъ предупрежденіе: но относительно послѣдняго нужно замѣтить, что всякое преступленіе указываетъ на безсиліе угрозы предовратить его. Относительно первыхъ элементовъ наказанія замѣтимъ. Несомнѣнно, элементъ злобы, мести присущъ институту карательнаго права, но и не только этому институту, но и самому нашему нравственному сознанію и идеѣ долга: это съ очевидностью доказываютъ и соціологи (Миль, Постъ) [2]) и психологи (Бэнъ) [3]), Спенсеръ [4]). Детерминизмъ, какъ пониманіе мотивовъ, которыми руководился ближній, конечно ведетъ къ гуманизаціи этихъ грубыхъ инстинктовъ и въ дальнѣйшей ихъ эволюціи детерминизму знанію, суждено быть могущественнымъ факторомъ. Тоже нужно сказать и вообще относительно вліянія идеи детерминизма на эмоцію: знаніе психическихъ факторовъ вовсе не парализуетъ эмоціональной стороны

---

[1]) Таковъ методъ современнаго карательнаго права.

[2]) Утилитаріанизмъ: „чувство справедливости, говоритъ Милль, есть ничто иное, какъ естественное чувство мести, морализовавшееся черезъ принятія въ себѣ требованій общественнаго блага... это чувство не только существуетъ, но и необходимо должно существовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, къ которымъ примѣняется идея справедливости.“ (Стр. 140).

[3]) Психологія, русскій переводъ.

[4]) Данныя науки о нравственности.

нашихъ интелектуальныхъ чувствъ: оно только, какъ мы уже упоминали, гуманизируетъ, ликвидируетъ ихъ отъ предразсудковъ, но зато открываетъ новые горизонты чувству любви, восхищенія прекраснымъ, гармоніей явленій духа, логической стройностью идей: даже математика и логика доставляютъ эмоціональныя эстетическія наслажденія и детерминизмъ вовсе не сулитъ человѣку перерожденія въ думающую машину, какъ рисовалъ себѣ идеалъ будущаго человѣка Кантъ. Но покуда гуманизирующая идея детерминизма безсильна относительно идеи возмездія: не чуствовать возмездіе вслѣдствіе преступленія и отвращенія къ преступнику, значитъ не симпатизировать добру, не восхищаться добродѣтелью. Мало того, какого-бы совершенства не достигли наши отношенія и чувства другъ къ другу, всегда то, что дурно, должно будетъ возбуждать отвращеніе, то, что хорошо влеченіе: иное отношеніе было-бы психологической невозможностью; вѣдь чувства двигатели нашей жизни [1]). Но, разумѣется, теперь это наше отвращеніе къ преступленію, а слѣдовательно къ преступнику имѣетъ болѣе рѣзкій характеръ негодованія [2]); такія чувства сопровождаютъ соотвѣтствующія карательныя мѣры. Эти послѣднія являются логическимъ выводомъ изъ всѣхъ другихъ общественныхъ институтовъ: они должны быть достаточно суровы для того, чтобы не привлекать симпатій, чтобы удерживать отъ преступленія; они не могутъ быть иными, такъ какъ матеріальныя и нравственныя силы общества не отвлекутся отъ учрежденій покровительства честному труду; въ пользу преступленія подонкамъ соціальной жизни останутся крохи общественной экономіи и сдержанныя симпатіи филантропіи, а главнымъ сдерживающимъ стимуломъ послѣднихъ является идея цѣлесообразности даннаго института среди другихъ общественныхъ институтовъ извѣстнаго общества и данной эпохи. Можетъ быть черезъ триста лѣтъ тюрьма будетъ лучше поставлена чѣмъ современная средняя школа, съ ея исключительно пенетенціарной педагогіей, съ негласнымъ произволомъ судьи—учителя, но тогда прежде всего будетъ лучше организована эта средняя школа; идея цѣлесообразности и будетъ тѣмъ основаніемъ, которое должно повести къ примѣненію отстаиваемаго нами пенетенціарнаго режима, а будетъ-ли онъ сопро-

---

[1]) См. Рибо. Болѣзни воли: „человѣкомъ двигаютъ только чуства.“

[2]) Которое, повторяю, можетъ замѣниться чрезъ нѣсколько столѣтій болѣе мягкимъ чувствомъ, отталкивающимъ однако отъ преступленія и преступника.

вождаться эмоціей возмездія или жалости, сострадания, это вопросъ индивидуальныхъ склонностей и въ данномъ случаѣ значенія не имѣетъ. Во всякомъ случаѣ, такое расширеніе пенетенціарныхъ задачъ уголовнаго права указываетъ только на чрезвычайную важность гарантій, выработанныхъ матеріальнымъ правомъ и процессомъ, такъ какъ даже сравнительно гуманныя мѣры принудительнаго лѣченія, гораздо слабѣе поражающіе интересы личности, все-же могутъ быть осуществлены только путемъ уголовнаго правосудія.

Ив. Платоновъ.

Къ исторіи губныхъ учрежденій.

При разборѣ грамотъ коллегіи экономіи по Владимірскому уѣзду мы нашли одну весьма интересную для исторіи губныхъ учрежденій (особенно въ первой половинѣ акта) грамоту съ прочетомъ отъ 14 октября 1601 года за № 1885—108. Если не ошибаемся, она не была еще нигдѣ издана. Поэтому приводимъ ее ниже цѣликомъ:

„Отъ царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русіи въ Володимеръ губнымъ старостамъ Борису Навалкину да Степану Башеву да Юрьева Полского губнымъ старостамъ Дружинѣ Щедрову да Михаилу Курову да Суздалскому губному старостѣ Захарьѣ Долгово Сабурову да Нижгородцкому губному старостѣ Небажѣну Зубатого. Прежъ сего посланы къ вамъ наши грамоты: пожаловали есмя володимерцовъ, Юрьева Полского, суздалцовъ, нижгородцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, во ихъ городехъ денежного збору целовалникомъ и дьячкомъ быти съ сохъ и подмоги имъ давати не велѣно, а указали есмя въ тѣхъ городехъ быти губнымъ целовалникомъ и дьячкомъ и сторожомъ и палачомъ и биричемъ, денежные всякіе доходы съ сохъ збирати губнымъ жъ целовалникомъ и быти имъ у тѣхъ дѣлъ переменяясь по годомъ. А имати велено въ целовалники крестьянъ съ сохъ съ патріяршихъ, съ митрополичихъ, съ архіепископлихъ, съ епископлихъ, съ боярскихъ, съ околничихъ, зъ дворянскихъ и зъ діячихъ, зъ дѣтей боярскихъ, съ монастырскихъ и съ тарханщиковъ со всѣхъ земель, опричь посадовъ и нашихъ дворцовыхъ селъ. А первое велено имати съ болшихъ помѣстей и вотчинъ; а напередъ болшихъ съ середнихъ и съ меншихъ помѣстей и вотчинъ целовалниковъ имати не велено.

А дьячковъ губныхъ и сторожей и палачей и биричей велено устроити на бѣлыхъ мѣстехъ. А подмогу имъ и целовалникомъ велено давати съ сохъ же денгами по нынешнему нашему указу. А съ посадовъ и съ нашихъ дворцовыхъ селъ губнымъ целовалникомъ и дьячкомъ и сторожемъ и палачемъ и биричемъ не быти и подмоги имъ давати не велено, потому что во всѣхъ городехъ на посадехъ и по слободамъ всякіе наши таможные пошлины указали есмя збирати посадцкимъ людемъ. А что въ тѣхъ же городехъ, въ Володимерѣ, въ Юрьевѣ Полскомъ, въ Суздалѣ, въ Нижнемъ, сохами тюрмы подѣлывали, и впередъ сохами тюремъ подѣлывати не велѣно жъ, а велено тюрмы подѣлывати изъ нашіе казны денгами. И въ нынешнемъ 110-мъ году билъ намъ челомъ Троицы Сергіева монастыря архимаритъ Кирилъ зъ братьею и положилъ передъ нами блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи и блаженные памяти государя царя и великого князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи жаловалную грамоту. И въ грамотѣ написано: быти у нихъ въ ихъ монастырьскихъ селехъ и деревняхъ для татиныхъ и розбойныхъ дѣлъ ихъ приказщику губному и губнымъ целовалникомъ и дьячку изъ волостныхъ крестьянъ; лихихъ людей и татей и розбойниковъ сыскивати имъ самимъ межъ себя; и на розбойниковъ и на татей тюрмы дѣлати; и въ тюрмахъ седѣлцевъ беречи ихъ же крестьяномъ велено; и исцемъ съ розбойники и съ оговорными людми велено управа чинити имъ жъ по нашему наказу; и та де грамота на наша имя не подписана; и вы де губные старосты по нашему новому уложенью съ троецкихъ селъ и деревень на ихъ приказщикехъ и на крестьянехъ къ татинымъ и къ розбойнымъ дѣламъ губныхъ целовалниковъ и дьячковъ и тюремныхъ сторожей и полачей и подможныхъ денегъ имъ правите; и намъ бы архимарита Кирила зъ братьею пожаловати, прежніе ихъ грамоты рушити не велѣти. И мы, язъ царь и великій князь Борисъ Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и сынъ нашъ царевичъ князь Федоръ Борисовичъ всеа Русіи, прежніе грамоты слушавъ, Троицы Сергіева монастыря архимарита Кирила зъ братьею, или по немъ хто въ томъ монастырѣ иный архимаритъ будетъ, пожаловали, велѣли имъ прежнюю грамоту подписати на свое царское имя и рушити еѣ не велѣли никому ничѣмъ; а велѣли ходити о всемъ по тому, какъ въ прежней грамотѣ писано. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ съ Троецкихъ Сергіева монастыря Володимер-

ского, Юрьева Полского, Суздалского, Нижгородцково уѣздовъ съ селъ и деревень на приказщикехъ и на крестьянехъ губныхъ целовалниковъ и дьячка и тюремныхъ сторожей и палача и имъ подможныхъ денегъ не имали и не правили; вѣдати имъ своя губа по прежнему нашему наказу, каковъ данъ изъ Розбойного приказу о татиныхъ и о розбойныхъ дѣлехъ. А прочетъ сю грамоту и, списавъ съ неѣ слово въ слово списокъ, держали у татиныхъ и у розбойныхъ дѣлъ; а сю грамоту отдали бъ естя Троецкимъ Сергіева монастыря приказщикомъ и крестьяномъ, и онѣ еѣ держатъ у собя для иныхъ нашихъ приказныхъ людей впередъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7110-го октября въ 14 день".—*Печать*.—*На оборотъ*: „Царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Руси".— „Діакъ Андрѣй Татьянинъ".—„Діакъ Иванъ Максимовъ".— „Справилъ подъячей Васка Леонтьевъ".

С. Шумаковъ.

Магистерскій диспутъ Н. Н. Бѣлявскаго въ Новороссійскомъ университетѣ.

29 марта 1898 г. происходилъ въ Новороссійскомъ университетѣ диспутъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора въ Юрьевскомъ университетѣ, Н. Н. Бѣлявскаго, защищавшаго представленную имъ въ юридическій факультетъ для соисканія степени магистра полицейскаго права диссертацію подъ заглавіемъ „Сберегательныя кассы" 1896.

Во вступительномъ словѣ г. Бѣлявскій остановился на значеніи бережливости въ общей экономіи народной жизни. Бережливость, собирая излишекъ въ настоящемъ, образуетъ фондъ, который облегчаетъ развитіе народа; бережливость, такимъ образомъ, становится силою, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ культурныхъ двигателей. Исторія сберегательныхъ кассъ представляетъ любопытную иллюстрацію того, какъ государство понимало и какъ поощряло такъ называемую мелкую бережливость въ XIX столѣтіи. Въ однѣхъ странахъ встрѣчается довольно уравновѣшенное соотношеніе принципа индивидуализма и общественности, въ другихъ— соображеніе общей пользы выдвигаютъ на первый планъ дѣятельность государства. Г. Бѣлявскій старался представить картину

историческаго развитія сберегательнаго строя на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи источниковъ и показать, какъ постепенно администрація, а затѣмъ и законодательство пришли къ прочному сознанію громаднаго значенія сберегательныхъ кассъ. Остановившись подробно на особенностяхъ нынѣ дѣйствующаго устава о сберегательныхъ кассахъ и отдавъ должное заботамъ и энергіи нашего финансоваго вѣдомства, г. Бѣлявскій высказалъ, что всетаки въ дѣйствительности сберегательныя кассы не пустили еще прочныхъ корней въ русской народной жизни.

Первый оффиціальный оппонентъ проф. Иловайскій, отмѣтивъ достоинства работы диссертанта, указалъ на слѣдующіе ея недостатки:

1) Несистематичность теоретической главы,—на что г. Бѣлявскій отвѣтилъ, что, стараясь сгруппировать въ системѣ разныхъ писателей, выставлявшихъ то матеріальное, то нравственное значеніе сберегательныхъ кассъ, онъ не могъ однако избѣжать нѣкоторой несистематичности въ силу крайней отрывочности изложенія у цитированныхъ имъ авторовъ.

2) Односторонность литературныхъ указаній,—каковой упрекъ проф. Иловайскаго диссертантъ пытался ослабить тѣмъ, что онъ приводилъ мнѣнія о кассахъ лицъ, высказывавшихся противъ цѣлесообразности этого института, какъ напр. Лассаля.

3) Пропускъ очерка сберегательныхъ кассъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, отличающихся типичной организаціей,—каковой недостатокъ въ своей работѣ г. Бѣлявскій объяснилъ тѣмъ, что въ изученной имъ литературѣ онъ не встрѣчалъ указаній на такія особенности этихъ кассъ, которыя заставили бы его обратиться къ изученію ихъ организаціи, вслѣдствіе чего г. Бѣлявскій и считалъ возможнымъ ограничиться очеркомъ только европейскихъ кассъ.

4) Одностороннее объясненіе вмѣшательства прусскаго правительства въ строй сберегательныхъ кассъ,—съ чѣмъ согласился диссертантъ, заявивъ однако, что нежеланіе вести почтовыя сберегательныя кассы въ Пруссіи обусловливается тенденціею сохранить по возможности самостоятельность общины въ экономической сферѣ, т. е. всетаки причиной въ основаніи своемъ политической.

5) Недостаточное выясненіе участія капиталовъ французскихъ сберегательныхъ кассъ въ такъ называемомъ текучемъ долгѣ. Въ отношеніи этого недостатка г. Бѣлявскій отвѣтилъ оппоненту, что

онъ имѣлъ въ виду изученіе соціальной и административной сторонъ, а не финансовой.

6) Противорѣчіе, выразившееся въ томъ, что въ своемъ сочиненіи г. Бѣлявскій высказывается за обращеніе суммъ сберегательныхъ кассъ на поддержаніе государственнаго кредита, а въ 9-мъ тезисѣ говоритъ, что „нежелательно усложнять задачу сберегательныхъ кассъ цѣлями посторонними, побочными". Такого противорѣчія диссертантъ не нашелъ и остался при мнѣніи, что изъ всѣхъ способовъ помѣщенія суммъ сберегательныхъ кассъ лучшимъ является обращеніе такихъ суммъ на поддержаніе государственнаго кредита, особенно при централизаціи управленія сберегательными кассами.

7) Наконецъ, оставшееся невыполненнымъ „обѣщаніе прослѣдить, какъ сберегательныя кассы завоевывали понемногу общее признаніе",—на каковой упрекъ г. Бѣлявскій, въ свою очередь, отвѣтилъ, что обѣщаніе это онъ выполнилъ, ибо прослѣдилъ, насколько съумѣлъ, весь процессъ законодательнаго развитія этого института.

Вторымъ оффиціальнымъ оппонентомъ выступилъ приватъ-доцентъ Шейминъ, заявившій, что его коллега проф. Иловайскій, какъ лицо болѣе авторитетное, чѣмъ онъ, уже отмѣтилъ главнѣйшія достоинства работы диссертанта. Затѣмъ г. Шейминъ, указавъ, что г. Бѣлявскій затронулъ соціально-экономическій вопросъ, который, вѣроятно, скоро вызоветъ въ отечественныхъ, правительственныхъ, общественныхъ и литературныхъ сферахъ большій интересъ, чѣмъ въ наше время, поставилъ диссертанту въ заслугу то, что онъ первый изъ русскихъ ученыхъ занялся разработкой этого института, прослѣдилъ основательно, хотя и не совсѣмъ полно, литературу вопроса, изучилъ законодательство и управленіе сберегательными кассами, приводя въ подлинникѣ только то, что является характернымъ для кассъ этого рода и интереснымъ для русской читающей публики. Вотъ почему синографія диссертанта уже обратила на себя вниманіе въ общихъ и спеціальныхъ журналахъ, а равно и въ прессѣ. Что же касается недостатковъ и промаховъ въ работѣ г. Бѣлявскаго, то они, по указанію г. Шеймина, могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1) Въ работѣ г. Бѣлявскаго институтъ сберегательныхъ кассъ излагается безъ указанія на то, какое мѣсто онъ занимаетъ въ общей системѣ институтовъ полицейскаго права. Одни полицеисты

(Андреевскій, Stengel) разсматриваютъ сберегательныя кассы, какъ мѣру предупрежденія бѣдности, другіе—(Stein)—какъ институтъ соціальнаго управленія, третьи—(Ulbrich, G. Meyer, Антоновичъ)—какъ отдѣлъ кредитнаго строя, и т. д. На это замѣчаніе оппонента г. Бѣлявскій отвѣтилъ, что онъ, разсматривая сберегательныя кассы, главнымъ образомъ, какъ мѣру предупрежденія бѣдности, изложилъ этотъ институтъ и съ точки зрѣнія кредита, причемъ на соціальное значеніе кассъ обратилъ меньше вниманія потому, что, какъ замѣтилъ L. v. Stein, соціальная литература недостаточно еще разработала важные вопросы, связанные съ сберегательными кассами.

2) При классификаціи формъ сберегательныхъ кассъ слѣдовало, по мнѣнію г. Шеймина, отдать предпочтеніе R. v. Mohl'ю (общія сберегательныя кассы и кассы для одной опредѣленной цѣли) предъ Stein'омъ (школьныя и почтовыя кассы), который, какъ и самъ г. Бѣлявскій, ничего не говоритъ о частныхъ кассахъ, напр., о кассахъ основанныхъ рабочими, фабрикантами, благотворительными обществами и частными лицами вообще. По поводу этого возраженія оппонента диссертантъ сказалъ, что частныя сберегательныя кассы въ Западной Европѣ не представляются типичными, что организація ихъ весьма различна, число ихъ незначительно, а преслѣдуемыя ими цѣли разнообразны, въ силу чего онъ и не считалъ себя обязаннымъ выдѣлить ихъ въ особую группу тѣмъ болѣе, что въ западно-европейской литературѣ о частныхъ сберегательныхъ кассахъ говорится весьма мало, почти столько же, сколько и о сѣв. американскихъ кассахъ, частныхъ и общественныхъ.

3) Предѣлъ схемы Stein'а, которой слѣдуетъ г. Бѣлявскій, послѣднимъ не выполненъ вполнѣ, ибо не указано великое будущее значеніе этого института съ точки зрѣнія международнаго управленія. На это замѣчаніе оппонента диссертантъ отвѣтилъ, что имъ не обойденъ молчаніемъ договоръ, заключенный въ 1881 г. между Франціей и Бельгіей, что онъ предпочиталъ держаться существующихъ отношеній и не предсказывать болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

4) Соціальное значеніе сберегательныхъ кассъ выставлено не такъ рельефно, какъ то было бы желательнымъ. Кромѣ устарѣвшей работы de Gérando и нѣсколькихъ новыхъ брошюръ, въ которыхъ отмѣчается соціальная сторона сберегательныхъ кассъ, не-

обходимо было указать на сочиненія A. Bär'a (Alcoholismus) и Al. Oettingen'a, изъ которыхъ первый разсматриваетъ связь между пьянствомъ и сберегательными кассами, а второй излагаетъ положеніе германскихъ сберегательныхъ кассъ въ 1848 г. Что касается этихъ двухъ упрековъ оппонента, то г. Бѣлявскій сказалъ, что данныя A. Bär'a не строго научны или, лучше сказать, искусственны, а статистическія данныя Al. Oettingen'a выпущены потому, что сравнительный статистическій методъ, которымъ пользовался Al. Oettingen, не примѣнимъ къ русскимъ сберегательнымъ кассамъ за неимѣніемъ разработанной статистики русскихъ сберегательныхъ кассъ.

5) Относительно статистики сберегательныхъ кассъ г. Шейминъ упрекнулъ диссертанта въ томъ, что послѣдній приводитъ только абсолютныя цифры, хотя было бы важнѣе привести относительныя (Hausner, Mulhall, Peschek), съ чѣмъ диссертантъ согласился, правда, оговорившись, что такія статистическія цифры не имѣютъ большого значенія для Россіи, гдѣ публикація цифръ сберегательныхъ кассъ началась только въ самое послѣднее время.

6) Хотя отношеніе экономистовъ къ бережливости и къ сберегательнымъ кассамъ и указано, но отрывочно и не систематично. Важно прослѣдить взгляды на бережливость не у отдѣльныхъ экономистовъ, но въ ученіяхъ отдѣльныхъ школъ, причемъ слѣдовало отмѣтить вліяніе централизаціи и децентрализаціи капиталовъ кассъ на строй и формы предпріятій, на высоту заработной платы, на распредѣленіе дохода при господствѣ въ странѣ денежнаго и натуральнаго хозяйствъ. По поводу этихъ замѣчаній г. Бѣлявскій отвѣтилъ, что онъ указалъ на отношеніе Ад. Смита, Мальтуса, Милля, Шефле, Шевалье, Лассаля, Гобсона и др. къ бережливости и къ сберегательнымъ кассамъ, хотя и не отрицалъ, что ученіе экономистовъ изложено имъ въ несистематической формѣ.

7) Гражданская сторона этого института (право собственности на чистый доходъ, право наслѣдованія вкладовъ, ихъ тайна, отношеніе родителей и дѣтей, мужа и жены къ вкладамъ, интересныя рѣшенія высшихъ судовъ), равно и коммерческая (можно ли или нѣтъ считать операціи кассъ торговыми или промысловыми?) обойдены молчаніемъ,—на что г. Бѣлявскій сказалъ, что онъ писалъ „соціально-экономическій" очеркъ и во многихъ мѣстахъ работы привелъ важнѣйшія гражданскія нормы, касающіяся сберегательныхъ кассъ.

8) Что касается литературныхъ промаховъ и недочетовъ то г. Шейминъ указалъ, что г. Бѣлявскій не прочиталъ работъ: Fischer'a, Gneist'a, Wallet, Bischers'a, Kouquet, Heyden'a и др. Въ отношеніи пропуска русскихъ литературныхъ источниковъ г. Бѣлявскому было поставлено въ упрекъ, что онъ не обмолвился ни о проф. Рождественскомъ и Андреевскомъ, ни о новыхъ полицеистахъ (проф. Окольскомъ, Антоновичѣ, Тарасовѣ), ни объ экономистахъ (проф. Горловѣ, Вреденѣ, Ходскомъ). По поводу этого упрека г. Бѣлявскій отвѣтилъ, что всѣ эти ученые говорятъ о сберегательныхъ кассахъ очень мало: одни изъ нихъ (Андреевскій) не признаютъ пользы этого института, а другіе (Антоновичъ, Тарасовъ) выступаютъ ихъ защитниками, не приводя для того достаточныхъ основаній. „Однако", прервалъ диссертанта г. Шейминъ: „проштудировавъ работы русскихъ ученыхъ, Вы, быть можетъ, не обошли бы молчаніемъ исторіи и дѣятельность варшавскихъ грошовыхъ кассъ и дали бы краткій очеркъ финляндскихъ кассъ. Всѣмъ извѣстна бережливость финляндцевъ! Вамъ слѣдовало также прочитать русскія книги (Стога, Ламанскаго, Яковлева), брошюры (Борзенко, Гатенбергера), нѣкоторые журналы (Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ, Русская Мысль) и даже газеты (Моск. Вѣд. 40-хъ годовъ), въ которыхъ можно найти цѣнныя указанія по вопросу о русскихъ сберегательныхъ кассахъ. Вы же въ доказательство даже принципіальныхъ положеній ссылаетесь на „докладныя записки",—путь очень опасный"! „Съ Вами трудно состязаться въ знаніи литературы по вопросамъ полицейскаго права",—заявилъ диссертантъ: и я очень признателенъ Вамъ за указаніе литературы вопроса, неизвѣстной мнѣ".

9) Послѣдній упрекъ г. Шеймина состоялъ въ томъ, что г. Бѣлявскій „не имѣя на головѣ педагогической сѣдины", рѣшился утверждать, что „путемъ школьныхъ сберегательныхъ кассъ, выдающихъ проценты, можно научить человѣка укрощать свои страсти и пороки". Приводя выдающихся защитниковъ этой педагогической мѣры (Гладстона, Пасси, Лорана и др.), къ каковымъ диссертантъ причислилъ и Катрину Шретеръ (авторитета ея не призналъ г. Шейминъ), г. Бѣлявскій не указалъ выдающихся противниковъ, къ каковымъ г. Шейминъ отнесъ Горація, канонистовъ, L. v. Stein'a и др., причемъ привелъ слѣдующія слова Горація: „Какъ только эта ржавчина и эта забота о выигрышѣ и доходѣ отравятъ душу дѣтей, обучающихся въ школѣ, то можемъ ли мы

надѣяться, что будутъ сочиняемы достойныя стихотворенія"? „Ваша задача, продолжалъ оппонентъ, состояла въ сравненіи образцовыхъ уставовъ этого рода въ школахъ Англіи, Бельгіи, Франціи, Японіи и т. д., но не въ защитѣ или отрицаніи раціональности этой педагогической мѣры".

На это возраженіе оппонента г. Бѣлявскій отвѣтилъ, что онъ указалъ также и противниковъ сберегательныхъ кассъ, какъ педагогической мѣры (Шреера, съѣзды учителей, отзывы учителей швейцарскихъ народныхъ школъ), а равно въ общемъ отмѣтилъ и доводы противъ школьныхъ сберегательныхъ кассъ.

Въ заключеніе своихъ возраженій г. Шейминъ повторилъ заключительныя слова работы г. Бѣлявскаго, сказавъ, что его монографія о сберегательныхъ кассахъ „потребовала доброй воли и много труда" для ознакомленія русскаго общества и населенія съ этимъ имѣющимъ въ Россіи громадную будущность институтомъ.

Изъ публики никто не возражалъ. Факультетъ призналъ диссертанта достойнымъ ученой степени. Публика наградила г. Бѣлявскаго апплодисментами.

Z.

А. П. Концевичъ.

(Некрологъ).

„Наука никого не забываетъ, кто хоть малую лепту внесъ въ ея сокровищницу" (И. Е. Забѣлинъ).

„Андрей Петровичъ Концевичъ умеръ шестаго (іюня), жена тяжко больна, денегъ нѣтъ, хоронить не на что", такъ телеграфировалъ 8 іюня Воронежскій уѣздный исправникъ Александровъ изъ с. Устья въ Варшаву старшему предсѣдателю судебной палаты, сенатору Аристову. Озаботившись безотложнымъ переводомъ приличной на погребеніе почившаго суммы, В. А. Аристовъ въ то же время распорядился поставленіемъ въ извѣстность всѣхъ судебныхъ чиновъ г. Варшавы о назначенной на слѣдующій день, 9 іюня, въ судебной палатѣ панихидѣ по скончавшемся предсѣ-

дателѣ департамента, А. П. Концевичѣ [1]). Не смотря на всю для весьма многихъ неожиданность этой печальной вѣсти, на панихиду собралось столько почитателей А. П., что громаднѣйшій пріемный залъ палаты не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ прибывшихъ и многіе изъ нихъ ютились въ корридорахъ и сосѣднихъ комнатахъ. Въ числѣ собравшихся почтить молитвою память А. П. были не только судебные дѣятели, не исключая присяжной адвокатуры, но и весьма много постороннихъ, вовсе не принадлежащихъ къ судебной семьѣ, разныхъ и по общественному положенію, и по вѣроисповѣданію, лицъ,—и всѣ собравшіеся одинаково, сумрачно и уныло, и съ невольнымъ выраженіемъ не мимолетной грусти, внимали молитвѣ объ „упокоеніи души новопреставльшагося болярина Андрея“!

И не удивительно: почившій, не смотря на всю свою, необычайную, скромность, былъ однако столь замѣтной величиной, что раздумье объ этой ранней кончинѣ въ каждомъ вызоветъ не мимолѣтную грусть. И не въ формулярѣ покойнаго, выбившагося изъ безвѣстной среды на сановитый постъ предсѣдателя департамента, тутъ—сила, а грустно и больно и за нашу жизнь и за человѣка, который по своему богатырскому сложенію, казалось, не въ эти годы долженъ былъ стать „ветхимъ денми“. Не легка знать судебная служба, что и здоровѣйшіе физически дѣятели на ней расходуются сильно, старятся быстро и оставляютъ едва завоеванное поле какъ разъ въ ту пору, когда, казалось, наступила лишь чреда развернуться накопленнымъ знаніямъ, нажитому опыту!...

Покойный А. П. былъ столь незауряднымъ дѣятелемъ на судебной нивѣ, что юридическій органъ не можетъ обойти молчаніемъ этого выдающагося и не въ своей только средѣ чело-

---

[1]) А. П., какъ видно изъ его формулярн. списка, родился въ Полтавск. губ. 30 ноября 1839 г. и, по окончаніи Харьковскаго университета, вступивъ на службу Купянскимъ уѣзднымъ стряпчимъ 22 апрѣля 1865 г., послѣдовательно занималъ должности судебнаго слѣдователя Изюмскаго окружнаго суда (1867—1870 г.), товарища прокурора Сумскаго (1870—1872) и Харьковскаго (1872—1876) окружныхъ судовъ, товарища предсѣдателя Сѣдлецкаго окружнаго суда (1876—1881), члена Варшавской судебной палаты (1881—1883), предсѣдателя Варшавскаго коммерческаго суда (1883—1895), товарища оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, откуда въ 1897 г. назначенъ предсѣдателемъ департамента Варшавской судебной палаты, въ каковой должности и скончался.

вѣка. Недюжинно одаренный, обширнѣйшихъ знаній, удивительнаго трудолюбія, постоянной энергіи и любознательности, А. П. вездѣ во всѣхъ пройденныхъ имъ должностяхъ, былъ нетолько замѣтнымъ, но и прямо таки исключительнымъ дѣятелемъ и про него не даромъ говорили, что онъ никогда не справлялся—трудна или нѣтъ работа, а лишь спрашивалъ: гдѣ-она, всегда съ особенною готовностію и даже оживленіемъ являясь туда, гдѣ требовалась помощь. Въ свое время должность предсѣдателя Варшавскаго коммерческаго суда представляла едва ли не самый трудный судебный постъ и занятіе его А. П. отличалось рѣдкою плодотворностію; слѣдя за развитіемъ торговли и оцѣнивая все ея значеніе въ смыслѣ общегосударственныхъ интересовъ, Андреемъ Петровичемъ на этомъ посту написаны лучшія его печатныя (и не печатныя) работы,—о нихъ впрочемъ—ниже. Но въ особенности симпатичною была дѣятельность почившаго на прокурорской трибунѣ. Въ бытность А. П. товарищемъ прокурора Изюмскаго и Харьковскаго окружныхъ судовъ эти учрежденія были интересовавшей весь край новинкой, привлекавшей въ судебныя засѣданія чуть не все лучшее мѣстное общество. И въ то время, какъ большинство судебныхъ ораторовъ не безъ рисовки передъ публикой произносили подъчасъ красивыя и эффектныя рѣчи, наиболѣе щеголяя внѣшнимъ ихъ блескомъ, А. П. не пошелъ этимъ путемъ: чуждый эффектовъ, онъ всегда стремился удержаться на точкѣ мѣры и правды и его простое, но горячее, живое слово, неподдѣльное чувство, почерпаемое только лишь изъ источниковъ правды и справедливости, производили неотразимое впечатлѣніе. И многими, поражавшими разумомъ и справедливостію, приговорами присяжныхъ засѣдателей, всегда чуткихъ къ этому *живому* слову и *искреннему* чувству, общество обязано было покойному Концевичу.

Помимо чисто судебной дѣятельности, покойный А. П. и для науки сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ былъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи: онъ былъ авторомъ такихъ серьезныхъ и имѣющихъ общегосударственное значеніе работъ, какъ Проектъ торговой регистраціи и Замѣчаній на (первоначальный) проектъ г. Тура нашего конкурснаго устава. Первый трудъ выработанный особой коммисіей, предсѣдателемъ которой состоялъ А. П., нетолько по своему объему (это—цѣлая книга въ 215 стр., изъ которыхъ многія при томъ напечатаны петитомъ!), но и по содержанію, составляетъ прямо таки вкладъ въ нашу науку торговаго права. Отпечатанный въ ограниченномъ

количествѣ экземпляровъ и не пущенный въ продажу, трудъ этотъ не получилъ, къ сожалѣнію, должнаго распространенія, но въ „соображеніяхъ, на коихъ основанъ проектъ“ и протоколахъ засѣданій коммисіи, составленныхъ почившимъ, каждый интересующійся торговымъ правомъ найдетъ превосходную, вполнѣ научную разработку многихъ вопросовъ этого права, завидное обиліе въ высшей степени цѣнныхъ данныхъ и крайне любопытныхъ свѣдѣній; въ особенности тамъ обстоятельно разработаны такія еще не установившіяся даже въ наукѣ понятія, какъ истинность фирмы и прокура. Замѣчанія же почившаго на проектъ конкурснаго устава составляютъ въ сущности одинъ изъ лучшихъ у насъ, въ Россіи, трактатовъ по конкурсному праву. Наконецъ, послѣдній обширный печатный трудъ почившаго, его Записка въ дѣйствующую коммисію для пересмотра законоположеній по судебной части, заключающая въ себѣ 58 стр. in folio, представляетъ столь много оригинальнаго, серьезнаго и интереснаго, что читатель, которому попадалъ и попадется этотъ трудъ, не оторвется отъ него, пока не дойдетъ до конца. Не можемъ воздержаться, чтобы не привести изъ этого труда особенно интереснаго для каждаго судьи мѣста, рисующаго отчасти и самаго А. П., какъ судью.

„Иногда меня упрекаютъ: почему не рѣшилъ дѣла по человѣчески? Думаю: позволительно же мнѣ быть хоть немного юристомъ“.

„Чаще корятъ: рѣшилъ дѣло не какъ юристъ. Слышу голосъ совѣсти: развѣ мнѣ воспрещено быть человѣкомъ“.

„Случается, порицаютъ: рѣшилъ дѣло какъ юристъ. Съ грустью сознаю: и юристъ—человѣкъ, который можетъ ошибаться“.

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды, отпечатанные въ видѣ дѣловыхъ актовъ и записокъ въ ограниченномъ числѣ, не получили вполнѣ достойнаго ихъ распространенія и извѣстны немногимъ лишь изъ нашихъ читающихъ юристовъ. Не говоримъ уже о другихъ печатныхъ работахъ почившаго, изъ которыхъ одна, полная и понынѣ живаго интереса: „Къ вопросу объ опекахъ“, помѣщена въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ (1883 г., кн. 8, стр. 29—76). Всѣ эти работы обличаютъ и обширную эрудицію автора, и поразительный анализъ, и оригинальный взглядъ серьезнаго мыслителя, обладающаго при томъ прекраснымъ языкомъ.

Будучи пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, А. П. и какъ человѣкъ былъ добрѣйшей души съ идеалами, требованіями и

стремленіями, для многихъ въ нашъ практическій вѣкъ казавшимися даже наивными или сантиментальными. Въ служебной своей жизни онъ вызывалъ къ себѣ уваженіе.

Да, грустно и больно, что для А. П. такъ рано „о жизни покончень вопросъ“: многое и многое могъ бы еще сдѣлать этотъ несокрушимой энергіи и обширнѣйшихъ познаній человѣкъ, но... спи, спи мирно и спокойно, не знавшій отдыха въ жизни скромный, но рѣдкій и достойный человѣкъ; спи же, спи, трудомъ рано сломленная сила, а въ отечественной судебной семьѣ тебѣ—вѣчная память!

Дм. Тутkевичъ.

Въ майской книжкѣ журнала, въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“, на стр. 11 (строки 26—27) напечатано: „со смертію этихъ лицъ“ вмѣсто: „съ уходомъ изъ архива этихъ лицъ“.

Дополненіе къ сборнику формъ договоровъ и прошеній. М. 98 г. Ц. 1 р.

Евреиновъ А. Систематическій сводъ узаконеній, распоряженій министерства финансовъ и разъясненій Правительствующаго Сената по казенной продажѣ питей. М. 98 г. Ц. 2 р.

Ивановъ И. Систематическій сборникъ правительственныхъ постановленій и разъясненій, циркуляровъ, правилъ и инструкцій, примѣнимыхъ къ ревизіи отчетности установленій государственнаго контроля. С.П.Б. 98 г. Ц. 1 р.

Калашниковъ С. Сборникъ законовъ. I. О порядкѣ веденія метрическихъ книгъ о бракахъ, рожденіи и смерти раскольниковъ и выдачѣ изъ оныхъ выписей. II. О судопроизводствѣ по брачнымъ дѣламъ раскольниковъ. Я. 98 г. Ц. 70 к.

Кашкаровъ М. Денежное обращеніе въ Россіи. 2 тома. С.-П.Б. 98 г. Цѣна за 2 тома 6 руб.

Кобеляцкій А. Справочная книга для техниковъ по надзору за паровыми котлами, фабрикантовъ и заводчиковъ. Новый законъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ. Законъ и правила о техническомъ надзорѣ за котлами. Изд. 2-е. С.П.Б. 98 г. Ц. 50 к.

Коркуновъ Н. Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 2-е. С.П.Б. 98 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 5-е. С.П.Б. 98 г. Ц. 2 р.

Коршъ Д. Сборникъ законоположеній о сбереженіи и охраненіи лѣсовъ частныхъ и общественныхъ, съ приложеніемъ инструкцій утвержденныхъ министромъ государственныхъ имуществъ и рѣшеній Правительствующаго Сената. Изд. 4-е. С.П.Б. 98 г. Ц. 1 р.

Мартыновъ Ѳ. Уставъ дисциплинарный, разъясненный и дополненный законодательными мотивами, рѣшеніями главнаго военнаго суда и проч. Изд. 2-е исправл. и дополн. по 1 іюня 1898 г. С.П.Б. 99 г. Ц. 50 к.

Николаевъ М. Потрава, самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе онаго. Р. 98 г. Ц. 35 к.

Нюренбергъ А. Законы о состояніяхъ. (Свод. зак., т IX) Оффиціальный текстъ по изданію 1876 г., исправленный по 1 мая 1898 г, съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассац. департ. и общаго собранія Правит. Сената. Изд. 2-е исправл. и дополн. М. 98 г. Ц. 2 р. 50 к.

Общій таможенный тарифъ по Европейской торговлѣ. Дополнено узаконеніями и распоряженіями по 25 іюля 1898 г. С.П.Б. 98 г. Ц. 2 р.

Пареного А. Практическое руководство для волостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 года. М. 98 г. Ц. 1 р. 75 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1898 году.

Журналъ выходитъ въ 1898 году по той же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ, и при тѣхъ же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ прошломъ году. Подробности см. на оборотѣ.

Для гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія.

Для избѣжанія недоразумѣній, редакція имѣетъ честь обратить вниманіе гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія, что въ составъ подписнаго года входятъ лишь тѣ листы рѣшеній, которые изданы сенатскою типографіею съ 1-го января по 31-е декабря. Начальные листы какого либо года, начатые разсылкою въ концѣ года, новыми подписчиками могутъ быть пріобрѣтаемы особо, по разсчету 15 коп. за листъ.

